

А.С. Мельникова

Черки
по истории
русского
денежного
обращения
XVI-XVII
веков

Государственный Исторический Музей

А.С. Мельникова

Очерки по истории
русского денежного
обращения
XVI—XVII веков

Москва
Издательство Стрелец
2005

УДК 336.74(470)(091)
ББК 65.26(2 Рос)
М48

Мельникова А.С.

М48 Очерки по истории русского денежного обращения XVI—
XVII веков. — М.: ООО «Издательство Стрелец», 2005. — 320 с.
ISBN 5-89409-035-0

Книга представляет дальнейшее развитие тематики, изложенной в работе того же автора «Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого», вышедшей в 1989 г. Освещаются три сюжета: проблемы снабжения сырьём русского денежного производства, участие в русском денежном обращении монет, нелегально чеканенных за рубежом и отечественными фальшивомонетчиками, и попытка преобразований русского денежного хозяйства в середине XVII в.

Нумизматические источники (монетные клады, отдельные монеты) в работе использованы как полноценные исторические источники для решения ряда проблем социально-экономической истории России кон. XVI—XVII вв., благодаря чему рассмотрение последних приобретает новый ракурс. Каждый очерк сопровождается публикацией комплекса нумизматических материалов, использованных автором.

Книга рассчитана на широкий круг читателей — профессиональных историков, нумизматов, музейных работников, коллекционеров, а также на всех интересующихся историей нашего отечества.

ISBN 5-89409-035-0

© А.С. Мельникова, 2005
© ООО «Издательство Стрелец», 2005

*Посвящается
Михаилу Юрьевичу Холодаеву —
с благодарностью*

От автора

История русского денежного обращения XVI—XVII в. (так называемого «царского периода»), еще до недавнего времени представляющая собой одну из самых темных страниц отечественной нумизматики, в настоящее время стала наиболее разработанным и изученным ее разделом. Следует сказать, что заслуга здесь принадлежит в первую очередь музейным хранителям, по долгу службы обязанных обеспечить юридическую и научную охрану памятникам нумизматики, хранящимся в музеях и постоянно пополняемым за счет монетных кладов, отдельных находок и приобретений на нумизматическом рынке. Они сумели найти объективные критерии для идентификации русских проволочных монет, не имеющих четких датирующих признаков и индивидуальных отличий и смогли представить денежное обращение как единый последовательный процесс в контексте отечественной истории от царствования Ивана Грозного до начала правления Петра Первого.

Именно так и назвала я свою книгу, вышедшую в 1989 г., в которой были собраны и обобщены достижения нумизматической науки за последние пятьдесят лет (А.С.Мельникова. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М. «Финансы и статистика». 1989). После выхода книги прошло около полутора десятилетий. За эти годы «царские монеты» получили такую же популярность среди нумизматов, как и «удельные» монеты (XIV—н.XVI в.) и монеты «императорского» периода (XVIII—XX в.). Вышли дополнения, значительно расширяющие круг опубликованных монет (Клещинов В.Н., Гришин И.В. Каталог русских средневековых монет с правления царя Ивана IV Васильевича до шведской оккупации Новгорода /1533—1617/. М. УРСС. 1998; Гришин И.В., Клещинов В.Н. Каталог русских средневековых монет времени правления царя Михаила Федоровича /1613—1645/. М., УРСС. 2001; Гришин И.В., Клещинов В.Н. Дополнения к Ката-

логам русских средневековых монет с 1533 по 1645 гг. // Нумизматика. Март 2004. С. 23-30; Ключков К.В. Неизданные русские монеты XVI—XVII вв. // Труды ГИМ. Вып. 98. Новейшие исследования в области нумизматики. НС. Часть XIII. М. 2001. С.84-94; он же. Редкие и неизданные типы монет XVI—XVII вв. // Труды ГИМ. Вып. 115. Нумизматика в Историческом музее. НС. Часть XIV. М. 2001. С.203-229.

Взросший интерес к «царским» монетам обнаружил и свои минусы — проволочные копейки получили рыночную ценность и в поисках редкостей «коллекционеры» стали активно расхищать монетные клады, которые теперь очень редко попадают в музеи. Однако, несмотря на хищническое отношение к нумизматическим памятникам, незащищенным ни законодательством, ни внутренней культурой многих собирателей, научное изучение монет «царского» периода продолжается, стираются понемногу «белые пятна» в истории денежного дела на Руси, по-новому осмысливаются некоторые проблемы и русская монета все более уверенно входит в круг полноценных исторических источников. Постепенно меняется отношение к монете только как к объекту коллекционирования. Доказательством может служить наша книга, в которой читателю предлагаются результаты некоторых исследований последних лет.

Ниже предлагается три сюжета, интерпретация которых, на наш взгляд, позволяет выделить новые ключевые позиции в истории русского денежного обращения XVI—XVII вв.

Первый сюжет, объединяющий статьи «К вопросу о Псковском денежном дворе на рубеже XVI—XVII вв.» и «Спорный вопрос о месте чеканки «западных» копеек с именами Ивана IV и Федора», относится к одной из наиболее болезненных для русского денежного обращения проблем — снабжению сырьем денежного производства. Сырье — серебряные западноевропейские монеты — Россия получала исключительно от западноевропейской торговли через посредничество прибалтийского купечества, поскольку Россия не имела прямого выхода на Балтику. После Ливонской войны (1558—1583) пути поступления серебра были практически перекрыты. Основание Архангельска на Белом море в 1584 г. имело целью открыть собственный порт, свободный от утеснительного посредничества прибалтийского и шведского купечества. Архангельск стал функционировать с начала XVII в. Тявзинский мир 1595 г. несколько облегчил положение русской торговли на северо-западе. В промежутке между 1595 и первыми годами нового столетия серебро стало поступать на Русь более широким пото-

ком и нумизматический материал позволяет утверждать, что основными воротами западноевропейской торговли в этот период стал Псков — факт, как мне кажется, в исторической литературе не отмеченный.

На 1595 г. приходится серьезные преобразования в организации денежного дела, и Псковский денежный двор становится одним из главных полигонов для поисков новых форм государственной централизации управления чеканкой и регулирования доходов от денежной эмиссии.

Три статьи: «Русское денежное обращение и деннинги», «О чеканке «Нефедки в Свее» или денежное обращение в Ижорской земле и Корельском уезде при шведах после 1617г.», «Воровские» деньги в России в XVI—XVII вв.», посвящены одной теме — участию в русском денежном обращении так называемых «непрямых» денег — монет, чеканенных вне государственных денежных дворов (в России соблюдалась строжайшая государственная монополия на чеканку монеты). К ним примыкает и предыдущая статья о «западных» копейках с именами Ивана и Федора. Прослеженная по данным кладов динамика обращения в России «непрямых» денег выявила довольно неожиданную картину. Во-первых, все эти «непрямые» деньги, включая откровенно фальшивые («воровские»), прекрасно уживались в русском денежном обращении наряду с общегосударственной монетой. Во-вторых, все без исключения клады показывают обвальное увеличение числа «непрямых» денег в обращении между началом 40-х — 1650-ми гг. На наш взгляд, здесь сказались непредвиденные для России последствия включения ее экономики в международную хлебную торговлю, одним из проявлений которой были хлебные субсидии русского правительства Дании и Швеции в конце 20-х — середине 30-х гг. XVII в. Как русская экономика не была ориентирована на рынок, так и русское денежное хозяйство не могло обслужить возросший товарооборот и начало страдать от нехватки денежной массы, которую питал в середине XVII в. единственный Московский денежный двор, что и вызвало использование различных суррогатов.

Беды русского денежного хозяйства были обусловлены не только внешними обстоятельствами, но и внутренними причинами — русская проволочная копейка в XVII в. стала вопиющим анахронизмом. Последние четыре статьи посвящены попыткам русского правительства перестроить денежное дело на Руси и приравнять его к западноевропейскому. Статьи касаются отдельных аспектов правительственной политики — от попыток улучшить внешний вид русских монет и ужесточить наказание за чеканку

фальшивых монет («Уложение 1649 года и денежное дело при царе Алексее Михайловиче») до печально знаменитой реформы 1654—1663 г., когда была сделана ставка на замену дорогостоящего серебра более дешевой медью. Ради этой цели пришлось отказаться от предпринятой в 1654 г. перестройки русской денежной системы по образцу западноевропейской («Клад медных монет XVII века из Пскова» и «Некоторые аспекты изучения денежной реформы 1654-1663 гг...»). Здесь высказан новый взгляд на серию мероприятий, обычно объединенных общим названием «денежная реформа Алексея Михайловича», которую объясняют исключительно фискальными интересами казны.

Это лишь малая толика проблем денежного обращения XVI—XVII в., над которыми работают сейчас отечественные нумизматы. Еще больше загадочных вопросов ждут своих исследователей. Но следует заметить, что решать их теперь легче, поскольку делать это можно на фоне достаточно хорошо проработанной общей картины. Теперь нужна разработка деталей и уточнение ряда нюансов, хотя не следует исключать и возможности пересмотра некоторых положений. Остается неразработанной на современном уровне одна грандиозная задача — денежная реформа Петра Первого, и мы надеемся, что настоящая работа послужит стимулом для ее изучения.

Закончить предисловие мне хотелось бы повторением нескольких фраз из «Введения» к книге «Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого»: «Поскольку научное изучение русских монет XVI—XVII в. делает только первые свои шаги, открывается широкая возможность для дальнейшего расширения и уточнения знаний об этих монетах. Новые находки и исследования будут служить критерием правильности предложенной нами методики и в свою очередь способствовать дальнейшему ее совершенствованию».

Очерки, составляющие содержание настоящей работы, представляют собой как новые исследования («Русское денежное обращение и деннинги», «О чеканке «Нефедки в Свее» или денежное обращение в Ижорской земле и Корельском уезде при шведах после 1617 г.», «Клад медных монет XVII века из Пскова», «Некоторые аспекты изучения денежной реформы 1654—1663 гг. (реформы Алексея Михайловича)»), так и переработанные и дополненные статьи, ранее напечатанные в малотиражных специальных изданиях («К вопросу о Псковском денежном дворе на рубеже XVI—XVII в.»; статья под таким же названием была опубликована: Труды ГИМ. Вып. 115. Нумизматика в Историческом музее.

НС. Часть XIV. М. 2001. С. 149-186; «Спорный вопрос о месте чеканки «западных» копеек с именами Ивана IV и Федора» - в: Труды ГИМ. Вып. 125. Нумизматика на рубеже веков. НС. Часть XV. М. 2001. С. 208-231 под тем же названием; «Воровские» деньги в России в XVI—XVII вв.» — в: Труды ГИМ. Вып. 138. НС. Том XVI. М., 2003. С. 218-242). Очерки «Уложение 1649 года и денежное дело при царе Алексее Михайловиче» и «Клад времени Алексея Михайловича с Большой Полянки (опыт определения владельца клада)» с незначительными редакционными поправками перепечатаны из: Нумизматический сборник 1998. Государственный Эрмитаж. К 80-летию В.М.Потина. СПб., 1998. С. 131-146 и Труды ГИМ. Вып. 103. Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. Забелинские чтения 1995—1996 гг. М. 1999. С. 237-249.

А. С. Мельшиков

К вопросу о Псковском денежном дворе на рубеже XVI—XVII вв.

После денежной реформы Елены Глинской 1535—1538 гг. русское денежное хозяйство обслуживали три основных денежных двора — Московский, Псковский и Новгородский, пока в 1627—1628 гг. Новгородский и Псковский дворы не были закрыты. До конца XVII в. работающим оставался единственный «серебряного денежного дела двор» в Москве. Принято считать, что из трех основных русских денежных дворов Псковский был самым маломощным. Мнение это основывается на более чем скромном количестве маточников, использовавшихся на Псковском дворе в сравнении с действующими маточниками других денежных дворов¹.

Следует также отметить еще одну характерную особенность в работе Псковского денежного двора: многократное употребление одного и того же маточника, который разрушался в процессе эксплуатации, несмотря на многочисленные «почищения» и поправки, и все же продолжал использоваться. Эта практика, возможно, была обусловлена своего рода «штатным расписанием» Псковского двора, который традиционно имел всего одного резчика монетных штемпелей, в то время как число их на других дворах обычно было больше.

В последнее время появились работы, где содержится иной взгляд на роль и место Псковского двора в русском денежном хозяйстве рубежа XVI—XVII вв. С.В. Зверев утверждает, что Псков играл ведущую роль в чеканке копеек царствования Федора Ивановича, и предлагает принципиально иную систематизацию псковских выпусков в период с 1584 по 1613 гг. Более того. Этот же автор полагает, что и при Иване IV Псковский денежный двор

¹ Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989. С. 44.

занимал ведущее положение и расцвет его на рубеже XVI—XVII вв. был закономерным продолжением тенденции, обозначившейся по крайней мере в 50-х гг. XVI в.² К. В. Ключков в публикации, посвященной неизданным русским монетам XVI—XVII вв., также высказывает ряд соображений о пересмотре существующей систематизации псковских копеек времени Федора Ивановича и Бориса Годунова³. Эти работы содержат веские аргументы в пользу большего, чем это принято считать, значения Псковского двора и для русского денежного дела, и для всей русской экономики в целом.

Вопрос о месте и масштабе деятельности Псковского денежного двора, безусловно, выходит за рамки чисто нумизматического исследования. Он напрямую связан с изучением роли Пскова в русской внешней торговле на рубеже XVI—XVII вв. Важнейшими вехами здесь должны служить две даты: 1583 г., когда исход Ливонской войны (1558—1583) лишил Россию земельных владений на Балтийском побережье и отрезал ей выход на Балтику, и год 1595, когда заключение Тявзинского мира положительно сказалось на экономической и внешнеторговой конъюнктуре в России и повлекло ряд серьезных изменений в денежном деле⁴. К сожалению, приходится констатировать, что до сих пор отсутствуют детальные исследования о торгово-экономической деятельности Пскова в указанный период, о чем сетовал еще И. П. Шаскольский, занимавшийся русско-балтийскими экономическими связями⁵. Поэтому возрастает роль нумизматических источников, привлечение которых сможет в какой-то степени компенсировать недостаток сведений о внутренней жизни этого крупнейшего торгового города.

Особый интерес вызывают монеты времени царствования Федора Ивановича, при котором были определены главные направления и принципы организации монетной чеканки для всего русского денежного дела. Судьба Псковского денежного двора на рубеже XVI—XVII вв. должна рассматриваться, разумеется, в общем контексте.

² Зверев С. В. Псковский денежный двор. Конец XVI — начало XVII веков. // ИС МНО. 3. М., 1994. С. 54—68. Он же. Новгородский и Псковский денежные дворы при Иване Грозном // Тезисы IX ВНК. Великий Новгород. 16—21 апреля 2001 г. СПб. С. 137—139.

³ Ключков К. В. Неизданные русские монеты XVI—XVII вв. // Труды ГИМ. Вып. 98. Новейшие исследования в области нумизматики. ИС. Ч. XIII. М., 1998. (далее — Ключков, 1998). С. 84—94; он же. Редкие и неизданные типы русских монет XVI—XVII вв. // Труды ГИМ. Вып. 115. Нумизматика в Историческом музее. ИС. Ч. XIV. М. 2001 (далее Ключков, 2001). С. 203—229.

⁴ Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М., Л., 1964; Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М., Л., 1951; Мельникова А. С. Русские монеты... С. 47—57.

⁵ Шаскольский И. П. Столбовский мир... С. 23.

Конец правления Ивана Грозного (1533—1584), совпавший с неудачным исходом Ливонской войны и хозяйственным разорением, тяжело сказался на русском денежном хозяйстве. Напрямую зависевшее от привозного сырья, оно наглядно продемонстрировало, что означал для русской экономики прямой выход на Балтику. Ливония, за обладание которой велась война, оказалась под властью Польши и Швеции. К Швеции отошли Северная Эстония с городами Таллином, Нарвой, Раквере, Пайде, Хаапсалу и русские земли с городами Ям, Копорье, Ивангород, Корела, Выборг. Польша получила Южную Эстонию с Тарту, Вильянде, Пярну и русские Полоцк и Велиж. С 1581 г. под власть Польши попала Рига. Риге удалось отстоять свою автономию в вопросах внутреннего устройства и получить ряд привилегий от польского короля Стефана Батория (1533—1586), которые затем были подтверждены его преемником Сигизмундом III (1587—1632). Торговое значение города было сильно подорвано во время Ливонской войны опустошениями, которые эта война произвела в бывших ливонских владениях, служивших для рижских купцов основными поставщиками товаров для торговли с Западом — льна и пеньки, а также прочих сельскохозяйственных продуктов. Часть льна и пеньки поступали из русских земель через Псков, но и Псковская земля в 1580-х гг. также переживала тяжелый экономический кризис. Приблизительно в 5—6 раз сократилось сельское население, запустели селыца и села, исчезали с лица земли целые деревни. Возросло число крестьян, закладывавшихся в холопы⁶. К тому же в Псковской земле к 1580-м гг. одной из главных форм землевладения стало поместное. Это наложило свой отпечаток на крестьянскую торговлю льном и хлебом: письменные источники свидетельствуют, что дворцовые крестьяне были больше втянуты в торговые отношения, чем помещицы⁷. В самом Пскове, очень пострадавшем от осады 1581—1582 гг., закрывались торговые помещения, на псковском торге перестали существовать целые ряды. Немецкий торговый двор был закрыт после начала военных действий. Особенно пострадала торговля льном⁸.

Как отмечает исследователь рижской торговли в XVII в В.В. Дорошенко, северо-западная Россия имела для внешней торговли Риги хотя и не решающее, но все же большое значение. Более всего с Ригой был связан Псков. Впрочем, ее активным конкурентом выступал Дерпт (Тарту)⁹. Однако, как показывают источни-

⁶ Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Л., 1978. С. 106 и след.

⁷ Там же. С. 97, 109.

⁸ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 1 М., 1952. С. 147.

⁹ Дорошенко В.В. Торговля и купечество Риги в XVII веке. Рига, 1985. С. 93 и след.

ки, все эти данные относятся к самому рубежу XVI—XVII вв. и не распространяются на глухие 1580-е гг., отмеченные общими для всего северо-запада России и ливонских территорий признаками сильнейшего хозяйственного упадка.

Если завоевание Нарвы и владению ею с 1558 по 1581 г. сказалось заметным увеличением размаха деятельности Новгородского и Псковского денежных дворов, то лишение «нарвского плавания» и балтийского побережья означало резкое сокращение притока сырья (серебра) на русские денежные дворы. Свободными для внешней торговли в этот период оставались только Мурманский берег с городом Колой и узкая полоска земли в устье Невы на побережье Финского залива, заключенная между реками Сестрой и Стрелней¹⁰. Это повлекло за собой уменьшение денежной массы, поскольку Московский, Псковский и Новгородский дворы выпускали значительно меньше продукции. Данный факт никак не отразился в письменных источниках, но монетные клады могут служить веским свидетельством плачевного состояния денежного дела в стране. Четырнадцатилетнее правление Федора Ивановича (1584—1598) оставило всего 22 монетных клада (для сравнения укажем, что от его преемника, царя Бориса Годунова (1598—1605), который царствовал около восьми лет, до нас дошли 107 кладов¹¹).

Анализ кладов, сложившихся при Иване Грозном, свидетельствует, что Новгородский и Псковский денежные дворы примерно с 60-х гг. XVI в. занимали в денежном обращении примерно равные позиции, обусловленные возможностями «нарвского плавания» (см. таблицу № 1). Высказанное С.В.Зверевым (Зверев, 2001) мнение о преобладании псковской продукции над новгородской уже при Иване Грозном основано на некорректном использовании данных кладов. Для обоснования своей точки зрения он привлек не клады Грозного, объективно отражающие современные им состояние и состав денежной массы, а более поздние монетные комплексы (от Бориса Годунова до Владислава Жигмонтовича (1610—1612)). На денежное хозяйство рубежа XVI—XVII вв. влияли многие факторы (начало и разгар Смуты, разделение страны на враждующие военные группировки, нарушение внутренней и внешней торговли, наконец, разрушение единого денежного обращения в стране), что не могло не сказаться на количестве и топографическом распределении кладов, которые приобрели отчетливые местные особенности. С.В.Зверев брал суммарные данные количества типов, не учи-

¹⁰ Шаскольский И.П. Была ли Россия после Ливонской войны отрезана от Балтийского моря // Изв. Т. 35. 1950. С. 294—303.

¹¹ Мельникова А.С. Русские монетные клады рубежа XVI—XVII вв. Киев. 2003.

тывая ни место, ни обстоятельство образования каждого клада, без ссылки на топографию привлеченных им кладов. Даже во время Ивана Грозного, когда денежное обращение было единым, клады каждого региона сохраняли свои специфические черты. На таблице № 1 хорошо видно, что в кладах, сложившихся в псковском ареале, преобладают монеты Псковского, в новгородском ареале — монеты Новгородского денежных дворов. Преобладание псковского чекана над новгородским в кладах рубежа XVI—XVII вв. объясняется простым арифметическим подсчетом кладов, сложившихся в разных ареалах. По данным последней публикации кладов рубежа XVI—XVII вв.¹² выясняется, что от времени Бориса Годунова сохранился состав 15 кладов московского ареала, 1 — новгородского, 7 — псковского и 2, найденных на окраинных территориях государства; от времени Дмитрия Ивановича (1605—1606) — 7 кладов московского ареала и 2 — из окраинных территорий; от времени Василия Шуйского (1606—1610) — 24 клада московского ареала, 5 — новгородского, 11 — псковского и 3 — с окраин. В общей сложности московский ареал представлен 46 кладами, новгородский — 6 и псковский — 18. Ясно, что при таком раскладе монеты Новгородского двора будут при суммарном подсчете в меньшем количестве, чем псковский чекан, тем более, если учитывать обстановку гражданской войны и иностранной интервенции в стране, которые отразились и на состоянии кладов московского ареала. Поскольку количество известных и обработанных кладов рубежа XVI—XVII вв. довольно ограничено и хорошо известно, вряд ли С. В. Зверев мог пользоваться другими источниками информации, чем приведенные выше данные.

Таблица 1

Процентный состав кладов времени Ивана Грозного по денежным дворам (по данным работы А. С. Мельниковой «Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича (1533—1598)» // Нумизматика и эпиграфика. XIII. М., 1980).

№ п/п	Место находки клада	Дата захоронения	Денежные дворы			
			Москва	Тверь	Псков	Новгород
1	Арзамас Нижегородской обл.	1535	4	—	—	—
2	с. Павловское Тульской обл.	1535	9,6	—	—	—
3	с. Карташиха Татарстан	1535	8	—	—	—
4	д. Симоново Псковской обл.	1535	7,5	—	88,6	3,7

¹² Мельникова А. С. Русские монетные клады рубежа XVI—XVII вв. Киев. 2003.

К вопросу о Псковском денежном дворе на рубеже XVI—XVII вв.

5	г. Устюжна Вологодской обл.	1538	76	9,02	4	4
6	с. Никулино Городище Московской обл.	1538	62,5	24	5	7,3
7	Пос. Лакинский Владимирской обл.	1547	75,75	18,45	1,85	3,7
8	Москва (окрестности)	1547	64,2	18	8,5	8,1
9	с. Дынино Тверской обл.	1550-е	68,2	12	4,9	13,9
10	Пос. Красная Поляна Московской обл.	1550-е	58	28,7	6,4	4,8
11	г. Москва	1550-е	23	—	30	45,8
12	с. Трестна	1550-е	40,77	18	10,95	29,62
13	г. Псков	1550-е	31,3	10,4	32,22	23,82
14	г. Новгород	1555-е	25	0,04	14,1	59,3
15	Пос. Малаховка Московской обл.	1555-е	58	—	21,9	19,44
16	Пос. Быково Московской обл.	1560-е	51,56	16,2	11,2	18,93
17	с. Николаевка Московской обл.	1560-е	13,26	—	33,32	51,55
18	Новоторжский р-н Тверской обл.	1570-е	64,98	16,13	4,85	13,21
19	с. Винница Ленинградской обл.	1570-е	2	12,5	41,5	43,2
20	г. Великие Луки Псковской обл.	1570-е	45,7	—	12,4	29
21	г. Москва	1570-е	62,85	4,54	9,4	18,95
22	г. Красногородск Псковской обл.	1570-е	3,5	—	72,3	23,8
23	г. Москва, Коломенское	1570-е	57,43	2,64	19,38	25,94
24	г. Чудово Новгородской обл.	1570-е	21,49	3,71	32,34	39,8
25	с. Морозовка Пензенской обл.	1570-е	40,47	3,9	24,56	29,16
26	г. Тверь	1580-е	55,53	11,02	14,63	18,24
27	г. Тверь	1580-е	55,27	12,54	14,52	17,27
28	г. Псков или область	1580-е	23,25	1,38	53,34	21,45
29	Место находки неизвестно	1580-е	6,73	—	58,36	32,97
30	Тверская обл.	1580-е	60,26	24,65	4,11	5,93
31	с. Крюково Псковской обл.	1580-е	38,04	7,75	42,18	10,72
32	г. Псков	1580-е	73,94	13,53	7,8	2,68
33	г. Москва	1580-е	40,83	5,63	24,87	23,84
34	Новгородская обл. берег оз. Ильмень	1580-е	50,19	2,45	27,01	27,97
35	с. Тостцы Новгородской обл.	1580-е	2,93	—	52,92	41,12

Важнейшие события в политической и экономической жизни России рубежа XVI—XVII вв. связаны с заключением Тявзинского мира в 1595 г. Россия вновь получила выход к Прибалтике, так как ей были возвращены города Ям, Копорье, Корела, Ивангород. Выборг и Ревель стали пропускать иноземных купцов с товарами в русские пограничные земли. Однако только этими городами и было ограничено право торговли для западноевропейских купцов. Посещение Нарвы разрешалось лишь шведским и русским торговцам. Торговля в Ивангороде была возможна для

русских торговых людей исключительно со шведскими подданными.

После захвата Нарвы в 1581 г. шведское правительство пыталось сделать этот порт средоточием русской торговли на Балтике, оттеснив на второй план Ревель (Таллин). Из-за немногочисленности и слабости шведского купечества эта идея не увенчалась успехом, и право стапеля для русской торговли в 1584 г. было возвращено Ревелю. Однако его торговое значение к концу XVI в. несколько ослабело. Шведский контроль сковывал возможности местного купечества. На этом фоне возрастало торговое значение Риги, находившейся в более благоприятных условиях.

Торговая активность Риги после 1595 г. заметно усилилась. Данные Зундского пошлинного регистра показывают резкое увеличение экспорта пеньки и льна — основных «русских» товаров в 1598 г.¹³ Отметивший этот факт В.В.Дорошенко заметил, что суда и товары не обязательно шли через Зунд. Немало рижских товаров направлялись через другие балтийские гавани, следовательно, абсолютные цифры объема рижской торговли были выше. Однако данные Зундского пошлинного регистра объективно отразили многолетнюю динамику рижского экспорта¹⁴.

Торговля через Прибалтику, центром которой была Рига, стала самостоятельным направлением русской внешней торговли. Другим направлением была торговля со Швецией. Центрами ее были города Ревель, Выборг и Нарва, значительно уступавшие Риге по значению для русского денежного дела. Торговля со Швецией, носившая для русского купечества активный характер (русские купцы сами ездили за море в Стокгольм и другие города), доставляла в Россию главные «шведские» товары — железо и медь. В шведской торговле значительную роль играло новгородское купечество. Прибалтийская торговля, имевшая посреднический характер (русские торговые люди не могли сами ездить за пределы России и вступать в прямые контакты с западноевропейскими купцами; посредниками выступали купцы прибалтийских городов, естественно, получавшие при этом значительную долю торговой прибыли), приносила в страну серебро, преимущественно в виде западноевропейской монеты¹⁵. Экономическое развитие центров русской внешней торговли на северо-западе России — Новгорода Великого и Пскова — в XVII в. в значительной степени определялось этими факторами. Активизация рижской торговли

¹³ *Дорошенко В.В.* Указ. соч. С. 55. Табл. 1.

¹⁴ Там же. С. 56—58.

¹⁵ *Шаскольский И.П.* Русская морская торговля на Балтике в XVII веке. СПб., 1994. С. 8—9, 27.

и усиление роли Риги на Балтике повлекли за собой важные последствия для Пскова. Он стал главным русским городом, который вел торговлю с Ригой.

На рубеже XVI—XVII вв. определился посреднический характер псковской торговли. Рижские купцы давали денежные ссуды «руссам» — торговым людям, которые скупали на русской территории и доставляли товары к открытию навигации. Русские поставщики товаров для прибалтийских городов и Риги находились в постоянной задолженности у своих кредиторов — прибалтийских купцов. Деньги в виде монеты и слитков привозили в Ригу западноевропейские купцы. Основным поставщиком серебра была Голландия, которая получала драгоценный металл из Испании и Португалии, в конечном же счете — из Центральной и Южной Америки. Преобладающая часть товарного экспорта Риги покрывалась с западной стороны не товарами, а наличными деньгами¹⁶.

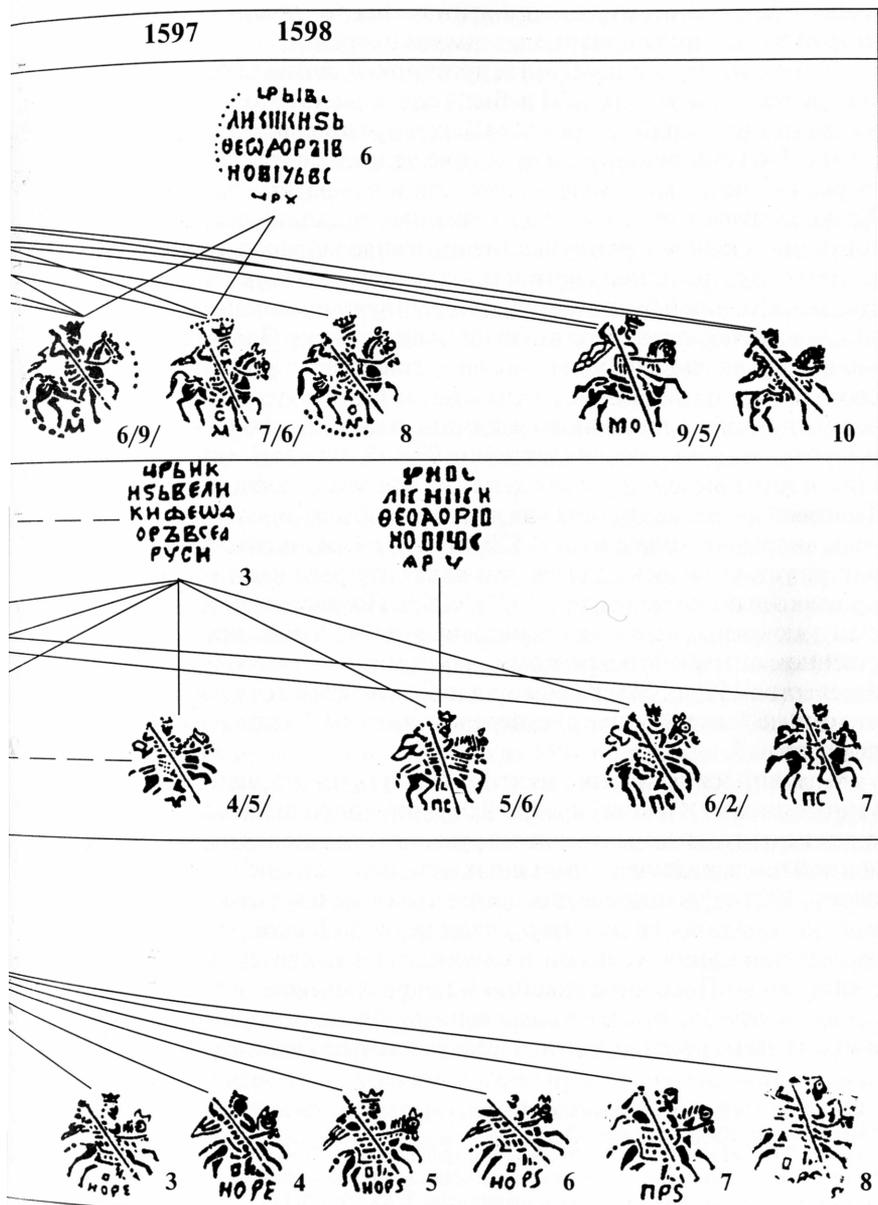
Восстановление торговых отношений с Западом после 1595 г., несмотря на существование «прибалтийского барьера» — портовых городов, сохранивших очень выгодную для себя роль посредников в торговле между Россией и западноевропейским купечеством, — оказало благотворное влияние на русскую экономику в целом и, в частности, на денежное хозяйство. Возрождение русского денежного хозяйства, отчетливо просматривающееся по нумизматическим данным, нашло выражение в увеличении объема чеканки и изготовлении серии новых маточников на всех денежных дворах. Еще более существенным следствием были перемены в организации денежного дела. Был создан специальный административный орган, управлявший всем денежным производством. Им стал Денежный приказ, функции которого исполнял Московский денежный двор. После 1595 г. он занял главенствующее положение по отношению к Псковскому и Новгородскому дворам. Сюда перевели резчиков, опытных в изготовлении копеечных маточников, так как на Московском дворе началась чеканка копеек (ранее здесь чеканили только денги). Одним из внешних проявлений новых порядков становится введение знаков денежных дворов, которыми после 1595 г. они начали метить свою продукцию. Знаками Московского двора были буквы М/о, М/с, МО, Псковского — ПС, Новгородского — В/НО (Великий Новгород), дополненные датой. Имеется много прямых и косвенных доказательств того, что Денежный приказ начал энергично и целенаправленно проводить политику по упорядочению и центра-

¹⁶ *Дорошенко В. В.* Указ. соч. С. 74, 169—183, 292, 293.

Таблица 2

	1584	1595	1596	
МОСКВА	 1 2 3	 4 5		
ПСКОВ	 1	 2		
НОВГОРОД	 1		 2	
	 1 2 3	 4 5/7		
	 1 2/3 3/4			
	 1		 2	

Схема соотношения штемпелей монет Федора Ивановича

лизации всего русского денежного хозяйства, которая вписывалась в общую систему мероприятий по централизации государственного аппарата и законодательства в стране¹⁷.

Существует ряд письменных источников, позволяющих предположить, что в 90-х гг. XVI в. были сделаны некоторые шаги по упорядочению снабжения денежных дворов сырьем для чеканки монет. По установившейся практике денежные дворы получали сырье как через казенные заказы, так и от частных заказчиков. Казна получала серебро от таможенных пошлин, взимаемых с иноземных купцов преимущественно в виде западноевропейской монеты, и от внешней торговли, одним из ведущих импортных товаров в которой были, как свидетельствуют письменные источники, «серебро плавеное в слитках и в ефимках». Частные заказчики, в подавляющем большинстве — иноземные купцы, сдавали свое серебро на денежные дворы и после вычета «угарных денег», золотничной и плавильной пошлины, платы мастерам «за дело» получали на руки русские копейки. Такой порядок, определяющий нормы выхода русских денег из ефимков, зафиксирован в Торговой книге, созданной как руководство для торговых людей в годы «нарвского плавания» (1570-е гг.). В нумизматической литературе установилось мнение, что отказ от права частного заказа произошел после закрытия в 1627/1628 гг. Новгородского и Псковского денежных дворов и сосредоточения всей чеканки на единственном в стране Московском денежном дворе¹⁸. Но имеется свидетельство 1598 г., содержащее жалобы иноземных купцов на то, что они не могут, как прежде, перечеканивать в Пскове свои талеры и реалы¹⁹.

Сохранился также документ 1594 г. о порядке приема серебра у иноземцев в г. Пскове, который обычно приводится как иллюстрация политики меркантилизма русского правительства, направленной на удержание драгоценных металлов в стране²⁰: «В том же наказе 102 году написано, которые литовские и немецкие люди и всяких земель гости деньги русские везут во Псков, и золото, и серебро плавеное в слитках и в ефимках и в какове деле ни буди, а явят его во Пскове таможенным целовальником, и те денги и золото и серебро писать в таможенные книги, а записав велено иноземцем на русские денги покупать товар во Пскове, а золото б

¹⁷ Мельникова А.С. Русские монеты... С. 47—57.

¹⁸ Мельникова А.С. Русские монеты... С. 175.

¹⁹ *Atman A. Den ryska marknaden i 1500-talets baltika politik 1558—1595. Lund. 1944. S. 110.*

²⁰ *Чистякова Е.В. Социально-экономические взгляды А.Л. Ордина-Нашокина (XVII век) // Труды Воронежского государственного университета. Т. XX. 1950. С. 13.*

и серебро всякое меняли на псковские товары или б продавали псковичам на денги, а и на те б денги товар же во Пскове покупали. А денег бы русских и золота и серебра явленного однолично из Пскова не возили. А которые гости торговые люди денги и золото и серебро повезут из Пскова за рубеж, а товару не купят, и тех гостей велено обыскивать. Да у кого денги или серебро вымут, и у тех гостей у торговых людей денги и серебро и золото и животы их имати на государя»²¹.

Сопоставив наказ 1594 г. со свидетельством 1598 г. об отказе иноземным купцам перчеканивать собственное серебро в русские деньги на Псковском денежном дворе «как прежде», можно сделать вывод о ликвидации права честного заказа на Псковском денежном дворе уже в 1594 г. Теперь иноземные купцы по прибытии в город «являли» свое серебро на таможе, а потом или получали на руки необходимое им количество русских копеек в соответствии с указанной ценой на ефимки, установленной Торговой книгой, или же меняли на товары, также руководствуясь ценой ефимков.

Появление наказа 1594 г. было, по всей видимости, вызвано несколькими обстоятельствами. Прежде всего, было заключено двухлетнее перемирие со Швецией, облегчившее торговые и дипломатические сношения обоих государств. По истечении этого срока, в конце 1594 г., начались переговоры в с. Тязино, которые завершились заключением «вечного» мира 18 августа 1595 г. Наказ 1594 г. появился во время двухлетнего перемирия, и не следует исключать связь его появления с процессом разработки условий Тязинского «вечного мира». Сам по себе наказ 1594 г. создавал максимально благоприятные условия для создания запасов серебра в казне, в чем так нуждались денежные дворы с начала 80-х гг. XVI в., когда русская внешняя торговля испытывала очень серьезные затруднения.

Наказ 1594 г. следует также рассматривать в общей связи с началом действия Архангельского порта, основанного в 1584 г., куда стали прибывать корабли с западноевропейскими товарами и серебром. Необходимость упорядочить здесь прием и доставку в казну сырья для денежного производства, надо полагать, должна была распространиться и на другой центр поступления серебра в страну, которым на этот момент стал Псков. Государственный контроль над всей массой поступающего в страну серебра, разумеется, должен был приносить немалые финансовые выгоды казне и обеспечивать бесперебойную и ритмичную работу денежных дворов.

²¹ Цит. по: Чистякова Е.В. Указ. соч. С. 13.

Об эффективности казенных заказов на чеканку убедительно свидетельствует сравнение деятельности Московского и Новгородского денежных дворов. Вся продукция Новгородского двора за сентябрь 1620 — август 1621 г., преимущественно получавшего заказы на чеканку от частных лиц, всего лишь в четыре раза с небольшим превышала продукцию одного только дня (22 декабря 1620 г.) Московского денежного двора, снабжавшегося казной²².

Изучение псковской чеканки второй половины 90-х гг. XVI в. и сравнение ее с монетами того же времени, чеканенными на Новгородском денежном дворе, где, по всей видимости, сохранилась прежняя система снабжения сырьем, также убедительно свидетельствует о расцвете денежного производства в Пскове после наказа 1594 г.

Находки новых кладов позволили внести некоторые коррективы в существующую систематизацию монет Фёдора Ивановича. Она представлена на таблице №2 соотношения штемпелей. В Приложении 1 даётся перечень кладов конца XVI — первой четверти XVII вв., найденных в Псковской и Новгородской областях и Прибалтике. В Приложении 2 представлен состав кладов времени Фёдора Ивановича, оказавшихся доступными для изучения и разобранных по штемпелям (сюда же включены два клада 1599 г., начала правления Бориса Годунова). В приложении 3 приводится общий список известных на сегодня кладов времени Фёдора Ивановича.

Таблица соотношений штемпелей №2, на основании которой строится систематизация монет Федора Ивановича, предложенная в настоящей работе, несколько отличается от таблицы 2 в нашей работе «Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого». Исправления внесены в систематизацию монет Московского и Псковского денежных дворов, чеканенных после 1595 г. Коррекция строится на основании новых кладовых находок с учетом некоторых выявленных закономерностей в организации чеканки на всех денежных дворах в 1596—1598 гг., которые просматриваются и в последующие годы. В ссылках на таблицу соотношения штемпелей, приведенных в настоящей статье, мы указываем новую нумерацию, а в скобках — общепринятую, использованную в нашей работе 1989 г. В тех случаях, когда нумерация сохранилась прежней, оставлены старые обозначения.

Как свидетельствуют данные монетных кладов и систематизации монет, объемы чеканки на всех денежных дворах до 1595 г. были весь-

²² Янин В.Л. Новые материалы о Новгородском денежном дворе при Михаиле Федоровиче // ВИД. XIV. Л., 1983. С. 99—100.

ма незначительны, также как и количество задействованных орудий чеканки — маточников, с которых оттискивали чеканы (штемпели), использовавшиеся непосредственно для чеканки. В наиболее благоприятном положении между 1584 и 1595 гг., судя по нумизматическим данным, находился Новгородский денежный двор, расположенный ближе других к источникам поступления серебра — Мурманскому берегу и небольшому участку территории близ устья Невы между реками Сестра и Стрелна. Хотя здесь использовалась всего одна пара маточников с буквами НЕ на лицевой стороне и традиционным для предыдущего царствования написанием имени царя без отчества — на оборотной (М., т. 2, Новгород 1—1), новгородские копейки НЕ, чеканенные между 1584—1595 гг., оказались многочисленнее выпусков других денежных дворов того же времени. Но в целом число их в монетныхкладах и коллекциях не слишком велико.

В Москве в этот период продолжили традицию чекана времени Грозного — здесь выпускались только денги, для чего были изготовлены три пары маточников, из которых основной была одна (с буквами НС на лицевой стороне), а две других — с буквами ПЕ и без букв — играли явно вспомогательную роль (М., т. 2, Москва, 1—1, 2—2, 3—3). Число московских выпусков денег Федора не идет ни в какое сравнение с выпусками времени Ивана Грозного, однако вкладах и коллекциях они встречаются довольно часто. Очевидно, в Москву поступало какое-то количество серебра, скорее всего, в виде казенных заказов на чеканку.

Псковский денежный двор в этот период (1584—1595), видимо, находился в самом тяжелом положении. Здесь использовалась одна пара копеечных маточников, причем лицевой (с буквами Ф-р), переделанный из лицевой маточника конца правления Ивана Грозного (с буквами ИВ-р), был практически без изменений перенесен в новое царствование. Заново был изготовлен только оборотный маточник, где имя царя также писалось без отчества (М., т. 2, Псков, 1—1). Копейки Федора с буквами Ф-р принадлежат к числу чрезвычайно редких. Копейки типа 1—1 встречены лишь в одном кладе времени Фёдора Ивановича (приложение 3, №9, Эстония, 1598 г.). Остальные известные нам экземпляры происходят или из коллекций, или из поздних кладов (клады из д. Козинки Брянской обл. (1603 г.), из г. Александрова Владимирской обл. (1607 г.) и из Москвы, 2-й Новокузнецкий пер. (1607 г.)²³, а также из клада времени Шуйского и из коллекции (изданы К.В.Клочковым)²⁴.

²³ Мельникова А.С. Русские монетные клады... С. 62, 146, 160.

²⁴ Клочков В.К. (1998). С. 84, 89. Т. X, №3, За: он же (2001). С. 207. №9.

Как можно убедиться, чекан Федора 1584—1595 гг. сохранял все черты предшествующего периода: на лицевых маточниках помещались под конем разнообразные буквы, которые, по всей видимости, следует считать инициалами работников денежного двора, а оборотные стороны монет несли имя царя без отчества.

Новгородские и московские монеты 1584—1595 гг. встречены в трех кладках и датированы в основном по этим находкам. Это — клад из г. Жуковский Московской обл., где имеется одна денга, чеканенная до 1595 г. (ГИМ 83874), находка из с. Золотилово Московской обл., в которой встречены 6 таких монет (ГИМ 88693), клад из с. Подлипки Псковской обл., датируемый тремя копейками, чеканенными в Новгороде до 1595 г. (ПСКМ 4010); см. приложение 2, № 1, 2, 3. Псковская копейка Ф-р, впервые обнаруженная в более позднем кладе 1598 г. (Приложение 2, № 9), отнесена к раннему этапу чеканки потому, что тип оформления ее вписывается в общую картину, характерную для заведомо ранних новгородских и московских монет.

После 1595 г. картина меняется. Увеличивается число кладов, где копейки Федора появляются в значительных количествах. Так как начиная с 1596 г. Новгородский денежный двор начинает датировать свои копейки, время перемен устанавливается довольно точно. На Новгородском денежном дворе готовится новая пара маточников со знаком денежного двора и датой: под конем помещаются буквы В/НО.РД, что следует читать как «Великий Новгород. 104» (/7/104=1596 год). Обратный маточник режется также с соблюдением новых требований — имя царя здесь сопровождается отчеством (М., т. 2, Новгород, 2—2). Новгородский двор в 1596 г. первым приступил к выполнению намеченных преобразований. По всей видимости, сказывались его более значительные возможности по сравнению с другими денежными дворами в тяжелые 80-е и в начале 90-х гг. XVI в. С помощью новых маточников чеканится основная масса копеек; в качестве дополнительных орудий чеканки используются чеканы, снятые со старого маточника 1584 г. (с буквами НЕ), сам же лицевой маточник отправляется в Москву. В дальнейшем на Новгородском дворе устанавливается определенный ритм в использовании маточников: каждый год готовится новый лицевой, датированный маточник, который выполняет основную нагрузку. В помощь ему готовятся дополнительные лицевые маточники, и в производстве на протяжении одного года оказываются задействованными по два лицевых маточника. Обратный маточник, изготовленный в соответствии с новыми требованиями — имя царя дополнено отчеством, — оста-

ется единственным на протяжении 1596—1598 гг. (М., т. 2, Новгород, 3—2, 4—2, 5—2, 6—2). Совершенно меняется стилистика оформления монет, ничем не напоминающая ни новгородские копейки Грозного, ни первый лицевой маточник Федора.

Москва, ставшая центром денежного производства, переходит на чеканку копеек, и для этих целей из Новгорода, как уже говорилось, передается лицевой копеечный маточник с буквами НЕ. Для оборотной стороны готовится новый маточник, пока без отчества (М., т. 2, Москва, 4—4), но, по всей видимости, сразу начинается срочная работа по изготовлению маточников со знаком денежного двора на лицевых сторонах и с отчеством царя — на оборотных. Поскольку стилистика оформления копеек на Новгородском и Псковском денежных дворах заметно меняется после 1595 г., можно предположить, что опытные мастера-резчики оттуда переводятся в Москву. Изображения на лицевых сторонах московских копеек 1595—1598 гг. обнаруживают черты сходства с новгородскими и псковскими копейками Грозного, а завидная прочность маточников, которые находились в употреблении до 1606 г., а некоторые — до 1612 г., дают веские основания для вывода об участии в их изготовлении профессионалов высокого уровня.

По аналоги с Новгородским денежным двором можно предположить, что в Москве также каждый год в работе участвовали по два лицевых маточника (М., т. 2, 5/7/, 6/9/, 7/6/, 8). Для оборотной стороны, видимо, в 1596 или 1597 г. готовится маточник, где имя царя сопровождается отчеством (М., т. 2, 5), а уже в самом конце правления, около 1598 г., — еще один подобный маточник, который очень мало использовался (М., т. 2, 6). Московские копейки чеканились как при помощи оборотного маточника № 4 (без отчества), так и посредством маточников № 5 и 6 (с отчеством). По всей видимости, в самом конце правления Федора были вырезаны лицевые маточники 9/5/ и 10 (буквами МО под конём и без букв). Практически они в чекане Фёдора не были задействованы, так как встречаются очень редко вкладах более позднего времени или в коллекциях. Следует заметить, что все московские лицевые маточники времени Фёдора полностью перешли в чекан Бориса (исключая маточник НЕ). Учитывая тот поворотный этап в истории русского денежного обращения, который наступил после 1595 г. и ознаменовался образованием Денежного приказа, учитывая ту роль, которую после 1595 г. стал играть Московский денежный двор (он же Денежный приказ), представляется вполне закономерным изготовление здесь в течение короткого времени престижных маточников со знаком Московского двора. Самым

престижным, конечно, был маточник, где по сторонам изображения размещались буквы ГД-РЬ (государь), указывающие на то, что изображалась царская персона.

К числу редкостей следует добавить тип 6/9/-3, изданный Клочковым (происходит из клада 1602 г., найденного в Калужской обл.)²⁵. Сочетание лицевого копеечного (6/9) и оборотного (3) денежного штемпелей, по всей видимости, нужно объяснять нехваткой инструментария, который мог ощущаться до изготовления оборотного штемпеля № 5.

Если схема чеканки после 1595/6 г. на Новгородском и Московском денежном дворе реконструируется относительно отчетливо, то работа Псковского двора после 1595/6 г. во многом представляется неясной. Несомненно одно — и здесь 1595/6 год стал рубежом, после которого тоже наступили кардинальные перемены (появление знака денежного двора — ПС, постепенный переход к употреблению отчества царя в легенде, резкое возрастание масштабов чеканки). Однако по-прежнему денежный двор испытывал недостаток профессиональных резчиков маточников, о чем уже говорилось выше. Так же, как и при Иване Грозном, при Федоре здесь работал единственный резчик. Маточники его работы постоянно подправлялись. Но при Грозном это не мешало Псковскому двору работать вполне продуктивно, и, как известно, по объему продукции не уступать Новгородскому двору, где лицевые маточники резались почти ежегодно. Резкое возрастание продуктивности Псковского двора после 1595/6 г. приводило к скорому износу маточников, сколько бы они не «почищались» и не подправлялись. Судя покладам, сложившимся между 1595/6 — 1598 гг., на Псковском дворе чеканились копейки со знаком ПС, на таблице соотношения штемпелей обозначенным как 2/3/-3, 3/4/-3, 4/5/-3 и 5/6/-3. Все другие типы псковских монет, чрезвычайно редкие (в частности, 1-1, 1-2, 1-3, 6/2/-1, 7-1), встречены в кладах более позднего периода, преимущественно времени Шуйского. Датировать их приходится по ряду косвенных признаков.

Нетрудно заметить, что лицевые маточники 2/3/, 3/4/ и 4/5/ имеют общую основу. Рисунок всадника на первом маточнике постепенно теряет часть плаща, мелкие детали одежды (№ 3/4/), затем задние ноги и хвост коня, часть букв, обозначающих знак двора (ПС) и почти полностью очертания плаща (№ 4/5/). Однако именно при помощи этого последнего маточника отпеча-

²⁵ Клочков (2001). С. 207, 209. №13, 13а.

нена основная масса монет (тип 4/5/-3). По всей видимости, наиболее интенсивный период чеканки пришелся на 1596—1597 гг. К самому концу 1597 или началу 1598 г. лицевые маточники, вероятнее всего, настолько износились, что возникла необходимость в новом лицевом маточнике (№ 5/6/), который был приготовлен в совершенно новой стилистике. Неизменный скачущий всадник псковских копеек сменился на идущего шагом, заметно изменился рисунок плаща, дополнилась многими деталями сбруя коня. По стилистике лицевой маточник № 5/6/ весьма близок к новгородским копейкам Федора, хотя идущий шагом конь более характерен для московского чекана 1595—1598 гг. Создается впечатление, что маточник резал новгородский мастер, который, однако, явно равнялся на московские образцы. В свете случившегося в 1603 г. перехода всех трех государственных денежных дворов к единой стилистике, в основе ориентированной на московский тип²⁶, этот факт представляется весьма знаменательным. Если принять нашу версию о том значении для денежного хозяйства государства, которое приобрел Псковский денежный двор после 1595 г., обращение здесь к московскому стилю можно рассматривать как не имевший последствий пробный шаг к превращению этого двора в ведущий «государев» двор. Им, впрочем, после 1600 г. стал, как известно, Московский двор²⁷. В то же время обозначилось сотрудничество Псковского двора с Новгородским, резчики которого с 1597/8 г. стали делать для него маточники. Видимо, в 1598 г., уже в самом конце правления Федора, был изготовлен оборотный маточник с отчетливом царя, очень точно воспроизводящий новгородский (№ 4). Он взаимодействовал лишь с лицевым маточником «московского стиля» (тип 5/6/-4). Может быть, оба маточника, лицевой (№ 5/6/) и оборотный (№ 4), были изготовлены одновременно. Дальнейшее взаимодействие Псковского и Новгородского дворов уже вполне документально отмечилось в начале правления Бориса Годунова. Лицевой псковский маточник 1599 г. (ПСРЗ) совершенно отчетливо несет печать работы новгородских резчиков, которые приставили к знаку Псковского двора ПС дату (РЗ), что не было свойственно для псковской чеканки. Взаимодействие дворов сказалось также в появлении изредка встречающихся в кладах «гибридных» копеек, чеканенных сочетанием лицевых и оборотных псковских (ПСРЗ) и новгородских (в/НО.РЗ) штемпелей 1599 г.

²⁶ Мельникова А.С. Русские монеты... С. 76.

²⁷ Там же. С. 76 и след.

Видимо, также в конце правления Федора, в 1598 г., был изготовлен еще один новый лицевой маточник (№ 6/2/), явно копирующий основной псковский тип № 2/3/, но очень близкий по приемам изображения новгородским копейкам Федора. Этот маточник встречен в сочетании с более поздним популярным оборотным маточником 1599 г., хорошо известным по псковской копейке ПСРЗ, что дает основание для датировки его 1598 г. (монета издана К.В.Клочковым, происходит из коллекции²⁸ и отмечена в Каталоге Клешинова и Гришина среди псковских выпусков Годунова под № 195).

Заметим, что лицевые маточники №№ 5/6/ и 6/2/ довольно активно использовались в Пскове во время царствования Годунова, а лицевой маточник № 4/5/, окончательно разрушенный, «прожил» еще какое-то время в начале правления Годунова и при Дмитрии Самозванце (1605 г.).

К концу правления Федора, на мой взгляд, относится изготовление еще одного лицевого маточника № 7, очень неумело копирующего все тот же основной псковский лицевой маточник № 2/3/. Рисунок всадника настолько непрофессионально выполнен, а сама монета, известная в единственном сочетании с оборотным маточником № 1, настолько редко встречается, что возникает вполне резонное предположение об эпизодическом назначении этого нового лицевого маточника, явно не предназначенного для массовой чеканки. Может быть, маточник появился в тот девятимесячный период между смертью Федора и венчанием на царство Бориса, когда денежные дворы, следуя традиции, могли чеканить монеты только с именем умершего правителя, а использование новых маточников придерживать до акта коронации? Монета издана К.В.Клочковым (Клочков, т. X, 2, 2а, происходит из клада времени Шуйского) и в Каталоге Клешинова и Гришина (К., Г., № 133). К.В.Клочков считает лицевой маточник, начальным вариантом лицевых маточников 2, 3 и 4, а оборотный — начальным вариантом оборотных маточников 1 и 2²⁹. Клешинов и Клочков также отнесли этот маточник к числу ранних (в Каталоге он обозначен под № 3)³⁰.

По нашему мнению, в псковской чеканке «главным» был лицевой маточник № 2/3/, который нещадно эксплуатировался и который пытались копировать, когда он совсем износился. Такую

²⁸ Клочков (2001). С. 210, №20, С.211, №20, 20а.

²⁹ Клочков (1998). С. 84. Т. X, №2, 2а.

³⁰ Клешинов В.Н., Гришин И.В. Каталог русских средневековых монет с правления царя Ивана IV Васильевича до шведской оккупации Новгорода (1533—1617 гг.). М., 1998. №133.

же роль играл оборотный маточник № 1. Он использовался на протяжении всей чеканки Федора после 1595 г., постепенно видоизменяясь. Известны три варианта оборотного маточника № 1, один из которых введен в научный оборот Клещиновым и Гришиным (К., Г., стр. 32, оборотный маточник № 2). В моих работах он отождествлялся с маточником № 1. Все три оборотных маточника интенсивно использовались после 1595/6 г. Пока не найдутся клады времени Федора Ивановича, где будут отмечены последовательные этапы использования оборотных маточников, датировать их приходится лишь по степени износа, исходя из того, что в основе всех трех оборотных маточников (1, 2 и 3) лежит общий исходный образец.

Следующий этап в истории русского денежного дела характеризуется кладом, найденным в д. Яжелбицы Новгородской обл. (НМ 23303, приложение 2, № 4). В Яжелбицком кладе, сохранившемся целиком и насчитывающем 723 экз., встретились типы монет, появление которых датируется 1595—1596 гг. Новгородские копейки, чеканенные до 1595 г. (с буквами НЕ) представлены 20 экз., а копейки с датой 1596 г. (В/НО.РД) — 14 экз. (М., т. 2, Новгород, 2-2). 3 монеты чеканены сочетанием лицевого штемпеля НЕ и нового оборотного (№ 2), появившегося в 1596 г.; их следует также датировать 1596 годом (М., т. 2, Новгород, 1-2). Московский денежный двор в этом кладе представлен первым выпуском копеек, чеканенных новгородским лицевым штемпелем НЕ и московским оборотным, без имени и отчества царя (М., т. 2, Москва, 4-4). Их в кладе насчитывается 3 экз. Псковские копейки в кладе относятся к типам 2/3/-3 (23 экз.) и 5/6/-3 (1 экз.). Их также следует датировать временем после 1596 г., так как в более ранних кладах они не встречались.

Яжелбицкий клад дает превосходную возможность сопоставить масштабы новгородской и псковской чеканки после Тязвинского мира 1595 г., когда последовали положительные сдвиги в состоянии русской внешней торговли. Место находки приблизительно одинаково удалено и от новгородского, и от псковского центров монетного производства, и, тем не менее, псковские выпуски 1596 г. здесь встречены в большем количестве, чем новгородские того же года (24 экз. — псковские монеты и 17 экз. — новгородские), хотя общее число новгородских монет здесь значительно больше. Мне кажется, эта пропорция может служить косвенным доказательством того, что уже в 1596 г. явственно обозначилось ведущее положение Псковского денежного двора, обусловленное совокупностью ряда внешних обстоятельств — и действием наказа 1594 г.,

и преимуществом географического положения Пскова, ближе расположенного к Риге, роль которой в снабжении серебром России резко возросла после 1595 г.

С.В.Зверев полагает, что Псков оказался в выгодном положении сразу после неудачного исхода Ливонской войны и потери Нарвы, так как город обладал правом принимать западноевропейских купцов, не пропускавших вглубь страны. Во время русско-шведской войны 1589—1595 гг. европейским купцам было трудно вести торговлю через принадлежавшие шведам прибалтийские города, и значение торгового пути из Риги и Пярну через польские владения в Ливонии еще более возрастало. «Это был один из немногих сохранившихся в то время путей поступления западноевропейского серебра», — заключает автор. Мнение это основывается на словах И.П.Шаскольского, отмечавшего, что в XVI в. Псков был одним из «порубежных городов», куда имели право свободного проезда европейские купцы³¹. Право это возможно существовало, но реальная обстановка, сложившаяся на северо-западе России после Ливонской войны, вряд ли способствовала сколько-нибудь активной торговле. Хозяйственное разорение, сильнее всего затронувшее эти регионы России, тяжелое экономическое состояние бывших ливонских территорий после завершения войны должны были резко ограничить возможность сбыта сельскохозяйственной продукции — главного товара, представлявшего интерес для экспорта на Запад. Видимо, малое количество сохранившихся рижских источников о торговле, относящихся к 80-м гг. XVI в., и возрастание их количества с начала XVII в. в какой-то степени отразили динамику торговых операций в Прибалтике. В таком же состоянии находятся и источники о торговой деятельности Пскова и Новгорода.

Между тем, именно посылка о необыкновенных внешнеторговых возможностях Пскова после 1581 г. дала С.В.Звереву основание для пересмотра существующей систематизации псковского чекана времени Федора Ивановича, а статистический анализ кладов рубежа XVI—XVII вв. окончательно убедил автора в том, что псковские копейки, отнесенные к 1596—1598 гг., заметно преобладающие над выпусками остальных денежных дворов, требуют передатировки. Он предлагает перенести дату начала чеканки псковских копеек со знаком ПС с 1595—1596 гг. на более ранний срок, на начальный период царствования Федора³². Не останавливаясь сейчас на всех деталях предлагаемой исследователем но-

³¹ Зверев С.В. Псковский денежный двор... С.56. (См. Шаскольский И.П. Столбовский мир... С. 153—154).

³² Зверев С.В. Псковский денежный двор...

вой систематизации, замечу лишь следующее. Автор никак не объясняет, почему провинциальный денежный двор, первый и единственный среди прочих «государевых» денежных дворов, вдруг начал употреблять собственный знак, почему действия этого двора выпадали из всей системы организационных перемен в денежном хозяйстве России в 1595 г. Эту несообразность нужно или объяснить, или доказать несостоятельность самой идеи о значении событий 1595 г. в жизни денежных дворов России.

Нельзя игнорировать также факт крайней редкости кладов, относящихся к 1584—1595 гг., и состав этих кладов, а также резкое возрастание находок, датируемых временем после 1595 г. Другой уязвимой стороной рассуждений Зверева, как уже выше отмечалось, является использование в качестве доказательства статистических данных кладов без учета их индивидуальных особенностей. Сохранившихся и доступных для исследования кладов рубежа XVI—XVII вв. не так уж и много, и следовало бы детально рассмотреть каждый клад. Как и в случае с кладами Ивана Грозного, здесь также нужно было бы использовать комплексы времени Фёдора Ивановича, коль скоро С. В. Зверев предлагает собственную систематизацию монет этого правителя.

Мы располагаем данными о 10 кладах 1596—1599 гг., сохранившихся целиком или в значительной своей части и доступных для анализа (Приложение 2, №№ 4—13). К московскому ареалу относятся клады №№ 5, 10 и 13, к новгородско-псковскому — №№ 4, 7, 8, 9, 11, 12. Место находки клада № 6 неизвестно.

Рассмотрим состав каждого клада по отдельности, исключив клад №6 как не имеющий точной топографии.

В кладе № 5, найденном в Москве и сохранившимся лишь частично (ГИМ 90917, 42 экз.), из монет Фёдора присутствует московская копейка 1596 г. (т. 2, 6/9/-4) в единственном экземпляре, одна новгородская копейка с буквами НЕ (т. 2, 1—1), чеканенная до 1596 г., и шесть псковских (т. 2, 2/3/-3 — 4 экз., 3/4/-3 — 2 экз.).

В кладе № 7 с территории Псковского кремля (ПСКМ 2165, 138 экз., очевидно, часть клада) из московских выпусков имеется только денга с буквами НС в единственном экземпляре (т. 2, 1-1) и 69 новгородских копеек (т. 2, 1-1 — 2 экз., 1-2 — 8 экз., 2-2 — 1 экз., 3-2 — 32 экз., 5-2 — 24 экз. и 7-2 — 2 экз.). Псковские копейки (36 экз.) представлены типами 2/3/-3 — 10 экз., 3/4/-3 — 17 экз., 4/5/-3 — 9 экз. Судя по новгородской копейке 7-2 с буквами ПРС, время захоронения клада следует отнести к периоду, наступившему после смерти Фёдора Ивановича в январе 1598 г., когда до принятия Борисом Годуновым царского сана (в сентябре 1598 г.)

на всех денежных дворах продолжалась чеканка штемпелями Федора и Новгородский денежный двор был вынужден как-то продлевать жизнь лицевых штемпелей 1598 г., в результате чего появился странный штемпель с буквами ПPS. Заметное преобладание в кладе новгородских копеек над псковскими нуждается в объяснении, которое мы попытаемся найти, рассмотрев все остальные клады Федора.

Клад № 8 из с. Дубешня Псковской обл. (ПСКМ 3101, 588 экз.) точно датируется новгородскими монетами 1598 годом. Москва здесь представлена тремя экз. копейки HE (т. 2, 4-4), Новгород — 11 экз. копеек HE (1-1), тремя экз. копеек 1596 г. (2-2), тремя экз. копеек 1597 г. (3-2) и тремя экз. — 1598 г. (5-2). Псковский денежный двор явил довольно полный набор выпусков: тип 1-1 — 1 экз., 2/3/-3 — 43 экз., 3/4/-3 — 49 экз., 4/5/-3 — 40 экз., 5/6/-3 — 10 экз., всего вместе с четырьмя копейками плохой сохранности псковские выпуски насчитывают 147 экз. (на 3 экз. московских и 20 экз. новгородских).

Следующий клад (№ 9) найден близ границы, разделяющей Эстонию и Псковскую обл. (Музей истории Риги и мореходства, №№ 6302 и 6307, 200 экз., видимо, часть клада). Клад датируется 1598 г.³³ К московским выпускам Федора относятся одна копейка с буквами HE (4-5) и две копейки с буквами ^{ГД}МО^{Рб} (5/7/-4). Новгородские монеты представлены копейками 1-1 — 1 экз., 1597 г. (4-2) — 3 экз., 1598 г. (5-2) — 1 экз. К псковским выпускам относятся ранние копейки Федора (1-1) — 1 экз., а также типы 2/3/-3 и 3/4/-3, в общей сложности насчитывающие 17 экз., 4/5/-3 — 1 экз., 5/6/-3 — 1 экз. и одиннадцать экз. имеют плохую сохранность. Московских монет Федора, следовательно, в кладе насчитывается 3 экз., новгородских — 5 и псковских — 31. Благодаря этому кладу удалось датировать временем Федора московскую копейку с буквами ^{ГД}МО^{Рб}. Она пока встречалась в более поздних кладах, и ряд исследователей относил ее появление к началу XVII в.

Клад № 10 из г. Дмитрова Московской обл. (Дмитровский музей, № 3938, 845 экз.) также датируется 1598 г. Монеты Московского двора здесь насчитывают 35 экз.: денги HC (1-1) — 21 экз., без букв (3-3) — 2 экз., копейки HE (4-5) — 2 экз., с/М (6/9/-4) — 10 экз. Новгородский чекан представляют копейки HE (1-1 — 4 экз. и (1-2) — 1 экз., с датой 1596 (202) — 2 экз. и (2-1) — 1 экз., с

³³ Берга Т.М. Клад русских монет конца XVI в. из фондов Музея истории города Риги и мореходства // Тезисы ВНК. С.-Петербург. 6-8 апреля 1994. СПб. 1994. С. 36. Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность Т.М. Берга, сообщившей мне сведения о составе клада.

датой 1598 (5-2) — 1 экз., в общей сложности 9 экз. Псковские копейки (всего 13 экз.) состоят из 2/3/-1 — 9 экз., и 3/4/-3 — 4 экз. Возможно, в определении монет типа 2/3/-1 вкралась неточность и в группе монет, получивших такую атрибуцию, объединились монеты с оборотными штемпелями типа 1 и 3.

Под № 11 числится клад из д. Рейпике (Латвия). В кладе (Музей истории Латвии, № 101136, 226 экз.) на 57 монет Ивана Грозного приходится 169 копеек Федора Ивановича. Все они относятся к псковскому чекану после 1595 г. (тип 2/3/-3). Столь необычный состав клада из д. Рейпике может служить наглядной иллюстрацией масштабов деятельности Псковского двора.

Мы сочли возможным включить в число кладов, привлеченных для изучения чекана Федора Ивановича, находки, датируемые 1599 годом. Клад № 12 из г. Великие Луки Псковской обл. (ВЛМ, № неизвестен, 2265 экз.) датируется 1599 г. новгородскими (в/НО.РЗ) и псковскими (ПСРЗ) копейками Бориса Годунова. Из числа монет Федора Ивановича в кладе найдены 75 московских: 57 денег (типы 1-1, 1-2, 2-2), копейки НС (4-5) — 4 экз., копейки с/М (6/9/-4) — 14 экз. Копейки Новгородского двора составляют 71 экз.: типы 1-1 (11 экз.), 2-2 (27 экз.), 3-2 и 5-2 (33 экз.). Псковский чекан состоит из 206 копеек типов 2/3/-3, 3/4/-3 и 4/5/-3 и 6 экз. типа 5/6/-3. К сожалению, при обработке клада в 50-х гг. прошлого столетия я сохранила в архивных записях только суммарные количества типов новгородских и псковских копеек 1596—1598 гг.

И, наконец, последний клад 1599 г. № 13 из с. Кузьево Московской обл. (ГИМ 84849, 393 экз.) сохранил всего 17 монет времени Федора. К московскому чекану относятся 6 экз. денег с буквами НС (1-2) и 2 экз. копеек с/М (6/9/-4), к новгородскому — только одна копейка 1596 г. (2-2) и к псковскому чекану относятся 8 копеек: типы 2/3/-3 — 2 экз., 3/4/-3 — 1 экз., 4/5/-3 — 4 экз. и 5/6/-3 — 1 экз.

Как можно убедиться, сохранившиеся клады времени Федора Ивановича не многочисленны, отражают денежное обращение преимущественно новгородско-псковского ареала и дают возможность сделать лишь относительно точную систематизацию монет этого царя. Особенно это относится к чекану Московского денежного двора, что в известной степени спровоцировало достаточно бесплодную и надуманную дискуссию о времени появления некоторых московских лицевых маточников уже после правления Федора и использования их в критические моменты истории династии. Следует учитывать, что помещение имени Федора Ива-

новича на маточниках правительством Ополчения Минина и Пожарского, а затем Временным правительством Трубецкого и Пожарского до избрания Михаила Романова, было явлением исключительным, обусловленным грандиозными политическими задачами, стоящими перед национально-освободительным движением в разгар Смуты. Имя Федора Ивановича, последнего Рюриковича, стало общенародным символом, объединяющим все социальные слои населения в роковые моменты российской истории. Использование имени Федора после смерти Бориса Годунова на монетах, приписываемых чекану его сына, Федора Борисовича (между 13 апреля и 10 июня 1605 г.)³⁴ и в моменты междоусобицы (между 10 июня и 21 июля 1605 г., или между 17 мая — 1 июня 1606 г.)³⁵ не поддается исторической логике и плохо вписывается в ту крайне регламентированную и подчиненную четким правилам систему оформления монет, чеканка которых была одной из важнейших акций государственной власти. Наблюдения за динамикой процесса разрушения маточника, на основании чего строятся некоторые из упомянутых выше гипотез, мне кажется, следует обратить исключительно на изучение производственного процесса чеканки проволочных копеек, который мы пока плохо себе представляем.

Как ни скуден материал для создания научно обоснованной систематизации монет Федора Ивановича, все же существуют объективные данные для выделения первого этапа чеканки, датируемого 1584—1595 гг., и второго, уместившегося между 1595 и 1598 гг. Приведенные выше клады, состав которых определил основные веши в датировке выпусков, наглядно подтверждают такое деление. Эти же клады убедительно демонстрируют, что все псковские выпуски, время чеканки которых отнесено нами к периоду между 1595 и 1598 гг., появились именно в эти годы, но никак не раньше, как это пытается доказать С.В.Зверев.

Все клады второго периода неизменно обнаруживают преобладание псковских монет Федора над выпусками остальных денежных дворов, даже в кладах московского ареала. Эта черта характерна именно для времени Федора после 1595 г. (Из общей картины выпадает клад 1598 г. № 7 из Псковского кремля, где на 36 псковских монет приходится 69 новгородских выпусков. Можно предположить, что клад был спрятан приезжим торговым че-

³⁴ Тиндо И., Клешинов В. Загадка монет Федора Годунова // СК. Вып. 22. М., 1984; Кользин А.М. К атрибуции нескольких копеек конца XVI — начала XVII в. // СК. Вып. 25. М., 1988.

³⁵ Зверев С.В., Кользин А.М. Некоторые спорные вопросы работы Псковского денежного двора в 1596—1606 гг. // Монеты, медали, жетоны. М., 1996. С. 32—33.

ловеком, казна которого сложилась не в Пскове, а в Новгороде или его окрестностях. Впрочем, в составе этого клада могли произойти большие изменения между временем его находки (1885 г.) и передачей 138 монет из клада в музей).

Нам представляется, что и состав кладов времени Федора, и топография кладов новгородско-псковского ареала дают веские основания для утверждения о необычайно высокой продуктивности Псковского денежного двора, обозначившейся после 1595 г.

Однако техническая оснащенность Псковского двора оставалась весьма слабой. В работе практически находились всего два лицевых маточника — 2/3/ и 5/6/, один из которых, а именно 2/3/, использовался наиболее интенсивно, несмотря на все более и более явные следы разрушения. В трех оборотных маточниках (1, 2 и 3, из которых более всего эксплуатировался маточник 3) лежала одна общая основа и эти три маточника, в сущности, являются вариантами одного. Установить последовательность этапов его разрушения я не берусь и принимаю нумерацию 1, 2 и 3, целиком полагаясь на наблюдения Клешинова и Гришина, именно в таком порядке поместивших в своем Каталоге эти маточники.

Техническая неоснащенность Псковского двора с лихвой покрывалась его производительностью, что достигалось или увеличением количества чеканщиков, или неограниченным числом штемпелей (чеканов), снимаемых с маточников. Разрушение маточников и ухудшение качества изображения были неизбежным следствием такой практики, но по каким-то причинам это не смущало ни исполнителей, ни заказчиков, хотя монеты, как известно, являлись официальным знаком государственности. Псковский денежный двор явно захлебывался от количества заказов на чеканку монеты.

Традиционным путем из Пскова в Ригу было направление на Нейгаузен (Вастелийна) или Мариенбург (Алуксне), далее через Адзель-Смилгене на Цесис (так называемый «Алуксенский тракт»). Польские власти, однако, заставляли купцов добираться с товарами до Риги через Тарту, поскольку доходы тартуской таможи шли в казну и там же располагались многие казенные имения³⁶. В Вастелийне найден смешанный клад, спрятанный в 70-х гг. XVI в. Места находок остальных известных нам кладов Эстонии и Латвии, относящихся к концу XVI — первому десятилетию XVII в., преимущественно смешанного состава (см. Приложение 1), не совпадают с направлением торговых путей. Это может слу-

³⁶ *Дорошенко В. В.* Указ. соч. С. 94.

жить основанием для отнесения местных монетных находок не торговым людям, а местному крестьянству, которое активно торговало продуктами сельского хозяйства. Наиболее втянутыми в торговлю были крестьяне центральных областей Эстонии, где феодалный гнет был слабее и выше процент свободных крестьян. Основная масса эстонских кладов сосредоточена в древней земле Ярвамаа³⁷.

По данным XVII в. новгородские купцы в основной своей массе предпочитали торговать за рубежом³⁸, в то время как псковское купечество вполне довольствовалось ролью посредника, выполняя зачастую функции торговых агентов иноземных купцов, выдававших ссуду на закупку местных товаров. Посредническая торговля привлекала в город большое количество серебра, которое следовало «являть» в таможене. Из разницы в «специализации» внешнеторговых операций новгородцев и псковичей формировалась разная денежная политика Новгорода и Пскова. Новгородцы ездили за рубеж и торговали со шведами, основным товаром которых были медь и железо. Псковичи занимались посреднической торговлей и обслуживали (через прибалтийских посредников) западноевропейское купечество. Одним из главных экспортных товаров для последних являлись драгоценные металлы, преимущественно серебро в виде монет. Руководствуясь наказом 1594 г., согласно которому основная масса привозного серебра должна была поступать в казну, Псковский денежный двор получал казенные заказы на чеканку монет от московских властей. Сведения, приведенные Аттманом об отказе Псковского двора принимать заказы на чеканку от иноземных купцов с 1598 г., видимо, следует связывать с интенсивной работой двора исключительно на казну. Наверно, именно потому Псковский денежный двор, с трудом справляясь с заказами на чеканку после 1595 г., не имел ни времени, ни возможности обновлять инструментарий.

Новгородский денежный двор, вероятно, сохранивший в неприкосновенности право частного заказа на чеканку, мог выдерживать нормальный темп работы и готовил каждый год новые датированные лицевые маточники. Серебро сюда поступало явно в меньших, по сравнению с Псковом, количествах. Приведенный выше и относящийся к 1620 г. пример Московского денежного двора, преимущественно ориентированного на казенные

³⁷ Древние клады Эстонии. Путеводитель временной выставки / Составители: А. Молвыгин и Ю. Селиранд. Таллин. 1975.

³⁸ Шаскольский И. П. Русская морская торговля на Балтике...

заказы, подтверждает наше предположение. А еще более убеждает в его справедливости дальнейшая судьба Псковского двора, прослеживаемая по данным монетных кладов и по монетам из коллекций.

Сравнение хронологии кладов рубежа XVI—XVII вв. из Псковской и Новгородской областей, Эстонии и Латвии (Приложение 1) весьма показательно. Больше всего кладов, сложившихся между 1595-1600 гг., зафиксировано в Псковской области (№№ 1—8), далее следует Эстония — 4 клада (№№ 41 1598 г., 42, 43, 44, 1600 г., состоящие из западноевропейских и небольшого количества русских монет). По одному кладу найдено в Новгородской обл. (№ 22, 1596 г.) и в Латвии (№ 47, 1598 г.).

Вряд ли можно назвать случайностью скопление кладовых находок, сложившихся в последние годы XVI в., в местности, тяготеющей к Пскову (Псковской области и Эстонии). Заметим также, что в русской части смешанных кладов псковские копейки преобладают над выпусками остальных денежных дворов. Это может служить документальным и объективным свидетельством торгового значения Пскова для окрестного сельского населения, поставлявшего в Псков свои товары, а также показателем проникновения русских копеек в денежное обращение бывших ливонских земель, расположенных по пути из Пскова в Ригу, Таллин, Дерпт. Состав и величина эстонских и латвийских смешанных кладов, представленных преимущественно мелкой разменной западноевропейской монетой, подтверждает высказанное выше мнение о крестьянском происхождении большинства владельцев кладов. Как и псковские находки, их следует считать крестьянскими сбережениями, составленными из сумм, вырученных за продажу сельскохозяйственной продукции. Можно рассматривать клады из Эстонии, Латвии и окрестностей Пскова как прямое следствие действия наказа 1594 г., требовавшего от «литовских, немецких и всяких земель гостей» покупать в Пскове товары только на русские деньги.

Рубеж XVI—XVII вв. следует считать кульминаций деятельности Псковского денежного двора. После 1599 г. на нем произошли серьезные перемены. Об этом свидетельствует судьба лицевого и оборотного маточников с датой 1599 (ПСРЗ). Новый год начинался в сентябре, когда Борис Годунов, наконец, венчался на царство. Монета с датой РЗ (=107) открывала в Пскове выпуски нового царя.

Пара маточников ПСРЗ (лицевой и оборотный) повторила судьбу псковских лицевого маточника № 2/3/ и оборотного № 1. Они нещадно эксплуатировались, монет этого типа известно очень мно-

го, причем большинство из них имеет плохую сохранность. Лицевой маточник ПСРЗ использовался даже в 1613 г., когда в Пскове начиналась чеканка копеек с именем Михаила Романова.

Изучение монет типа ПСРЗ на уровне штемпеля, предпринятое К. В. Ключковым, выявило несколько вариантов лицевой и оборотной стороны (Ключков 1998, лицевые варианты — т. X, № 6, т. XI, 8 и 10, оборотные — т. X, 6 и т. XI, 7). В основе вариантов лицевой стороны лежит общий исходный оригинал. Надо думать, что с многократно исправляемого маточника ПСРЗ отгискивались партии штемпелей (чеканов).

Но на массовом выпуске копейки ПСРЗ и закончилась масштабная чеканка Псковского денежного двора. Если подсчитать общее количество копеек ПСРЗ в кладах 1599–1605 гг. и сравнить его с более поздними псковскими выпусками Бориса Годунова, то выяснится, что последних было приблизительно в 5 раз меньше. Между тем, в новгородской чеканке Бориса Годунова таких резких колебаний не наблюдается — ежегодные выпуски относительно равномерны по количеству. Однако следует заметить, что 1599 г. стал определенной вехой и в работе Новгородского денежного двора. Пара маточников, датированная этим годом (в/НО.РЗ) и по стилистике близка новгородским копейкам Федора, оказалась изолированной от остальных новгородских копеек Бориса, начиная с 1600 г. Об упоминавшихся уже «гибридных» копейках, чеканенных парами новгородских (в/НО.РЗ) и псковских (ПСРЗ) штемпелей К. В. Ключков высказал вполне резонные соображения о взаимодействии Псковского и Новгородского дворов, когда Псков был вынужден обратиться за помощью к Новгороду³⁹. В дальнейшем взаимодействия Псковского и Новгородского дворов не наблюдается. Это лишний раз заставляет думать, что в 1599 г. имели место какие-то существенные перемены в организации денежного производства, признаки которых нашли отражение в нумизматическом материале.

Сравнение состава сохранившихся кладов, сложившихся между 1600 и 1613 г., свидетельствует, что в период правления Бориса Годунова (1598—1605) произошли структурные изменения состава денежного обращения. Переход Московского двора к чеканке копеек ознаменовался также резким количественным возрастанием продукции этого двора, отныне преобладающей в составе почти любого клада. Новгородский и Псковский денежные дворы начинают выпускать приблизительно одинаковое количество мо-

³⁹ Ключков К. В. (1998) С. 90—91.

нет. До начала второго десятилетия XVII в. новгородские копейки немного преобладают над псковскими, но к 1613 г. число их в кладах становится практически одинаковым.

Количество копеек Псковского денежного двора, чеканившихся после 1599—1600 гг. и в последующие годы, как уже говорилось, сократилось, как сократилось количество псковских копеек в кладах, сложившихся после правления Федора Ивановича.

Новгородский денежный двор, напротив, судя по данным монет, после 1599 г. продолжал работать так же ритмично, как и раньше, несмотря на полную смену орудий чеканки. Документы Новгородского денежного двора 1610—1611 гг. показывают, что его деятельность обеспечивалась в основном заказами торговых людей, хотя какую-то долю составляли и казенные заказы⁴⁰.

Что же все-таки произошло в 1599—1600 гг.?

Наиболее вероятной причиной всех новаций могли стать, на наш взгляд, изменения в практике и масштабах снабжения русского денежного дела монетным сырьем в виде западноевропейских серебряных монет. Изменения эти происходили, начиная с рубежа XVI—XVII вв. в несколько этапов.

Несомненно, начало им было положено русско-шведскими переговорами 1593—1594 гг., завершившимися Тязинским миром 1595 г., благодаря которому Россия получила частичный выход на Балтику. Впрочем, господствующее положение, которое приобрела в этот период Швеция, разделило направление и содержание товарного потока с Запада: главные «шведские» товары — железо и медь — стали поступать на Русь преимущественно через Новгород, драгоценные металлы в виде западноевропейской серебряной монеты приходили из Европы через Псков. Псков стал главным поставщиком серебра для русского монетного производства. Фискальные интересы казны потребовали учреждения государственного контроля над торговлей драгоценными металлами, что вызвало появление наказа 1594 г., запрещающего Псковскому двору принимать от иностранцев частные заказы на чеканку копеек и обязывающего продавать привезенное серебро или «менять» его на копейки с выплатой в казну соответствующих пошлин. Снабжение денежного двора сырьем казна взяла на себя, чем мы объясняем беспрецедентный размах псковской чеканки во второй половине 90-х гг. XVI в.

Однако с начала XVII в. центр внешней торговли стал все более

⁴⁰ Снасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 гг. МИА. № 44. М. 1955. С. 241—255.

уверенно перемещаться в Архангельск. С этого момента наступает новый этап в практике снабжения сырьем русского денежного дела. Отсюда стало поступать в страну западноевропейское серебро, питающее денежную чеканку. Города северо-западной Руси были оттеснены на второй план. Архангельская торговля, свободная от посредничества прибалтийского купечества, была гораздо выгоднее казне. Одновременно происходило усиление роли государства во взаимоотношениях с западноевропейским купечеством, торговавшим золотом и серебром.

Усиление роли государства распространилось и на денежное производство. Необычайно возросшая продуктивность Московского денежного двора достигает расцвета при Борисе Годунове после 1600 г. Это дает основание предположить, что с этого времени двор переходит преимущественно на выполнение государственных заказов. Огромные и регулярные доходы казны от архангельской торговли, которая в XVII в. все больше набирала обороты, сказывались на увеличении количества копеек московского чекана, занявших в структуре денежного обращения страны ведущее место.

По всей видимости, после 1599—1600 гг., когда в полной мере определилось ведущее положение Московского денежного двора, Псков вновь перешел с казенного обеспечения сырьем на частные заказы, в том числе и от иноземцев. О приезде на Псковский двор «немецких и литовских людей» с ефимками сообщают письменные источники 1619—1620 гг. и последующих лет (до 1628 г.)⁴¹. В грамоте псковских таможенных голов от 1632 г. сказано: «...а как был во Пскове денежный двор, переделывали в денги из прибыли немецкие люди, которые привозили во Псков ефимки и серебро»⁴². Изменение формы снабжения двора сырьем сразу повлекло за собой сокращение объемов чеканки, чем можно объяснить уменьшение количества псковских монет после 1600 г. Псковский денежный двор опять оказался на втором месте после Новгородского, в деятельности которого, как уже выше отмечалось, кроме смены маточников, других изменений не наблюдалось.

Динамика развития денежного хозяйства на рубеже XVI—XVII вв. нашла отражение в топографии и хронологии монетных кладов новгородско-псковского ареала. Как уже говорилось, самое значительное количество кладов, сложившихся между 1584—

⁴¹ Приходо-расходные книги московских приказов 1619—1621 гг. М., 1983. С. 18. Зверев С.В. Письменные источники о работе Псковского денежного двора при Михаиле Федоровиче // Тезисы VI ВНК. С.-Петербург. 20—25 апреля 1998 г. СПб. 1998. С. 144—146.

⁴² Чистякова Е.В. Социально-экономические взгляды А.Л.Ордин-Нащокина... С. 14.

1600 гг., наблюдается в Псковской области и Эстонии (в общей сложности 12 кладов); по одному кладу этого времени найдено Новгородской области и в Латвии. Эта статистика, разумеется, далеко не полная, всё же достаточно адекватно отражает период наиболее интенсивной деятельности Псковского двора и торговой активности окрестного населения.

После 1600 г. и до начала шведской оккупации в 1611 г., когда Псковский и Новгородский дворы оказались примерно в равном положении, наблюдается такое соотношение количества кладов: в Псковской области найдены 12 кладов (приложение 1, №№ 9—20), в Новгородской — тоже 12 (приложение 1, №№ 24—35). В Прибалтике, на границе Эстонии и Псковской области, найден единственный клад 1606 г. (приложение 1, № 45). Отсутствие в Прибалтике кладов можно объяснить началом военных действий во время польско-шведской войны 1600—1629 гг., когда шведские войска оккупировали Видземе до Даугавы. Торговля местного населения, видимо, страдала от этого вторжения, пока оккупация Новгорода шведами в 1611 г. не стабилизировала обстановку.

После 1611 г. в Новгородской области обнаружены 4 клада времени шведской оккупации (приложение 1, №№ 36—39), а на территории Псковской области — ни одного. В Латвии встречены 2 клада смешанного состава, датируемые 1612 г. (приложение 1, № 48, 49), в Литве — один клад начала правления Михаила Федоровича (приложение 1, № 54). И лишь с концом шведской оккупации в 1617 г. опять появляются клады в Псковской области (приложение 1, № 21), в Эстонии (приложение 1, №46), Латвии (приложение 1, № 50, 51, 52) и Новгородской области (приложение 1, № 40).

Клады времени Михаила Федоровича, в настоящей работе не рассматриваемые, убедительно свидетельствуют о постепенном возрождении экономического потенциала Пскова и падении торгового значения Новгорода Великого к середине XVII в. (на 11 кладов с Псковщины приходится всего 3 клада из Новгородской области, а количество монет Псковского денежного двора 1617—1627 гг. в кладах неизменно превышают число новгородских копеек того же периода). Хотя Псков и перестал быть основным центром поступления серебра для чеканки, значение его как форпоста внешней торговли на западных границах сохранилось. В отличие от Новгорода Великого, к середине XVII в. потерявшего свое бывшее экономическое и торговое могущество, Псков был процветающим городом⁴³.

Русское денежное хозяйство, к 1617 г. восстановившееся в пол-

⁴³ Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 141; Чистякова Е.В. Псковский торг в середине XVII в. // Изв. Т. 34. 1950.

ном объеме после бурных событий Смутного времени, все более определенно ориентировалось на архангельскую внешнюю торговлю, через которую под контролем казны поступал в страну основной поток сырья для чеканки. Судьба Псковского и Новгородского денежных дворов, обслуживающих по преимуществу частных заказчиков, была предопределена растущей ролью государства в организации внешней торговли и денежном деле. Закрытие этих дворов, которое произошло в 1627/1628 гг., было закономерным.

Псковская чеканка, достигшая небывалого расцвета во второй половине 90-х гг. XVI в., в свете всего вышесказанного может рассматриваться как некий полигон, где русское правительство отрабатывало основные принципы дальнейшей государственной денежной политики.

Таковы нумизматические данные, которые хотя бы в малой степени компенсируют скудость письменных источников о месте и значении Пскова в русской внешней торговле на рубеже XVI—XVII вв.

Приложение 1.

**СПИСОК КЛАДОВ С РУССКИМИ МОНЕТАМИ
СМЕШАННОГО СОСТАВА, НАЙДЕННЫХ В ПСКОВСКОЙ,
НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТЯХ И ПРИБАЛТИКЕ.
КОНЕЦ XVI — ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XVII в.
(внутри территорий клады располагаются в хронологическом
порядке)**

Псковская область

1. Псковский р-н, д. Подлипки. ПСКМ № 4010. 886 экз. 1595-1696 гг. (Приложение 2, № 3).
2. Псковский р-н с. Дубешня. ПСКМ № 3101. 588 экз. (Приложение 2, № 8)
3. Псков, территория Псковского Кремля. ПСКМ № 2165. 138 экз. (часть клада). 1598 г. (Приложение 2, № 7)
4. Псковский р-н, д. Семионщина. На берегу р. Великой были найдены монеты времени от Василия Ш до Бориса Годунова. М., 2003, № 49.
5. Опочецкий р-н (погост Черницкое бывш. Опоческого уезда Жедровской волости Псковской губернии). Найден клад монет Ивана IV и Федора Ивановича (до 1596г.) Сотн., 1979, № 285.
6. Великие Луки. ВЛМ (№ неизвестен). 2265 экз. 1599 г. (Приложение 2, № 12)
7. Псков или область. ОН ГЭ № 12 н.с. 38 экз. (часть клада). 1600 г. М., 2003, № 51.
8. Псков или область. ОН ГЭ (без №). 192 экз. (часть клада). 1600 г. М., 2003. № 50.
9. Великие Луки. ВЛМ (№ неизвестен). 51 экз. (часть клада). 1601 г. М., 2003, № 47.
10. Островский р-н (д. Осенева бывш. Островского уезда Лесинской волости. Псковской губернии). В 1898 г. найдены две

кубышки и 6 ф. (приблизительно 6000 экз.) монет Ивана IV, Федора и Бориса Годунова. Клад датируется временем до 1605 г. М., 2003, № 48.

11. Великолуцкий р-н (бывш. Серебряницкая волость Великолуцкого уезда Псковской губернии). В 1894 г. были найдены 58 монет Ивана IV (копейки и денги), Федора (ПС, в/НОПС), Бориса Годунова (ПС) и Дмитрия (ПС). Клад датируется временем до 1606 г. М., 2003, № 13.

12. Куньинский р-н, д. Двина. ВЛМ (№ неизвестен). 161 экз (часть клада). 1607 г. М., 2003, № 71.

13. Пос. Бежаницы. ПСКМ (№ неизвестен). 161 экз. (часть клада). 1607 г. М., 2003, № 70.

14. Псков, территория Окольного города. Клад хранится в Псковской экспедиции Института археологии РАН (№ неизвестен). 984 экз. 1608 г. М., 2003, № 67.

15. Псков, Кутузовский сад. ПСКМ № 3252. 6782 экз. 1608 г. М., 2003, № 66.

16. Псков или область. ОН ГЭ № 14 н.с. 1206 экз. 1608 г. М., 2003, № 76.

17. Усвятский р-н. ВЛМ (№ неизвестен). Клад монет (211 экз.) первой половины правления Василия Шуйского. М., 2003, № 75.

18. Опочецкий р-н (с. Юрчаты бывш. Опоческого уезда Афанасьев-Слободской волости Псковской губернии). Найдены монеты Ивана IV и Василия Шуйского. М., 2003, № 73.

19. Псков или область. ГИМ 77017. Найден клад времени Шуйского, который разошелся по коллекции (количество найденных монет неизвестно). М., 2003, № 68.

20. Островский р-н (д. Сорокино бывш. Островского уезда Псковской губернии). Найден клад времени Василия Шуйского в количестве около 2000 экз. М., 2003, № 72.

21. Псков или область. ОН ГЭ № Ш. 323 экз. 1618 г. С., С., 1979, № 31.

Новгородская область

22. Валдайский р-н, с. Яжелбицы. НМ № 23302. 723 экз. 1596 г. (Приложение 2, № 4)

23. Маловишерский р-н, д. Гари-Концы. Найден клад времени Бориса Годунова. М., 2003, № 43.

24. Крестецкий р-н (имение Городок бывш. Крестецкого уезда Новгородской губернии). В 1910 г. были найдены 3 ф. (приблизительно 1500 экз.) монет в кубышке белой глины. На определение

отправили 24 экз (Иван IV — 9 экз., Федор — 2 экз., Борис — 12 экз., Дмитрий — 1). Клад датируется 1605—1606 гг. М., 2003, № 11.

25. Новгород Великий. В Архирейском саду был найден клад в «трех кувшинах», возможно, зарытый в 1605 г. М., 2003, № 10.

26. Новгород Великий или область. НМ № 219. 5157 экз. 1607 г. М., 2003, № 60.

27. Любятинский р-н, д. Проскурка. НМ № 31563. 110 экз. (часть клада) 1608 г. М., 2003, № 54.

28. Новгород Великий, окрестности (неподалеку от церкви Спаса на Нередице. НМ № 249. 2353 экз. 1608 г. М., 2003, № 52.

29. Окуловский р-н, с. Борвино. НМ № 25905. 414 экз. 1608 г. М., 2003, № 56.

30. Новгородский р-н, с. Пролетарка. НМ № 91190. 176 экз. (часть клада). 1608 г. М., 2003, № 55.

31. Холмский р-н (бывш. С.-Петербургская губерния). В 1892 г. были найдены 60 монет от Ивана IV до Василия Шуйского. Клад датируется 1608 г. М., 2003, № 58.

32. Новгород Великий. НМ № 20066. 1277 экз. 1610 г. Не издан.

33. Холмский р-н (д. Городец бывш. Холмского уезда Троицкой волости С.-Петербургской губернии). При пахоте были найдены 265 монет времени Василия Шуйского. Клад зарыт до 1610 г. Сотн., 1979, № 215.

34. Холмский р-н (с. Ямищи бывш. Холмского уезда Каменской волости С.-Петербургской губернии). В 1893 г. были найдены 702 монеты Ивана IV, Федора, Бориса, Дмитрия и Василия Шуйского. Клад датируется 1609 г. М., 2003, № 59.

35. Старорусский р-н (д. Переволоки бывш. Старорусского уезда Новгородской губернии). В 1914 г. были найдены 120 монет от Ивана IV до Василия Шуйского, а также две серебряные серьги с камнями. М., 2003, № 57.

36. Новгород Великий, Владычный сад. НМ № 221. 6698 экз. 1612—1613 гг. Не изд.

37. Новгородский р-н, д. Пятилапы. НМ № 21407. Найден клад в количестве 82 экз., зарытый в 1614/1615 гг. Не изд. Сведения о составе клада предоставлены П.Г.Гайдуковым, за что приношу ему искреннюю благодарность.

38. Окуловский р-н, д. Сухово. В 1957 г. в ОН ГЭ поступила на определение часть клада (70 экз.), датированного началом шведской оккупации Новгорода (1611—1617). Сотн., 1979, № 184.

39. Мстинский р-н, бывш. колх. «Победа». НМ № 5820. 398 экз. 1614 г. Не изд.

40. д. Верята (берег оз. Ильмень). ОН ГЭ № XIII. 163 экз. (часть клада). 1618 г. С., С., 1979, № 30.

Эстония

41. г. Тарту, окрестности (имение Алатскиви, неподалеку от Чудского озера и границы с Псковской обл.). МРМ, №№ 6302, 6307. 200 экз. (часть клада, первоначально составляющего 963 экз.). 1598 г. Сведения о кладах и его составе сообщены сотрудницей МРМ Т.М.Бергой, за что приношу ей искреннюю благодарность. Не изд. (Приложение 2, № 9)

42. д. Кабала бывш. Вильяндского р-на. Пайдесский музей (№ неизвестен). Смешанный клад. 606 экз. (русских — 13 экз.). 1600 г. М., 2003, № 101.

43. д. Сапи (приход Пилиствере), бывш. Вильяндского р-на. ЭСТ № 173. Смешанный клад. 167 экз. (русских — 29 экз.). 1600 г. М., 2003, № 103.

44. д. Олуствере бывш. Вильяндского р-на. ЭСТ № 73. Смешанный клад. 191 экз. (русских — 162 экз.). 1600 г. М., 2003, № 100.

45. Псковская обл., д. Мяз, хутор Умковичи (на границе с Эстонией). 776 экз. 1606 г. М., 2003, № 118.

46. Пос. Рыngu бывш. Тартусского р-на. Место хранения неизвестно. Находился на экспертизе в ОН ГИМ. Смешанный клад. 1360 экз. (русских — 858 экз.). 1621 г. Не издан.

Латвия

47. д. Рейники Гаурской вол. Яунтлатгальского уезда. Латв. № 101136. Найдены 260 экз., из которых в музей попали 227. Клад датируется 1596—1598 гг. (Приложение 2, № 11).

48. д. Муйжули Витрупской волости Валмиерского уезда. Латв. (№ неизвестен). Смешанный клад. 986 экз. (русских — 6 экз.). 1600 г. Не изд.

49. д. Плехтерево, погост Гаури (на границе с Псковской обл.). МРМ № 78218. 169 экз. 1612 г. Не изд. Сведения о кладах получены от Т.М.Берга, за что приношу ей глубокую благодарность.

50. хут. Леяс Шкибусти Ленчской волости Цесисского уезда. Латв. № 101117. Смешанный клад. 94 экз. (русских — 11 экз.). 1612 г. Не издан..

51. с. Раковское-Крупенати Гаурской волости Яунтлатгальского уезда. Латв. № 101137. 365 экз. 1617—1618 гг. Не издан.

52. г. Цесис. Музей г. Цесиса (№ неизвестен). Смешанный клад. 1260 экз. (русских — 94 экз.). 1618 г. Не издан.

53. хут. Пемпиши Каценской вол. Яунтлатгальского уезда. Латв. № 101139. 53 русские монеты. Время захоронения — 1618 г. Не издан.

P.S. Данные о латвийских кладах (кроме №№ 49 и 52) уточнены по краткому сообщению Анды Озолиня (Рига), опубликованному в: «Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Псков. 15—20 апреля 2002 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2002. С. 200—203».

Литва

54. д. Интурки бывш. Молетского р-на. В 1960 г. был найден клад в кубышке. О части клада (102 экз.) было сообщено в ОНГЭ. Находка датируется началом правления Михаила Федоровича. Сотн., 1979. № 378.

СОСТАВ КЛАДОВ ВРЕМЕНИ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА

1. Жуковский, г. Московская обл. 369 экз. 1584-1585 гг. Изд.: НЭ XIII. № 37

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес, г.
1-108	Иван IV 1533-1584	Москва	1535-1547	Денга б/б, М	Не разобр. по штемп.	108	
109-124	- « -	- « -	1547-1584	Денга б/б	Не разобр. по штемп.	16	
125-189	- « -	- « -	- « -	Денга ДЕ	Не разобр. по штемп.	65	
190-206	- « -	- « -	1535-1547	Денга б/б в весе копейки (мечевая копейка)	М., т.1, 1-1	17	
207-228	- « -	Тверь	- « -	Денга б/б	Не разобр. по штемп.	22	
229-246	- « -	- « -	- « -	Денга О	М., 1, 13-16	18	
247-248	- « -	- « -	1547-1550-е	Денга ВВ	М., т.1, 18-22	2	
249-262	- « -	Псков	1535-1547	Копейка А	М., т.1, 9-18	14	
263-277	- « -	- « -	1547-1550-е	Копейка ГР	М., т.1, 21-25	15	
278-293	- « -	- « -	1560-е	Копейка с/МН	М., т.1, 35-27	16	
294-297	- « -	- « -	1570-е	Копейка В-р	М., т.1, 37-27	4	
298	- « -	- « -	1580-е	Копейка В-р	М., т.1, 37-29	1	
299-311	- « -	- « -	1535-1542	Копейка б/б	М., т.1, 8-11	13	
312-316	- « -	Новгород	1542-1547	Копейка ФС	М., т.1, 14-17	5	
317-337	- « -	- « -	1547-1550-е	Копейка ПС	М., т.1, 19-23	21	
338-342	- « -	- « -	1555-е	Копейка АЛ	М., т.1, 22-26	5	
343	- « -	- « -	1555-е	Копейка Ю-р	М., т.1, 23-26	1	
344-345	- « -	- « -	1555-е	Копейка ГА	М., т.1, 24-26	2	
346-357	- « -	- « -	1560-е	Копейка к/ВА	М., т.1, 29-26	12	
358-359	- « -	- « -	1570-е	Копейка к/ВА	М., т.1, 31-26	2	
360-361	- « -	- « -	1570-е	Копейка к/МIX	М., т.1, 32-26	2	
362	- « -	- « -	1580-е	Копейка к/АН	М., т.1, 34-26	1	

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес, г.
363	Федор Иванович 1584-1598	Москва	1584-1595/6	Денга НС	М., т.2, 1-1	1	
364-369	Монеты плохой сохранности, неопределенные						
						6	

2. Золотилово, с. Сергиево-Посадского р-на Московской обл. 295 экз. 1584-1585 гг. Изд.: НЭ, XIII. № 38.

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на литературу	Количество	Вес, г.
1-20	Иван IV (1533-1584)	Москва	1535-1547	Денга б/б	М., т.1, 5-2	20	6,36
21-22	- « -	- « -	- « -	Денга б/б	М., т.1, 5-5	2	0,62
23-33	- « -	- « -	- « -	Денга б/б	М., т.1, 4-2	11	3,58
34-57	- « -	- « -	- « -	Денга б/б	М., т.1, 6-5	24	7,77
58-66	- « -	- « -	- « -	Денга б/б	М., т.1, 6-8	9	2,89
67-68	- « -	- « -	- « -	Денга б/б	М., т.1, 6-10	2	0,64
69-70	- « -	- « -	- « -	Денга М	М., т.1, 7-5	2	0,63
71-78	- « -	- « -	1547-1584	Денга б/б	М., т.1, 15-18	8	2,48
79-82	- « -	- « -	- « -	Денга ДЕ	М., т.1, 17-21	4	1,26
83-96	- « -	- « -	- « -	Денга ДЕ	М., т.1, 17-19	14	4,55
97-110	- « -	- « -	- « -	Денга ДЕ	М., т.1, 16-20	14	4,58
111-126	- « -	- « -	1535-1547	Денга б/б в весе копейки	М., т.1, 1-1	16	10,53
127-130	- « -	Тверь	- « -	Денга б/б	М., т.1, 11-13	4	1,27
131-142	- « -	- « -	- « -	Денга б/б	М., т.1, 11-15	12	3,88
143-153	- « -	- « -	- « -	Денга О	М., т.1, 13-16	11	3,59
154	- « -	- « -	1547-1550-е	Денга ПВ	М., т.1, 18-22	1	0,34
155-166	- « -	Псков	1535-1547	Копейка А	М., т.1, 8-11	12	7,80
167-171	- « -	- « -	1547-1550-е	Копейка ПВА	М., т.1, 20-24	5	3,32

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес, г.
172-184	- « -	- « -	1547-1550-е	Копейка ГР	М., т.1,21-25	15	8,55
185-209	- « -	- « -	1560-е	Копейка с/МН	М., т.1,35-27	25	16,81
210	- « -	- « -	1560-е	Копейка МА	М., т.1,36-28	1	0,69
211-220	- « -	- « -	1570-е	Копейка ИВ-р	М., т.1,37-27	10	6,74
221-239	- « -	Новгород	1535-1542	Копейка б/б	М., т.1,9-12	19	12,44
240-244	- « -	- « -	1542-1547	Копейка ФС	М., т.1,14-17	5	3,30
245-268	- « -	- « -	1547-1550	Копейка ПС	М., т.1,19-23	24	15,75
269-270	- « -	- « -	1550-е	Копейка АЛ	М., т.1,22-26	2	1,22
271	- « -	- « -	1550-е	Копейка Ю-р	М., т.1,23-26	1	0,70
272-274	- « -	- « -	1555-е	Копейка с/ВАЯ	М., т.1,27-26	3	2,05
275-281	- « -	- « -	1560-е	Копейка к/ВА	М., т.1,29-26	7	4,63
282-283	- « -	- « -	1570-е	Копейка к/ВА	М., т.1,31-26	2	1,34
284-286	- « -	- « -	1570-е	Копейка к/МІХ	М., т.1,32-26	3	2,03
287-289	- « -	- « -	1580-е	Копейка к/АН	М., т.1,33-26	3	2,02
290-291	- « -	Копейки	Плохой	Сохранности		2	1,33
292-295	Федор Иванович (1584-1598)	Москва	1584-1595	Денга НС	М., т.2,1-1	4	1,39

3. Подлипки, с. Псковского р-на Псковской обл. 886 экз. До 1596. Изд.: НЭ. XIII. № 39

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на литературу	Количество	Вес, г.
1	Василий III 1505-1533	Новгород	1505-1533	Новгородка (Остодарь всяя Руси)		1	
2	- « -	Псков	1510-1533	Новгородка (Деньга псковская Заманина)		1	

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес, г.
3-72	Иван IV 1533-1584	Москва	1535-1547	Денга б/б	Не разобр. по штемпелям	70	
73	-<-	-<-	1547-1584	Денга б/б	М., т.1, 15-9	1	
74-76	-<-	-<-	1547-1584	Денга б/б	М., т.1, 15-18	3	
77-91	-<-	-<-	1547-1584	Денга ДЕ	М., т.1, 16-20	15	
92-98	-<-	-<-	1547-1584	Денга ДЕ	М., т.1, 17-21	7	
99-106	-<-	-<-	1535-1584	Денги плохой	Сохранности	8	
107-175	-<-	-<-	1535-1547	Денга б/б			
176-178	-<-	Тверь	1535-1547	в весе копейки	М., т.1, 1-1	69	
179-188	-<-	-<-	1535-1547	Денга б/б	М., т.1, 11-13	3	
189-195	-<-	-<-	1535-1547	Денга б/б	М., т.1, 11-15	10	
196	-<-	-<-	1547-1550	Денга О	М., т.1, 13-16	7	
197-259	-<-	-<-	1535-1547	Денга ІВ	М., т.1, 18-22	1	
260-273	-<-	Псков	1547-1550-е	Копейка А	М., т.1, 8-11	63	
274-338	-<-	-<-	1547-1550-е	Копейка ІВА	М., т.1, 20-24	14	
339-415	-<-	-<-	1560-е	Копейка ГР	М., т.1, 21-25	65	
416-417	-<-	-<-	1560-е	Копейка с/МН	М., т.1, 35-27	77	
418-585	-<-	-<-	1570-е	Копейка МА	М., т.1, 36-28	2	
586-594	-<-	-<-	1580-е	Копейка ІВ-р	М., т.1, 37-27	168	
595	-<-	-<-	1580-е	Копейка ІВ-р	М., т.1, 37-29	9	
596-644	-<-	Новгород	1535-1542	Копейка Ф-р	М., т.1, 38-30	1	
645-674	-<-	-<-	1542-1547	Копейка б/б	М., т.1, 9-12	49	
675-751	-<-	-<-	1547-1550-е	Копейка ФС	М., т.1, 14-17	30	
752-762	-<-	-<-	1550-е	Копейка ПС	М., т.1, 19-23	77	
763	-<-	-<-	1550-е	Копейка АЛ	М., т.1, 22-26	11	
764-765	-<-	-<-	1555-е	Копейка Ю-р	М., т.1, 23-26	1	
766-771	-<-	-<-	1555-е	Копейка я/ДМ	М., т.1, 25-26	2	
772-778	-<-	-<-	1560-е	Копейка ВАЯ	М., т.1, 26-26	6	
				Копейка к/ВА	М., т.1, 28-26	7	

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес, г.
779-846	- « -	- « -	1560-е	Копейка к/ВА	М., т.1, 29-26	68	
847-850	- « -	- « -	1570-е	Копейка к/ВА	М., т.1, 30-26	4	
851-856	- « -	- « -	1570-е	Копейка к/МIX	М., т.1, 32-26	6	
857-860	- « -	- « -	1580-е	Копейка к/АН	М., т.1, 33-26	4	
861-864	- « -	- « -	1580-е	Копейка ф/АН	М., т.1, 34-26	4	
866-883	- « -	Копейки	Плохой сох	ранности неоп	ределенные	19	
884-886	Федор Иванович 1584-1598	Новгород	до 1596	Копейка НЕ	М., т.2, 1-1	3	

4. Ягеллици, д. Валдайского р-на Новгородской обл. 743 экз. 1596 г. Изд.: НЭ. XIII. № 40.

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на литературу	Кол-во	Вес, г.
1-50	Иван IV 1533-1584	Москва	1535-1547	Денга б/б в весе копейки	М., т.1, 1-1	50	
51-105	- « -	Псков	1535-1547	Копейка А	М., т.1, 8, 11	55	
106-118	- « -	- « -	1547-1550-е	Копейка ІВА	М., т.1, 20-24	13	
119-195	- « -	- « -	1547-1550-е	Копейка ГР	М., т.1, 21-25	77	
196-295	- « -	- « -	1560-е	Копейка с/МН	М., т.1, 35-27	100	
296	- « -	- « -	1560-е	Копейка МА	М., т.1, 36-28	1	
297-343	- « -	- « -	1570-е	Копейка ІВ-р	М., т.1, 37-27	47	
344-345	- « -	- « -	1580-е	Копейка ІВ-р	М., т.1, 37-29	2	
346-404	- « -	Новгород	1535-1542	Копейка б/б	М., т.1, 9-12	59	
405-440	- « -	- « -	1542-1547	Копейка ФС	М., т.1, 14-17	36	
441-506	- « -	- « -	1547-1550-е	Копейка ПС	М., т.1, 19-23	66	
507-519	- « -	- « -	1550-е	Копейка АЛ	М., т.1, 22-26	13	
520	- « -	- « -	1550-е	Копейка Ю-р	М., т.1, 23-26	1	

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес, г.
521-528	- « -	- « -	1555-е	Копейка я/ДМ	М., т.1, 25-26	8	
529-531	- « -	- « -	1555-е	Копейка ВАЯ	М., т.1, 26-26	3	
532	- « -	- « -	1555-е	Копейка с/ВАЯ	М., т.1, 27-26	1	
533-536	- « -	- « -	1560-е	Копейка к/ВА	М., т.1, 28-26	4	
537-630	- « -	- « -	1560-е	Копейка к/ВА	М., т.1, 29-26	94	
631-634	- « -	- « -	1560-е	Копейка к/ВА	М., т.1, 30-26	4	
635	- « -	- « -	1570-е	Копейка к/ВА	М., т.1, 31-26	1	
636-647	- « -	- « -	1570-е	Копейка МІХ	М., т.1, 32-26	12	
648-654	- « -	- « -	1580-е	Копейка к/АН	М., т.1, 33-26	7	
655	- « -	- « -	Копейкаплатной сохранности, неопределен.			1	
656-659	Федор Иванович 1584-1598	Москва	до 1596	Копейка НЕ	М., т.1, 4-5	4	
660-682	- « -	Псков	1595-1598	Копейка ПС	М., новая систематизация: т.3/2/-3	23	
683-700	- « -	- « -	1596-1598	Копейка ПС	М., т.3/4/-3	18	
701	- « -	- « -	1596-1598	Копейка ПС	М., т.4/5/-3	1	
702	- « -	- « -	1596-1598	Копейка ПС	М., т.5/6/-3	1	
703-724	- « -	Новгород	1584-1595	Копейка НЕ	М., т.2, 1-1	22	
725-728	- « -	- « -	1596	Копейка в/НО.РД	М., т.2, 2-1	4	
729-740	- « -	- « -	1596	Копейка в/НО.РД	М., т.2, 2-2	12	
741-743	- « -	- « -	1596	Копейка НЕ	М., т.2, 1-2	1	

5. Москва, Б. Никитская ул. 142 экз. После 1596 г. Изд.: НЭ, XIII. № 41.

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на литературу	Кол-во	Вес, г.
1-	Иван IV 1533-1584	Москва	1535-1547	Денга б/б в весе копейки	М., т.1, 1-1	5	3,26

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес, г.	
6	- « -	Псков	1535-1547	Копейка А	М., т. 1, 8-11	1	0,67	
7-15	- « -		1547-1550-е	Копейка ИВА	М., т. 1, 20-24	9	6,06	
16-34	- « -		1547-1550-е	Копейка ГР	М., т. 1, 21-25	19	12,62	
35-51	- « -		1560-е	Копейка с/МН	М., т. 1, 35-27	17	11,27	
52-61	- « -		1570-е	Копейка ИВ-р	М., т. 1, 37-27	10	6,63	
62-75	- « -		Новгород	1535-1542	Копейка б/б	М., т. 1, 9-12	14	8,93
76-83	- « -			1542-1547	Копейка ФС	М., т. 1, 14-17	8	5,49
84-106	- « -		- « -	1547-1550-е	Копейка ПС	М., т. 1, 19-23	23	15,24
107-108	- « -		- « -	1550-е	Копейка Ю-р	М., т. 1, 22-26	2	1,30
109	- « -		- « -	1555-е	Копейка я/ДМ	М., т. 1, 25-26	1	0,66
110-111	- « -		- « -	1560-е	Копейка с/ВАЯ	М., т. 1, 26-26	2	1,31
112	- « -	- « -	1560-е	Копейка к/ВА	М., т. 1, 28-26	1	0,59	
113-123	- « -	- « -	1560-е	Копейка к/ВА	М., т. 1, 29-26	11	7,37	
124	- « -	- « -	1570-е	Копейка к/ВА	М., т. 1, 31-26	1	0,60	
125-126	- « -	- « -	1570-е	Копейка к/МІХ	М., т. 1, 32-26	2	1,28	
127-128	- « -	- « -	1580-е	Копейка к/АН	М., т. 1, 33-26	2	1,41	
129-132	- « -	Копейкипловой сохранности неопределен. Москва	1596-1598	Копейка с/М	М., т. 2, 9-4; новая систематизация: т., 6-4	4	2,77	
133-135	Федор Иванович 1584-1598							3
136-139	- « -	Псков	1596-1598	Копейка ПС	М., т. 2/3/-3	4	2,74	
140-141	- « -		1596-1598	Копейка ПС	М., т. 3/4/-3	2	1,45	
142	- « -	Новгород	1596	Копейка в/НО.РД	М., т. 2-1	1	0,63	

6. Место находки неизвестно. 712 экз. После 1596 г. Не изд.

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на литературу	Кол-во	Вес, г.
1-158	Иван IV 1533-1584	Москва, Тверь	1535-1584	Денга б/б, О, ДЕ, ИВ	Не разобраны по штамтелям	158	

К вопросу о Псковском денежном дворе на рубеже XVI—XVII вв.

№ п/л	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес, г.
159-196	- « -	Москва	1535-1547	Денга б/б в весе копейки	М., т.1, 1-1	38	
197-245	- « -	Псков	1535-1547	Копейка А	М., т.1, 8-11	49	
246-251	- « -	- « -	1547-1550-е	Копейка ПВА	М., т.1, 20-24	6	
252-276	- « -	- « -	1547-1550-е	Копейка ГР	М., т.1, 21-25	25	
277-346	- « -	- « -	1560-е	Копейка с/МН	М., т.1, 35-27	70	
347-419	- « -	- « -	1570-1580-е	Копейка ПВ-р	М., т.1, 37-27	73	
420-488	- « -	Новгород	1535-1542	Копейка б/б	М., т.1, 37-29	69	
489-536	- « -	- « -	1542-1547	Копейка ФС	М., т.1, 9-12	48	
537-627	- « -	- « -	1547-1550-е	Копейка ПС	М., т.1, 14-17	91	
628-664	- « -	- « -	1550-е	Копейка АЛ	М., т.1, 19-23	37	
665	- « -	- « -	1550-е	Копейка Ю-р	М., т.1, 22-26	1	
666-702	- « -	- « -	1560-1570-е	Копейка к/ВА	М., т.1, 23-26	37	
703-705	- « -	- « -	1570-е	Копейка к/МХ	М., т.1, 28-26	3	
706-707	- « -	- « -	1580-е	Копейка к/АН	М., т.1, 29-26	2	
708-711	Федор Иванович 1584-1598	Москва	1584-1585/6	Денга НС	М., т.1, 31-26 М., т.1, 32-26 М., т.1, 33-26	4	
712	- « -	- « -	После 1596 г.	Копейка с/М	М., т.2, 1-1 М., т.2, 9-4; Новая систематизация : т. 6-4	1	

7. Псков, г. Территория кремля. 138 экз. 1598 г. Изд.: НЭ. XIII. № 42.

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес, г.
1-3	Иван IV 1533-1584	Москва	1535-1547	Денга б/б	Не разобраны по штемпелям	3	
4-7	- « -	- « -	1547-1584	Денга ДЕ	М., т.1, 16-20	4	
8	- « -	- « -	1535-1547	Денга б/б в весе копейки	М., т.1, 1-1	1	
9	- « -	Псков	1535-1547	Копейка А	М., т.1, 8-11	1	
10-11	- « -	- « -	1547-1550-е	Копейка ГР	М., т.1, 21-25	1	
12-20	- « -	- « -	1560-е	Копейка с/МН	М., т.1, 35-27	9	
21-23	- « -	- « -	1570-е	Копейка В-р	М., т.1, 37-27	3	
24	- « -	Новгород	1535-1542	Копейка б/б	М., т.1, 9-12	1	
25	- « -	- « -	1550-е	Копейка АЛ	М., т.1, 22-26	1	
26-30	- « -	- « -	1560-е	Копейка к/ВА	М., т.1, 29-26	5	
31	Федор Иванович 1584-1598	Москва	1584-1595	Денга НС	М., т.2, 1-1	1	
32-41	- « -	Псков	1596-1598	Копейка ПС	М., т.2/3/-3	10	
42-58	- « -	- « -	1596-1598	Копейка ПС	М., т.3/4/-3	17	
59-67	- « -	- « -	1596-1598	Копейка ПС	М., т.4/5/-3	9	
68-69	- « -	Новгород	1584-1595	Копейка НЕ	М., т.2, 1-1	2	
70	- « -	- « -	1596	Копейка в/НО.РД	М., т.2, 2-2	1	
71-102	- « -	- « -	1597	Копейка в/НОРЕ	М., т.2, 3-2	32	
103-126	- « -	- « -	1598	Копейка в/НОПС	М., т.2, 5-2	24	
127-134	- « -	- « -	1598	Копейка в/НОПС	М., т.2, 6-2	8	
135-136	- « -	- « -	1598	Копейка ППС	М., т.2, 7-2	2	
137-138	- « -	- « -		Копейки плохой сохранности, неопред		2	

8. Дубешня, с. Псковского р-на Псковской обл. 587 экз. 1598 г. Изд. НЭ. XIII. № 43

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес, г.
1	Иван III 1462-1505 Василий III 1505-1533	Москва (?)	1462-1533	Московка		1	
2-36	Иван IV 1533-1584	Москва	1535-1547	Денга б/б	Не разобраны по штемпелям	35	
37-39	- « -	- « -	1547-1584	Денга б/б		3	
40	- « -	- « -	1547-1584	Денга ДЕ	М., т.1, 16-18	1	
41-52	- « -	- « -	1547-1584	Денга ДЕ	М., т.1, 16-20	12	
53-58	- « -	- « -	1547-1584	Денга ДЕ	М., т.1, 17-21	6	
59-94	- « -	- « -	1535-1547	Денга б/б	М., т.1, 1-1	36	
95-103	- « -	Тверь	1535-1547	Денга б/б	М., т.1, 11-13	9	
104-106	- « -	- « -	1535-1547	Денга О	М., т.1, 13-16	3	
107-140	- « -	Псков	1535-1547	Копейка А	М., т.1, 8-11	34	
141	- « -	- « -	1547-1550-е	Копейка ИВА	М., т.1, 20-24	1	
142-166	- « -	- « -	1547-1550-е	Копейка ГР	М., т.1, 21-25	25	
167-214	- « -	- « -	1560-е	Копейка с/МН	М., т.1, 35-27	48	
215-220	- « -	- « -	1560-е	Копейка МА	М., т.1, 36-28	6	
221-280	- « -	- « -	1570-е	Копейка ИВ-р	М., т.1, 37-27	60	
281-287	- « -	- « -	1580-е	Копейка ИВ-р	М., т.1, 37-29	7	
288-313	- « -	Новгород	1535-1542	Копейка б/б	М., т.1, 9-12	26	
314-320	- « -	- « -	1542-1547	Копейка ФС	М., т.1, 14-17	7	
321-352	- « -	- « -	1547-1550-е	Копейка ПС	М., т.1, 19-23	32	
353-358	- « -	- « -	1550-е	Копейка АЛ	М., т.1, 22-26	6	
359	- « -	- « -	1550-е	Копейка Ю-р	М., т.1, 23-26	1	
360-361	- « -	- « -	1555-е	Копейка Я/ДМ	М., т.1, 25-26	2	
362-367	- « -	- « -	1560-е	Копейка ВАЯ	М., т.1, 26-26	6	

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес, г.
368	- « -	- « -	1560-е	Копейка с/ВАЯ	М., т.1, 27-26	1	
369-371	- « -	- « -	1570-е	Копейка к/ВА	М., т.1, 28-26	3	
372-399	- « -	- « -	1570-е	Копейка к/ВА	М., т.1, 29-26	28	
400-406	- « -	- « -	1570-е	Копейка к/ВА	М., т.1, 30-26	7	
407	- « -	- « -	1570-е	Копейка к/МІХ	М., т.1, 32-26	1	
408-413	- « -	- « -	1580-е	Копейка к/АН	М., т.1, 33-26	6	
414	- « -	- « -	1580-е	Копейка ф/АН	М., т.1, 34-26	1	
415	- « -	Денга	Плохой	сохранности		1	
416-417	- « -	Копейки	плохой	сохранности		2	
418-420	Федор Иванович	Москва	1595-1596	Копейка НЕ	М., т.2, 4-4	3	
421	1584-1598	Псков	1584-1595/6	Копейка Ф-р	М., т.2, 1-1	1	
422-464	- « -	- « -	1595-1598	Копейка ПС	М., т.2/3/-3	43	
465-513	- « -	- « -	1596-1598	Копейка ПС	М., т.3/4/-3	49	
514-553	- « -	- « -	1596-1598	Копейка ПС	М., т.4/5/-3	40	
554-563	- « -	- « -	1596-1598	Копейка ПС	М., т.5/6/-3	10	
564-567	- « -	- « -	1596-1598	Копейки плохой	сохранности	4	
568-578	- « -	Новгород	1584-1595	Копейка НЕ	М., т.1, 1-1	11	
579-581	- « -	- « -	1596	Копейка в/НО.РД	М., т.2, 2-2	3	
582-584	- « -	- « -	1597	Копейка в/НОРЕ	М., т.2, 3-2	3	
585-587	- « -	- « -	1598	Копейка в/НОРС	М., т.2, 5-2	3	

9. Эстония. Именне Алагскива, Таргусский р.-н. МРМ № под № 6302 и 6307. 200 экз. 1598 г. Не издан.

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на литературу	Кол-во	Вес, г.
1-31	Иван IV 1533-1584	Москва	1535-1547	Денга б/б	Не разобраны	31	9,8
32-43	- « -	- « -	- « -	Денга в весе копейки	М., т.1, 1-1	12	7,82

№ п/л	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес, г.
44-54	- « -	- « -	1547-1584	Денга ДЕ	М., т.1, 16-20	11	3,31
55	- « -	Тверь	1533-1547	Денга б/б	М., т.1, 11-13	1	0,3
56-65	- « -	Псков	1535-1547	Копейка А	М., т.1, 8-11	10	6,35
66-69	- « -	- « -	1547-1550	Копейка ИВЯ	М., т.1, 20-24	4	2,77
70-80	- « -	- « -	1547-1550	Копейка ГР	М., т.1, 21-25	11	6,73
81-92	- « -	- « -	1560-е	Копейка с/МН	М., т.1, 35-27	12	7,99
93-101	- « -	- « -	1570-е	Копейка ИВ-р	М., т.1, 37-29	9	5,98
102-114	- « -	- « -	1547-1584	Копейки плохой сохранности		13	8,4
115-124	- « -	- « -	1535-1542	Копейка б/б	М., т.1, 9-12	10	6,53
125-127	- « -	Новгород	1542-1547	Копейка ФС	М., т.1, 14-17	3	1,99
128-142	- « -	- « -	1547-1550	Копейка ПС	М., т.1, 19-23	15	10,09
143-144	- « -	- « -	1555-е	Копейка я/ДМ	М., т.1, 25-26	2	1,36
145-152	- « -	- « -	1560-е	Копейка к/ВА	М., т.1, 29-26	8	5,33
153-154	- « -	- « -	- « -	Копейка к/ВА	М., т.1, 30-26	2	1,35
155-161	- « -	- « -	1547-1584	Копейки плохой сохранности		7	4,46
162-	Федор Иванович 1584-1598	Москва	1595-1596	Копейка НЕ	М., т.2, 4-5	1	0,66
163-164	- « -	- « -	1596-1598	Копейка ^{п, мо} ПС	М., т.2, 7-4	2	1,34
165	- « -	Псков	1584-1596	Копейка Ф-р	М., т.2, 1-1	1	0,7
166-182	- « -	- « -	1596-1598	Копейка ПС	М., т.2, 2/3/-3 М., т.2, 3/4/-3	17	11,42
183-	- « -	- « -	1596-1698	Копейка ПС	М., т.2, 4/5/-3	1	0,68
184	- « -	- « -	1596-1598	Копейка ПС	М., т.2, 5/6/-3	1	0,68
185-195	- « -	- « -	1596-1598	Копейки плохой сохранности		11	7,44
196	- « -	Новгород	1584-1595	Копейка НЕ	М., т.2, 1-1	1	0,65
197-198	- « -	- « -	1597	Копейка в/НОРЕ	М., т.2, 4-2	2	1,33
198-199	- « -	- « -	1598	Копейка НОРС	М., т.2, 5-2	1	0,69
200	Московская английская компания	неизвестно	1595 - 1600 (?)	Копейка к/ХХ с именем Ивана	М., т.7, 2-5 (или 6)	1	0,72

10. Дмитриев, г. Московской обл. 845 экз. 1598 г. Изд.: Мельникова А.С., Дядченко О.С., Сводка кладов с русскими монетами, поступившими в ОН ГИМ. В 1989-1993 гг./ Труды ГИМ. Вып. 98. Новейшие исследования в области нумизматики. Нумизматический сборник. Часть XIII. М., 1998. Приложения, № 3 (21). С.118-121.

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес, г.
1	Василий II 1525-1462	Москва	1425-1462	Денга		1	0,36
2	Василий III 1505-1533	Москва	1505-1533	Москва			0,39
3-4	Иван IV 1533-1584	Москва	1533-1535	Денга б/б в весе полушки	М.,ф/г.1,1-5 (дореформенный чекан)	2	0,19
5	- « -	- « -	1533-1535	Денга б/б в весе полушки	М.,ф/г.1, 8(вар.)-8. (дореформенный чекан)	1	0,20 0,23
6	- « -	- « -	1533-1535	Денга б/б в весе полушки	М.,ф/г.1, 9-10(вар.) (дореформен- ный чекан)	1	0,26
7	- « -	- « -	1535-1547	Денга б/б	М.,т.1,2-4	1	0,33
8	- « -	- « -	1535-1547	Денга б/б	М.,т.1,3-2	1	0,32
9-33	- « -	- « -	1535-1547	Денга б/б	М.,т.1,4-2	25	8,07
34-100	- « -	- « -	1535-1547	Денга б/б	М.,т.1,5-2	67	21,67
101-102	- « -	- « -	1535-1547	Денга б/б	М.,т.1,5-4	2	0,65
103-105	- « -	- « -	1535-1547	Денга б/б	М.,т.1,5-5	3	0,98
106-107	- « -	- « -	1535-1547	Денга б/б	М.,т.1,5-7	2	0,64
108	- « -	- « -	1535-1547	Денга б/б	М.,т.1,5-10	1	0,34
109-128	- « -	- « -	1535-1547	Денга б/б	М.,т.1,6-2	20	6,36
129-140	- « -	- « -	1535-1547	Денга б/б	М.,т.1,6-7	12	3,88
130-190	- « -	- « -	1535-1547	Денга б/б	М.,т.1,6-8	50	16,20

К вопросу о Псковском денежном дворе на рубеже XVI—XVII вв.

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес, г.
191-226	-<-	-<-	1535-1547	Денга б/б	М., т.1, 6-9	36	11,91
227-228	-<-	-<-	1535-1537	Денга М	М., т.1, 7-2	2	0,63
229-233	-<-	-<-	1535-1547	Денга М	М., т.1, 7-7	5	1,63
234-252	-<-	-<-	1547-1584	Денга б/б	М., т.1, 15-18	19	6,08
253-174	-<-	-<-	1547-1584	Денга ДЕ	М., т.1, 16-20	22	7,24
175-335	-<-	-<-	1547-1584	Денга ДЕ	М., т.1, 17-19	61	20,32
176-345	-<-	-<-	1547-1584	Денга ДЕ	М., т.1, 17-20	10	3,35
336-352	-<-	-<-	1547-1584	Денга ДЕ	М., т.1, 17-21	7	2,28
353-371	-<-	-<-	1535-1547	Денга б/б в весе копейки	М., т.1, 1-1	19	12,40
372-379	-<-	Тверь	1535-1547	Денга б/б	М., т.1, 11-13	8	2,64
380	-<-	-<-	1535-1547	Денга б/б	М., т.1, 11-14	1	0,32
381-424	-<-	-<-	1535-1547	Денга б/б	М., т.1, 11-15	44	13,90
425	-<-	-<-	1535-1547	Денга б/б	М., т.1, 12-15	1	0,32
426-449	-<-	-<-	1535-1547	Денга О	М., т.1, 13-16	24	7,71
450	-<-	-<-	1547-1550-е	Денга IV	М., т.1, 18-22	1	0,33
451-490	-<-	-<-	Денги плохой сохранности, не определены			40	12,98
491-524	-<-	Псков	1535-1547	Копейка А	М., т.1, 8-11	34	22,50
525-529	-<-	-<-	1547-1550-е	Копейка IBA	М., т.1, 20-24	5	3,38
530-564	-<-	-<-	1547-1550-е	Копейка ГР	М., т.1, 21-25	35	23,38
565-600	-<-	-<-	1560-е	Копейка с/МН	М., т.1, 35-27	36	23,90
601	-<-	-<-	1560-е	Копейка МА	М., т.1, 36-28	1	0,71
602-628	-<-	-<-	1570-е	Копейка IV-р	М., т.1, 37-27	27	18,15
629	-<-	-<-	1580-е	Копейка IV-р	М., т.1, 37-29	1	0,69
630-655	-<-	Новгород	1535-1542	Копейка б/б	М., т.1, 9-12	26	17,22
656-674	-<-	-<-	1542-1547	Копейка ФС	М., т.1, 14-17	19	12,21
675-716	-<-	-<-	1547-1550-е	Копейка ПС	М., т.1, 19-23	42	27,72
717-722	-<-	-<-	1550-е	Копейка АЛ	М., т.1, 22-26	6	3,91
723-724	-<-	-<-	1555-е	Копейка я/ДМ	М., т.1, 25-26	2	1,34
725-727	-<-	-<-	1560-е	Копейка к/BA	М., т.1, 28-26	3	2,00

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на лит.-ру	Количество	Вес, г.
728-763	- « -	- « -	1560-е	Копейка к/ВА	М., т. 1, 29-26	36	24,05
764-766	- « -	- « -	1570-е	Копейка к/ВА	М., т. 1, 31-26	3	1,96
767-772	- « -	- « -	1570-е	Копейка к/МІХ	М., т. 1, 32-26	6	4,08
773-779	- « -	- « -	1580-е	Копейка к/АН	М., т. 1, 33-26	7	4,69
780-781	- « -	- « -	1580-е	Копейка ф/АН	М., т. 1, 34-26	2	1,35
782-788	- « -	Копейки плохой сохранности,		не определены	7	4,63	
789-809	Федор Иванович	Москва	1584-1595/6	Денга НС	М., т. 2, 1-1	21	6,62
810-811	1584-1598						
812-813	- « -	- « -	1584-1595/6	Денга б/б	М., т. 2, 3-3	2	0,68
814-823	- « -	- « -	1595/6	Копейка НЕ	М., т. 2, 4-5	2	1,35
	- « -	- « -	1596-1598	Копейка с/М	М., т. 2, 9-4;	10	6,85
					новая систематизация:		
					т., б-4		
824-832	- « -	Псков	1596-1598	Копейка ПС	М., т. 2, 3-1	9	6,03
833-836	- « -	- « -	1596-1598	Копейка ПС	М., т. 2, 4-2	4	2,67
837-840	- « -	Новгород	1584-1595	Копейка НЕ	М., т. 2, 1-1	4	2,70
841-842	- « -	- « -	1596	Копейка в/НО РД	М., т. 2, 2-2	2	1,33
843	- « -	- « -	1596	Копейка НЕ	М., т. 2, 1-2	1	0,67
844	- « -	- « -	1596	Копейка в/НО РД	М., т. 2, 2-1	1	0,70
845	- « -	- « -	1598	Копейка в/НОРС	М., т. 2, 5-2	1	0,68

11. Рейнике, д., Яуглягалльский р-н (Гаури, волость). Латвия. Хранится в Музее истории Латвии под № 101136. 226 экз. 1596—1598 гг. Не издан. Состав клада: №

п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на литературу	Количество	Вес, г
1-5	Иван IV 1533—1584	Москва	1535—1547	Денга б/б в весе копейки	М., т. 1. 1-1	5	—

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес, г.
6-13	— « —	Псков	— « —	Копейка А	М., т. 1. 8-11	8	—
14-21	— « —	— « —	1547—1550	Копейка ГР	М., т. 1. 21-25	8	—
22-26	— « —	— « —	1560-е	КопейкаС/МН	М., т. 1. 35-27	5	—
27-31	— « —	— « —	1570-е	КопейкаВ-р	М., т. 1. 37-27	5	—
32	— « —	— « —	1580-е	— « —	М., т. 1. 37-29	1	—
33-38	— « —	Новгород	1535—1542	Копейка Б/б	М., т. 1. 9-12	6	—
39-43	— « —	— « —	1547—1550	КопейкаПС	М., т. 1. 19-23	5	—
44-45	— « —	— « —	1550-е	Копейка АЛ	М., т. 1. 22-26	2	—
46-56	— « —	— « —	1560-е	Копейка К/ВА	М., т. 1. 29-26	11	—
57	— « —	— « —	1570-е	Копейка К/ВА	М., т. 1. 33-26	1	—
58-226	Федор Иванович	Псков	1596—1598	Копейка ПС	М., т. 2. 3-2	169	—
	1584—1598						

12. Великие Луки, г., Псковская обл. 2265 экз. 1599 г. Изд.: НЭ. XIII. № 44. №

п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на литературу	Количество	Вес, г.
1	Иван III 1462—1505	Москва	1462—1505	Московка	Ор. № 667, т. XI. р. 513	1	—
2	Василий III 1505—1533	Псков	1510—1533	Новгородка	Ор., № 83, т. I. Р-29	1	—
3	Иван III — Василий III 1462—1533	Москва	1462—1533	Московка	Ор., № 682, т. XI, р. 529	1	—
4-15	Иван IV 1533—1584	Москва	1533—1584	Полушка	М., 1989, ф/т 3,а	12	—

К вопросу о Псковском денежном дворе на рубеже XVI—XVII вв.

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес, г.
16-20	— « —	Псков	— « —	— « —	М., 1989, ф/т 4, г	5	—
21	— « —	Новгород	— « —	— « —	М., 1989, ф/т 5, е	1	—
22-807	— « —	Москва	1535—1547	Денга б/б	Разные, не разобраны	786	—
808-812	Иван IV 1533—1584	Москва	1535—1547	Денга М	М., т. 1. 7-2	5	—
813-1082	— « —	— « —	1547—1584	Денга б/б, ДЕ	Разные, не разобраны	270	—
1083-1103	— « —	— « —	1535—1547	Денга б/б в весе копейки	М., т. 1. 1-1	21	—
1104-1133	— « —	Тверь	— « —	Денга б/б	М., т. 1. 11-13	30	—
1134-1198	— « —	— « —	— « —	Денга О	М., т. 1. 13-16	65	—
1199-1202	— « —	— « —	1547—1550-е	Денга ІВ	М., т. 1. 8-22	4	—
1203-1264	— « —	Псков	1535—1547	Копейка А	М., т. 1. 8-11	62	—
1265-1273	— « —	— « —	1547—1550-е	Копейка ІВЯ	М., т. 1. 20-24	9	—
1274-1401	— « —	— « —	— « —	Копейка ГР	М., т. 1. 21-25	128	—
1402-1484	— « —	— « —	1560-е	Копейка с/МН	М., т. 1. 35-27	83	—
1485-1486-1589	— « —	— « —	— « —	Копейка МА	М., т. 1. 36-28	1	—
	— « —	— « —	1570-е	Копейка ІВ-р	М. Т. 1. 36-28 М., т. 1. 37-29	104	—

К вопросу о Псковском денежном дворе на рубеже XVI—XVII вв.

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес, г.
1590	— « —	— « —	1580-е	Копейка Ф-р	М., т. 1. 38-30	1	—
1591-	— « —	Новгород	1535—1542	Копейка б/б	М., т. 1. 9-12	76	—
1666	— « —	— « —	1542—1547	Копейка ФС	М., т. 1. 14-17	31	—
1667-	— « —	— « —	1547—1550	Копейка ПС	М., т. 1. 19-23	78	—
1698	— « —	— « —	1550-е	Копейка АЛ	М., т. 1. 22-26	13	—
1699-	— « —	— « —	1555-е	Копейка я/ДМ	М., т. 1. 25-26	9	—
1776	— « —	— « —	— « —	Копейка Ю-р	М., т. 1. 23-26	2	—
1789	— « —	— « —	1560-е	Копейка ВАЯ	М., т. 1. 26-26	4	—
1790-	— « —	— « —	1570-е	Копейка к/ВА	М., т. 1. 28-26		
1798	— « —	— « —		Копейка к/МНХ	М., т. 1. 29-26		
1799-	— « —	— « —		Копейка к/АН	М., т. 1. 30-26		
1800	— « —	— « —		Копейки плохой сохранности	М., т. 1. 31-26	76	—
1801-	— « —	— « —					
1804	— « —	— « —					
1805-	— « —	— « —					
1880	— « —	— « —					
1881-	— « —	— « —	1570-е	Копейка к/МНХ	М., Т. 1. 32-26	6	—
1886	— « —	— « —	1580-е	Копейка к/АН	М., т. 1. 33-26	2	—
1887-	— « —	— « —					
1888	— « —	— « —					
1889-	— « —	— « —					
1898	— « —	— « —					
1899-	Федор						10
1955	Иванович						—

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес, г.
1956-1959	1584—1598	Москва	1584—1595	Денга НС	М., т. 2. 1-1 М., т. 2. 1-2 М., т. 2. 2-2	57	—
1960-1973	— « — — « —	— « — — « —	1595 1596—1598	Копейка НЕ Копейка М/с	М., т. 2. 4-5 М., т. 2. 9 6(9)-4	4 14	—
1974-2179	— « —	Псков	1595-1596	Копейка ПС	М., т. 2.2(3)-3 М., т.2.3(4)-3 М., т.2.4(5)-3	206	—
2180-2185	— « —		1596—1598		М., т. 2.5(1)-3	6	—
2186-2196	— « —	Новгород	1584—1595	Копейка НЕ	М., т. 2. 1-1	11	—
2197-2223	— « —	— « —	1596	Копейка в/НО.РД	М., т. 2. 2-2	27	—
2224-2256	— « —	— « —	1597, 1598	Копейка в/НОРЕ, в/НОПС	М., т. 2. 3-2 М., т. 2. 5-2 М., т. 2. 6-2	33	—
2257	Борис Федорович 1598—1605	— « — Псков	1599 — « —	Копейка в/НО.РЗ Копейка ПСРЗ	М., т. 3. 1-1 М., т. 3. 1-1	1 1	—
2258-2259-2265	— « —					7	—

2265 Монеты плохой сохранности, нераспределенные

13. Кузнецов, д., Дмитровский р-н Московской обл. 393 экз. 1599 г. Не изд. Состав вклада:

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес, г.
1	Новгород Великий 1420—1478	Новгород	1420—1478	Денга (стоящая София)	Плохой сохранности	1	0,66
2	Иван IV 1533—1584	Москва	1533—1535	Копейка в весе новгородки	М., 1989, ф/т I, 1-1 (дореформенный чекан)	1 17	0,75 10,96
3-19 20-92	— « — — « —	— « — — « —	1535—1547 — « —	Мечевая копейка Денга 6/6	М., т. I. 1-1 М., т. I. 4-2 М., т. I. 5-2 М., т. I. 6-9 М., т. I. 6-5 М., т. I. 6-10 М., т. I. 7-7	1 17	0,75 10,96
93-100	— « —	— « —	— « —	— « —	М., т. I. 6-10 М., т. I. 7-7	8	2,62
101	— « —	— « —	— « —	Денга М	М., т. I. 6-18	1	0,31
102	— « —	— « —	1547—1584	Денга 6/6	М., т. I. 17-19	1	0,3
103-111	— « —	— « —	1547—1584	Денга ДЕ	М., т. I. 16-20	9	2,96
112-113	— « —	— « —	— « —	— « —	М., т. I. 17-21	3	0,99
114-115	— « —	— « —	— « —	— « —	М., т. I. 11-13	2	0,63
116-118	— « —	Тверь	1535—1547	Денга 6/6	М., т. I. 11-15	3	0,93
119-134	— « —	— « —	— « —	— « —	М., т. I. 13-16	16	5,13
135-142	— « —	— « —	— « —	Денга О	М., т. I. 8-11	8	2,63
143-157	Иван IV 1533—1584	— « —	1535—1547	Копейка А	М., т. I. 8-11	15	10,07
158-160	— « —	Псков	1547—1550-е	Копейка ПВЯ	М., т. I. 20-24	3	2,04
161-184	— « —	— « —	— « —	Копейка ГР	М., т. I. 21-25	24	16,29
185-215	— « —	— « —	1560-е	Копейка с/МН	М., т. I. 35-27	31	20,89
216-217	— « —	— « —	— « —	Копейка МА	М., т. I. 36-28	2	1,33
218-230	— « —	— « —	1570-е	Копейка ПВ-р	М., т. I. 37-27	13	8,65

К вопросу о Псковском денежном дворе на рубеже XVI—XVII вв.

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес, г.
231-258	— « —	Новгород	1535—1542	Копейка б/б	М., т. 1. 9-12	28	18,47
259-273	— « —	— « —	1542—1547	Копейка ФС	М., т. 1. 14-17	15	9,84
274-311	— « —	— « —	1547—1550-е	Копейка ПС	М., т. 1. 19-23	38	23,35
312-320	— « —	— « —	1555-е	Копейка АЛ	М., т. 1. 22-26	9	6,02
321	— « —	— « —	— « —	Копейка я/ДМ	М., т. 1. 25-26	1	0,63
322	— « —	— « —	1560-е	Копейка ВАЯ	М., т. 1. 26-26	1	0,55
323	— « —	— « —	— « —	Копейка с/ВАЯ	М., т. 1. 27-16	1	0,66
324-330	— « —	— « —	1570-е	Копейка к/ВА	М., т. 1. 28-26	7	4,64
331-360	— « —	— « —	— « —	— « —	М., т. 1. 29-26	30	20,25
361	— « —	— « —	— « —	— « —	М., т. 1. 31-26	1	0,65
362-363	— « —	— « —	1570-е	Копейка к/МНХ	М., т. 1. 31-26	1	0,65
364-369	— « —	— « —	1580-е	Копейка к/АН	М., т. 1. 33-26	6	4,12
370-371	— « —	— « —	— « —	Копейка ф/АН	М., т. 1. 34-26	2	1,35
372-377	Федор Иванович						
378-379	1584—1598	Москва	1584—1595	Денга НС	М., т. 2. 1-1	6	1,85
380-381	— « —	— « —	1596—1598	Копейка М/с	М., т. 2. (6) 9-4	2	1,35
382	— « —	Псков	— « —	Копейка ПС	М., т. 2. 6-2	2	1,32
383-386	— « —	— « —	— « —	— « —	М., т. 2. 3(4)-3	1	0,66
387	— « —	— « —	— « —	— « —	М., т. 2. 4(5)-3	4	2,7
388	— « —	— « —	1596-1598	— « —	М., т. 2.5(6)-3	1	0,64
389	— « —	— « —	1596	Копейка В/НО.РД	М., т. 2. 2-2	1	0,63
0,64		Новгород	Копейка плохой сохранности				1
390-391	Борис Федорович						
392	1598—1605	Москва	1599	Копейка М/о	М., т. 3. 1-1	2	0,63
393	— « —	— « —	— « —	— « —	М., т. 2. 2-1	1	
	— « —	Новгород	1599	Копейка в/НО.РЗ	М., т. 3. 1-1	1	0,62

СВОДНАЯ ТОПОГРАФИЯ КЛАДОВ ВРЕМЕНИ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА

Россия

1. Брянская обл., Почепский р-н, д. Глазово. В 1947 г. были найдены около 100 монет Ивана IV- Федора Ивановича. В ОН ГЭ под № XVI хранятся 18 монет из клада. Состав части клада : Иван IV, Москва- 5 экз. (денги б/б, ДЕ — 4, денга б/б в весе копейки —1) ; Псков — 2 экз. (копейки А, IBA) ; Новгород — 3 экз. (копейки б/б, ПС, к/ВА); Федор Иванович , Москва — 5 экз.(денги НС-1, копейки с/М- 4), Псков — 3 экз. (копейки ПС). Спасский, стр. 297; М., 1980, № 164.

2. Кировская обл., Слободской р-н, (д. Старковская Вятской губ, Слободского у.). В 1907 г. были найдены около 11 ф. русских серебряных монет XVI в., относящихся ко времени Ивана IV и Федора Ивановича (последних в клада было 18 экз.). ОАК за 1907 г. СПб, 1910.г.,стр. 120 и 136. Архив ЛОИА, ф.1, д.136 за 1907 г. М., 1880, № 166.

3. Ленинградская обл., Кингисепский р-н (д. Раскулицы Петербургской губ, Ямбургского у.). В 1901 г. был найден клад из 2604 экз. (общий вес — 3 ф.6,5 зол.), состоящий из монет Ивана IV и Федора Ивановича, а также монет Ивана III и псковских после 1510 г. Монеты Федора Ивановича представлены единственным экземпляром. 13 монет из клада поступили в Российский Исторический музей в июле 1902 г. под № 40270. ОАК за 1901 г., стр.117 и 170; И., № 77 ; Спасский, стр. 297; М., 1980, № 167.

4. Москва , ЦАО, Б.Никитская ул. (б. ул Герцена Краснопресненского р-на). В 1956 г. во время земляных работ у дом № 7 была найдена кубышка с монетами Ивана IV и Федора Ивановича. Клад датируется началом правления Федора Ивановича. Часть клада

(142 экз.) поступили в ОН ГИМ под 90917 (см. Приложение 2, № 5). М., М., 1955-1958, № 37; М., 1980, № 168.

5. Москва, С-ВАО, Черкизово. В 1902 г. был найден клад из 339 монет времени Ивана IV и Федора Ивановича. Две монеты из клада были приобретены для частного собрания, остальные возвращены находчикам. ОАК за 1902 г., стр. 124 и 167; М., 1980, № 169.

6. Московская обл., г. Дмитров. В Дмитровском краеведческом музее под № 3938 хранится клад, найденный В.И.Клятовым на ул. Барок, состоящий из 845 экз. (монеты Ивана IV и Федора Ивановича). Время захоронения клада датируется 1598 г. Клад хранился в кубышке. (см. Приложение 2, № 10). М., 1980, № 170; М., Д., 1998, № 21.

7. Московская обл., г. Жуковский. 9 июня 1954 г. при земляных работах был найден клад монет Ивана IV и Федора Ивановича. Клад, время захоронения которого относится к началу правления Федора Ивановича, поступил в ОН ГИМ под № 84974 (см. Приложение 2, № 1). М., 1952—1954, № 34; М., 1980, № 173. НЭ, XIII. № ; 37.

8. Московская обл., Сергиево-Посадский р-н, пос. Золотилово. В июне 1953 г. экскаваторщик А.А. Турчанков в оползне песчаного карьера нашел кубышку с монетами Ивана IV и Федора Ивановича. Клад в количестве 295 экз., об. вес 148,24 г., поступил в ОН ГИМ под № 88963. Датируется началом правления Федора Ивановича (см. Приложение 3, № 2). М., М., 1955—1958, № 42; М., 1980, № 171; НЭ. XIII. № 38.

9. Московская обл. Сергиево-Посадский р-н (с. Хотьково Дмитровского у. Московской губ.). В 1897 г. был найден клад серебряных монет, из которых пять экземпляров относились ко времени Федора Ивановича. Клад был передан в Археологический институт в С.-Петербурге. ОАК за 1897 г., стр. 68 и 177; М., 1980, № 172.

10. Новгородская обл. Валдайский р-н г. Яжелбицы. В 1973 г. был найден клад, поступивший в Новгородский музей под № 23302. В кладе насчитывалось 723 монеты времени Ивана IV и Федора Ивановича. Датируется 1596 г. (см. Приложение 2, № 4). М., 1980, № 174; НЭ. XIII. № 40.

11. Пензенская обл., Наровчатский р-н (с. Рыскино Пензенской губ., Наровчатского у.). В 1904 г. были найдены 224 монеты времени Ивана IV и Федора Ивановича. ОАК за 1904 г., стр. 116 и 159; М., 1980, № 175.

12. Псков. В 1885 г. на территории Псковского кремля были найдены монеты второй половины XVI в. Часть клада (138 экз., об. вес 90,509 г.) хранится в Псковском музее под № 2165. Датируется

1598 г. (см. Приложение 2, № 7). М., 1980, № 176; НЭ. XIII. № 42.

13 Псковская обл., Псковский р-н, с. Дубешня. В 1958 г. был найден клад времени Ивана и Федора Ивановича в количестве 587 экз., который датируется 1598 г. (см. Приложение 2, № 8). Хранится в Псковском музее под № 3101. М., М., 1959, № 12 (ошибочно указано место находки — Дубенино); М., 1980, № 177 (ошибочно указана дата захоронения — 1596); НЭ. XIII. № 43 (ошибочно указано количество монет в кладе — 588 экз.).

14. Псковская обл., Псковский р-н, с. Подлипки. В июне 1963 г. была найдена зеленая поливная кубышка с 886 экз. монет (об. вес 546,5 г.) второй пол. XVI в. Клад, время захоронения которого относится к 1596 г., хранится в Псковском музее под № 4010 (см. Приложение 2, № 3). М., 1980, № 178; НЭ. XIII. № 39.

15. Рязанская обл., Рязанский р-н (с. Мурмино Рязанской губ. Рязанского у.). В 1903 г. был найден клад монет времени Ивана IV и Федора Ивановича. 18 монет из клада поступили в Рязанский музей под № 2407. ТРУАК, 1904 г., протокол VIII; М., 1980, № 179.

16. Рязанская обл., Спасский р-н (с. Ерофеева Слобода Спасского у. Рязанской губ.). В 1892 г. были найдены 134 монеты Ивана IV и Федора Ивановича (58 копеек и 65 денег Грозного и 6 копеек и 5 денег Федора Ивановича). Монеты поступили в Рязанский музей под № 1513. Федоров, с. 6; КРМ, стр. 84, № 120; Спасский, стр. 297; М., 1980, № 180.

17. Смоленская обл. Дорогобужский р-н (д. Быково Дорогобужского у. Смоленской губ.). В 1907 г. был найден клад монет общим весом в 1 ф. 8 зол. В глиняном горошке, состоящий из монет Ивана IV и Федора Ивановича. ОАК за 1907 г., стр. 112 и 139; Архив ЛОИА, ф. 1, д. 75 за 1907 г.; М., 1980, № 181.

18. Тульская обл. Ясногорский р-н, с. Большое Красинское. Был найден клад монет времени Ивана IV и Федора Ивановича, в количестве 1007 экз., общим весом 461,98 г. Ко времени Федора Ивановича относилась единственная монета (денга НС), что позволяет считать время захоронения клада первые годы его правления. Среди монет были три половинки княжеских и царских копеек Грозного, которые, возможно, могли употребляться вместо денег, и одна «мордовка». Данилевич, стр. 9, № 30, стр. 11, № 46; Спасский, стр. 293 и 296-297; М., 1980, № 182.

Белоруссия

19. Гомельский р-н, Чечерский р-н (Гродненский у. Черниговской губ., урочище «Свирижа» у р. Сож, недалеко от лесной сто-

рожки «Клубовка») В 1889 г. были найдены 46 западноевропейских и русских монет (выпуски Великого княжества Литовского, Польши, Венгрии; монеты Ивана IV. Княжеские и царские денги, безымянные копейки обоих видов и царские копейки со знаком с/МН; монеты Федора Ивановича со знаком с/М и в/НОРЕ). Рябцевич, № 25.М., 1980, № 183. Датируется 1598 г. (см. Приложение 2, № 11)

Литва

20. Яунтлагальский уезд, д. Рейнике (волость Гаури). В 19365 г. был найден клад монет из 260 экз.. В Музей истории Латвии под № 101136 попали 227 монет Клад датируется 1598 г. (см. Приложение 2, № 11).

Эстония

21. Бывшее имение Алатскиви (на границе с Псковской обл, неподалеку от г. Тарту и Чудского оз.). В Музее истории Риги и мореходства под №№ 6302 и 6307 хранятся 200 монет, составляющих часть клада, насчитывающего 963 экз. Судя по части комплекса, клад датируется 1598 г. (см. Приложение 2, № 9)

Место находки неизвестно

22. В ОН ГЭ под № 58 н.с. хранятся 712 монет, представляющие клад времени Ивана IV и Федора Ивановича, захороненный после 1596 г. (см. Приложение 2, № 6).

Спорный вопрос о месте чеканки «западных» копеек с именами Ивана IV и Федора

реди русских монет времени Ивана IV (1533—1584) и Федора Ивановича (1584—1598) выделяется небольшая группа копеек, заметно отличающаяся от прочей монетной продукции этого периода. Хотя монеты имеют традиционное для русских копеек оформление (всадник с копьем на лицевой стороне и строчная надпись с именем царя — на оборотной), весьма заметные детали выдают западное их происхождение. Штемпели для чеканки не вырезаны целиком, а изображения и надписи набиты пунсонами, что не было характерным для русской техники чеканки, многие буквы надписи явно сбиваются на латинский шрифт. Изготовители монет приготовили два типа лицевого штемпеля — с конем, идущим шагом, и со скачущим конем; часть лицевых штемпелей не имеет букв под ногами коня, часть — буквы к/ХХ и ПС. Обратная сторона также представляет вариации двух типов надписи — «Царь и великий князь Иван всея Руси» и «Царь и князь великий Феодор всея Руси». Несмотря на разнообразное расположение деталей изображения и букв в надписях, все же удалось выделить однотипные пары штемпелей, связанных в одну группу и составивших более десятка вариантов сочетаний. Уверенный рисунок, четкое рельефное изображение выдает руку профессионала-резчика монетных штемпелей, а наличие поштемпельных связей свидетельствует о чеканке этих монет в одном центре.

Монеты эти, получившие в литературе название «копейки западной работы» в настоящее время учтены нами в количестве 58 экз. (29 экз. происходят из музейных коллекций, 29 экз. встречены в 19 монетных кладах, временной диапазон которых распола-

гаются между 1589 и 1717 г., а места находки разбросаны по территории Европейской части бывшего СССР). Учитывая, что выделение «копеек западной работы» из общей массы русских монет XVI—XVII в. началось сравнительно недавно, логично предположить, что число этих копеек должно быть значительно больше известных. К указанным данным следует присовокупить сведения, полученные от известного собирателя о находке пяти кладов, в том числе клада смешанного состава, найденного в Эстонии, близ Пярну, содержащего на две с лишним тысячи общего количества монет 31 экз. копеек «западной работы» и единичной находки близ Тарту (Эстония). О.В.Тростьянский опубликовал две монеты, снятые с чувашского национального головного убора, пробитые и сильно потертые (вес 0,46 и 0,55 г.).¹ В Каталоге русских средневековых монет от 1533 до 1617 г. (авт. В.Н.Клешинов и И.В.Гришин) опубликованы новые варианты монет «западной работы», впрочем, без указания о количестве известных авторам экземпляров.² Так что в общей сложности мы знаем на сегодня приблизительно о сотне этих экзотических монет. Можно сделать на основании этого вывод о сравнительно крупных масштабах их чеканки, коль скоро монеты эти оставили довольно заметный след в русском денежном обращении.

В 1982 г. мною была выдвинута гипотеза о чеканке «копеек западной работы» Московской английской компанией в период между 1588—1595 г. В нашей работе «Московская английская компания и русское денежное дело // Россия на путях централизации. М., 1982» были высказаны аргументы с обоснованием гипотезы и опубликованы данные о 8 кладах, в которых были обнаружены «западные» копейки, перечислены известные типы монет и предложена их систематизация. В общей сложности тогда были выявлены 38 экземпляров, происходивших из коллекций музеев и монетных кладов. В 1989 г. в монографии «Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого» (М., 1989) эта точка зрения была еще раз мною повторена и в научном обороте за «копейками западной работы» закрепилось определение «монеты Московской английской компании». Позже (2001 г.) мною

¹ Тростьянский О.В. К вопросу о месте чеканки «западных» копеек с именами Ивана IV и Федора Ивановича // Тезисы докладов восьмой Всероссийской нумизматической конференции. М. 2000. С. 151—152; он же. «Западные» копейки с именами Ивана IV и Федора Ивановича (К вопросу о месте чеканки) // Древности Поволжья и других регионов. Нумизматический сборник. Вып. Ш. Нижний Новгород. 2000. С. 269—272.

² Клешинов В.Н., Гришин И.В. Каталог русских средневековых монет с правления царя Ивана IV Васильевича до шведской оккупации Новгорода (1533—1617). М. 1998. С. 33-36.

же была подтверждена прежняя атрибуция «западных» копеек как продукции англичан, но чеканка их перенесена на 1595—1600 г. и связана с общей конъюнктурой, сложившейся вокруг Псковского денежного двора.³

Первую версию о происхождении «копеек западной работы» предложил в 1955 г. И.Г.Спасский. В работе «Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г.» он предположил, что копейки эти чеканил мастер-иноземец, приглашенный Иваном IV в Россию в 50-х гг., который вскоре был вынужден прекратить их чеканку из-за нарушения законного веса монет⁴. В более поздней работе 1977 г. И.Г. Спасский уже отказался от этого категорического суждения и обозначил монеты «с именами Ивана или Федора, не очень четкого веса..., чеканенными штемпелями явно не русской, западной работы». Окончательное решение вопроса он оставил за будущим, когда подобные монеты должны отмечаться «в подходящих по дате, составу и месту находки кладах»⁵.

В последние годы появились возражения против атрибуции западных копеек как продукции Московской английской компании. В 1994 г. А.В. Быков, исследуя денежное обращение на территории Европейского Севера России в первой половине XVII в., пришел к выводу, что «западные копейки» были случайным на русском рынке явлением. Основным потребителем их, по мнению исследователя, был прибалтийский рынок и монеты эти были изготовлены для Ливонии. Впрочем, автор оставил вопрос об эмитенте «западных» копеек открытым. «Изготовителями этой группы монет могли быть даже шведы, заинтересованные в интенсивном притоке в Ливонию высокопробного серебра из соседней Московии», — заключил А.В.Быков⁶.

Через несколько лет со сходными возражениями выступил С.В.Зверев. Топография кладов с «западными» копейками, по мнению автора, скорее указывает на европейских купцов, торговавших на западной границе, в русских «порубежных» городах и не имевших, как англичане, права свободного проезда вглубь страны. С.В.Зверев решительно опровергает саму возможность

³ Мельникова А.С. Спорный вопрос о месте чеканки «западных» копеек с именами Ивана IV и Федора // Тр. ГИМ. Вып. 125. Нумизматика на рубеже веков. Нумизматический сборник. Часть XV. М., 2001. С. 208—231.

⁴ Спасский И.Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617г. // МИА, 1955, № 44, с. 222—224, 250—259.

⁵ Спасский И.Г. Деньги. // Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. 1, С. 240

⁶ Быков А.В. Денежное обращение на территории Европейского Севера России в первой половине XVII в. (По данным кладов и письменных источников). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва. 1994. С.15

чеканки англичанами подражательных копеек, поскольку, потеряв привилегию на беспошлинную чеканку из собственного серебра на русских денежных дворах, Компания сохранила общее для всех западноевропейских купцов право частного заказа на чеканку монет на русских денежных дворах с выплатой соответствующих пошлин. «Необходимость платить обычные пошлины очень незначительно сокращала прибыль от перечеканки и не могла стать стимулом для фабрикации фальшивок», — этим выводом С.В.Зверев завершил дискуссию об участии Московской английской компании в русском денежном деле⁷. Эти же доводы были повторены автором в кандидатской диссертации «Денежное обращение и монетное дело на Северо-Западе Русского государства в первой половине XVII в.» Там же был добавлен еще один аргумент в пользу прибалтийского происхождения западных копеек: в результате «тщательного изучения подражательных копеек западной работы» автор обнаружил близость монетных легенд в западных копейках с буквенными и цифровыми пунсонами монетных дворов Риги, Данцига и Торуня. С теми же выводами исследователь выступил на международной научной конференции «Россия-Британия», которая проводилась в Моевке 16—18 декабря 2003 г.⁸

Еще одно мнение — об участии в производстве «западных» копеек Швеции, которая чеканила их для своих прибалтийских владений — высказал в 2000 г. О.В.Гростьянский⁹.

Заключая обзор дискуссионных высказываний о происхождении «западных» копеек и определении их места в русском денежном обращении, нельзя не отметить одного существенного обстоятельства. Оппоненты довольствовались уже известной источниковой базой. Аргументами в споре не были ни новые письменные источники, ни монетные клады, ни дополнительные экземпляры монет. «Тщательное изучение подражательных копеек западной

⁷ Зверев С.В. Псковский денежный двор. Конец XVI- начало XVII веков // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. 3. М., 1994. С. 64—65.

⁸ Зверев С.В. Денежное обращение и монетное дело на Северо-Западе Русского государства в первой половине XVII в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1998. С. 13;

Он же. О группе поддельных русских копеек XVI века, приписываемых Английской Московской компании // Тезисы докладов международной научной конференции «Россия — Британия». К 450-летию установления дипломатических отношений и торговых связей. Москва. 2003. С. 43—45.

⁹ Гростьянский О.В. К вопросу о месте чеканки «западных» копеек с именами Ивана IV и Федора Ивановича. С. 151—152; он же. «Западные копейки» с именами Ивана IV и Федора Ивановича. С. 269—272.

работы», о чем так авторитетно заявил в диссертации С.В.Зверев, свелось к сравнению нескольких экземпляров этих копеек с небольшой группой прибалтийских монет мелких номиналов из собрания ОН ГИМ. О.В.Тростьянский вообще обнаружил плохое знание русских монет XVI в., анализируя специфику дизайна «западных» копеек и сравнивая их с современными русскими копейками. Впрочем, эти частные замечания не касаются существа выдвинутых моими оппонентами положений, о спорности которых пойдет речь ниже.

Дело в том, что источниковая база, на коей базируется изучение русских копеек западной работы, практически безгранична. За время, прошедшее после публикации 1982 и 1989 г., как выше уже показано, число известных монетных кладов с западными копейками увеличилось с 8 до 19 и более, а общее количество выявленных монет — с 38 почти до сотни экземпляров. В Каталоге русских средневековых монет 1533—1617 г., составленном В.Н.Клешиновым и И.В.Гришиным, число вариантов «западных» копеек увеличилось с 13, представленных в моей таблице 1989 г., до 18.¹⁰ Разумеется, это не предел. Целенаправленные поиски в коллекциях местных музеев, особенно на Северо-Западе нашей страны и в Прибалтике, а также в РГАДА и других архивах, могут значительно расширить источниковую базу и, действительно, дать веские аргументы для продолжения и, возможно, окончательного решения дискуссии.

Любое нумизматическое исследование, тем более имеющее спорный характер, мне кажется, должно основываться на следующих основных положениях. Прежде всего, необходимо опираться на исчерпывающе полный объем нумизматических данных, являющихся объектом исследования, а также на всесторонний анализ этого материала. Далее, необходимо соблюдать системный подход к изучаемому явлению, рассматривая его как звено в общей цепи явлений и событий. И, наконец, его следует рассматривать в конкретном историческом контексте. Руководствуясь вышеизложенными принципами, я попробую вернуться к вопросу о месте, времени, эмитенте и побудительных причинах, вызвавших появление на рубеже XVI—XVII в. феномена русских копеек западной работы.

Ниже приводятся две таблицы, в одной из которых перечислены копейки западной работы из коллекций музеев, в другой — находки их в кладах.

¹⁰ Клешинов В. Н., Гришин И. В. Указ. соч. С. 33

Монеты из музейных собраний

№ п/п	Место хранения и номер	Описание	Ссылка на литер.	Колич.	Вес	Проба
1	ГИМ 91533/ КП 109098	б/б- Иван	М.,ф/т 9,1-1	1	0,59	
2-3	ГЭ, 13227,13228	к/ХХ-Иван	М.,ф/т 9,2-2 2	0,54	0,60	960
4	ГЭ, 13229	к/ХХ -Иван	М.,ф/т 9,2-3	1	0,53	960
5-6	ГИМ 91533/КП109099, ГЭ,13233	к/ХХ — Иван	М.,ф/т 9,2-4 2	0,58	0,67	960
7	ГЭ, 13231	к/ХХ — Иван	М.,ф/т 9,2-5	1	0,61	960
8	ГЭ, 13234	ПС — Иван	М.,ф/т 9,3-5	1	0,65	960
--9	ГЭ, 13232	к/ХХ — Иван	Не изд.	1	0,64	960
10	ГИМ 91533/КП109100	ПС — Иван	М.,ф/т 9,3-4	1	0,59	
11-12	ГИМ 91533/ КП109101, 109102 0,63	ПС- Иван	М.,ф/т 9,3-6	2	0,63	
13	ГИМ 91533/КП109103	ПС — Федор	М.,ф/т 9, 3-7	1	0,65	
14	ГИМ 91533/ КП 109104	ПС — Федор	М.,ф/т 9,4-7	1	0,65	
15-18	ГИМ 91533/КП109105 109106 109107 ГЭ, 13230 0,62 960	ПС — Иван	М.,ф/т 9, 5-8	4	0,50 0,64 0,85	
19	ГИМ 91533/КП62550	ПС — Федор	М.,ф/т 9, 5-9	1	0,57	
20	ГИМ 91533/КП62551	б/б — Федор	М.,ф/т 9, 6-10	1	0,58	
21-23	Музей Института истории Эстонии , без №№	ПС — Федор	Разные штемпели	3	0,63 0,63 0,67	
24-29	ГЭ, без № (в работе Спасского 1955 г. таблица I, указаны 14 экз. «западных» копеек; 8 из них получили точные определения и отмечены в настоящей таблице под №№ 2,3, 4,6,7,8,9,18).	к/ХХ-Иван	Разные штемпели	6	0,63 0,63 0,63	

Всего 29 экз.: из Государственного Исторического музея (12 экз.), из Государственного Эрмитажа (14 экз.) и из Музея Истории Эстонии (3 экз).

№ п/п	Место находки и хранения клада	Дата захоронения	Колич. монет в кладе	Описание	Ссылка на литературу	Колич	Вес.
1	Эстония Тартуский р-н г.Алатскиви Музей истории г. Риги и мореходства №№ 6302, 6307	1598	200	к/XX-Иван	М., ф/т9, 2-2	1	0,72
2	Эстония д.Пилиствере Музей Института истории Эстонии № 173	1600	167 (138-западн. 29-русские монеты)	к/XX-Иван	М., ф/т9, 2-2	1	0,61
3	Эстония Вильяндский р-н д. Олуствере Музей Института Истории Эстонии № 73	1600	191 (29 – западн. 162-русск.)	к/XX-Иван ПС-Иван ПС-Федор	М., ф/т9, 2-4 М., ф/т9, 3-5 М., ф/т9, 4-7	1 1 2	0,55 0,65 0,55
4	Эстония Тартуский р-н д.Сууре-Ракке Музей Института Истории Эстонии № 4828	1600	4782 (4735-запад. 47 – русск.)	ПС-Федор к/XX-Иван ПС-Федор ПС-Федор	М., ф/т9, 4-9 М., ф/т9, 2-2 М., ф/т9, 4-7 М., ф/т9, 4-9	1 1 1 2	0,65 0,61 0,59 0,57
5	Брянская обл. Брасовский р-н	1603	2046	ПС-Федор	М., ф/т9, 4-7	1	-

№ п/п	Место находки и хранения клада	Дата захоронения	Колич. монет в кладе	Описание	Ссылка на литературу	Колич	Вес.
6	д.Козинки БОМ 5362 Московская обл. Красногорский р-н, г. Павшино ГИМ 99763	1606	1013	к/XX-Иван	М., ф./г9, 2-4	1	0,62
7	Смоленская обл. Духовщинский р-н, д. Каменка ОАК за 1909/10г. СПб, 1913, с.203	1606	около 2000	к/XX-Иван		1	
8	Смоленская обл. с. Тычино СОМ 14151	1606	295	ПС-Федор	М., ф./г9, 4-9	1	
9	Псковская обл. Печорский р-н с. Умковичи Музей Истории Эстонии	1607	780	ПС-Федор	М., ф./г9, 3-7	1	-
10	№ 1375/82 Ярославская обл. Пошехонский р-н, с. Красное ЯРМЗ №1393	1607	около 1000	к/XX-Иван		1	
11	Новгород или область НМ №219	1607	5157	ПС-Иван	М., ф./г9, 3-6	3	

№ п/п	Место находки и хранения клада	Дата захоронения	Колич. монет в кладе	Описание	Ссылка на литературу	Колич	Вес.
12	Смоленская обл. Краснинский р-н д. Аносово Клочков, 200, С. 218-219, клад № 3. .	ок. 1608 г.	ок. 3000	к/XX-Иван ПС-Федор		1 2	
13	Москва ГИМ 82855	1609	4872	к/XX-Иван	М.,ф/г9,2-2	1	0,65
14	Москва ГИМ №82622	1612	1531	ПС-Иван	М.,ф/г9,3-5	1	0,64
15	Смоленская обл. д. Вяльцево СОМ №12537	1612	310	ПС-Иван		1	
16	Костромская обл. г. Солигалич СТМ № 840	1613	4086	б/б- Иван	М.,ф/г9,1-1	1	
17	Вологодская обл. ВОКМ № 1428	1613	1116	к/XX-Иван	М.,ф/г9,2-5	1	0,59
18	Волгодла ВОКМ № 1393	1645	1700	ПС- Иван		1	
19	Место находки неизвестно ОН ГЭ, № 27 н.с.	1717	2756	б/б- Федор	М.,ф/г9,6-10	1	0,61

Всего в 19 кладках выявлены 29 копеек «западной работы». Сюда же следует добавить некоторые сведения о пяти кладках, которые мы не включили в таблицу, поскольку располагаем весьма неполными данными о них. Пока готовится полноценная публикация этих находок, упомянем лишь клад 1600 г., в котором на две с лишним тысячи смешанного состава насчитывается 31 экз. «западных» копеек (Эстония, район возле г. Пярну), единичную находку из окрестностей Тарту (Эстония), а также клад 1602 г. из Перемышльского р-на Калужской обл. (1 экз.), клад 1607 г., найденный в г. Павлово-Посад Московской обл., где были 2 «западные» копейки, клад времени Василия Шуйского из д. Кузьминки Калужской обл. (1 «западная» копейка), клад 20-х г. XVII в. времени Михаила Федоровича из с. Хопылево Рыбинского р-на Ярославской обл. (1 «западная копейка»). Следует упомянуть также 2 монеты из чувашского национального головного убора, опубликованные О.В. Тростьянским, также не имеющие точной атрибуции. В общей сложности насчитывается еще 39 экз. монет, которые суммируются с 29 известными нам экземплярами из 19 кладов.

Весовая норма копеек «западной работы» лежит в пределах 0,61-0,65 г, хотя встречены среди них и монеты с очень высоким весом — 0,72 и 0,85. Изготовители подражений, судя по всему, стремились подладиться к реальному весу русских копеек трехрублевой стопы, составляющему в основной своей массе 0,65 г. 960 проба западных копеек полностью была идентична пробе русских монет до 1627/8 гг.

В рассмотренных нами кладках копейки по типам распределены довольно равномерно — 10 экз. представляют копейки к/XX — Иван, 9 — ПС-Федор и 7 — ПС-Иван; по одному экземпляру — копейки без букв с именем Ивана и с именем Федора. Правда, в общей массе монет из музейных коллекций и из кладов несомненное преобладание составляют копейки к/XX — Иван, но это произошло за счет того, что именно этот тип выделялся своей необычностью из чекана Грозного и копейки с буквами к/XX попадали в музейные коллекции как редкие. Остальные типы (ПС-Иван и ПС-Федор) воспринимались долгое время как рядовые копейки Ивана Грозного и Федора Ивановича и разделяли судьбу остальных монет кладов XVI—XVII вв. — чаще всего их возвращали владельцам или отправляли на переплавку.

В ранних эстонских кладках (1600 г.) основные типы западных копеек встречаются вместе (в кладе из д. Олуствере — копейки к/XX-Иван, ПС-Иван и ПС-Федор, в кладе из д. Сууре-Ракке — к/XX-Иван и ПС-Федор), что позволяет предположить их одновременное появление и впоследствии — равномерное распределение в денежном обращении. Я не берусь представить законченную хронологию

ческую систематизацию «западных» копеек, поскольку для этого не располагаю достаточными данными. Бесспорно одно: общие штемпели и использование одинаковых пунсонов связывает «западные» копейки в группу, объединенную поштемпельными связями.

Изучение топографии кладов с «западными» копейками убедительно свидетельствует о том, что впервые они появились на северо-западных рубежах Русского государства. 4 клада из Эстонии, время захоронения которых лежит между 1598-1600 гг., содержат 11 экземпляров из общего числа копеек, найденных в кладах. Нужно также учесть вышеприведенные сообщения о двух находках из Эстонии, точными сведениями о которых мы пока не обладаем. Помимо эстонских зафиксированы еще 14 пунктов, где были обнаружены «западные» копейки (место находки одного клада осталось неизвестным). Из этих пунктов 2 приходится на северо-запад страны (находки 1607 г. из Новгорода и Псковской области, всего 4 экз.), 5 находок сделано на западном направлении (в Смоленской области в кладе 1606 г. обнаружены 2 монеты, в кладе, зарытом около 1608 г. — еще 1, и в кладе 1612 г. — 1; в кладе из Брянской области 1603 г. — 1 монета). Остальные находки происходят из различных торговых центров страны. Две «западные» копейки найдены в Москве, в кладах 1609 г. и 1613 г., одна — в г. Павшино Московской области в кладе 1606 г. Примечательно, что ряд находок обнаружены в городах, расположенных по пути из Архангельска в Москву: 2 монеты найдены в вологодских кладах 1613 и 1645 г., 1 — в кладе из Ярославской обл. (клад 1607 г.) и 1 — в кладе 1613 г. из г. Солигалича Костромской области. Заметим сразу, что новые находки, неполные сведения о которых приведены выше, в целом не меняют уже определившуюся картину географического распространения кладов. Следует также учитывать две монеты, обнаруженные в национальном головном уборе из Чувашии.

Основной массив «западных» копеек, как уже отмечалось, был обнаружен в кладах 1598-1600 г. (11 экз.). Далее следует одна находка в кладе 1603 г., 3 — в кладах 1606 г., 5 — в кладах 1607 г., 2 — в кладах 1608 и 1609 г., 2 — в кладах 1612 г. и столько же — в кладах 1613 г. Затем «западные» копейки постепенно исчезают из денежного обращения — зафиксирована только одна находка в вологодском кладе 1645 г. и одна — в кладе 1717 г., место захоронения которого осталось неизвестным. (Полученные нами дополнительные данные также не меняют общей картины: 2 находки из южной Эстонии (31 + 1 экз.), 2 — из Калужской обл. (2 экз. из клада 1602 г. и клада времени Шуйского), 2 экз. из клада 1607 г. из Московской обл. и 1 экз. из клада 20-х гг. XVII в. Ярославской обл.).

Датировка «западных» копеек подсказывается находкой их в кладях 1598—1600 г., из чего следует, что производство этих подражаний началось не раньше этого времени. Более точную хронологию можно установить, определив время появления оригинальных русских копеек, послуживших моделями для изготовителей подражаний.

Одним из этих образцов следует признать копейки времени Ивана Грозного, чеканенные в самом конце его правления на Новгородском денежном дворе. Обратная сторона в точности воспроизводит надпись («Царь и великий князь Иван всея Руси»), а для лицевой стороны взято за образец изображение всадника на шагающем коне, характерное для двух самых поздних типов (копейки с буквами к/АН и ф/АН под конем). Возможно, первоначально был изготовлен лицевой штампель, лишенный каких-либо буквенных обозначений, что вообще не было свойственно для копеек Грозного. При его помощи отчеканили два типа копеек с именами Ивана (М., ф/т 9, 1-1) и Федора (М., ф/т 9, 6-10). Остальные монеты получили буквенное обозначение к/ХХ. Подражатели использовали характерный элемент, непременно присутствующий на буквенных сочетаниях копеек Новгородского денежного двора начиная с 60-х г. — выносную букву к, но сочетание ХХ было уже их собственным изобретением. Впрочем, этого было вполне достаточно для создания поверхностного сходства с копейкой Грозного.

Другой моделью послужили копейки Псковского денежного двора с именем Федора и буквами ПС под конем, чеканка которых началась после 1595 г. Эти подражания буквально копировали образец: в точности было повторено изображение скачущего коня с буквами ПС внизу, с еще большей тщательностью воспроизводилась надпись «Царь и князь великий Феодор всея Руси», с характерным начертанием букв Ф и О.

Третий распространенный тип «западных» копеек ПС-Иван был создан путем соединения лицевого штампеля с буквами ПС и оборотного с именем Ивана, для чего использовались ранее приготовленные орудия чеканки.

Поскольку очевидно, что все основные типы «западных» копеек появились практически одновременно, о чем также свидетельствуют тесные поштампельные связи между ними, следует считать, что чеканка их началась не ранее появления выпуска псковских копеек с именем Федора Ивановича и с буквами ПС под конем, что произошло в 1595/6 гг. Известно, что именно те копейки, которые послужили образцом для подражания, составляли основную массу монет, выпускавшихся на Псковском дворе с 1595/6

до 1599 г.¹¹ Видимо, время чеканки «западных» копеек следует ограничить начальной датой — 1595/6 г. и конечной — 1598/9 г. Никакие другие типы русских копеек, чеканившиеся в указанный отрезок времени и в более поздние сроки, больше не копировались. Среди «западных» копеек нет подражаний ни многочисленным новгородским выпускам с буквами в/НО (Новгород Великий) и датами РД, РЕ, PS, ни копейкам Московского денежного двора с буквами с/М, о/М.

Следовательно, анализ самих «западных» копеек и кладового материала, на наш взгляд, убедительно свидетельствует о том, что монеты эти появились в очень коротком отрезке времени — между 1595—1600 гг., а также о том, что инициаторы чеканки были заинтересованы в том, чтобы их подражания растворились бы незамеченными среди подлинных русских копеек, обращавшихся в этот период в Пскове и его окрестностях, для чего дизайн, вес и проба подражательных копеек не отличались от подлинных.

О «псковской ориентации» подражаний также свидетельствуют места находок самых ранних кладов с «западными» копейками. В своих прежних публикациях я не обратила внимания на явное тяготение этих выпусков к псковскому ареалу денежного обращения, датировав время их появления 1588—1595 гг. Между тем, ключ к отгадке «тайны» западных копеек лежит, на мой взгляд, именно в правильной датировке этих подражаний и привязке самой акции к особенностям денежного обращения на Северо-Западе в данный период.

Пятилетие между 1595 и 1600 г. для русского денежного обращения было отмечено рядом важнейших событий.

Центральным и определяющим здесь было возобновление торговых связей с Европой через Прибалтику в результате заключения в 1595 г. Тявзинского мира со Швецией. Архангельский порт, которому предстояло занять ведущее место в русской международной торговле, основанный в 1584 г. в годы лишения «нарвского плаванья» и утеснительных санкций для русского купечества со стороны Швеции после неудач Ливонской войны (1558—1583), к 90-м гг. XVI в. не был еще достаточно обустроен и обжит. Подсчитано, что в 1589 г. Архангельск принял всего 14 иностранных кораблей. Его подъем и дальнейший расцвет начались с 1600 г. В 1601 г. количе-

¹¹ Мельникова А.С. К вопросу о Псковском денежном дворе на рубеже XVI—XVII вв. // Тр. ГИМ. Вып. 115. Нумизматика в Историческом музее. Нумизматический сборник ГИМ. Ч. XIV. М., 2001. С. 149—186. Она же. К вопросу о Псковском денежном дворе на рубеже XVI—XVII в. // Тезисы докладов и сообщений. Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Ярославль. 19—23 апреля 1999 г. М. 1999. С. 125—126.

ство прибывших в порт кораблей увеличилось уже в полтора раза.¹²

Нумизматические материалы показывают, что с 1595 по 1600 г. ведущую роль в снабжении сырьем русской монетной чеканки занял Псков, связанный посреднической торговлей с Ригой, в эти годы также переживающей экономический подъем.

Западноевропейские купцы, вывозившие в Европу через Ригу сельскохозяйственные товары, в первую очередь — пеньку, лен, рожи, золу и деготь, «лесные товары», нужные «для корабельного строения», ввозили серебро, которое было главным предметом экспорта на Восток.¹³

Основным источником, характеризующим состояние денежного хозяйства в России в этот период, служат монеты. По нумизматическим данным удалось установить, что после 1595 г. на всех русских денежных дворах — Новгородском, Псковском и Московском — началась интенсивная чеканка, обусловленная оживлением внешней торговли после заключения Тязвинского мира. Был создан единый центр руководства денежным делом в стране — Денежный приказ, разработана и внедрена система знаков денежных дворов, каждый из которых метил свою продукцию собственным знаком, были, по всей видимости, приняты еще какие-то организационные меры, нашедшие косвенное отражение в монетах¹⁴.

Одной из таких мер, вне сомнения, имеющей определяющее значение для всего русского денежного дела, было упорядочение системы обеспечения сырьем денежных дворов. Сырье в виде слитков, прутового серебра, и серебра в изделиях («ветоши»), но главным образом в виде западноевропейских талеров (на Руси — «ефимков») поступало на денежные дворы от казны и от частных заказчиков, которыми чаще всего выступали купцы, занятые в западноевропейской торговле. Судя по всему, снабжение осуществлялось стихийно, по мере надобности в деньгах у частных заказчиков и по мере накопления запасов сырья в казне. Имеются веские основания для предположения о том, что после 1595 г. правительство решило сосредоточить все казенные заказы на чеканку непосредственно вблизи центра поступления серебра в страну. Таким центром с 1595 по 1599 г. стал Псков.

Прямые указания источников (известный наказ псковским должностным лицам от 1594 г., требующий от приезжих инозем-

¹² *Флоря Б.Н.* Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI — начало XVII в.) / Средние века. Вып. 36. М. 1973. С. 129—151.

¹³ *Дорошенко В.В.* Торговля и купечество Риги в XVII веке. Рига. 1985. С. 49—108.

¹⁴ *Мельникова А.С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра I. М. 1989. С. 69—81

цев «являть» свое серебро на псковской таможене и менять его или на товары, или на местные деньги, но не нести на денежный двор на переплавку, сведения 1598 г. о невозможности немецким купцам перечекивать свои монеты в русские деньги на Псковском дворе, «как прежде») уже являются вескими доводами в пользу предположения об отказе на право частной чеканки на Псковском денежном дворе. Но наиболее убедительным аргументом должны служить монеты Псковского двора, легко узнаваемые по характерному знаку двора — буквам ПС под ногами коня. Количество этих монет в коллекциях и кладах, появившихся после 1595 г., намного превышающее продукцию двух других денежных дворов — Новгородского и Московского, убедительно, на наш взгляд, свидетельствует о необычайной продуктивности Псковского двора после 1595 г. Это могло быть следствием того, что всю основную массу серебра, поступавшего в страну через Псковскую таможню, казна направляла на Псковский двор в перекепку, закрыв перед частными заказчиками возможность перекекивать свое серебро в Пскове. Казенные заказы по сравнению с частными доставляли гораздо больше сырья и были более регулярными.¹⁵

По данным Торговой Книги известны нормативные («уставные») цены на талеры и нормы выхода русских копеек из талера. Один полноценный талер (весом около 29 г.) стоил на русские копейки 36 — 36,5 коп., хотя по весу он соответствовал 43,5 — 44,5 копейкам. При переделе на денежном дворе заказчик получал на руки 38 — 38,5 коп., что в целом соответствовало норме выхода русских копеек из талера за вычетом угара и ряда пошлин, взимаемых с заказчика за работу. Иноземный владелец талеров, вынужденный менять свое серебро на русские копейки в соответствии с уставной ценой или сдавать его на денежный двор в перекепку, терял в среднем 6—8 копеек с талера. На этом строилась вся государственная политика цен на ефимки. Казна стремилась обеспечить высокую прибыль от торговли ефимками и последующей переделке их в русскую монету, поэтому талеры на русском рынке выступали только как товар, но не как средство обращения.

Такая политика была крайне неудобна для тех иностранцев, которые пытались вести торговые операции на русском рынке с местным населением. Впрочем, все договоры русского правительства с иностранцами в XVI—XVII в. неизменно включали пункт, запрещающий иноземным торговцам торговать непосредственно с русским населением и выезжать для торговли за пределы города,

¹⁵ Мельникова А.С. К вопросу о Псковском денежном дворе не рубеже XVI-XVII вв.

поэтому широко процветала посредническая торговля. Торговля псковских торговых людей, связанных с иностранными купцами, имела исключительно посреднический характер. В Пскове и окрестностях закупались товары, необходимые «для корабельного строения», а также хлеб, шкуры, конопля и конопляное семя и прочие сельскохозяйственные продукты. Все эти товары доставлялись в Ригу и другие портовые города перед навигацией.

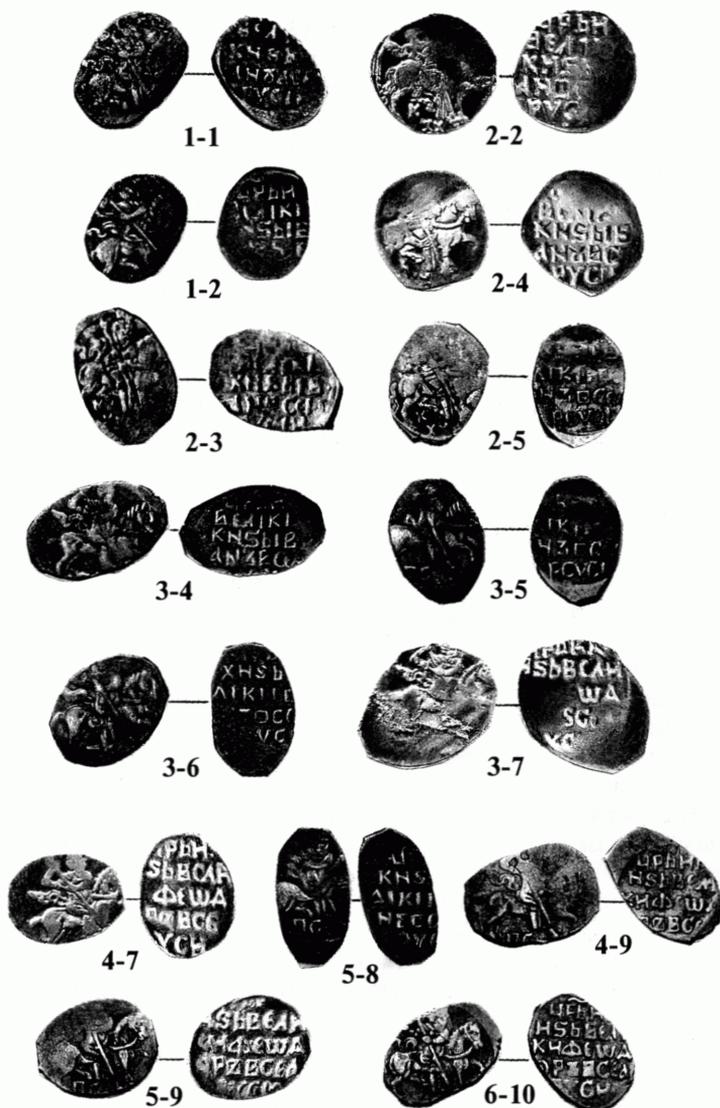
В Риге и других прибалтийских торговых портах существовала специальная категория «торговцев русским товаром». Они давали ссуды «москвитам» — торговым людям из Пскова и других близлежащих русских городов, которые скупали нужные товары у местного населения. Все это затем перепродавалось европейским купцам из Голландии, Франции, Англии, немецких городов, чаще не самим купцам, а их «факторам» — приказчиком.

Сделки между европейскими купцами и рижанами осуществлялись наличной монетой или путем обмена товара на товар. Главным привозным товаром из Европы были драгоценные металлы в виде денег. Источники фиксируют широкий приток иностранной монеты в Ригу на рубеже XVI—XVII столетия.¹⁶

Если для прибалтийских городов и в первую очередь для Риги часть серебра в виде монет привозилась на кораблях, часть поступала по векселям, то при переходе через русскую границу возникали новые условия пользования деньгами. Талеры и прочие иноземные монеты на Руси не могли использоваться в качестве ходячей монеты и их, как уже говорилось, приходилось менять на русские копейки или на товары, в соответствии с уставной ценой талера на русском рынке. Перечеканка из собственного серебра в русскую монету на Псковском дворе была бы более выгодна, но, как показывают источники, в Пскове эта практика была прекращена по меньшей мере лет на пять (с 1594 по 1599 г.). Вот здесь-то и возникал соблазн самим изготавливать русские деньги, благо техника чеканки их была очень простой и любой опытный серебряных дел мастер мог справиться с этим нехитрым делом.

Безусловно, условия для возникновения подделок под русские копейки создавались той оживленной торговой конъюнктурой, которая обозначилась на Балтике и особенно — для Риги во второй половине 90-х гг. XVI в. Псков, в этот период ставший сосредоточением посреднической торговли с Западом, был идеальным рынком, где «воровские» копейки могли незамеченными раствориться на фоне многочисленных торговых сделок. Как только изменилась

¹⁶ Дорошенко В. В. Указ. соч. С. 73

ОБРАЗЦЫ МОНЕТ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО ЧЕКАНА
МОСКОВСКОЙ АНГЛИЙСКОЙ КОМПАНИИ

Нумерация выдержана по таблицам в книге А.С. Мельниковой «Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого». В натуральную величину

обстановка, что произошло к 1600 г., и Псковский денежный двор вернулся к приему частных заказов на чеканку, а его продукция перестала захлестывать денежное обращение Северо-Запада¹⁷, нужда в подделках здесь пропала и сфера их использования переместилась в другой регион. Из 16 известных нам кладов первого десятилетия XVII в., найденных в Псковской обл. и 4 — в Новгородской, лишь в двух обнаружены «копейки западной работы» (3 в кладе 1607 г. из Новгорода и 1 в кладе 1607 г. из окрестностей Пскова).

Кто же мог выступать эмитентом «воровских» монет, так искусно подражающих псковским и частично новгородским копейкам конца века?

Наиболее возможными изготовителями «западных» копеек представляются торговые люди прибалтийских городов, связанные с Псковом давними и тесными торговыми связями. Больше других прибалтийских городов с Псковом была связана Рига, в городских архивах которой сохранилось множество конфликтных дел между горожанами и «москвитами», что служит свидетельством постоянных торговых контактов между Ригой и Псковом и свидетельствует о пребывании рижан — в Пскове и псковичей — в Риге¹⁸. Более того, известно, что часть рижского патрициата предпочитала московское подданство власти Речи Посполитой, о чем велись переговоры в 80-х гг. XVI в., правда безрезультатные, попытка возобновления которых была сделана в 1600 г. Такие же настроения существовали и в Нарве.¹⁹

«Москвиты» везли в Ригу пеньку и конопляное семя, сало, шкуры, меха, воск, мыло, грубые сукна, полотно, одежду и обувь, конскую упряжь; эти же товары закупали рижане в Пскове через местных торговцев. Разумеется, рижским торговым людям русские деньги были необходимы и изготовление подделок под копейки было бы вполне оправдано и целесообразно. Столь же возможно предположить, что изготовлением подделок занимались в других городах, расположенных на русско-лифляндской границе, связанных с Псковом и другими русскими городами Северо-Запада торговыми отношениями. Присутствие русских копеек в кладах смешанного состава, найденных на территории центральной и юго-восточной Эстонии — явление обычное. «Западные» копейки в составе русской части смешанных кладов, в частности,

¹⁷ Мельникова А.С. К вопросу о Псковском денежном дворе на рубеже XVI—XVII вв.

¹⁸ Дорошенко В.В. Указ. соч. С.93—95

¹⁹ Флоря Б.Н. Прибалтийские города и внешняя политика русского правительства в конце XVI—начале XVII в. // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе. М. 1960. С. 10—26

найлены в кладах, сосредоточенных возле Тарту и Пярну. Русские копейки ходили здесь наряду с мелкой прибалтийской монетой.

Но существуют и серьезные возражения против этого лежащего на поверхности вывода.

Наиболее возможным эмитентом «западных» копеек в конце XVI в. должна была быть Рига, как самый крупный центр западноевропейской торговли, непосредственно связанный с Псковом. Но В.В.Дорошенко показал, что русская торговля для рижан имела большое, но отнюдь не решающее значение, к тому же своего оборотного капитала в Риге недоставало и даже в самые благополучные годы она прибегала к займам у иностранцев.²⁰ Крупные торговые компании в Риге появились только в 30-х г. XVII в. Между тем, в чекане «западных» копеек более всего примечательна масштабность этой акции. За сотней экземпляров «западных» копеек, сохранившимися в наших кладах и коллекциях музеев (в действительности число их должно быть значительно больше) должна просматриваться весьма солидная организация, коль скоро даже в кладах начала XVIII в. эти копейки продолжали встречаться. Распространение «западных» копеек по всей территории Европейской части России, что наглядно демонстрируют клады, также свидетельствует о достаточно крупном центре чеканки этих подражательных копеек. «Воровские» — фальшивые монеты, очень засорявшие русское денежное обращение в XVI и особенно в XVII в. обычно представлены единичными экземплярами, чеканенными разными штемпелями. Две одинаковые «воровские» копейки — большая редкость. Здесь же мы имеем дело с большим количеством монет, чеканенных сопряженными штемпелями, что свидетельствует о наличии единого центра их чеканки. Совершенно ясно, что «западные» копейки чеканились не одиночками-фальшивомонетчиками. Для организации столь масштабной чеканки нужны были бы немалые средства и значительные запасы сырья.

Против «прибалтийской» версии также свидетельствует хронология кладов, содержащих «западные» копейки. Мы больше не знаем кладов после 1600 г. из Эстонии. Почти перестали они поступать и в новгородско-псковские земли (выше приводились данные о составе псковских и новгородских кладов первого десятилетия XVII в.). Вероятно, польско-шведская война 1600—1629 г. перекрыла торговые пути от Риги к Пскову и Новгороду. Однако это не означало, что хождение «западных» копеек прекратилось. Они

²⁰ *Дорошенко В.В. Указ. соч. С.93—101.*

стали попадать в русские земли по другим направлениям. Западно-европейские купцы по-прежнему нуждались в «русских» товарах и их «факторы» поставляли эти товары из Белоруссии и северо-западных областей Русского государства. «Западные» копейки были востребованы и после 1600 г. Находки 1606—1612 г. в Смоленской области (зафиксировано в общей сложности 4 находки), Калужской 1602—1610 г. (2 клада) и Брянской 1603 г. (1 клад) могут служить доказательством того, что «западные» копейки продолжали использоваться в торговле с местным населением, только направление торговых путей шло теперь не через территории, ведущие к русским северо-западным землям, а через Смоленск, Полоцк. Важно также отметить, что самые ранние клады, зафиксированные на русской территории (1602, 1603 г.), найдены в Брянской и Калужской областях. Возможно, в этот период усилилась роль польского купечества, заинтересованного в свободной торговле на русском рынке. Не случайно, Лжедмитрий I (1605—1606) разрешил полякам свободно торговать в Смоленске и «пушати из Смоленска во все Государства и города»²¹.

Мы полагаем, что организовать чеканку, по масштабам и размеру подобную чеканке «западных» копеек, под силу было бы только крупной торговой компании, обладающей немалыми основными средствами и имеющей возможность регулярного снабжения сырьем для чеканки. Вывод этот подсказан историей чеканки русско-датских копеек, организованной в Копенгагене после 1619 г. силами Печорской торговой компании и продолженной затем в Глюкштадте.

Эта чеканка оставила в русском денежном обращении заметный след. По нашим данным имеются сведения о 48 кладах, в которых были встречены в общей сложности более сотни русско-датских монет («деннингов»). Не сомневаюсь, что реальное число сохранившихся деннигов значительно превышает известное нам количество. Эти монеты не изымались из денежного обращения, подобно «западным» копейкам, которые к 20-м гг. XVII в. вместе с прочими монетами трехрублевой стопы были постепенно заменены монетами новой весовой нормы (чеканенными по четырехрублевой стопе). Как в том, так и в другом случае возможность выброса в русское денежное обращение столь значительного числа «воровских» денег иностранного происхождения оказалась под силу не отдельным злоумышленникам, а солидной организованной силе.

²¹ СГГид. 1819. Т. П. С. 217.

Вторым серьезным доводом против прибалтийского происхождения «западных» копеек является география их распространения. Обязанные своим возникновением оживленным торговым отношениям между Ригой и Псковом в середине 90-х гг. XVI в., «западные» копейки вначале осели в местности, расположенной к западу от Пскова по пути из Тарту и Риги. Как уже указывалось, именно там найдены самые ранние клады (1598—1600 г.). Но уже с первых же лет начавшегося XVII в. эти монеты встречены к востоку от западных границ России — не только в Смоленской, Брянской и Калужской областях, в окрестностях Пскова и Новгорода, но даже в Москве и Ярославле. А в 1612—1613 г. эти монеты проникают на Вологодчину и в Солигалич Костромской области. Попали они и в Поволжье (в Чувашию); к сожалению, нельзя установить время их проникновения. Если на рубеже XVI-XVII в. «западные» копейки встречены в пунктах, отмечающих пути русской внешней торговли на западных границах, то начиная с XVII в. пути распространения «западных» копеек накладываются на то новое направление русской внешней торговли, которое обозначилось в связи с развитием Архангельского порта.

Деятельность прибалтийского купечества имела весьма определенный ареал распространения, ограниченный на востоке Псковом, Новгородом, Смоленском, Полоцком. Собственного флота прибалтийские купцы не имели и до Архангельска не добирались. Более того, несколько позже описываемых событий, в 1612 г. делегации Риги, Тарту и Таллина обратились к польскому королю Сигизмунду III с предложением в «интересах подъема лифляндских городов» и благосостояния всей страны потребовать прекращения русского судоходства на Белом море, так как торговля Архангельска мешала торговле на Балтике.²²

Появление «западных» копеек на торговом пути из Архангельска в Москву никак нельзя связывать с прибалтийским купечеством, иначе вряд ли эти монеты смогли бы далеко уйти от северо-западных границ Русского государства. Следует принимать во внимание весьма ограниченные возможности товарооборота русского внутреннего рынка в XVI — первой половине XVII в., благодаря чему продукция русских денежных дворов обычно сосредоточивалась поблизости от каждого из центров чеканки и состав денежного обращения московского ареала довольно заметно отличался от псковского или новгородского. Эта особенность русского денежного хозяйства не раз отмечалась в работах отечественных исследователей.

²² Дорошенко В. В. Указ. соч. С. 95

Искать эмитента «западных» копеек следует среди других иностранцев, заинтересованных в русских товарах.

Известно, что с Псковом вели торговлю не только рижане, но и заморские фирмы. Сюда присылали своих «факторов» немецкие и голландские купцы, англичане имели опорные пункты торговли «в Ругодиве, в Новегороде и иных Лифляндских городах»²³.

Наиболее активную роль в русской внешней торговле во второй половине XVI в. в России играли английские и голландские купцы. Традиционным объектом торговых интересов английских купцов считается русский север. Однако английские купцы широко пользовались и балтийским направлением для торговли с Россией. Англичане особенно активизировались в Прибалтике в 50-х гг. 4 мая 1556 г. Рига сообщала в Любек, что торговля англичан с Россией начинает усиливаться и что русские уже несколько раз ездили в Англию для закупки там «металлических товаров». Рига просила указать ей пути и средства, как «устранить это губительное нововведение». С таким же посланием Рига обращалась и в Данциг. В послании указывалось, что английская торговля «совершенно разорит лондонскую контору и антверпенскую факторию»²⁴.

Беспокойство по поводу активизации англичан, которые представляли потенциальную опасность и для «лондонской конторы», было, очевидно, вызвано образованием в 1555 г. Московской компании английских купцов, сразу получившей значительные привилегии со стороны русского царя Ивана Грозного. Торговые контакты с Англией надолго стали определяющими в торговых отношениях Русского государства с европейскими странами. Следует заметить также, что за спиной Московской компании стояла сама королева, наделившая это торговое объединение немалыми привилегиями и использующая ее членов для выполнения многих дипломатических поручений.²⁵

Московская компания была первым объединением купцов, торгующих на общий капитал и при помощи общих «факторов»²⁶. Силу англичан также составляли царские привилегии, которыми

²³ Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера // Временник МОИДР, 1850, кн 8. Материалы. С. 17

²⁴ Отчет о розысканиях, произведенных в Рижском и Ревельском архивах по части русской истории Герм. Гильдебрандта // Приложение к XXIX-му тому Записок имп. Академии наук. № 3. СПб, 1879. С. 87—88

²⁵ *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 506.

²⁶ *Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 г. // Изв. АН СССР. VII серия. Отделение общественных наук. № 10. Л., 1933. С. 732

не пользовался никто из иностранцев, торгующих в России. Они получили право на свободную и беспошлинную торговлю по всей России, позднее в опричнину были включены все английские дома, коммерческие и промышленные предприятия. В 1567 г. англичане могли торговать в Казани, Астрахани, им был разрешен проезд через Волгу и Каспий в Персию. (Заметим, что в этой связи приобретает особое значение находка двух «западных» копеек в Поволжье, куда их могли занести английские купцы, осваивающие Волжский путь). Северный путь был объявлен английской монополией. Впрочем, в 60-е годы XVII в. этот путь не приобрел еще сколько-нибудь важного значения во внешней русской торговле. Гораздо важнее было разрешение торговать на Балтике — в Нарве, которая с 1558 по 1581 г. находилась в русском владении, а также в Дерпте (Тарту). В 1569 г. к прежним привилегиям прибавились новые, в том числе разрешение на постройку английских домов в новых пунктах. Для нас особый интерес представляет получение права перечекивать на русских денежных дворах собственное серебро в русскую монету беспошлинно, лишь с уплатой «за уголье и мастером за дело».²⁷ Для англичан, имевших собственные дома в Москве, Ярославле, Вологде, Холмогорах, Архангельске, где подолгу жили торговые факторы, мелкие приказчики и личные слуги агентов Компании, рабочие некоторых промышленных предприятий, основанных англичанами, это составляло немалые выгоды. Известно также, что многие служащие Компании, постоянно нуждаясь в деньгах, пытались завести собственную торговлю.²⁸

Любопытны чисто бытовые свидетельства Исаака Массы, голландского купца, непосредственно наблюдавшего действия англичан в России. Он описал аудиенцию посольства английской королевы Елизаветы, куда входили члены Московской компании, прибывшего в 1601 г. с поздравлениями по случаю коронации Бориса Годунова. И. Массе пишет: «И так как англичане давно изыскивали всяческие возможности для того, чтобы захватить в свои руки торговлю в стране, и желали отстранить от нее голландцев, то посол обратился к царю и просил за англичан и обещал, что они будут снабжать Московию всем необходимым, что их товары будут дешевле и лучше, нежели у голландцев и других народов». Царь Борис Федорович, верный своей политике привлечения в страну всех европейских купцов, что явственно было выражено еще английско-

²⁷ Статейный список .. С 16

²⁸ Любименко И. И. Указ. соч. С. 752

му посольству Флетчера в 1588—1589 г., и здесь отвечал, что «все нации в этом отношении для него равно любезны, что он желает со всеми жить в дружбе; сверх того, другие иностранцы исправно платят подати и пошлины, составляющие доход государей московских, и значит имеют право вести торговлю, так же как и англичане; для англичан, по правде, довольно и того, что они свободны от всякой пошлины во всем государстве Московском и ничего не платят государю...».²⁹ Впрочем, как известно, англичане, равно как и голландцы, в конце XVI — начале XVII в. занимали господствующее положение в русской внешней торговле, пока во второй половине XVII в. голландцы окончательно не вытеснили англичан. Исааку Массе мы обязаны сведениями о том, что в самый разгар смуты, в 1610 г., именно англичане и голландцы продолжали упорно торговать с «Московией» через Архангельск, куда приходили их корабли. Во время бесчинств тушинцев купцы, оказавшиеся запертыми в Вологде, спасались в доме Московской компании, «столь обширном, как крепость». Затем нидерландские и английские купцы были переселены в Кремль, «где им отвели большой покой и в коем, как в крепости, были двойные железные двери и окна».³⁰

Экономические аспекты сношений с Англией тесно смыкались с политическими. Иван Грозный питал надежды на заключение англо-шведско-русского союза, а когда им не суждено было сбыться, полностью ориентировался на английскую сторону. В 1567 г. он предлагал английской королеве быть «заодин» против всех врагов, особенно поляков, и даже предложил заключить тайный договор о предоставлении тайного убежища в случае опасности.³¹

Общий экономический упадок 80-х г. XVI в., охвативший как Россию, так и бывшие ливонские земли после изнурительной и опустошительной Ливонской войны, распространился также на дела Московской компании. Балтийская торговля в конце XVI в., безусловно, имела для англичан более важное значение, чем мало освоенный северный путь, расцвет которого придется лишь на XVII столетие. К тому же русское правительство нарушило монопольное право англичан и разрешило торговать в Холмогорах «всяким торговым людем из всех государств», так как «Ругодивское пристанище от государевой вотчины отошло». Общее охлаждение отношений между Россией и Англией не смогло изменить посольство

²⁹ Массе Исаак. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время Правления некоторых государей / О начале войн и смут в Московии. М. 1997. С. 51.

³⁰ Массе Исаак. Указ. соч. С. 148—149.

³¹ Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 480—488.

Джилльса Флетчера, посетившее Москву в 1588—1589 гг. Между прочим, одним из пунктов программы посольства было восстановление права на беспошлинную чеканку из собственного сырья на русских монетных дворах. Однако англичанам было отказано: «Государь денги поволит англичинским гостем, а пошлину иметь с них по указу, как с своих, так и с них»³². Для нас важен сам факт попытки англичан вернуть утраченную привилегию на беспошлинную чеканку монет из собственного сырья на русских денежных дворах — он свидетельствует, что данная привилегия представляла известную ценность для Компании.

Оживление торговли с Россией в Прибалтике после Тязвинского мира 1595 г., безусловно, не могло не коснуться состояния дел Московской компании, которая переживала тяжелые времена в 80-х гг. XVI в.³³

Запрет на чеканку русских копеек иностранцам на Псковском денежном дворе, возможно, был наиболее болезненным для представителей Английской компании, в отличие от других иноземных купцов обладавших правом торговать за пределами Пскова на русской территории. Безусловный интерес Компании к чеканке русских копеек, который подтвердился во время посольства Джилльса Флетчера, может служить психологической подоплекой для организации собственного производства фальшивых русских копеек. Среди множества рижских или других прибалтийских ремесленников, работавших с драгоценным металлом, не трудно было найти мастеров для подобной работы, были бы деньги для оплаты их труда и запасы сырья для чеканки. Внешнее сходство некоторых элементов оформления «западных» копеек с прибалтийскими мелкими номиналами, скорее всего, можно объяснить именно этим обстоятельством. Запрет на вывоз денег из Англии в начале XVII в., на что ссылается С.В.Зверев как на одну из причин, препятствующих чеканке англичанами фальшивых копеек, вряд ли следует принимать во внимание. Компания обладала собственным капиталом, полученным как от взносов членов, так и от торговли. В 1604 г. два английские корабля, принадлежавшие Московской компании, привезли в Холмогоры 29604 талера; один корабль «диких» английских купцов («торгует он опричь аглинские гости») привез 950 ефимков. Каждый из голландских кораблей привозил гораздо меньшие количества валюты — от 200 до 4000—5000. Лишь в одном случае в Холмогоры голландский ко-

³² Статейный список... С. 12, 30

³³ Любименко И.И. Указ. соч. С. 749-751

рабль доставил 12 800 ефимков. Эти цифры — самые ранние подробные данные о торговле иностранцев на севере России — свидетельствуют, что Московская компания обладала в начале XVII в. достаточным количеством наличных денег.³⁴

Вполне возможно, запасы подражательных копеек не были использованы в те годы, когда Псковский двор был закрыт для иностранцев (1594—1599), или же их чеканка была продолжена в меньших масштабах. Когда начала активно развиваться архангельская торговля и торговые корабли западноевропейских купцов, включая англичан, стали переориентироваться на север, запасы эти могли быть востребованы, чем и объясняется появление «западных» копеек в первом десятилетии XVII в. на пути из Архангельска в Москву и в самой Москве. Затем они были изъяты из денежного обращения вместе с другими монетами трехрублевой стопы, что произошло между 1613—1620-ми годами.

В пользу «английской» версии происхождения «западных» копеек говорит также заинтересованность Английской компании в северном побережье России с его моржовым и китовым промыслами и волжском пути в Каспийское море. В 1612 г. Московская компания представила английскому правительству проект взятия под английский протекторат русского севера и Поволжья. Предполагалось высадить английский десант из тысячи человек в Архангельске и в апреле 1613 г. члены компании Джон Меррик и Вильгельм Россель направились в Москву для переговоров по этому вопросу.³⁵

В дальнейшем, когда начались долгие и трудные переговоры русского и шведского правительств по подготовке Столбовского мира 1617 г., именно Джон Меррик, представитель Московской компании, был призван русской стороной в качестве посредника при переговорах со шведами. Английская Московская компания, всей своей предшествующей историей тесно связанная с русской внутренней жизнью, неизменно находилась в центре событий, происходивших в России в первом и втором десятилетиях XVII в.

В пользу английского происхождения «западных» копеек говорит еще одно наблюдение. Как раз на 90-е г. XVI в. приходится наиболее благоприятный период в истории отношений Московской компании с русским правительством. В 1597 г. царским указом было запрещено посещать русский внутренний рынок всем иностранцам, не принадлежавшим к Московской компании. Ан-

³⁴ Западноевропейские купцы и их товары в России XVII века. Составитель и автор введения Демкин А.В. М., 1992. С. 12—36.

³⁵ Очерки по истории СССР. Конец XVI — начало XVII в. М., 1955. С. 587—588

гличане стали единственным партнером русского купечества во внутренней торговле (разумеется, система феодального права через жалованные грамоты допускала множество отступлений от общих правительственных постановлений, но это не меняло общей картины). Причины столь могущественного влияния на русское правительство английской стороны заключались в крайней заинтересованности России в том товаре, который в этот период могла поставлять только Англия. Это было стратегическое сырье: медь, олово, свинец, «зелье пищальное». В Англии находился главный центр по добыче цветных металлов и английское купечество стало их основным поставщиком в страны Европы.³⁶ Московская компания должна была чувствовать себя достаточно уверенно, чтобы предпринять «воровскую» чеканку, которая нужна была бы не столько для получения дополнительных доходов, сколько для участия в розничной торговле ее членов на внутреннем рынке, где она чувствовала себя монополистом и где кроме проволочных копеек другие виды денег не принимались.

Разумеется, среди эмитентов «западных» копеек можно назвать и голландцев, много и успешно торговавших с Россией, крайне заинтересованных в проникновении на внутренний русский рынок, тоже осваивавших северное побережье России и даже создавших в 1610 г. на Шпицбергене собственную Северную компанию. Голландцы были не раз замечены в производстве фальшивых русских денег. Впрочем, документы относительно «воровских» голландских копеек относятся к XVII в., когда Голландия окончательно вытеснила Англию с русского рынка. В интересующий нас период голландцы, безусловно, превосходили англичан по размерам капиталовложений в русскую торговлю. Они часто давали московским купцам деньги в кредит, в отличие от вечно нуждающихся в деньгах купцов Московской компании, которые жаловались на то, что голландские купцы развращают русских взятками.³⁷ И тем не менее против «голландской» версии говорит многое: голландцы действовали или в одиночку, или небольшими объединениями и всякое крупное мероприятие, требующее крупных затрат — например, отправка посольства, которое в то время финансировало не правительство, а богатые купцы — было голландцам не под силу. К тому же они очень страдали от взаимной конкуренции.³⁸ Организация масштаб-

³⁶ Флоря Б. Н. Торговля России со странами Западной Европы... С. 145—151.

³⁷ Любименко И. И. Указ. соч. С. 736, 745

³⁸ Любименко И. И. Указ. соч. С. 737.

ной тайной чеканки монет, для чего необходимы были централизация средств и условия для соблюдения секретности, вряд ли были возможны в этих обстоятельствах. Следует также учитывать, что предметами импорта голландцев были преимущественно ефимки и предметы роскоши — товары, за которые расплачивалась главным образом царская казна.³⁹ Участие в мелочной, розничной торговле для голландских купцов, надо полагать, было не столь важно, как для англичан.

Наша гипотеза об английском происхождении «западных» копеек строится преимущественно на логических доводах. Объективными данными в пользу этой гипотезы могут быть находки в архивах и, что более вероятно, новые находки в кладах, которые смогут подтвердить справедливость предложенной здесь датировки монет 1595—1599 гг. и «псковскую» ориентацию всей этой акции. Пока же с равным успехом можно предлагать самые разнообразные предположения.

Например, возможным эмитентом «западных» копеек может быть Речь Посполитая, очень заинтересованная в торговых контактах с Россией и в проникновении на внутренний русский рынок. Польский король также весьма ревниво относился к торговой активности Риги и стремился сделать Тарту основным экономическим центром в Лифляндии. Доходы от сборов тартуской таможи должны были поступать в королевскую казну. Существенно, что англо-русские отношения находились под неусыпным контролем польского короля. Король способствовал сохранению англо-гданьской торговли, дал право англичанам свободно приезжать, торговать и уезжать.⁴⁰ Царствование Лжедмитрия I открыло дорогу польскому купечеству в Москву. Последующие события Смутного времени, когда поляки стали одной из основных действующих сил на русской территории, предоставили польским торговым людям широкое поле деятельности. Можно предположить, что «западные» копейки, найденные на северо-востоке Русского государства (Вологда, Ярославль, Солигалич), обязаны своим появлением не столько торговому пути на Архангельск, сколько распространению здесь власти тушинского правительства. Характерно, что эти клады датируются преимущественно временем Василия Шуйского и Владислава Жигимонтовича. Однако «Речь Посполитая» — понятие достаточно общее. Нужно четко представлять, кто конкретно мог быть

³⁹ Флоря Б.Н. Торговля России со странами Западной Европы... С. 145—151.

⁴⁰ Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 458.

заинтересован в чеканке и сбыте «западных» копеек — правительство или купечество, если последнее — какие именно купеческие объединения могли осилить столь масштабный выпуск. Пока на эти вопросы ответа нет.

Поэтому повторим еще раз — решение проблемы о месте и времени чеканки «западных копеек» следует решать при соблюдении основных условий: исчерпывающая подборка вещественных и письменных источников и тщательный их анализ; рассмотрение фактов в их структурной взаимосвязи; анализ самого явления в историческом контексте.

О чеканке «Нефедки в Свее» или денежное обращение в Ижорской земле и Корельском уезде при шведах после 1617 г.

о условиям Столбовского мира 1617 г. к Швеции отошли уезды Иваногородский, Ямской, Копорский, Нотебургский (Ижорская земля в русских источниках, Ингермландия — в шведских) и Корельский уезд (Кексольмский лен).

На современной карте границы шведских владений проходили приблизительно по Кингисепскому, Ломоносовскому, Волосовскому, Пушкинскому, Гатчинскому, Сестрорецкому и Всеволожскому районам Ленинградской области, северной части Лужского уезда по рекам Луге и Оредежи, а также включали Петербург с окрестностями. К северу от Петербурга граница шла по реке Сестре, далее по побережью переходила в Карелию по северному берегу Ладожского озера и заканчивалась севернее Олонца.

Отрезанная после 1617 г. шведскими владениями от Балтийского моря, русская внешняя торговля испытывала множество затруднений. Морские ворота Русского государства — Архангельск и Мурманский берег на Кольском полуострове — были открыты для навигации только в летние месяцы. Круглый год путь в Европу был открыт через Новгород Великий и Псков, но отныне путь на Балтику преграждала Швеция, взявшая в XVII в. под контроль всю балтийскую торговлю. Русские купцы и торговые крестьяне должны были миновать таможенные заставы, расположенные на границах шведских владений в городах Нарве, Ивангороде, Выборге, Ладоге, Орешке, Тесове (на реке Оредеж). Особое значение к середине XVII в. приобрели таможня и крепость Ниеншанц, расположенные в

устье Охты. Ниеншанц (в русских источниках — Канцы, Новые Канцы, Канец, Невские Канцы, Невский город, Невское пристанище) получил в 1632 г. права города и в 1648 г. — таможенный устав. Отсюда шел путь через Финский залив в Стокгольм, сосредоточение русской торговли на Балтике и единственный город в Швеции, где имели право торговать русские торговые люди.

Через Ижорскую землю и Корельский уезд проходили многочисленные сухопутные и торговые пути, сложившиеся еще в древности, ведущие из Новгорода Великого и Пскова к Балтийскому побережью. Дороги шли из Новгорода на Тесово, оттуда — на Орешек, из Орешка по Неве до Ниеншанца на Стокгольм. Другой путь шел через Ям — Копорье — Ниеншанц. Был путь через Ладогу по южному берегу Ладожского озера на Орешек и далее Невой до Ниеншанца. Из Корелы и северных погостов в Швецию добирались через Выборг. Наиболее регулярно участвовали в шведской торговле в течение всего XVII в. торговые люди из Новгорода Великого, Пскова, Тихвина, Олонца и Ладоги.¹

По Столбовскому миру 1617 г., Валиесарскому перемирию 1658 г. и Кардисскому договору 1661 г. и русским, и шведским купцам разрешалось торговать только в городах, где имелись таможи; строго запрещалось ездить в села и деревни для торговли, заниматься мелочной розничной торговлей. На деле эти порядки нарушались как той, так и другой стороной. Русские письменные источники пестрят сообщениями о приезжих торговых людях, которые «продают по подворьям тайно» свои товары, а также «торгуют езда по деревням, всякими товарами беспощинно» в Олонецком, Заонежском и Лопском погостах, в Ладожском, Порховском и Старорусском уездах.²

Как показали новейшие исследования, русско-шведская торговля в XVII в. велась в основном прибалтийским и русским купечеством; шведские купцы посещали русскую территорию значительно реже. В Стокгольм из России приезжали как богатейшие новгородские купцы, так и множество посадских людей и торговых крестьян с небольшими партиями товаров.³

На территории Ижорской земли и Корельского уезда торговая деятельность приезжих и местных торговых людей, как иноземных, так и русских, была весьма интенсивна. Многие местные жители занимались также извозом, нанимаясь для перевозки товаров на под-

¹ Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. Сборник документов. М.; Л., 1960 (далее РШЭО). №№ 28, 30, 31, 48, 53 и др.; Шаскольский И. П. Русская морская торговля на Балтике в XVII. СПб., 1994. С. 45—47, 184—186.

² РШЭО. №№ 8, 23, 24, 57, 89, 93, 96 и др.

³ Шаскольский И. П. Русская морская торговля... С. 47—54.

водах или судах. Наемные подводцы с лошадьми и «карабасы» постоянно фигурируют в письменных источниках. Этим промыслом занимались многие жители из деревень и городов, расположенных по торговым путям. По материалам 1640 г. ярмарка в Ниеншанце собирала множество окрестных жителей и приезжих торговых людей.⁴

Пограничное положение Ижорской земли и Корельского уезда и участие местного населения в торговых операциях или при обслуживании этих операций создавали все условия для образования монетных кладов. Безусловно, в руках ижорцев и корелян должны были скапливаться денежные суммы, которые по обычаю того времени прятались в тайники.

Это предположение вполне обосновано. Сравнительно небольшое пространство Ленинградской области в ее северо-западной части, площадь, занятая Петербургом и далее вверх по течению Невы до Ладожского озера, насыщены кладами. Из 64 находок, зафиксированных в Ленинградской области, на долю бывших шведских владений приходится 85% (51 клад). Особенно много находок сделано на территории Петербурга (19) и в Кингисеппском р-не (17). На границах Ленинградской области, а также в Олонецком р-не Карелии обнаружены 10 кладов. В целом на Северо-Западе известны 74 клада с монетами XVI—XVII в., предоставляющие материал для изучения денежного обращения в шведский период. (Список находок представлен в Приложении № 2).

Клады неоднородны по составу. 35 кладов состоят из русских монет, 35 — из западноевропейских. Смешанный состав — русские и западноевропейские монеты — имеют три клада, и один клад из Гдовского р-на (№ 68) состоит из рубленого серебра и к денежному обращению отношения не имеет.

Исследователь денежного обращения на землях, отошедших к Швеции по Столбовскому миру, В.М.Потин пришел к выводу о его смешанном характере. По его мнению, шведская медная монета обслуживала местное денежное хозяйство.⁵ Такую же точку зрения высказал в 1998 и 2002 г. С.В.Зверев.⁶

⁴ Там же. С. 171—172.

⁵ Потин В. М. 1) Талеры на территории Русского государства в XVI—XVII веках // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977. С. 50—104; 2) Скандинавские монеты на территории Русского государства и русские монеты в Скандинавии в XVI—XVII вв. // Скандинавский сборник. Таллин. 1974 XIX. С. 195, 198.

⁶ Зверев С. В. 1) Денежное обращение и монетное дело на Северо-Западе Русского государства в первой половине XVII в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1998. С. 19—21; 2) Денежное обращение в Кексгольмском лене в первой половине XVII в. / Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М. 2002. С. 175—199. Труды ГИМ. Вып. 133.

Нам представляется, что такой однозначный подход несколько упрощает проблему. Он не учитывает всей сложности существования жителей территории, отошедшей после 1617 г. от России к Швеции, с ее пестрым этническим и социальным составом, множеством экономических затруднений, связанных с заменой туземной феодальной верхушки на пришлых насельников, с новым административно-управленческим аппаратом. Следует учитывать также пограничное положение этих земель, издревле втянутых в активные торговые отношения. Состояние здесь денежного хозяйства оказалось той лакмусовой средой, в которой проявились многие существенные процессы, переживаемые этим уголком Русского государства с 1617 г. по начало XVIII в.

Кроме письменных источников, освещающих интересующую нас тему, важнейшей составной частью источниковой базы является нумизматический материал, где первенствующее значение занимают монетные клады. К сожалению, исследователи столкнулись здесь с извечной бедой русской нумизматики — при большом количестве известных по литературе монетных находок почти полным отсутствием сохранившихся полностью монетных кладов, доступных для визуального изучения. В Приложении № 2 собраны все известные нам на сегодняшний день сведения о кладах, найденных на территории Ижорской земли и Корельского уезда. Тем большей удачей представляется находка в Пулкове в 1936 г. большого клада середины XVII в. смешанного состава, хранящегося в ОН ГЭ (№ XVIII). Клад состоит из 40 западноевропейских талеров и 1491 экз. русских серебряных копеек. Шведский талер Христины (1632—1654) датирует находку 1645 г. (Приложение 2, №6). Исследователи много обращались к этому кладу, но внимание их привлекала главным образом западноевропейская часть находки.⁷ Однако информативные возможности русских монет Пулковского клада, когда они были разобраны и определены, оказались весьма значительными. Состав этой части оказался настолько непохожим по структуре и набору монет на обычные русские клады середины XVII в., что понадобилось найти объяснение этим фактам. Стало

⁷ *Спасский И.Г.* Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 гг./ МИА. М. 1955. Вып. 44. С. 328, 332—333; *Сотникова М.П., Спасский И.Г.* Русские клады слитков и монет в Эрмитаже // *Русская нумизматика XI—XX веков: Материалы и исследования.* Л. 1979. № 32; *Калинин В.А.* Русская кладовая керамика в Эрмитаже // *Там же.* С. 99.; *Потин В.М.* 1) Пулковский клад талеров XVII в. // *Сообщения Государственного Эрмитажа.* 1967. Вып. 28. С. 56—58; 2) *Скандинавские монеты на территории Русского государства...*, Приложение, № 11. С. 208; *Мельникова А.С.* Пулковский клад монет XVII в. и денежное обращение в Ижорской земле и Корельском уезде при шведах // *ВИД.* Л. 2000. XXVII. С. 70—106.

очевидно, что объяснение следовало искать в особенностях местного денежного хозяйства. Пулковский клад оказался одним из важнейших источников для изучения денежного обращения Ижорской земли и Корельского уезда при шведах. Его состав представлен в Приложении № 1.

Передача Швеции Ижорской земли и Корельского уезда по Столбовскому миру в 1617 г. должна была бы иметь следствием отказ от русской монеты и переход к использованию шведских денег. Письменные источники из Финляндии и Стокгольмского архива свидетельствуют, что документацию на оккупированных землях шведская администрация вела в подавляющем большинстве случаев на шведском языке, включая ведомости о системе поземельного обложения податного населения.⁸ Логически рассуждая, следует признать, что русская проволочная копейка, бывшая единственной реально существующим номиналом, отчеканенная при помощи примитивной ручной техники, с плохо читаемыми изображениями и надписями, могла уступить место красивым крупным серебряным ригсдалерам и медным эре. Всеобщее распространение должен был получить талер — общеевропейская валюта, о которой шведскими послами в 1662 г. было сказано: «ефимки, которые по всему свету ходят...».⁹

Между тем письменные источники XVII в. по русско-шведским экономическим отношениям при указании цен на товары в торговых центрах Ижорской земли и Корельском уезде постоянно используют русские денежные единицы. Талеры («ефимки») и шведские медные монеты («медь шкилевая») упоминаются в тех случаях, когда речь идет или об уплате таможенных пошлин, или при «явке» — перечне товаров, где они представляют составную их часть. Как уже выше указывалось, местные монетные клады четко разделяются на две группы — клады с русскими монетами, и с западноевропейскими, причем разделение это представлено в равных пропорциях. Известно лишь три клада смешанного состава (Приложение 2, №№ 6, 66 и 71), причем только один клад — уже упомянутый Пулковский (№ 6) происходит из центра шведских владений. Два других клада найдены на их границе — № 66 в г. Гдове Псковской обл. и № 71 — в Святонаволоке Медвежьегорского р-на Карелии.

⁸ Шаскольский И. П. 1). Материалы по истории Ижорской земли и Корельского уезда XVII в. в Государственном архиве Финляндии. // ВИД. Л. 1979. XI. С. 113—114; 2). Как оказался в Стокгольме Новгородский архив начала XVII в. // Советские архивы. 1968. № 3. С. 114—119.

⁹ РШЭО. № 139. С. 209.

Все эти факты заставляют задуматься: что же в действительности произошло с русской и шведской монетой, обращавшихся почти столетие на бывших русских территориях?

На первый взгляд обилие кладов с шведскими медными монетами и находки талеров, на собственно русской территории почти не встречающиеся, говорят об использовании этой монеты в местном денежном обращении. Письменные источники также дают некоторые основания для подобного заключения. Так, в 1648 г. русским купцам, которые торговали в Стокгольме, местные власти разрешили взять с собой в дорогу медные шведские деньги «для мелко́во́ росходу и извозу зимнево пути», но в Канцах эти деньги отобрали, хотя они нужны были купцам для того, чтобы нанимать извозчиков «до государевой стороны»¹⁰, из чего следует, что в Ижорской земле медные шкилевые деньги были в ходу.

24 клада с медными шведскими монетами убеждают в правомочности такого вывода. Основная масса кладов состоит из 1000 — 2000 экз., что в среднем составляет вес немногим меньше или больше пуда. Лишь один клад насчитывает 12 пудов. Но даже мелкие торговцы, разъезжавшие по шведским владениям до русской границы, привозили на продажу гораздо большие количества меди. В 1637 г. в Тихвинской таможене приезжие торговые люди, прибывшие из Корельского уезда и Ижорской земли, среди своих товаров «являли» медь шкилевую и медную «ветошь» (медь в изделиях) в следующих количествах: 17,5 пудов; 4 пуда; 10 гривенок ветоши; 5 пудов меди шкилевой и ветоши; 10,5 пудов; 24 пуда, привезенные на трех лошадях; 16,5 пудов; 21 пуд.¹¹ Но были и совсем крупные партии меди: «свейский немчин» в марте 1641 г. привез, например, из Ладого в Новгород 110 возов меди с железом для перепродажи товаров в Москве.¹²

Вопросы возникают, когда приходится обращаться к хронологии и топографии кладов с медными монетами.

На 1627-1641 г. приходится всего 7 кладов с медью, на конец 40-х г. — начало 50-х г. — 11 кладов и на вторую половину XVII в. — всего 2 клада. Не встречено ни одного клада с медью в Корельском уезде. По наблюдениям В.М.Потина в кладах Ижорской земли были в основном представлены шкилевые деньги (медные монеты), чеканившиеся в 1633, 1634, 1635 и 1636 гг., причем четвертая часть их приходится на 1636 г.¹³ Однако эти годы, отмечает В.М.По-

¹⁰ Там же. № 96. С. 136.

¹¹ Там же. № 73. С. 110.

¹² Там же. № 83. С. 117—118.

¹³ Потин В. М. Скандинавские монеты на территории Русского государства... С. 6.

тин, не были отмечены интенсивностью чеканки; напротив, монеты 1628 г., рекордного по количеству отчеканенной меди, представлены в кладках Северо-Запада беднее, чем монеты 1625 и 1626 гг., выпущенных в меньшем числе.¹⁴

По всей видимости, такой хронологический расклад кладов со шкилевой медью следует объяснить прекращением в 1633 г. активного вывоза русского хлеба в Швецию в годы Тридцатилетней войны в Европе, когда Россия вошла в антигабсбургскую коалицию, в которую входила и Швеция. Участие России заключалось в продаже хлеба Швеции по низким ценам, без уплаты пошлин. Операции по перевозке хлеба, осуществлявшиеся на правительственном уровне, шли через Архангельск и происходили с 1628 по 1633 г.¹⁵ В 1631 г. между русским и шведским правительствами было заключено соглашение о натуральном обмене сельскохозяйственной продукцией на сумму в 100 000 рублей на медь, железо и оружие, которые обязывалась поставлять Швеция.¹⁶ После 1633 г. русское правительство категорически отказывалось давать разрешение на вывоз хлеба, несмотря на неоднократные обращения шведов. Однако торговля хлебом не прекратилась. Её стали осуществлять на свой страх и риск торговые люди. Через Ниеншанц в Швецию вывозился зерновой хлеб и другие сельскохозяйственные продукты, купленные или полученные через налоги¹⁷ не только в Ижорской земле и Корельском уезде, но и закупленные «тайным обычаем» на русской территории, граничащей со шведскими владениями, и, возможно, в более отдаленных областях. Оживление торговли сельскохозяйственными товарами после 1633 г., на наш взгляд, отразили клады с медной монетой, датировка которых приходится на рубеж 30-х — 40-х годов XVII в. Медные деньги, скорее всего, обменивались на хлеб, то есть осуществлялась меновая торговля — явление, весьма распространенное в России XVII в.

Прекращение притока шкилевой меди во второй половине XVII в. и сокращение количества кладов с медной монетой находят объяснение в ограничительных мерах по вывозу монетной меди за рубеж, которые Швеция стала проводить с конца 40-х гг. По статистическим данным экспорт шкилевой меди и медных плотов («досчатая медь» или «медные доски» в форме четырехугольных больших пластин меди, представляющие крупные денежные единицы) обрыва-

¹⁴ Там же. С. 6—7.

¹⁵ Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 202—229.

¹⁶ Там же. С. 217.

¹⁷ Шаскольский И. П. Русская морская торговля .. С. 74; РШЭО. № 103. С. 145—147.

ется в 1644 — 1646 гг. В последующее время до конца XVII в. из Швеции вывозилась только полуочищенная медь и медные изделия, но монеты и плиты исчезли из экспорта. Лишь в конце XVII в. медные денежные доски вновь стали фигурировать в числе товаров, вывезенных из Стокгольма в Россию.¹⁸ В 1648 и последующие годы русские торговые люди неоднократно жаловались: «медных денег, на которые они, торговые люди, товар свой продадут, вывозить им не велят, а велят на те медные деньги покупать им товар». Если же они, «избываючи медные свои деньги», захотят купить на них досчатую медь, то по новому указу с них берут большую цену. Однако на жителей шведской территории, «ивангородцев и корелян» запрет на вывоз шкилевой меди не распространялся и их «ис Стекольна отпустили и в государеву сторону те шкилевые деньги с свейской стороны торговые люди привозили».¹⁹

Льготы «ивангородцам и корелянам» никак не отразились на хронологии кладов, и приток медной монеты сокращался вместе с изменением состава товаров, вывозимых из Швеции. Если бы медные шкилевые деньги использовались в качестве местной ходячей монеты, их поступление не зависело бы от конъюнктуры медной торговли, они равномерно поступали бы в шведские владения на Северо-Западе и не менее равномерно выпадали бы в клады по всей территории Ижорской земли и Корельского уезда. Поэтому мы считаем большую часть меди, найденной здесь, не ходячей монетой, а товаром.

Медь была самым распространенным видом товара, поступавшим из Швеции, ее везли транзитом на русские территории, ею торговали «на себя» местные жители. В письменных источниках неоднократно отмечаются тяготы проезда по бездорожью, когда можно было только пройти пешком, а телегою «через речки и по мхам» проехать невозможно. Клады с медью могли прятать мелкие торговые люди из-за бездорожья или иных трудностей пути по дорогам «худым, грязным и водяным»²⁰.

Все же мы не решаемся дать окончательный ответ о характере использования шведской медной монеты в Ижорской земле и Корельском уезде при шведах и оставляем вопрос пока открытым. Если сырьевое назначение меди в северных и северо-восточных регионах России не оставляет сомнения, как показал вологодский исследователь А. В. Быков²¹, то в этом уголке русской территории

¹⁸ Шаскольский И. П. Русская морская торговля... С. 64, 65.

¹⁹ РШЭО. № 96. С. 136, № 156. С. 231.

²⁰ РШЭО. № 53. С. 84.

²¹ Быков А. В. «Шкилевая» медь на территории Северной Руси в XVII в. Тезисы докладов. СПб, 1994. С. 29—30.

с ее сложным национальным составом и специфической экономикой проблема местного использования меди оказывается не столь простой. Очень любопытны наблюдения С.В.Зверева о платежах податного населения, где крупные денежные суммы выражены в русских платежных единицах, а доли копеек — в мелкой шведской монете.²²

Обратимся к кладам с талерами, которых зафиксировано в общей сложности 11. Из них три клада (№№ 11, 16 и 22) относятся к дошведскому периоду. Остальные клады, которые удалось датировать 1649–1671 гг., невелики по размерам. В них насчитывается по 3, 4, 5, 8, 13 талеров. Известны лишь три крупных клада: клад № 3, найденный на территории С.-Петербурга на р. Охте, насчитывающий 460 талеров, датированный серединой XVII в.; клад № 63, обнаруженный неподалеку от Пушкина, состоящий из 81 шведской монеты конца XVII в., и клад № 67 из Гдовского р-на Псковской обл., представленный 82 талерами и двумя шведскими монетами последней четверти XVII в. По наблюдениям В.М.Потина шведские серебряные монеты, как и прочие скандинавские выпуски, в целом составляли незначительный процент от числа ввозившегося в Россию талерного серебра.²³ Этот факт отражает слабое участие собственно шведских купцов в русско-шведской торговле, которую обслуживали прибалтийские и русские торговые люди.

Талеры-ефимки были очень хорошо известны на русском внутреннем рынке, их в колоссальном количестве ввозили через Архангельск и центры русской внешней торговли на Северо-Западе, в том числе и через Ниеншанц. Столь же хорошо известно, что на Руси талеры не участвовали в денежном обращении и были только товаром, который закупался для использования в качестве сырья для чеканки и для нужд ювелирного производства. Немногочисленные находки кладов с талерной монетой на русской территории²⁴ связываются с торговой конъюнктурой, но никак не с местным денежным обращением.

Мелкие клады талеров, как и клады смешанного состава «на шведской стороне», свидетельствуют о более глубоком проникновении талеров в местную экономику. Талеры использовались как товар: в таможенных явках они фигурируют как составная часть (обычно по 10—20 талеров); сферой их использования была также уплата таможенных пошлин на пограничных заставах и тамож-

²² Зверев С. В. Денежное обращение в Кексгольмском лене... С. 191—195.

²³ Потин В. М. Скандинавские монеты на территории Русского государства. С. 192—193.

²⁴ Потин В. М. Талеры на территории Русского государства... С. 79—80. Из 14 кладов с талерами, составляющих список находок, 4 найдены в шведских владениях.

нях. В 1649 г. тихвинские торговые люди, отправлявшиеся в Швецию («судовщики»), брали на «дорожную издержку» бочку медных денег и 348 ефимков²⁵. В Ниеншанце и Стокгольме пошлины с приезжих купцов брали только любскими ефимками на том основании, что это «такие деньги, что во всяких местах они ходят»²⁶. На русской территории пошлины с приезжих купцов тоже брали ефимками, но здесь учитывалось, что многие товары непосредственно обменивались на талеры и в обменный курс талера входила уплата торговой пошлины. Обменный курс талера в этих случаях мог составлять 51-52 копейки и выше, хотя в середине XVII в. установился устойчивый курс в 50 копеек²⁷. В 1661 г. русская и шведская стороны пришли к соглашению об уплате пошлин «обоих государств деньгами ходячими безспорно»²⁸. На практике это вылилось в уплату торговых пошлин «ефимками полными» по весу, а в случае недовеса доплата должна была производиться в Швеции — медными ходячими «свитцкими» деньгами, в России — серебряными проволочными копейками²⁹, «на обе стороны равно»³⁰. Однако русские постоянно жаловались на то, что шведы «своих свитцких шкилевых и плотовых денег за пошлины не емлют»³¹, а шведы предъявляли русским претензии за то, что они вынуждают «волоkitой и продажей» менять ефимки на русские копейки³².

Ефимки были нужны всем участникам торговли как товар, как твердая валюта, имеющая всегда устойчивую ценность и повсеместное применение, вне зависимости от государственных границ. Единственной территорией, где ефимки не могли использоваться как средство денежного обращения, было Русское государство. Поэтому иноземные купцы были вынуждены обменивать свои ефимки на копейки, чтобы иметь «угожие деньги, чем им с русскими людьми торговати»³³. В 1665—1666 г. на Тихвинской таможене «являли иноземцы русские деньги : рижанин — 103 руб.; любчанин — 2724 руб.; корелянин — 100 руб.»³⁴ Талеры эти, разумеется, предназначались на продажу (или обмен товара на товар), а частично обменивались на русские проволочные копейки.

²⁵ РШЭО. № 93. С. 104.

²⁶ Там же. № 92 (1646г.). С. 128; № 103 (1649). С. 157; № 137 (1661). С. 203.

²⁷ Там же. № 58. С. 92.

²⁸ Там же. № 137. С. 203.

²⁹ Там же. № 139. С. 209.

³⁰ Там же. № 184. С. 303.

³¹ Там же. № 156. С. 231.

³² Там же. № 139. С. 209.

³³ Там же. № 58. С. 92.

³⁴ Там же. № 177. С. 285.

Функциональное назначение талеров в местном денежном обращении, на наш взгляд, следует определять, исходя из анализа еще одной категории кладов, встречающихся на территории шведских владений на Северо-Западе.

Речь пойдет о 35 кладах с русскими копейками, о которых говорилось выше. Зафиксировано 18 таких кладов в Ижорской земле и Корельском уезде и 17 — за пределами этой территории, найденных вблизи границы, отделяющей ее от собственно России. Хронологический состав этих кладов отражен на таблице 1.

Таблица 1.

Датировка кладов	Иван IV 1533- 1584	Борис Году- нов 1589- 1605	Василий Шуй- ский 1606- 1610	Влади- слав Жи- гимон- тович 1610- 1612	Михаил Федоро- вич 1613- 1645	Алексей Михайло- вич 1645- 1676	Федор Алексе- евич 1676- 1682	Петр I 1689- 1725
Количество кладов	9	2	3	2	9	5	1	4
Номера кладов в Приложении 2	8,15,20 21,45,49 57,58,65	2,28	19,37,46	50,70	4,30,42,48 52,56,59, 72,74	1,18,41 61,73	23	16,17

На таблице хорошо видно, что 1617 г., когда Швеция вступила во владение русскими землями, никак не отразился на количестве кладов с русскими копейками. До 1617 г. здесь зафиксировано 16 кладов, после 1617 г. — 19. Такое же соотношение сохранялось и на самой «шведской» территории. На долю Ижорской земли до 1617 г. приходится 9 кладов, после этой даты — тоже 9. Не встречены клады времени Федора Ивановича (1584—1598) и Лжедмитрия I (1605—1606), но их вообще находят сравнительно редко. В целом же набор кладов XVI—XVII в. здесь типичен для всех окраинных территорий Российского государства.

Также типичны размеры кладов. Они невелики и в подавляющей своей массе составляют суммы от одного рубля до десяти. Однако не сохранился целиком ни один из найденных здесь кладов и мы не можем сказать, насколько соответствовали их состав и структура с кладами, найденными на русской территории. Можно только констатировать, что местное население пользовалось русскими серебряными копейками и прятало их тогда же и так же, как это делалось в остальной части России. Видимо, денежное обращение бывших русских земель, оказавшихся под властью Швеции, не от-

делилось наглухо от России и в какой-то степени оставалось частью общерусского денежного обращения и после 1617 г.

Однако шведское присутствие привнесло сюда ряд существенных отличий, которые не только обусловили специфический характер местного денежного обращения, но и оказали существенное влияние на общерусское денежное хозяйство.

Русское денежное обращение, оправившееся после разрушительного кризиса времени Смуты, уже с 20-х г. столкнулось с новой бедой — массовым распространением фальшивых денег. Их количество в составе русских кладов от десятилетия к десятилетию увеличивалось, достигнув кульминации к середине XVII в.³⁵

В письменных источниках, помимо общего названия фальшивых монет — «воровские деньги» — часто встречаются весьма специфические термины для их обозначения: «корелки», «корелки худые», «воровские олонские деньги», «олонки». Эти термины прямо указывают на Северо-Запад, в частности, на города Корелу и Олонец как на родину какой-то части фальшивых денег. Заметим также, что указанные обозначения характерны для документов, относящихся к северо-восточным и северо-западным регионам.

Имеется много свидетельств о массовом появлении фальшивых денег на территории шведских владений в России. Шведские источники сообщают, что в округе Кексгольм (Корела) у крестьян при осмотре их имущества часто находили монетные штемпели. Происходило это «за 10 лет до шведов», то есть в годы шведской оккупации Новгорода (1611—1617)³⁶. С.М.Соловьев приводит данные о том, что за шведским рубежом в Корельской земле в 1634 г. было обнаружено «гнездо фальшивомонетчиков». Занимались этим делом якобы русские перебежчики³⁷. В том же 1634 г. русские бояре во время переговоров с шведским посольством в Москве обвиняли королеву Кристину в покровительстве фальшивомонетчикам Макарию Терехину с братом, которым разрешили поселиться на пустынном острове Ладожского озера и предоставили возможность чеканить фальшивые деньги. На эти деньги корельские купцы якобы скупали хлеб для поставок шведской королеве. Виновные были, по словам шведов, посажены в тюрьму и казнены³⁸. Псковская летопись под 1636 г. сообщала: «Много

³⁵ Мельникова А.С. 1). «Воровские» деньги в России XVI—XVII в. //Труды ГИМ. Вып. 138 Нумизматический сборник ГИМ. Том XVI. М. 2003. С. 218—242; см. также статью «Воровские» деньги... в настоящем сборнике.

³⁶ Hatz G. Denningen / Zeitschrift für Ostforschung. II. 1962. Heft I. S. 31

³⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М. 1961. Кн. V. С.326.

³⁸ Потин В.М. Скандинавские монеты на территории Русского государства... С. 204—205.

шкоты монастырем и всяким людем сотворися, и насилству и грабежу достойно, денги корелки худые и цена невольная и купля не любовная, и во всем скорбь великая и вражда несказанная»³⁹. В 1661 г. «москвитин, торговый человек Макар Загорский», в донесении, посланном из Олонца, вспоминал: «И мне на память пришли... блаженные памяти при отце вашего царского величества появились было многия воровския денги, а называли их корелками, и от тех воровских корелок хлеб и всякия товары подорожали»⁴⁰.

Приведенных данных достаточно, чтобы представить масштабы бедствия, очагом которого оказались русские земли, оккупированные шведами.

Следует заметить также, что почти все перечисленные письменные источники указывают на вторую половину 30-х гг., когда «корелки» отчетливо обозначились в денежном обращении. Это было время, когда после прекращения правительственных субсидий на продажу хлеба Швеции в 1633 г. активизировалась контрабандная торговля хлебом не только в шведских владениях, но на русской территории⁴¹.

Отсутствие сохранившихся кладов с русскими копейками из Ижорской земли и в Корельском уезде не позволяет выделить весь объем продукции местных фальшивомонетчиков, которая неизбежно должна была отложиться в кладовых комплексах. Но часть «корелок худых» все же удалось выловить в безбрежном море проволочных копеек XVII в. Более того, удалось назвать заказчика и исполнителя эмиссии этой группы «воровских» денег, а по всему сохранившемуся массиву русских монетных кладов проследить степень ее распространения в русском денежном обращении и дальнейшую судьбу.

В 1618 г. в Москву прибыло шведское посольство для ратификации Столбовского договора. Московские бояре предъявили шведам протест по поводу незаконных действий шведских властей в Новгороде, последующих после заключения мира в феврале 1617 г. В «Наставлении боярам, назначенным на встречу со шведским послом Стенбуком» было сказано, что «свейские державцы», невзирая на договор от 20 ноября 1616 г., заключенный в Ладоге и предшествующий заключению Столбовского мира, вывезли из Новгорода городскую печать и из Новгородского денеж-

³⁹ ПСРЛ. Л. 1926. Т. 4. С. 335.

⁴⁰ АМГ. М. 1901. Т. 3. № 540. С. 461-462.

⁴¹ Мельникова А. С. «Воровские» деньги в России...

ного двора чеканы времени Василия Шуйского, а также «свезли в Свеею сильно» целую производственную группу денежных мастеров — «станциу»: старосту Нефедку с денежными мастерами («с товарищи»). В «Свее» (Швеции) старые денежные чеканы были переделаны на имя царя Михаила Федоровича, которыми теперь «мастер Нефедка с товарищи» чеканит деньги⁴². Шведы не только нарушили договор, согласно которому предусматривалось «никаких дел и книг и много чего не вывозить и людей сильно не вывозить», но и организовали чеканку «воровских» денег, что, разумеется, вызвало гнев московских властей.

Есть все основания полагать, что вывоз «Нефедку с товарищи» и чеканы Новгородского денежного двора знаменитый шведский полководец Якоб Делагарди, который принимал деятельное участие в русских междоусобицах времени Смуты, стоял во главе шведских воинских сил, призванных Василием Шуйским в помощь, затем возглавлял шведские оккупационные власти во время оккупации шведами Новгорода (1611—1617) и активно участвовал в экономических мероприятиях шведского правительства. Известно, что Делагарди вывез в Швецию многочисленные архивные документы из Новгорода, в число которых входили книги Новгородского денежного двора за 1613—1617 г.⁴³ Известно также, что в 1618 г. генерал ссудил шведскому правительству 30 тысяч талеров. Взамен уплаты долга королю предоставила ему откуп на два уезда — Кексгольмский (Корельский) и Нотебургский с правом сбора налогов. В 1624 г. аренда была продолжена до 1628 г.⁴⁴ Логично допустить, что организация чеканки фальшивых денег новгородскими денежными мастерами «в Свее» была также делом рук Делагарди, а «Свеей» в данном случае стали русские владения, перешедшие Швеции по Столбовскому миру.

О том, что именно Делагарди следует считать причастным к «воровскому» чекану «Нефедки с товарищи», свидетельствует вся его предыдущая деятельность в оккупированном Новгороде. При шведах на Новгородском денежном дворе с 1612 по 1617 г. продолжалась регулярная чеканка проволочных русских копеек с именем Василия Шуйского не без выгоды для шведских оккупационных властей; известно, что сам Делагарди делал заказы на чеканку⁴⁵.

⁴² Спасский И. Г. Чеканка копеек шведскими властями в Новгороде в 1611—1617 гг. // ВИД. Л. 1972. Т. 4. С. 167.

⁴³ Шаскольский И. П. Как оказался в Стокгольме Новгородский архив... С. 111—119.

⁴⁴ Аграрная история Северо-Запада России. Л. 1989. Т. 4. С. 193.

⁴⁵ Зверев С. В. Денежное обращение и монетное дело на Северо-Западе Русского государства... Глава четвертая.

Сохранились документы 1615 г. о том, что боевой генерал выполнял деликатное поручение короля об организации чеканки фальшивых проволочных русских копеек, мысль о чем зародилась уже в это время. Шведский король Густав-Адольф, находясь в лагере под осажденным Псковом, отправил Делагарди в Новгород письмо от 28 июля 1615 г., где просил прислать с нарочным несколько образцов московских копеек, чеканенных в последнее время, которые предполагалось послать в Швецию. Дальнейший замысел короля раскрывается в письме от 29 июля 1615 г., адресованном в Швецию Государственному казначейству и Счетной конторе. Здесь уже даются подробные указания о чеканке подражаний русским копейкам и мотивируется целесообразность этой акции. Копейки, — пишет король, — должны быть «так же хороши, или даже лучше тех, которые чеканят теперь в Москве, и они могут пойти не только по всей России наравне с другими, но в Польше, и в Литве, а также в Данциге, Риге и других приморских городах». Вместе с письмом в Швецию направлялись «два сорта» копеек — «сделанные в Новгороде и на монетных дворах Московии». Для чеканки их король приказал тайно закупить в Гамбурге или Данциге, «которые имеют торговлю с Россией», двести или триста тысяч серебряных ригсдалеров. Всю эту операцию король приказал держать в строгой тайне. Организация тайной чеканки объяснялась необходимостью содержать войско «без особенно больших затрат из Швеции», а также для получения доходов для казны⁴⁶.

Письма Густава-Адольфа отражают два важнейших момента. Они подтверждают хорошо известный нумизматический факт, выявленный И.Г.Спасским, о массовой чеканке шведами на Новгородском денежном дворе проволочных копеек с именем Василия Ивановича по заниженной весовой норме. Другая информация предоставляет сведения о продуманной программе по производству фальшивых русских копеек. Это было начало систематических диверсий против русской монеты, организованной за рубежом на протяжении XVII столетия. Некоторых эмитентов этой акции мы знаем (датчане, голландцы), других еще предстоит выявить. Побудительные мотивы и механизм чеканки «воровских» копеек в каждом отдельном случае были разные, но основой их был значительный разрыв между официальной ценой талера на русском внутреннем рынке и количеством копеек, которые получались при чеканке из одного талера после плавки и «угара» посторонних примесей из талерного серебра, а также от-

⁴⁶ Спасский И.Г. Чеканка копеек шведскими властями в Новгороде... С.167.

каз от использования талеров как средства местного денежного обращения.

Чеканка «воровских» копеек в 1615 г. сулила шведскому правительству немало выгод, поскольку под властью Швеции оказалась обширная часть русской территории, границы которой, как надеялся король, расширятся еще больше, а вся русская торговля через Балтику будет контролироваться шведами.

Планы Густава-Адольфа, изложенные в письме от 29 июля 1615 г., были, очевидно, или не осуществлены, или осуществлены частично и не так, как предполагалось. Об этом свидетельствуют три монеты, которые, как мы полагаем, можно отнести к шведскому «воровскому» чекану 1615 г. Вместо Швеции, где король предполагал наладить чеканку, был использован Новгородский денежный двор с его инструментарием и мастерами. Новгородский резчик вырезал лицевой маточник, подражающий псковскому чекану (с буквой ПС под конем), который был использован в сочетании с широко известным оборотным маточником 1610 г., несущим имя Василия Ивановича (М., табл. 6, 3-2). Затем был изготовлен еще один оборотный маточник с именем Дмитрия, который в сочетании с новым лицевым, несущим буквы ПС, дал жизнь серии копеек, обозначенных на нашей таблице 6 под №№ 3-3. Однако масштабы этой чеканки оказались ничтожными. Сохранились только два экземпляра копейки 3-2, один из которых происходит из эстонского клада 1651 г. (Приложение 3, № 25), другой — из Пулковского клада (Приложение 1, № 418). Копейка с именем Дмитрия (3-3) известна пока в единственном экземпляре. Она обнаружена также в Пулковском клада (Приложение 1, № 419, обломана).

Видимо, военные и политические события 1615—1617 гг., неблагоприятные для шведов, помешали королю осуществить замысел в полном объеме. Но явно не без ведома верховной власти были вывезены с Новгородского двора после февраля 1617 г. и денежные мастера, и чеканы, и единственный «воровской» маточник с буквами ПС. Мысль о широкомасштабной чеканке «воровских» русских копеек, высказанная Густавом-Адольфом в 1615 г., была реализована при освоении шведами Ижорской земли и Корельского уезда. Не имеет существенного значения, был ли сам Делгарди инициатором организации чеканки, или же осуществлял пожелание (а может быть и приказ?) короля, важен сам факт появления «воровских» русских копеек на оккупированных территориях, непосредственные исполнители которых были названы в Москве уже в 1618 г.

Следует заметить, что в проекте союзного договора со Швецией, который привез с собой Стенбук, имелось предложение ввести в России свободное обращение шведских денег, а в Швеции — русских. Предложение это даже не обсуждалось⁴⁷, но сам факт его появления говорит о внимании шведской официальной власти к проблемам денежного обращения в связи с вхождением в состав Швеции значительной части русской территории.

Шведские фальшивые монеты были выделены из русских проволочных копеек в 1977 г.⁴⁸ О том, что выделенные фальшивые монеты имеют прямое отношение к мастеру Нефедке, свидетельствовали поштемпельные связи этих монет с лицевым «воровским» маточником с буквами ПС, изготовленном на Новгородском дворе ориентировочно в 1615 г. и вывезенным с Новгородского двора в 1617 г. Монеты, чеканенные штемпелем (чеканом), снятым с этого маточника, наиболее многочисленны и имеют хорошую сохранность. Остальные же монеты, отчеканенные при помощи чеканов, неумело и непрофессионально переделанных в маточники, подражающие копейкам Михаила Федоровича, выглядят много хуже. Это — копейки с буквами МО/СК, МО, НО под конем. Монеты эти связаны общими лицевыми и оборотными сторонами с самым первым фальшивым выпуском, несущим буквы ПС (М., т.6, 4-4, 4-5). После первой публикации 1977 г. число шведских подделок увеличилось — были выделены еще три новых лицевых и пять оборотных маточников⁴⁹, а общее количество известных монет от первоначальной цифры 86 экз. возросло почти до 200 экз. Раньше были известны всего 17 кладов с шведскими подделками, теперь число их возросло до 44 (см. Приложение 3). Весовая норма «копеек Нефедки», выявленная по 160 экз., близка к 0,48 г, сохраняя уровень, установленный шведами в Новгороде после 1615 г. при переходе к чеканке копеек с буквами НРГІ. Проба этих монет, в целом выдержанная близко к 960, все же в трех случаях оказалась более низкой (700).

Поскольку выявлены шведские подделки сравнительно недавно, число их должно возрастать благодаря кладовым находкам, хотя шансов на то, что эти новые экземпляры станут достоянием научной нумизматики, весьма немного. Большинство из них пропадут на нумизматическом рынке как дорогостоящие раритеты. Правда,

⁴⁷ Шаскольский И.П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М., Л. 1964. С.141.

⁴⁸ Мельникова А.С. Новые данные о чеканке монет в Новгороде в 1611—1617 гг. //Труды ГИМ, Вып. 49. Нумизматический сборник. Часть пятая. Вып.2. М. 1977. С. 179—193.

⁴⁹ Гришин И.В., Клецинов В.Н. Каталог русских средневековых монет времени правления царя Михаила Федоровича (1613—1645). М., 2001. С. 58—61.

В. И. Гришин и В. Н. Клешинов опубликовали в журнале «Нумизматика» за март 2004 г. «Дополнение к Каталогам русских средневековых монет с 1533 по 1645 гг.» с неизвестными доселе типами шведских подделок (с. 25—26, №№ 710А, 710Б, 715А, 729/1-129/6). Разумеется, сам факт публикации этих дополнений — явление весьма отрадное, однако отсутствие указания на их происхождение во многом обесценивает публикацию (нет сомнений в том, что все они происходят из разграбленных и неучтенных никем кладов).

Как можно убедиться, круг продукции, приписываемой мастеру Нефедке, расширился. Видимо, износ первоначального запаса маточников, переделанных из чеканов, вывезенных с Новгородского двора в 1617 г., вынудил самих фальшивомонетчиков изготовить новые маточники. В сочетании с этими маточниками, новые образовали довольно компактную группу копеек, отличающуюся крайне небрежным рисунком и надписями, изготовленную из низкопробного серебра по весовой норме, заниженной даже по сравнению с «Нефедкиными копейками». Эта группа монет в 1989 г. была предположительно отнесена мною к чекану, организованному в Ярославле после 1619 г. А. В. Быков высказал догадку, что монеты этой группы следует считать подделками, изготовленными за рубежом⁵⁰. К этому мнению присоединились И. В. Гришин и В. Н. Клешинов⁵¹, а С. В. Зверев прямо связал подделки с чеканом «Нефедки с товарищи» на основании отсутствия поштемпельных связей между подделками и поздним ярославским чеканом и некоторыми особенностями написания легенды⁵². В. И. Гришин и В. Н. Клешинов опубликовали в вышеупомянутом «Дополнении...» монету из группы подделок, обратная сторона которой достоверно относится к копейкам, чеканенным «Нефедкой в Свее» (С. 28, № 855А)⁵³. Следовательно, группа «опознан-

⁵⁰ Быков А. В. Клады 30—40 гг. XVII века. Памятники нумизматики в музеях Вологодской области Часть II. Вологда. 1992 С. 27.

⁵¹ Гришин И. В., Клешинов В. Н. Указ соч. С. 80.

⁵² Зверев С. В. Денежное обращение в Кексгольмском лене... С. 180-181

⁵³ Гришин И. В., Клешинов В. Н. Дополнения к Каталогам русских средневековых монет с 1533 по 1645 гг. // Нумизматика. Март 2004 г. С. 28. № 855А. Авторы относят эту монету к продукции «предприимчивых крестьян из шведского города Корелы», получивших воровской чекан, использующий ранее «Нефедкой с товарищи», из личного двора шведского главнокомандующего Якоба Делагарди» (с. 28). Отнесение обнаруженной монеты (и следовательно, всей группы XII по Гришину и Клешинову) к продукции корельских крестьян, как и утверждение о существовании личного денежного двора Якоба Делагарди, совершенно бездоказательны, во всяком случае, в контексте данного «Дополнения». Подобные выводы (если они не относятся просто к домыслам) нуждаются в серьезных доказательствах. Прискорбно также, что опубликованная монета не имеет паспорта, и хотя ее подлинность сомнения не вызывает, сведения о месте и времени находки могли бы пролить свет на ее происхождение; см. также: Ключков К. В. Нумизматика допетровского периода (источники и концепции). М. 2004 (печатается).

ных» фальшивок из «Свее» значительно увеличилась за счет новой группы подделок, связанной поштемпельными связями внутри группы и с достоверным чеканом «Нефедки в Свее». Как это часто случается, качество и внешнее оформление поддельных монет значительно деградировали со временем даже по сравнению с отнюдь не блестяще выполненными «Нефедкиными копейками». Весовая норма этих монет (по 38 экз.) составляет 0,35 г., а по качеству металла (проба 400—500) их вообще уже трудно считать серебряными.

Причины массовой чеканки фальшивых денег в шведских владениях на Северо-Западе лежат в тех своеобразных социально-экономических условиях, которые сложились здесь в результате шведского присутствия.

Письменные источники, обнаруженные в финских и шведских архивах и ставшие сравнительно недавно доступными русским исследователям⁵⁴, показали, что несмотря на шведскую оккупацию, в Ижорской земле и Корельском уезде сохранилось православие, русское административное деление, система сельского управления и порядок обложения и земельные меры. Изменилась лишь структура земледелия: все земли стали считаться владениями шведской короны, которая раздавала их в жалованье служилым людям как наследственную собственность дворянам, или пожалования за службу.

В основе своей население оставалось прежним. Это были русские, ижорские, водские и корельские крестьяне. Однако среди крупных и средних землевладельцев большинство составляли шведские, голландские и немецкие фамилии. Шведская корона усиленно привлекала немцев и голландцев, поскольку нужно было срочно осваивать опустошенные военными действиями земли. Для шведской короны присоединенные русские территории имели значение не только и не столько как возможность контролировать русскую внешнюю торговлю на Балтике, но и как средство извлечения доходов для казны, истощенной долгими войнами конца XVI — начала XVII в.⁵⁵

О составе городского населения в шведских владениях можно составить некоторое представление по материалам, связанным с историей Ниеншанца, — города, основанного специально для уси-

⁵⁴ Шаскольский И. П. Материалы по истории Ижорской земли и Корельского уезда XVII в. в государственном архиве Финляндии...; Черепнин Л. В., Шумилов В. Н., Александров М. И. Документы по истории СССР и русско-шведских отношениях в архивах Швеции // ИА. 1959. № 6. С. 126.

⁵⁵ Аграрная история Северо-Запада России. С. 188—205, 193—194.

ления роли шведского купечества в балтийской торговле. По данным 40-х г. XVII в. в городе, насчитывающем около 2 тыс. жителей, большинство богатых купцов и представителей городского магистрата были немцами. Шведы составляли ничтожный процент жителей города. Большую часть населения составляли русские, которые почти без исключения принадлежали к социальным низам города. Они занимались ремеслом, погрузкой и перевозкой товаров, судовым промыслом и только трое из них имели небольшие лавки. Русские были совершенно бесправны перед шведско-немецкой администрацией города⁵⁶.

Стремление шведских властей извлечь максимум доходов из оккупированных земель породило систему сбора средств с населения. Шведское правительство начало широко использовать практику откупов.

Уже говорилось о передаче на откуп Кексгольмского и Нотебургского уездов Якобу Делгарди до 1628 г. В 1620 г. аренду на 4 года получил богатый немец, ревельский купец Богуслав Розен, пожалованный дворянским званием. Ему достались Ямской, Копорский и Ивангородский уезды⁵⁷. Начиная с 20-х годов началась массовая выдача откупов. Откупщики выплачивали казне определенную сумму в обмен на право сборов налогов. Поскольку крестьяне лишались права передавать свои наделы по наследству, права на продажу или заклад наделов перешли к откупщикам или владельцам поместий. Усадьбы в большинстве случаев управлялись наемными управляющими, причем некоторые из них сдавали поместья в аренду. Откупщики стали единственной могущественной силой на местах, обладающей всей полнотой политической, юридической и экономической власти. Злоупотребления и жестокость откупщиков привели к массовому недовольству населения, и в 1634 г. шведские власти были вынуждены отказаться от их услуг⁵⁸.

В шведских владениях на Северо-Западе России сложились два мира: мир крестьянский и посадский, представленный прежними насельниками, живущими по своим обычаям, со своим языком, религией, и мир иноземных феодалов и бюргеров, не ассимилирующийся с местным населением.

Крестьянство активно боролось со шведскими захватчиками в годы шведской интервенции (1611—1617), а после присоедине-

⁵⁶ Шаскольский И. П. Русская морская торговля... С. 139—143.

⁵⁷ Аграрная история Северо-Запада России. С. 193.

⁵⁸ Катаяла К. Откуп налогов и феодализм в Кексгольмском лене (Корельском уезде) в 1617—1725 гг. // Европейский Север: история и современность. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Петрозаводск. 1990. С. 6—7.

ния Ижорской земли и Корельского уезда к Швеции в 1617 г. началось массовое переселение в пределы Русского государства. В 1649 г. русское правительство отправило в Стокгольм посольство для решения вопроса о перебежчиках. После долгих переговоров проблема была решена выкупом в 190 тыс. рублей, выданным шведам за русских крестьян, переселившихся в Россию⁵⁹.

Имеющиеся документы о налогообложении податного населения⁶⁰ не дают возможности составить цельное представление о том, какими денежными единицами должны были расплачиваться крестьяне и посадские люди. В одних случаях называются далеры, эре и его фракции, в других — рубли, копейки и фракции копейки. Возможно, специальное изучение всего массива документов о поземельном обложении позволит установить особенности характера денежных сумм, выплаченных в каждом конкретном случае, в зависимости от расположения земельных угодий и времени составления документа. Пока же мы располагаем только отрывочными сведениями. Тем большее значение приобретают монетные клады, которые достаточно адекватно отражают состав денежной массы, обслуживающей денежное хозяйство Ижорской земли и Корельского уезда при шведах. Наличие здесь большого количества кладов с русскими копейками дает основание для предположения о приоритетном положении русских денег в глазах русского населения. И даже заметное изменение этнического состава к концу XVII в., когда увеличился процент финских фамилий за счет убыли русского населения, перебежавшего в Россию, не отразилось на числе кладов с русскими копейками. Видимо, русская проволочная копейка очень прочно укрепилась в местной жизни.

Такое положение должно было представлять известную выгоду для шведских властей. Запас проволочных копеек был необходим для таможенной службы, поскольку приезжие иноземные купцы меняли здесь талеры на «угожие» русские деньги, без которых они не могли передвигаться по русской территории. Копейки нужны были и для торговли с местными крестьянами, и для расплаты с наемной рабочей силой при транспортировке грузов. Разумеется, с крестьянами и наймитами можно было расплачиваться талерами и, возможно, какую-то часть кладов с талерной моне-

⁵⁹ Очерки истории СССР. XVII в. М. 1955. С. 764—765.

⁶⁰ Писцовые книги Ижорской земли. Т. 1. Годы 1618—1623. Отдел 1. СПб, 1859; Т. 1. Отдел II. СПб, 1862; История Карелии XVI—XVII в. В документах. Петрозаводск — Йоенсуу. 1987; Шаскольский И. П. Материалы по истории Ижорской земли и Корельского уезда XVII в. в Государственном архиве Финляндии.

той прятали местные жители. Но использование талеров было менее выгодно для приезжих «немец», чем расплата копейками. Не случайно в Стокгольме и Ниеншанце за талер давали 63-64 копейки⁶¹, в то время как официальный курс талера составлял всего 50 копеек. В пограничных областях России, по всей видимости, копейки были более популярны, чем талеры.

Спрос на русскую копейку порождал местные курсы обмена, взаимовыгодные для обеих сторон. В Ижорской земле и Корельском уезде сложился рынок денег, появились торговые люди, которые специально занимались скупкой и обменом копеек на талеры и наоборот. Отсутствие регулярного притока русской монеты на эту территорию стимулировало также развитие денежного «воровства», то есть массового производства фальшивых копеек. Особенно этот промысел расцвел к концу 30-х г., когда активизировалась контрабандная торговля русским хлебом, связанная с прекращением правительственных субсидий шведскому правительству после 1633 г. Возможно, тогда же были изготовлены новые «воровские снасти» для «Нефедки с товарищи», а промысел по производству фальшивых монет приобрел самый широкий размах. Он перекрестнул через границу шведских владений. Во второй половине 30-х г. в Вологде обнаружилась целая корпорация фальшивомонетчиков, обслуживающая обширный район. Следствие по делу тянулось с 1634 по 1637 г.⁶²

Истинные масштабы денежного «воровства», центром которого стала часть русской территории, отошедшая к Швеции по Столбовскому миру, показывает сводная таблица кладов, в которых были обнаружены «Нефедкины копейки». В их состав по возможности мы включили также позднюю группу (см. Приложение 3, включающее 43 клада). К сожалению, мы не имеем четких сведений о кладе из с. Сермяги Неккульской волости Олонецкого уезда, найденном в 1899 г. и состоящем по сделанному тогда же определению из «мордовских подражаний» русским копейкам, изготовленным из низкопробного серебра. Как справедливо заключил В.М.Потин, монеты были не «мордовками», а одной из разновидностей «корелок»⁶³.

По количеству кладов с «корелками» первенство держат Ленинградская, Псковская, Новгородская области, Эстония — здесь

⁶¹ РШЭО. № 92 (1646 г.) С. 128; № 157 (1663 г.) С. 234.

⁶² Быков А. В. 1). «Корелки худые» на Севере Русского государства // Европейский Север: история и современность. С. 136-137; 2). Борьба с фальшивомонетчиками в Московском государстве в первой половине XVII в. // Труды ГИМ. Вып. 80. Нумизматика, бонистика, фалеристика. М. Нумизматический сборник. Ч. XI. М. 1992. С. 79—83.

⁶³ Потин В. М. Скандинавские монеты на территории Русского государства... С. 205.

найлены 11 кладов с 69 экз.; затем следуют Вологодская, Ярославская, Костромская, Архангельская области (12 кладов с 54 экз.). В Москве и области обнаружены 10 кладов с 33 экз. В центральной России (Тверская, Владимирская, Тамбовская, Орловская обл.) найдены 5 кладов с 6 экз. В западных областях (Брянская, Смоленская) в 2 кладах обнаружены 8 экз. В трех кладах, места находки которых не установлены, обнаружены 12 монет. Следует заметить, что один из этих трех кладов (№ 43), датированный 1717 г., судя по структуре и составу, сложился в шведских владениях. Он найден, скорее всего, в Ленинградской области и его следует присовокупить к кладам северо-западной группы. Там же, видимо, сложился клад № 10, место находки которого известно — его нашли на территории Спасо-Каменного монастыря, расположенного на одном из островов Кубенского озера неподалеку от Вологды. По составу они сходны с Пулковским кладом (№ 6), о котором подробно пойдет речь ниже.

Анализ кладов с «Нефедкиными копейками» отчетливо обрисовывает место их производства и основной ареал распространения. Это Северо-Запад и Северо-Восток Русского государства, где соприкасались шведские владения с русской территорией и где проходили пути к Балтийскому побережью. Здесь же, очевидно, находился главный очаг контрабандной торговли, благо русско-шведская граница была достаточно прозрачна и не имела четких очертаний.

Оживленная торговля, в том числе и контрабандная торговля хлебом, в которую было втянуто местное население, требовало наличных денежных знаков, дефицит которых с особой остротой обозначился к середине XVII в. Спрос на «воровские» деньги возник в это время и на собственно российской территории⁶⁴, и, конечно, на шведских владениях. Поэтому, разумеется, «Нефедка с товарищи» были не одиноки.

В 1633 г. в Ивангороде происходил судебный процесс. К суду привлекался торговец монетами, русский житель г. Корелы (Кексгольма), подозреваемый в чеканке фальшивых копеек. Его имущество конфисковали, и на допросе он показал, что обнаруженные у него фальшивые копейки были выменены в Нарве у корельского крестьянина. Крестьянин был вызван в суд. При обыске и конфискации имущества у него обнаружили 47 рублей фальшивых копеек. Экспертиза показала, что монеты только на три четверти состояли из серебра, и на одну часть — из латуни. Суд при-

⁶⁴ Мельникова А.С. «Воровские» деньги в России..

знал невинным кексгольмского торговца на том основании, что у него была хорошая репутация, он всегда торговал доброкачественными копейками, которые у него принимали даже иностранные купцы в Пскове⁶⁵.

Документ характеризует состояние денежного хозяйства в шведских владениях и называет его ключевые фигуры. Это торговый человек, который вполне легально занимается продажей русских копеек (указаны Нарва, Ивангород, Псков, но, надо полагать, сфера его деятельности была шире); иноземные купцы, которым он сбывал эти копейки; и, наконец, корельский крестьянин, который делал и продавал фальшивые копейки и у которого в доме хранился солидный запас этого товара (4700 экз.). Заметим также, что экспертиза обращала внимание только на качество металла в копейках, но никак не фиксировала особенности рисунка и надписей. Между тем в русских документах о фальшивомонетчиках весьма четко перечисляются самые характерные черты «воровских» денег: «нечистое серебро, и чекан на тех воровских деньгах не твой, государь, и перед твоими, государь, деньгами те воровские деньги гораздо лехки»⁶⁶. На шведской стороне требования к русской копейке, очевидно, сводились к соблюдению высокой пробы (960), свойственной русским копейкам, и весовой нормы в пределах 0,51 — 0,48 г. Это говорит о том, что русская проволочная копейка, помимо использования ее как ходячей монеты, выполняла также функцию товара.

В высшей степени информативный источник для изучения состояния денежного хозяйства при шведах дает Пулковский клад, общие сведения о котором представлены выше (Приложение 2, № 6), а описание полного состава дано в Приложении № 1.

В отличие от двух других не сохранившихся кладов смешанного состава (Приложение 2, №№ 66 и 71), по Пулковскому кладу можно судить о составе того товара, которым торговали торговцы монетами. О том, что монеты Пулковского клада представляли собой товар, можно судить по многим деталям. В кладе, состоящем преимущественно из голландских и германских монет, встречена лишь одна шведская монета, что свидетельствует о том, что владелец его не был шведским купцом, а принадлежал к прибалтийскому или немецкому купечеству, наиболее активно действующему на местном рынке. Об этом же говорит наличие в кладе серебряной чашечки (ковшика)

⁶⁵ Hatz G. Denningen. S. 31.

⁶⁶ РГАДА. Разрядный приказ. Новгородский стол. Ф.210. Стб. 61 л. 75; Быков А.В. Борьба с фальшивомонетчиками... С. 79.

с небольшой плоской ручкой, на которой читаются латинские буквы ХГАК, соединенные в монограмму. В глиняной муравленой кубышке, где находилось содержимое клада, был спрятан также коровий рог, назначение которого непонятно. По ценности русская и европейская части примерно равны: 38 талеров и 3 полуталерные монеты на русские деньги при курсе 50 копеек за талер составляют сумму в 20 рублей 3 алтына; русские деньги (1491 копейка) — 14 рублей с полтиной, 13 алтын с двумя копейками. Общая сумма клада — около 35 рублей — представляется довольно значительной.

Наибольший интерес вызывает русская часть клада. Несмотря на датировку клада младшей монетой 1645 г., копейки Михаила Федоровича, чеканенные после 1620 г., насчитываются здесь буквально единицами, хотя хорошо известно об обильной чеканке копеек во второй половине 20 — 30-х годах на Московском денежном дворе⁶⁷. Московские выпуски 1613—1620 г. в кладах насчитывают около 30% к составу русской части клада, а выпуски 1621—1643 г. — всего 1,06 %. Нет в кладах копеек 1644—1645 г., чеканившихся два последних года правления Михаила. Зато монеты Псковского и Новгородского денежных дворов времени Михаила, обычно немногочисленные в кладах середины XVII в., здесь составляют около 38%. В числе монет, относящихся к времени правления царей от Ивана IV до Владислава Жигимонтовича, псковские и новгородские монеты также явно преобладают над московским чеканом. Очень высок процент монет (около 12 %), чеканившихся шведами в 1612—1617 г. в оккупированном Новгороде.

Но самой главной достопримечательностью Пулковского клада оказалось рекордно большое число «непрямых» денег, то есть тех, которые чеканились вне «государевых» денежных дворов, числившихся «воровскими». Монеты, чеканенные «Нефедкой с товарищи», встречающиеся обычно в русских кладах в количествах, редко превышающих десять экземпляров и составляющих менее одного процента от общего состава клада, здесь насчитывают 41 экз. (2,67 %). Также довольно много (9 экз. — 0,58%) в кладах оказалось датских подделок — деннингов, причем шесть из них имеют имя Христиана IV и только три несут имена русских царей. Это тоже является контрастом по сравнению с русскими кладами, где, во-первых, число деннингов обычно меньше и монеты с именами русских царей преобладают над деннингами с именем Христиана IV⁶⁸. Зато еще один вид «непрямых» денег — копейки, чеканенные

⁶⁷ Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989. С. 173—180.

⁶⁸ См. нашу статью «Русское денежное обращение и деннинги» в настоящем сборнике.

в Ярославле после 1619 г. на откупных началах⁶⁹, обычно широко представленных в русских кладах, здесь имеются только в четырех экземплярах (0,26%). Встречена в кладе также одна фальшивая копейка неизвестного происхождения.

Русская часть клада, по-видимому, довольно адекватно отражает состав местного денежного обращения. Насколько он был близок (или отличался) от характера денежной массы, обращавшейся на территориях, граничащих с шведскими владениями (восток Ленинградской области), показывает сравнительный анализ кладов первой половины и середины XVII в. из Лодейного поля (ОН ГЭ № XXVIII), из пос. Лукинского Подпорожского р-на (ОН ГЭ XIX), из пос. Осьмино Лужского р-на (ОН ГЭ XXIV), из г. Любань (ОН ГЭ № 32 новой серии). Данные кладов сведены в таблицу № 2, где они обозначены соответственно под №№ II, III, IV, V; Пулковский клад обозначен номером I.

Таблица 2

(указаны процентные соотношения
к общему количеству монет в кладе)

№ пп.	Дата клада	«Старые» монеты до 1613	Шведы в Новгороде	Москва	Псков	Новгород	«Нефедка»	Деннинги	Ярославль после 1619	Фальшивые
I	1645	16	12	38,06	15,5	23	2,67	0,58	0,26	0,06
II	1624/5	34	7	42	5,8	15,3	0,07	0,07	0,61	0,15
III	1624/5	30	7,4	41,7	1,7	20	0,31	-	-	-
IV	1645	6	2,3	83	2	2,5	0,23	0,23	1,4	-
V	1654	3,8	1,7	87	2,6	4,5	0,79	0,04	0,61	0,14

Клады из местностей, лежавших в стороне от шведских владений, отражают все те процессы, которые происходили в русском денежном обращении после 1613 г., когда денежное хозяйство постепенно стало оправляться после разрушительных последствий Смуты.

К 20-м годам XVII столетия в денежном обращении на Северо-Западе, как и повсюду, сохранялся довольно значительный процент «старых» (до 1613 г.) монет, чеканившихся по более высокой весовой норме. Местной особенностью было значительное количество монет Новгородского денежного двора времени шведской оккупации, чекан которого до 1617 г. был изолирован от общерусского обращения. Здесь также в большем числе, чем на остальной

⁶⁹ Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного... С. 184—190.

территории Русского государства, был представлен чекан Псковского и Новгородского денежных дворов, после заключения Столбовского мира включившихся в русское денежное производство. Всякого рода «непрямые» копейки (деннинги, ярославские выпуски после 1619 г., чекан Нефедки) до конца 20-х гг. достигали северо-западных окраин еще в небольших количествах. К середине века ситуация заметно изменилась. Почти полностью исчезли из обращения «старые» монеты и выпуски шведской оккупации Новгорода 1612—1617 г.; сократился процент чекана Псковского и Новгородского дворов, закрывшихся в 1627/8 г., и преобладающими в обращении стали копейки Московского денежного двора. Активно проникают в обращение и занимают достаточно заметное место «непрямые» выпуски, среди которых доминируют ярославские. Резко возрастает количество «воровских» денег, среди которых заметную роль играет продукция отечественных фальшивомонетчиков.

Как следует из таблицы 2 (в тексте), состав Пулковского клада свидетельствует, что местное денежное хозяйство не затронули перемены в русском денежном обращении середины XVII в. Структура Пулковского клада оказалась ближе ккладам 20-х гг. Недостаток выпусков после 20-го г. в кладах компенсировался высоким процентом «воровских» денег местного и зарубежного происхождения. Поскольку не сохранилось ни одного клада с русскими монетами, найденными на шведской территории, по Пулковскому кладу можно составить представление о структуре и составе обрававшейся здесь денежной массы, состоящей из русских монет.

Государственная граница, отделившая в 1617 г. Ижорскую землю и Корельский уезд от Русского государства, положили конец регулярному притоку русских копеек, чеканившихся на «государевых» денежных дворах. Приблизительно до 20-х г. состав денежной массы на «шведской стороне» оставался более или менее адекватен общероссийскому. Затем приток монет стал осуществляться стихийно и нерегулярно, лишь благодаря торговле. Уже одно это обстоятельство обусловило недостаток в русской монете, от которой местное население явно не желало отказываться. Это стало одним из стимулов к массовой чеканке фальшивой монеты. Способствовал развитию этого промысла и повышенный спрос на русскую монету со стороны приезжих торговых людей, нуждавшихся в «угожих» деньгах для различного рода контактов с местным населением. Здешние фальшивомонетчики, среди которых, видимо, основательнее других был оснащен «Нефедка с товарищи» заполнили этот спрос своей продукцией. Привезенные из-за

рубеза «воровские» деньги также жадно впитывались местным денежным обращением. Если на русской территории появление зарубежных фальшивых монет было замечено уже в 1620 г., о чем свидетельствует царский указ, разосланный в российские таможенные службы⁷⁰, и денежную наличность на «явках» стали более или менее тщательно проверять, «выметывая» подделки и штрафуя их владельцев, здесь, на шведской стороне, этим никто не занимался. Да и отличить подлинные деньги от фальшивых даже русским жителям было трудно, не говоря уж об иноземных торговцах. Для фальшивомонетчиков создавались чрезвычайно благоприятные условия, чем они и не преминули воспользоваться.

По всей видимости, Пулковский клад принадлежал одному из иноземных торговцев монетой, обслуживающего денежный рынок Ижорской земли и Корельского уезда. В отличие от персонажа судебного дела 1633 г., владелец Пулковского клада был иноземцем, о чем более всего свидетельствуют смешанный состав клада и чашечка с латинской монограммой, а также большое число «воровских» монет, которые он не мог выделить из числа подлинных копеек.

В 60-е годы XVII в., во время проведения денежной реформы 1654—1663 г., когда в России явно под влиянием медной шведской чеканки в 1655 г. заменили серебряные копейки медными⁷¹, произошел новый всплеск денежного «воровства». На этот раз стали подделывать медную копейку. И опять поставщиками «воровских» денег стали шведские владения в России и зарубежные фальшивомонетчики. Относительно последних А.Л. Ордин-Нащокин, воевода Царевич-Дмитриева города (Кукенойса) в 1660 г. писал рижскому генерал-губернатору о том, что «воровских денег меденых многое число в Колывани объявилось по присылке из Галанские земли, печатные под гербом русским; а такие деньги галанцы, опричь иных городов, и в Ригу отвозят. И чужеземцом, будучи в нашей земле, того беречись под смертным страхом, чтоб русских денег за свои товары не иметь, не только чтобы откуда привозить и торговать не своими деньгами. А таких дел во всем свете остерегают крепко, чтоб чужево гербу никто не подделывал»⁷².

21 ноября 1661 г. московский торговый человек, уже упоминавшийся Макар Загорский, доносил из Олонца: «Появились на Олон-

⁷⁰ Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М. 1908. С. 188—189.

⁷¹ Потин В. М. Скандинавские монеты на территории Русского государства... С. 168.

⁷² Экономические связи Русского государства со Швецией в XVII в. Сборник документов. Москва — Стокгольм. 1978. № 64. С. 103.

це и в Северских и Заонежских погостах многия воровския поддельныя медные деньги от тех новгородских и олонецких и тифинских и Белозерских закупщиков... А казенныя деньги вашего царского величества можно с воровскими скоро разобрать, потому на Москве денежных вашего царского величества два двора, да в Великом Новгороде, да во Пскове другая два двора, а воровских печатей на воровских деньгах много, и счесть невозможно».⁷³

В составе монетных кладов, найденных в шведских владениях на Северо-Западе, отразилась, на наш взгляд, структура местного общества, разделившегося на две группы по национальному и социальному признакам: основное население, состоящее из русских, ижорских, водских и корельских крестьян и посадских людей, и бюргерско-феодалная верхушка, представленная голландцами, немцами и шведами. Связующим звеном между ними были местные и приезжие торговые люди и государственные чиновники.

Надо полагать, клады с русскими копейками оставляли по преимуществу крестьяне. Об этом говорят и места находок, главным образом, в сельской местности, и небольшие размеры кладов, что было характерным также и для основной территории России⁷⁴.

Клады с большим количеством талеров и часть кладов со шкилевой медью прятали, вероятнее всего, торговые люди. Клады эти, купеческие по происхождению, вряд ли можно связывать с местным денежным обращением. Что же касается мелких кладов с талерами и медью, то их можно отнести к имуществу мелких землевладельцев, получивших у шведской короны земельные наделы на бывшей русской территории, или представителей шведской администрации. Для них деньгами была талерная монета и шкилевая медь, а не проволочные русские копейки. Но нельзя исключать и того, что некоторая доля таких кладов была спрятана крестьянами или посадскими людьми, в частности, и для того, чтобы использовать это серебро и медь при изготовлении «воровских» денег или ювелирных изделий. На ярмарке в Ниеншанце в 1640 г. мастера-серебренники Юрий Михайлов, Иван Филиппов и Иван Тимофеев продавали серьги и кольца, серебряные и позолоченные сосуды, сырьем для которых служили, наверняка, талеры⁷⁵.

При пестроте денежных знаков, обращавшихся на одной территории, конечно, складывались соотношения, согласно которым

⁷³ АМГ. Т.3. № 540. С. 461—462.

⁷⁴ Мельникова А.С. К вопросу о социально-экономической природе и источниковедческом значении монетных кладов XVI—XVII вв. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М. 1984. С. 153—162.

⁷⁵ Шаскольский И. П. Русская морская торговля... С. 171.

производились взаиморасчеты с использованием различных видов денег. Частично об этих соотношениях писал С.В.Зверев, но он сосредоточил внимание преимущественно на двойном счете, который установился для шведской меди и серебра, рассматривая только «уставной» и рыночные курсы русских проволочных копеек по отношению к талеру и объясняя выгоды от перепродажи в России меди, закупленной «на шведской стороне». Он же определил соотношение между русской копеейкой и ее долями (денгой и полушкой) с медными шведскими монетами: серебряная копейка приравнивалась к двум эре, медная монета в один эре равнялась денге, $\frac{1}{2}$ эре — полушке, а монета в $\frac{1}{4}$ эре была реальным воплощением пирога, равному $\frac{1}{8}$ копейки. Правда, эти соотношения прослежены С.В.Зверевым не в торговой сфере, а по документам о поземельном обложении крестьянского населения⁷⁶.

При всей пестроте денежной массы, используемой в присоединенных к Швеции русских землях, нельзя не согласиться с тем, что русская проволочная копейка не только не утратила своих позиций, но стала важнейшей, а может быть и приоритетной составляющей местного денежного обращения. Главным аргументом, говорящим о приоритетном положении русской монеты, следует считать наряду с кладами, состоящими из копеек, массовое изготовление местным населением «воровских» денег, подражающих русской проволочной копейке. Можно считать, что в Ижорской земле и Корельском уезде после 1617 г. победу одержала русская копейка, которая, несмотря на все свое несовершенство, была сохранена коренным населением как один из элементов, связывающих его с родиной наряду с языком и религией. Но не следует забывать и об экономической выгоде от чеканки и сбыта «воровских» копеек в этом пограничном районе с его развитой контрабандной торговлей хлебом и сельскохозяйственной продукцией, столь активизирующейся в годы Тридцатилетней войны в Европе (1618—1648) и периодическими волнами «революции цен» на европейском рынке XVII века.

⁷⁶ Зверев С. В. Денежное обращение в Кексгольмском лене... С. 191—192.

СОСТАВ ПУЛКОВСКОГО КЛАДА

I. Западноевропейские монеты (40 экз.). Определения В.М.Потина

Голландия, Северные Нидерланды, ригсдаальдеры 1601 г., в. 28 г; 1630 г., в. 28 г; Зеландия, 1621 г., в. 28 г; Утрехт, 1598 г., в. 28,48 г; Гельдерн, 1612, 1622 г., общ. в. 56,83 г, 2 экз.; Овериссаль, 1619 г., в. 27,08 г; Зап. Фризия, 1620 г., общ. в. 55,4 г 2 экз.; 1623 г., в. 28, 13 г.

Германия, Верхне-Рейнский округ, Гессен-Кассель, Вильгельм V (1627—1637), талер, 1637 г., в. 27,93 г; ландграфство Эльзас, эрцгерцог Фердинанд II (1564—1595), талер без года, в. 28,07 г; эрцгерцог Максимилиан (1612—1618), талер 1616 г., в. 28,25 г; император Фердинанд II (1619—1623), талер 1621 г., в. 28,30 г; Франкфурт-на-Майне, талер 1621 г., в. 27,95 г; Вормс, талер 1624 г., в. 28,55 г.

Германия. Нижне-Саксонский округ, Вестфалия, графство, Горн-Филипп (1531—1568), талер без года, в. 27,58 г; герцогство Брауншвейг, старшая линия Грубенгаген, Вольфганг и Филипп (1567—1595), талер 1587 г., в. 28 г; новая Люнебургская линия. Христиан (1617—1633), полталера 162(6?) г., в. 14,12 г; Любек, талер 1621 г., в. 28,90 г; талер 1623 г., в. 28,70 г; Гамбург, полталера 1609 г., в. 13,57 г; полталера 1621 г., в. 13,82 г.

Германия, Верхне-Саксонский округ, герцогство Саксонское, Альбертинская линия, Христиан I (1586—1591), талер 1588 г., в. 28,80 г.

Германия, Франконский округ, владения дома Бранденбург-Аасбах, Фридрих Альберт Христиан (1625—1634), талер 1626 г., в. 27,20 г; Нюрнберг, имп. Фердинанд II (1619—1637), талер 1623 г., в. 28,80 г; талер 1624 г., общ. в. 57,80 г, 2 экз.

Германия, Баварский округ, архиепископство Зальцбург, Парис де Лодран (1617—1653), талер 1623 г., в. 28,48 г; талер 1638 г., в. 28,60 г.

Германия, Швабский округ, синьория Таттлеат и Арген, графство Монфорт, Гуго IV и Иоанн VII (1619—1625), талер 1620 г., в. 28,08 г

Австрия, провинция Австрия, эрцгерцог Рудольф II (1576—1612), талер 1581 г., в. 28,53 г; графство Тироль, эрцгерцог Фердинанд (1654—1595), талер без года, в. 27,58 г; талер без года, в. 27,38 г; гульден-талер 1567 г., в. 24,30 г; эрцгерцог Леопольд (1619—1632), талер 1620 г., в. 28 г.

Швейцария, кантон Цуг, талер 1622 г., в. 27,57 г; кантон Базель, талер 1622 г., в. 27,65 г.

Швеция. Христина (1632—1654), талер 1645 г., в. 27,77 г.

Польша, Сигизмунд III (1587—1632), талер 1628 г., в. 27,50 г.

II. Состав русской части клада

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак на монете	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес (в гр.)
1	Иван IV 1533-1584	Псков	1535-1547	Копейка А	М., т.1, 9-12	1	
2			1547-1550	ГР	М., т.1, 21-25	1	
3-5			1560-е	с/МН	М., т.1, 35-27	3	
6			1570-е	IV — P	М., т.1, 37-27	1	
7		Новгород	1547-1550	ПС	М., т.1, 19-23	1	
8			1555-е	я/ДМ	М., т.1, 25-26	1	
9			1560-е	к/ВА	М., т.1, 29-26	1	
10	Федор Иванович 1584-1598	Псков	1595-1598	ПС	М., т.2, 2/3/-1	1	
11			1595-1598	ПС	М., т.2, 3/4/-2	1	
12			1595-1598	ПС	М., т.2, 4/5/-2	1	
13			1595-1598	ПС	М., т.2, 5/4/-2	1	
14		Новгород	1596	в/НО.РД	М., т.2, 2-1	1	
15			1597	в/НОРЕ	М., т.2, 3-2	1	
16			1598	В/НОПС	М., т.2, 5-2	1	
17	Борис Федорович 1598-1605	Москва	1599	о/М	М., т.3, 1-1	1	
18-21			1600-1605	о/М Б-О	М., т.3, 4-2	4	
22			1602	с/М	М., т.3, 6-2	1	
23-26		Псков	1599	ПСРЗ	М., т.3, 1-1	4	
27-28			1600	ПС	М., т.3, 2-1	2	
29			1603	ПС	М., т.3, 3-4	1	

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак на монете	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес (в гр.)
30			1604-1605	ПС	М., т.3, 5-5	1	
31		Новгород	1599	в/НО.РЗ	М., т.3, 1-1	1	
32-34			1602	в/НОРІ	М., т.3, 6-5	3	
35-38			1603	в/НОРАІ	М., т.3, 9-8	4	
39-40			1603	НРАІ	М., т.3, 11-9	2	
41-42	Дмитрий Иванович						
43-44	1605-1606	Псков	1605	ПС	М., т.4, 1-1	2	
45		Новгород	1605	НРГІ	М., т.4, 1-1	2	
46	Василий Иванович		1606	н/РДІ	М., т.4, 2-1	1	
47	1606-1610	Псков	1606	ПС	М., т.4, 1-1	1	
48-53	Владислав Жигомонто- вич	Новгород Москва	1610 1611-1612	PIN б/б	М., т.6, 2-2 М., т.4, 2-2	1 1 6	0,48-2 0,52-2 0,55-2
54-145	1610-1612 Шведская оккупация 1611-1617	Новгород	1612-1615	PIN	М., т.6, 1-1	92	0,24 0,35 0,36 0,40 0,44 0,47 0,48 0,49-2 0,50-2 0,51-5 0,52-16

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак на монете	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес (в гр.)
146-237			1612-1615	НРГГ С именем Василия Ивановича	М., т.6,2-2	92	0,53-21 0,54-18 0,55-8 0,56-11 0,57-2 0,40-2 0,43-2 0,45-7 0,46-6 0,47-8 0,48-34 0,49-15 0,50-14 0,51-2 0,52-2 0,45
238	Временное правительство Д.Т. Грубецкого Д.М. Пожарского ХI.1612 — П.1613	Москва	ХI.1612 — П..1613	о/М с именем Фе- дора Ивановича	М., т.5,1-1	1	
239-240		Псков	ХI.1612 — П.1613	ПС с именем Фе- дора Ивановича	М., т.4, Б-Б	2	0,47 0,51
241-	Михаил Федорович 1613-1645	Московский временный денежный двор	П.1613 — ХI.1613	М-о	М., т.5,2-2	1	
242-243			П.1613 ХI.1613	б/б	М., т.5,3-3	2	

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак на монете	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес (в гр.)
244-256		Москва	1614	МОС/КВА	М.,т.8,3-1	13	
257-259			1614	МОС/КВА	М.,т.8,3-2	3	
260-331			1614	МОС/КВА	М.,т.8,3-3	72	
332-336			1615	МО/СКВА	М.,т.8,6-3	5	
337			1615	МОС/КВА	М.,т.8,3-5	1	
338-264			1616	МОС/КВА	М.,т.8,3-8	27	
265-415			1616	МОС/КВА	М.,т.8,3-7	51	
416-422			1616	МО/СКВА	М.,т.8,5-8	7	
423-455			1616	МО/СКВА	М.,т.8,6-3	33	
456			1616	МО/СКВА	М.,т.8,6-7	1	
457-469			1616	МО	М.,т.8,7А-8	13	
470-473			1617	МО/СКВА	М.,т.8,5-9	4	
474			1617	МО/СКВА	М.,т.8,5-10	1	
475-476			1617	МО/СКВА	М.,т.8,6-10	2	
477-552			1617	МОС/КВА	М.,т.8,3-9	76	
553-561			1617	МОС/КВА	М.,т.8,3-10	9	
562			1617	М	М.,т.8,9-9	1	
563-564			1617	МО	М.,т.8,7А-9	2	
565-567			1618	МО/СКВА	М.,т.8,5-11	3	
568-587		1618	о/М	М.,т.8,10-11	20		
588-589		1618	МОС/КВА	М.,т.8,3-12	2		
590-621		1618	М	М.,т.8,9-11	32		
622-628		1618	М	М.,т.8,9-12	7		
629-673		1618	МО	М.,т.8,7А-12	45		
674		1619	о/М	М.,т.8,10-13	1		
675-719		1619	о/М	М.,т.8,10-14	45		
720-721		1619	МО	М.,т.8,7А-13	2		
722-770		1619	М	М.,т.8,9-13	49		
771-786		1619	М	М.,т.8,9-14	16		

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак на монете	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес (в гр.)
787-789			1619	о/М	М., т. 8, 13-14	3	
790-791			1619	МО/СКВА	М., т. 8, 15-17вар	2	
792-815			1620	о/М	М., т. 8, 10-15	24	
816-817			1620	о/М	М., т. 8, 11-12	2	
818-821			1620	о/М	М., т. 8, 10-16	4	
822-823			1620	о/М	М., т. 8, 13-15	2	
824-825			1620	МО/СКВА	М., т. 8, 15-14	2	
826			1621	о/М	М., т. 8, 10-17	1	
827			1621	о/М	М., т. 8, 16-14	1	
828			1621	МО/СКВА	М., т. 8, 6-23	1	
829			1622	о/М	М., т. 8, 16-19	1	
830			1622	о/М	М., т. 8, 17-20	1	
831			1623	о/М	М., т. 8, 17-21	1	
832			1625	о/М	М., т. 8, 20-23	1	
833			1625	о/М	М., т. 8, 20-24	1	
834			1630	о/М	М., т. 8, 20-32	1	
835			1642	о/М	М., т. 8, 29-41	1	
836			1642	о/М	М., т. 8, 29-42	1	
837			1643	о/М	М., т. 8, 28-48	1	
838-841			Плохой	сохранности		4	
842-915		Псков	1617-1627	ПС	М., т. 10, 1-1	74	
916-974			1617-1627	ПС	М., т. 10, 1-2	59	
975-1071			1617-1627	ПС	М., т. 10, 2-2	97	
1072-1073			Плохой	сохранности		2	
1074-1135		Новгород	1617	н/РКЕ	М., т. 6, 1-1	62	
1136-1142			1617-1618	н/РКЕ	М., т. 6, 1-2	7	
1143-1322			1618-1620	НГД	М., т. 6, 2-2	180	
1323-1324			1618	НГД	М., т. 6, 2-1	2	
1325-1332			1618	ГДО	М., т. 6, 3-2	8	

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак на монете	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес (в гр.)
1333			1619-1620	РН	М., т.6,1(РН)-2	1	
1334-1340			1619-1620	НРП	М., т.6,2(НРП)-3	7	
1341-1381			1620-е	НОГ	М., т.6,4-4	41	
1382-1391			1620-1627	НГ	М., т.6,5-4	10	
1392-1398			1620-1627	НГ	М., т.6,6-4	7	
1399			1620-1627	НГ	М., т.6,5вар-4	1	
1400-1417			Плохой	сохранности		18	
1418	Шведская оккупация 1611-1617	Новгород	1615	«Воровская» копейка ПС с именем Василия Ивановича	М., т.6,3-2	1	0,45
1419			1615	«Воровская» копейка ПС с именем Дмитрия Ивановича	М., т.6,3-3	1	0,23 обло- мана
1420-1445	Густав-Адольф 1594-1632	Шведские владения в Ижорской земле и Корельском уезде	После 1617	«Нефедкины» копейки с именем Михаила Федоровича с буквами ПС	М., т.6,4-4	26	0,35-2 0,40-2 0,42-2 0,43-2 0,45-2 0,46-4 0,47-6 0,48-5 0,52
1446-1456			После 1617	ПС	М., т.6,4-5	11	0,35 0,44 0,46-6 0,47-2

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал и знак на монете	Ссылка на лит-ру	Количество	Вес (в гр.)
1457			После 1617	6/6	М., т. 6, 5-4	1	0,48
1458			После 1617	МО/СК	М., т. 6, 6-4	1	0,45
1459			После 1617	НО	М., т. 6, 8-5	1	0,46
1460			После 1617	Плохой	сохранности	1	0,47
1461-1464	Христиан IV 1588-1648	Глюкшгадт	После 1619	Деннинг М с именем Христиана на немецком языке	М., т. 11, 8-9	4	0,45
1465-1466			После 1619	Деннинг б/б с именем Христиана на немецком языке	М., т. 11, 9-10	2	
1467			После 1619	Деннинг б/б с именем Михаила Федоровича на русском языке	М., т. 11, 9-15	1	
1468			После 1617	Деннинг М с именем Михаила Федоровича на русском языке	М., т. 11, 10-12	1	
1469			После 1617	Деннинг НРСІ с именем Василия Ивановича на русском языке	М., т. 11, 11-18	1	
1470-1472	Михаил Федорович 1613-1645 Копейка	Ярославль (откупная чеканка?)	После 1619	МОС/КВА	М., ф/т 34, 10-7	3	
1473			После 1619	Копейка МО/СК	М., ф/т 35, 16-10	1	0,43
1474	Фальшивая копейка с именем Михаила Федоровича				Не издана	1	
1475-1491	Михаил Федорович 1613-1645	Копейки плохой сохранности				17	

Приложение 2

**СПИСОК КЛАДОВ МОНЕТ XVI—XVII ВВ., НАЙДЕННЫХ В
С.-ПЕТЕРБУРГЕ И В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Санкт-Петербург

1. С.-Петербург, Васильевский остров. В 1950 г. найден клад времени Алексея Михайловича (1645—1676). С., № 114, с. 121.
2. С.-Петербург. В 1911 были найдены 706 монет времени Бориса Годунова (1598—1605). Архив ЛОИА. Ф. 1. 1911/296.
3. С.-Петербург. В 1871 г. при чистке канавы на Охте был найден клад, состоящий из 460 монет, круглой бляхи, серег и медной трубы. Из четырех монет, переданных в Эрмитаж, две оказались талерами Вильгельма Брауншвейг-Люнебургского 1622 г. и Августа Ратцебургского 1635 г., а две — шведскими монетами 1626 и 1644 гг. П., 1967, с. 56; П., 1974, № 9.
4. С.-Петербург, Московский проспект. В 1955 г. в стене разобранного дома найден горшок с русскими монетами XVII в. С., № 122, с. 121.
5. С.-Петербург. В 1961 г. был найден клад медных шведских монет, состоящий из 1184 экз. монет достоинством в $\frac{1}{4}$ эре, времени Густава II Адольфа (1611—1632) — 2 экз. 1629 г.; Кристины (1632—1654), 1633 г. — 8 экз., 1634 — 177, 1635 — 250, 1636 — 171, 1636 (?) — 5, 1637 — 130, 1638 — 72, 163..? — 43, 1640 — 6, 1641 — 41, 1642 — 30, 1644 — 5, 1645 — 7, 164..? — 12, год стерт — 225 экз. Клад зарыт после 1645 г. П., 1974, № 10.
6. С.-Петербург. В 1915 г. было найдено 12 пудов шведских медных монет, чеканенных при Густаве II Адольфе и Кристине. Клад датируется серединой XVII в. ОАК, 1913—1915. с. 181, 260; П., 1974, № 18.
7. С.-Петербург (с. Редикуль б. Петербургского уезда и губ). В 1904 г. здесь нашли 96 шведских монет первой половины XVII в.,

зарытых, вероятно, около середины XVII в. ОАК, 1904, с. 109; П., 1974, № 21.

8. С.-Петербург, г. Павловск. В 1944—1950 гг. найден маленький кувшинчик с монетами Ивана IV (1533—1584), насчитывающий около 200 экз. С., № 139, с. 123.

9. С.-Петербург, Пулково. В 1936 г. был найден клад, состоящий из 40 талеров и 1491 серебряной проволочной русской копейки XVII в. Клад найден в муравленой кубышке, где вместе с монетами находились коровий рог и серебряная чашечка с латинской монограммой на ручке. Датируется серединой XVII в. Хранится в ОН ГЭ под № XVIII, кубышка под № 8. П., 1967, с. 56—68; П., 1974, № 11; П., 1977, № 11, с. 80; С., С., № 32, с. 75.

10. С.-Петербург, Пулково. В мае 1961 г. в полукилометре от Пулкова, на склоне холма, были найдены пять талеров: Бавария, курфюрст Максимилиан (1597—1651), 1623 г.; Зальцбург, архиепископ Парис граф Лондрон (1619—1653), 1621 г.; Нидерланды, провинция Гельдерн, ригсдаальдер 1651 г.; Нидерланды, провинция Голландия, ригсдаальдер 1650 г.; Польша, Сигизмунд III (1587—1632), талер 1628 г. П., 1967, с. 56.

11. С.-Петербург, Пулково. Летом 1926 г. на территории Пулковской обсерватории был найден клад, состоящий из нескольких десятков западноевропейских монет. Н. П. Бауеру (ОН ГЭ) были показаны две шведские монеты 1534 и 1535 гг. достоинством в $\frac{1}{4}$ эре. Клад датируется временем до 1535 г. П., 1967, с. 56; П., 1974, № 1.

12. С.-Петербург, Пулково. В 1962 г. здесь нашли клад, состоящий из 77 шведских медных монет времени Густава II Адольфа достоинством в 1 эре: 1627 г. — 1 экз., 1628 — 20, 1629 — 20, 1630 — 5, год стерт — 24. Клад зарыт после 1630 г. П., 1974, № 7.

13. С.-Петербург, Пулково. В 1839 г. при постройке Пулковской обсерватории был найден клад шведских медных монет в количестве 880 экз. Из них 850 экз. составлял номинал достоинством в 1 эре; известно, что среди них имелись монеты 1629 г. Остальные 30 экз. были, вероятно, номиналами в $\frac{1}{2}$ и в $\frac{1}{4}$ эре. Клад был зарыт, по всей видимости, во второй четверти XVII в. Архив ЛОИА. Ф. 1. Д. 63; П., 1974, № 17.

14. С.-Петербург, г. Пушкин. В 1827 г. на территории Царско-сельского дворцового ведомства были обнаружены 36 шведских монет 1660—1690 гг. П., 1967, с. 56.

15. С.-Петербург, г. Сестрорецк. В 1966 г. был найден клад, зарытый в последние годы правления Ивана IV. М., 1980, № 52, с. 46.

16. С.-Петербург, г. Сестрорецк. В 1908 г. был найден клад с

копейками Петра I (1689—1725), датируемый 1704 годом. Архив ЛОИА. Ф. 1. Д. 62/1908.

17. С-Петербург, район Главного гребного порта, с. Грязевец, на берегу Финского залива. В 1823 г. на глубине 1,5 сажений были найдены 3000 монет от Ивана IV до Ивана Алексеевича. С., № 108, с. 120.

18. С-Петербург, окрестности, д. Каячка. В 1929 г. в ОН ГЭ поступили три найденные здесь русские серебряные монеты XVII в. С., № 110, с. 121.

19. С.-Петербург, окрестности, с. Ржавка. В 1958 г. в ОН ГЭ поступили 6 монет Василия Шуйского (1606—1610) из клада, найденного здесь вместе с кубышкой. Монеты хранятся в ОН ГЭ под № XI. С., С., № 26, с. 73.

Ленинградская область

20. Волосовский р-н, д. Терпилицы. В 1925 г. были найдены 174 монеты времени Ивана IV. С., № 148, с. 124.

21. Волховский р-н, д. Заполька. Найден клад монет, зарытый в конце правления Ивана IV. М., 1980, № 50, с. 46.

22. Волховский р-н, Новая Ладога. Около 1855 г. найдена серебряная испанская монета Филиппа II (1555—1598). П., 1977, № 5, с. 79.

23. Волховский р-н, с. Реброво. В 1958 г. найдены 687 монет времени Федора Алексеевича (1676—1682). Клад хранится в ОН ГЭ под № XLIII. С., С., № 62, с. 84.

24. Всеволжский р-н, с. Колтуши. В сентябре 1953 г. был найден клад, состоящий из 44 шведских медных монет номиналом в 1 эре, относящихся ко времени Густава-Адольфа. К 1625 г. относятся 3 экз., 1625 или 1626 — 3, 1626 — 12, 1626 (?) — 1, 1627 — 4, 1628 — 9, 1630 — 6 экз. Клад датируется 30-ми годами XVII в. П., 1974, № 6.

25. Всеволжский р-н, Павлово. В 1962 г. здесь был найден клад, состоящий из 89 шведских монет из меди периода правления Кристины, достоинством в $\frac{1}{4}$ эре: 1633 г — 2 экз., 1634 — 26, 1635 — 14, 1636 — 13, 1637 — 10, 1638 — 2, 1641 — 5, год стерт — 17 экз. Клад зарыт после 1641 г. Хранится в ОН ГЭ под № 1376. П., 1974, № 8.

26. Гатчина, окрестности. В 1878 г. в двух верстах от города были найдены в земле три шведских далера 1671 г. П., 1967, с. 56; П., 1974, № 31.

27. Гатчина, окрестности. В 1932 г. на торфоразработках близ города были найдены четыре нидерландских ригслаальдера: Зе-

ландия, 1624, 1649 гг.; Утрехт, 1619 г., Западная Фризия, 1619 г., а также один гамбургский талер 1610 г. П., 1967, № 56.

28. Гатчинский р-н, пос. Большая Пудость. В 1969 г. найден клад, состоявший из одной серебряной и 1034 медных шведских монет XVII в. Серебряная монета представляет собой эре 1656 г. времени правления Кристины; медные: 1 эре 1629 г. времени Густава II Адольфа и $\frac{1}{4}$ эре времени Кристины: 1634 г. — 141 экз., 1635 — 271, 1636 — 144, 1637 — 91, 1638 — 82, 1640 — 6, 1641 — 43, 1642 — 30, 1644 — 13, 1645 — 16, 1653 — 4, 1654 — 1, год стерт — 191 экз. Клад зарыт после 1654 г. П., 1974, № 25.

29. Гатчинский р-н, пос. Высоко-Ключевский. В 1973 г. в ОН ГЭ поступили 57 русских монет из клада, зарытого после 1602 г. Клад находился в сосуде, представлявшем собой пороховницу из обливной глины, осколки которой поступили в ОН ГЭ вместе с монетами клада. Клад хранится под № 67 (новая серия). С., С., № 147, с. 124.

30. Гатчинский р-н, ст. Сиверская. В 1965 г. был найден клад монет времени Михаила Федоровича (1613—1645). С., № 147, с. 124.

31. Кингисепп. В 1959 г. в городском саду найден клад серебряных копеек времени Петра I. С., № 111, с. 121.

32. Кингисеппский р-н, с. Велья. В 1953 г. найден клад, состоящий из 393 шведских медных монет, чеканенных при Густаве II Адольфе. Монеты достоинством в 2 эре 1626 г. — 18 экз., 1627 — 7, год стерт — 4 экз.; достоинством в 1 эре: 1624 г. — 1 экз., 1625 — 98, 1626 — 127, 1627 — 2, год стерт — 2; достоинством в $\frac{1}{4}$ эре, год стерт — 1 экз. Клад зарыт после 1627 г. П., 1974, № 5.

33. Кингисеппский р-н, с. Вистина (б. Ямбургский у. Петербургской губ.). В 1895 г. был найден клад шведских медных монет весом в 24 фунта. В Археологическую комиссию поступили 630 монет весом 22 фунта и 47 золотников. Все монеты чеканены в годы правления Густава II Адольфа и Кристины. Клад датируется серединой XVII в. Все монеты были переданы в дар Юрьевскому (Тартускому) университету. Архив ЛОИА. Ф. 1. 1895. Д. 233; ОАК, 1895, с. 192—193; П., 1974, № 20.

34. Кингисеппский р-н, д. Войносово. В 1959 г. найден клад медных шведских монет XVII в. в количестве, превышающем тысячу экз. 150 монет из этого клада достоинством в $\frac{1}{4}$ эре хранится в Кингисеппском историко-краеведческом музее. П., 1974, № 38.

35. Кингисеппский р-н, д. Вольпет (б. Ямбургский у. Петербургской губ.) В 1869 г. крестьянка Анна Адамова нашла при рубке хвороста клад шведских медных монет весом в 22,25 фунта. Монеты находились в берестяном лукошке, спрятанном в земле под

камнем. Клад был зарыт предположительно в XVII в. Архив ЛОИА. Ф. 1. 1869. Д. 33. Л. 1—2; П., 1974, № 41.

36. Кингисеппский р-н, с. Дубровка. В мае 1960 г. на местном кладбище был найден клад медных шведских монет XVII в. достоинством в $\frac{1}{4}$ эре. П., 1974, № 35.

37. Кингисеппский р-н, с. Коскалово. В 1959 г. был найден клад монет времени Василия Шуйского. С., № 108, с. 121.

38. Кингисеппский р-н, д. Кайбола (б. Ямбургский у. Петербургской губ., Ратчинская волость). В 1863 г. местный житель нашел на своем огороде 13 серебряных монет: 12 грошенов Брауншвейга, 1633 г.; $\frac{1}{2}$ талера 1622 г., Гамбург, Фердинанд II (1619—1637); гульдены Антона Гютнера (1603—1667) и Фердинанда III (1637—1657); талер 1657 г., Саксония; $\frac{1}{4}$ талера 1631 г., Венгрия; талеры (2 экз.) Фердинанда I (1521—1564), Тироль; $\frac{1}{4}$ талера 1618 г., Чехия; талер 1633 г., Польша; Торн, талер 1634 г.; далер 1632 г. и 2 марки 1666 г., Швеция, времени Густава II Адольфа и Карла XI (1660—1697). Монеты спрятаны не позднее 1666 г. Архив ЛОИА. Ф. 1. 1865. Д. 13. Л. 1; П., 1967, с. 58; П., 1974, № 29.

39. Кингисеппский р-н, д. Кайболово (Кайбола?). Здесь до 1929 г. был найден клад, состоящий из 1325 экз. медных шведских монет весом около 50 фунтов. 178 монет клада хранятся в ОН ГЭ под № 743. Состав части клада: времени Кристины, 1 эре 1638 г. — 1 экз., год стерт — 1 экз.; времени Карла XI, 2 эре 1662 г. — 1 экз., 1 эре 1669 г. — 3 экз., 1675 — 8, 1677 — 10, 1683 — 1 экз.; $\frac{1}{4}$ эре 1666 г. — 16 экз., 1677 — 1, 1668 — 2, 1669 — 2, 1670 — 12, 1671 — 30, 1672 — 16, 1673 — 29, 1674 — 6, 1675 — 2, 1676 — 10, 1677 — 11, год стерт — 6 экз. В кладах находилась также медная денежная плита в два далера 1684 г. — самая поздняя монета клада. Архив ЛОИА. Ф. 2. 1929. Д. 326. Л. 63 об.; П., 1974, № 33.

40. Кингисеппский р-н, д. Комаровка. В 1960 г. был найден клад медных шведских монет достоинством в $\frac{1}{4}$ эре, чеканенных при Кристине и Карле X Густаве (1654—1660) в 1634—1656 гг. В кладах насчитывалось более 1700 экз. Датируется временем после 1656 г. Монеты хранятся в Кингисеппском историко-краеведческом музее. П., 1974, № 26.

41. Кингисеппский р-н, д. Корветино. В 1964 г. найден клад серебряных монет времени Алексея Михайловича, в количестве 160 экз. Монеты находились в берестяной трубочке. С., № 113, с. 121.

42. Кингисеппский р-н, д. Монастырка. В 1964 г. найдено около 70 экз. монет времени Михаила Федоровича. С., № 134, с. 123.

43. Кингисеппский р-н, с. Недолбицы. В 1939 или 1940 г. у железнодорожного полотна на ст. Мшинская был найден клад шведских медных монет XVII в. П., 1974, № 39.

44. Кингисеппский р-н, с. Получье. В ОН ГЭ хранится клад шведских медных монет, поступивших сюда двумя группами: 500 экз. (№ 893) и 2155 экз. (№ 974). Монеты чеканены во время Густава II Адольфа: j эре 1629 г. — 1 экз.; Кристины: l эре 1633 г. — 18 экз., 1634 — 439, 1635 — 571, 1636 — 386, 1637 — 293, 1638 — 110, 163...? — 11, 1640 — 80, 1641 — 92, 1642 — 45, 1644 — 26, 1645 — 18, 1646 — 1, 164...? — 2, год стерт — 605 экз. Клад зарыт после 1646 г. П., 1974, № 12.

45. Кингисеппский р-н, с. Раскулицы. В 1901 г. были найдены 2634 экз. монет Ивана IV. Архив ЛОИА. Ф. 1. Д. 182/1901.

46. Кингисеппский р-н, с. Удосолово. В 1960 г. была найдена кубышка с несколькими сотнями монет начала XVII в. времени Василия Шуйского. С., № 112, с. 124.

47. Кингисеппский р-н, с. Ухоры (б. Ямбургский у. Петербургской губ.). В 1869 г. крестинские дети нашли клад медных шведских монет, весивший 37 фунтов. Три монеты — две круглые и одна четырехугольная — были доставлены в полицию. Судя по четырехугольной монете, которые чеканились при Густаве II Адольфе, клад был зарыт, вероятно, во второй четверти XVII в. Архив ЛОИА. Ф. 1. 1869. Д. 33. Л. 1—2; П., 1974, № 16.

48. Г. Кириши. В 1961 г. неподалеку от р. Волхов была найден клад русских монет времени Михаила Федоровича весом около 500 г. С., № 112, с. 121.

49. Киришский р-н, д. Черенцово. В 1927 г. были найдены 565 монет, зарытых в конце правления Ивана IV. С., № 151, с. 124-5.

50. Г. Лодейное Поле. В 1962 г. был найден клад русских монет в количестве 870 экз., зарытых во время правления Владислава Жигмонтовича (1610—1612). С., № 129, с. 122.

51. Г. Лодейное Поле. В 1960 г. найден клад серебряных копеек, относящихся ко времени правления Петра I (1689—1725). С., № 128, с. 122.

52. Лодейнопольский р-н, Свирский монастырь. В 1957 г. был найден горшок с серебряными монетами Михаила Федоровича (327 экз.). Клад хранится в ОН ГЭ под № XXVIII. Датируется 1624/25 гг. С., С., № 33, с. 76.

53. Ломоносовский р-н, с. Высоцкое (б. Петергофский у. Петербургской губ.). В 1894 г. найден клад из 278 шведских медных монет XVII в. Архив ЛОИА. Ф. 1. 1894. Д. 114; ОАК, 1894, с. 164—165; П., 1974, № 37.

54. Ломоносовский р-н, д. Гостилицы (б. Петергофский у. Петербургской губ.). В 1898 г. найден кувшин с медными шведскими монетами XVII в. Монеты весили 1 пуд. 13 ф. ОАК, 1898, с. 74—75, 186; П., 1974, № 36.

55. Ломоносовский р-н, с. Новая Буря (б. Петергофский у., Медушская волость Петербургской губ.). В 1904 г. найдены 69 шведских медных монет первой половины XVII в., зарытых, вероятно, около середины XVII в. Монеты хранились в медном котле, насчитывали 712 экз. Состав клада: два экз. — достоинством в 1 эре, остальные 710 — в $\frac{1}{4}$ эре. Большинство монет относятся ко времени правления Кристины. В архивном деле отмечены монеты в $\frac{1}{4}$ эре 1635, 1636 и 1637 гг. Архив ЛОИА. Ф. 1. 1890. Д. 211, Л. 1; П., 1974, № 22.

56. Лужский р-н, пос. Осьмино. В 1963 г. найдено около 2000 монет времени Михаила Федоровича. 428 монет из клада поступили в ОН ГЭ под № XXIV. Клад датируется 1645 годом. С., С., № 37, с. 77.

57. Подпорожье, пос. Свирской ГЭС. В 1967 г. найдено около 200 монет времени Ивана IV. Клад датируется 70-ми годами XVI в. С., № 143, с. 124.

58. Подпорожский р-н, с. Винница. В 1955 г. найден клад монет времени Ивана IV; часть клада (48 экз.) поступила в ОН ГЭ под № XXVa. Клад датируется 70-ми годами XVI в. С., С., № 14, с. 69.

59. Подпорожский р-н, д. Лукинская. В 1941 г. были найдены 633 монеты времени Михаила Федоровича, зарытые в 1624/25 гг. Клад находился в зеленой пороховнице-баклаге. Хранится в ОН ГЭ под № XIX, сосуд — под № 9. С., С., № 36, с. 76.

60. Г. Петрокрепость, Кировский горсовет (б. Шлиссельбург Петербургской губ.). В августе—сентябре 1909 г. при земляных работах было найдено 9 шведских монет, в том числе две серебряные монеты Кристины в 1 эре 164...? г и Карла XI 1644 г.; $\frac{1}{4}$ эре Кристины: 1634 г. — 2 экз., 1642 и 1644 г. — 4 экз.; $\frac{1}{4}$ эре Карла XI 1671 г. — 1 экз. Архив ЛОИА. Ф. 1. 1909. Д. 151. Л. 1—5; П., 1974, № 30.

61. Тосненский р-н, г. Любань. В 1972 г. найдены 2660 монет времени Алексея Михайловича. Клад зарыт до 1654 г. Монеты находились в кубышке светлой глины. Хранится в ОН ГЭ под № 32 новой серии, сосуд — под № 10. С., С., ; 45, с. 77.

62. Тосненский р-н, с. Никольское (б. Шлиссельбургский у. Петербургской губ.). Летом 1851 г. был найден в ручье холщовый мешочек с медными шведскими монетами весом в 30 фунтов. Мешочек был спрятан в берестяной короб. В кладе были монеты в 1, $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ эре; отмечена монета 1636 г. Помимо монет, в кладе

имелась плита в 1 далер 1653 г. весом 4 фунта. Клад зарыт после 1653 г. Архив ЛОИА. Ф. 6. 1851. Д. 170; П., 1974, № 24.

63. Тосненский р-н, д. Саблино (б. Царскосельский у. Петербургской губ.). В 1913 г. на берегу р. Тосны был найден клад, состоящий из 81 экз. шведских серебряных монет, 7 монет этого клада чеканены в 1660—1693 гг. Клад зарыт после 1663 г. Архив ЛОИА. Ф. 1. 1913. Д. 104; ОАК. 1913—1915. С. 180—181, 260; П., 1967, с. 56; П., 1974, № 34.

64. Тосненский р-н, д. Шапки (б. Шлиссельбургский у. Петербургской губ.). В 1910 г. при строительстве железной дороги был найден глиняный горшок, в котором находилось около 1100 медных шведских монет в $\frac{1}{4}$ эре, чеканенных в 40-е годы XVII в. Монеты весили 29 фунтов. Клад датируется серединой XVII в. ОАК, 1909/1910, с. 196, 261: Прибавление к ИАК, вып. 37, СПб, 1910, с. 177; П., 1974, № 19.

Клады, найденные близ границ Ленинградской области

65. Новгородская обл., г. Чудово. В 1960 г. найдены 2133 монеты Ивана IV. Клад зарыт в конце его правления. Хранится в ОН ГЭ под № XXV, сосуд — под № 2. С., С., № 18, с. 71.

66. Г. Гдов Псковской обл. (б. Петербургская губ.). В 1907 г. при углублении колодца была найдена большая кубышка, наполненная серебряными и медными шведскими монетами и русскими копейками. П., 1967, с. 56.

67. Гдовский р-н Псковской обл. (б. Петербургская губ.). В 1901 г. был найден клад, состоящий из 84 серебряных западноевропейских монет, из которых две были шведскими монетами в 2 марки (1597 и 1681 гг.), а две — медными шведскими. П., 1967, с. 58; П., 1977, № 7, с. 79; П., 1974, № 32.

68. Д. Зажупанье Гдовского р-на Псковской обл. (б. Петербургская губ.). В 1891 г. при археологических раскопках в погребениях были найдены, кроме вещей, обрубки шведских серебряных монет XVII в. ОАК, 1891, с. 95; П., 1977, № 6, с. 79; П., 1974, № 40.

69. Д. Савина Гдовского р-на Псковской обл. (б. Петербургская губ.). В 1895 г. крестьянин И. Курносов нашел клад, состоящий из прибалтийских фердингов, шиллингов, артигов и пфеннингов, чеканенных в Ливонии, Риге, Ревеле и Дерпте между 1514 и 1566 гг. Среди них находились 10 экз. шиллингов, чеканенных в Ревеле при шведском короле Эрике XIV (1560—1568). Кроме того, в кладе имелась одна шведская монета в 1 эре Густава I Вазы (1523—1560) 1547 г. Монеты поступили в Русское Археологическое об-

щество. Клад датируется временем после 1566 г. Архив ЛОИА. Ф. 1. 1895. Д. 261. Л. 1—2; ОАК, 1895, с. 73, 192—193; П., 1974, № 2.

70. Д. Луготино Гдовского р-на Псковской обл. (б. Петербургская губ.). В 1892 г. были найдены русские монеты, зарытые в правление Владислава Жигмонтовича, общим весом в 2 ф. 35 зол. 72 доли. Архив ЛОИА. Ф. 1. Д. 1892/48.

71. С. Святонаволок Медвежьегорского р-на, Карелия (б. Повецкий у. Олонецкой губ.). В 1903 г. найден клад из серебряных русских монет времени Михаила Федоровича и Алексея Михайловича и западноевропейских талеров. Определены 13 экз. копеек Михаила Федоровича и 1 экз. — Алексея Михайловича, а также один брауншвейгский талер 1630 г. Клад датируется серединой XVII в. П., 1977, № 11, с. 80.

72. Д. 2-я Лисицынская Олонецкого р-на, Карелия (б. Олонецкая губ.). В 1903 г. были найдены 844 монеты времени Михаила Федоровича. Архив ЛОИА. Ф. 1. Д. 200/1903.

73. С. Пуломозеро Олонецкого р-на, Карелия (б. Олонецкая губ.). В 1903 г. найден кувшинчик с 3856 монетами (серебряными копейками) Алексея Михайловича. Архив ЛОИА. Ф. 1. Д. 250/1903.

74. Д. Никитина Пудожского р-на, Карелия (б. Олонецкая губ.). В 1893 г. найдены 160 монет времени Михаила Федоровича. Архив ЛОИА. Ф. 1. Д. 79/1893.

Клады с монетами, чеканенными «Нефедкой в Свее»

№ п/п	Место находки	Место хранения	Кол-во монет в кладе	Дата	Ссылка на литературу	Вес	Кол-во	%
1	Вологодская обл. д. Угора	ТКМ 3432,3535	7	1617	М., т. 6, 4-4	0,44	1	4,2
2	Новгородская обл. д. Верята	ОНГЭ XIII	163	1618	М., т. 6, 4-4	0,47	1	0,61
3	Ленинградская обл. г. Лудейное поле	ОНГЭ XXVIII	325	1626/7	М., т. 6, 7-5	0,38	1	0,3
4	Ленинградская с. Лукинское	ОНГЭ XIX	632	1626/7	М., т. 6, 4-5	0,44 0,47	2	0,31
5	Москва, Б. Ордынка	ГИМ 101843	1410	1630-е	М., т. 6, 4-4	0,48	1	0,07
6	Вологодская обл. В. Устюг	ВОКМ 13189	1115	1630-е	М., т. 6, 4-5 Г., К., 2001, № 713	0,45 0,40	2	0,17
7	Псковск. обл. Островский р-н	ПСК 4983	499	1633	М., т. 6, 4-4 М., т. 6, 5-4		2	0,4
8	Берег р. Кухва Вологда, ул. Лесная	ВОКМ 1535	3291	1640-е	М., т. 6, 4-4 М., т. 6, 4-5 М., т. 6, 9-7 М., ф/т 35а вар. 29-30	0,47 0,49 0,46 0,32	4	0,12
9	Вологда	ВОКМ	1707	1640-е	М., т. 6, 9-7	0,30	2	0,11

№ п/п	Место находки	Место хранения	Кол-во монет в кладе	Дата	Ссылка на литературу	Вес	Кол-во	%
10	Успенский Горный м-рь. Вологда Спасо- Каменный м-рь	1393 ВОКМ 1103	3061	1640-е		0,47 0,46 0,47 0,45 0,46 0,43 0,42 0,46 0,45 0,47 0,32 0,34 0,35 0,36 0,40 0,44 0,45 0,34 0,35 0,45 0,34 0,35 0,45 0,37 0,39	23	0,75
					М., т. 6, 4-4 М., т. 6, 4-5 М., т. 6, 7-5 М., т. 6, 7-6 М., т. 6, 9-6 М., т. 6, 9-7 М., ф/т 35а, 37-29 М., ф/т 35а 37-30 М., ф/т 35а 37-не изд. Не изд. Не изд. Не изд.			

Очekanкe «Нефедки в Свее»...

№ п/п	Место находки	Место хранения	Кол-во монет в кладе	Дата	Ссылка на литературу	Вес	Кол-во	%
11	Вологда пригород (Куrolит)	ВОКМ 13549	320	1640-е	М., ф/т35а, 37-30	0,35	1	0,3
12	Тамбовск. обл., с/х	ГИМ 98391	916	1640-е	М., т.6, 7-6		1	0,10
13	Мичуринский» Тверская обл.	ГИМ 82435	370	1640-е	М., т.6, 4-4	0,48	1	0,27
14	Торжок Ярославль,	ЯКМ 8362	1862	1645	М., т.6, 4-4		2	0,10
15	Тверицы Ярославль	ЯКМ 8714	18792	1645	М., т.6, 9-7		1	0,005
16	ул.Волкова М.о.	ГИМ 84821	3349	1645	М., т.6, 4-4	0,57	1	0,02
17	Барановка Ярославль или обл.	ЯКМ 404 8756	1645	1645	М., т.6, 4-5		1	0,24
18	Костромск. обл. Г. Галич	ГМ	1479	1645	М., т.6, 9-7		1	0,06
19	Ярославск. обл. с. Ивановское	ЯКМ 208140,41	4288	1645	М., т.6, 4-4	0,40	15	0,34
					М., ф/т35а, 37-30(вар)	0,30 0,35-3 0,36		
					М., ф/т35а, 37-30	0,35-5 0,36		
					М., ф/т35а,			

№ п/п	Место находки	Место хранения	Кол-во монет в кладке	Дата	Ссылка на литературу	Вес	Кол-во	%
20	М.о. д.Якунино Москва	ГИМ 101855 ГИМ	2734	1645	39-30 М., т.6, 4-4 М., т.6, 4-5	0,35 0,38 0,46	2	0,07
21	Тверская площадь	104734 ГИМ	6530	1645	М., т.6, 4-4 М., т.6, 9-6 М., т.6, 9-не изд. Г., К., № 859 Г., К., № 861 Г., К., № 869 Не изд.	0,50	7	0,10
22	Орловская г.Новосиль	ОМ 12110	1048	1645	М., т.6, 4-4		1	0,09
23	М.о. с.Тимохово	ГИМ 87961	1142	1645	М., ф/т 35а. 40 - пл.сохр.	0,36	1	0,08
24	Ленинград. пос. Осьмино	ОНГЭ XXI	428	1645	М., т.6, 9-7	0,41	1	0,23
25	Эстония д. Выхвэе	ЭСТ 69	1074 зап.вр.-819 русск.-255	1649	М., т.6, 4 — М., т.6, 2 (Новгород с им. Василия)		1	0,09
26	Орловск. обл. д. Семеново	ОМ 13216 ГИМ	2140	1646	М., т.6, 4-4		1	0,04
27	Москва, ул. Б.Полянка	107752 ГИМ	9850	1654- 1663	М., т.6, 4-4 М., т.6, 4-5 М., т.6, 5-не изд. М., т.6, 6-6 М., т.6, 7-4	0,45 0,46 0,46 0,41 0,38 0,36	17 17	0,17 0,17

№ п/п	Место находки	Место хранения	Кол-во монет в кладе	Дата	Ссылка на литературу	Вес	Кол-во	%
28	Арханг. обл. урочище Сатин Бор Ленинградск. обл. пос. Любань	ОНГЭ XX	151	до 1654	М., т. 6, 7-7	0,35	1	0,66
					Г., К., №721	0,40		
					Г., К., №724	0,35		
					М., т. 6, 9-5	0,22		
					М., ф/т 35а, 37-29	0,28		
					М., ф/т 35а, 37-	0,29		
					не изд.	0,20		
					М., ф/т. 35а, 38-29	0,25		
					М., ф/т. 35а, 40-	0,26		
					не изд.	0,23		
М., ф/т. 35а, 40-30	0,25							
М., ф/т 35а, 37-29	0,35							
29		ОНГЭ 32 н.с.	2260	до 1654	М., т. 6, 4-4	0,46	18	0,79
						0,47		
						0,50		
					М., т. 6, 4-5	0,41		
						0,53		
					М., т. 6, 7-6	0,41		
						0,53		
					М., т. 6, 7-7	0,47		
					М., т. 6, 9-6	0,42		
						0,43		
М., т. 6, 9-7	0,45							
	0,38							
	0,44							

№ п/п	Место находки	Место хранения	Кол-во монет в кладе	Дата	Ссылка на литературу	Вес	Кол-во	%
30	Москва ул.Сретенка	ГИМ 102181	4308	1655- 1662	М.,ф/т.35а, 39-29	0,30	24	0,55
					М.,ф/т.35а, 37-29	0,24		
						0,31		
						0,32		
						0,40		
						0,43		
						0,44		
						0,45		
						0,43		
						0,35		
						0,44		
						0,39		
						0,36		
						0,38		
	0,20							
	0,20							
	0,24							
	0,25							
	0,29							
	0,20							
	0,23							
	0,24							
	0,19							
	0,20							
	0,21							
	0,22							
	0,24							
	0,26							
	0,28							

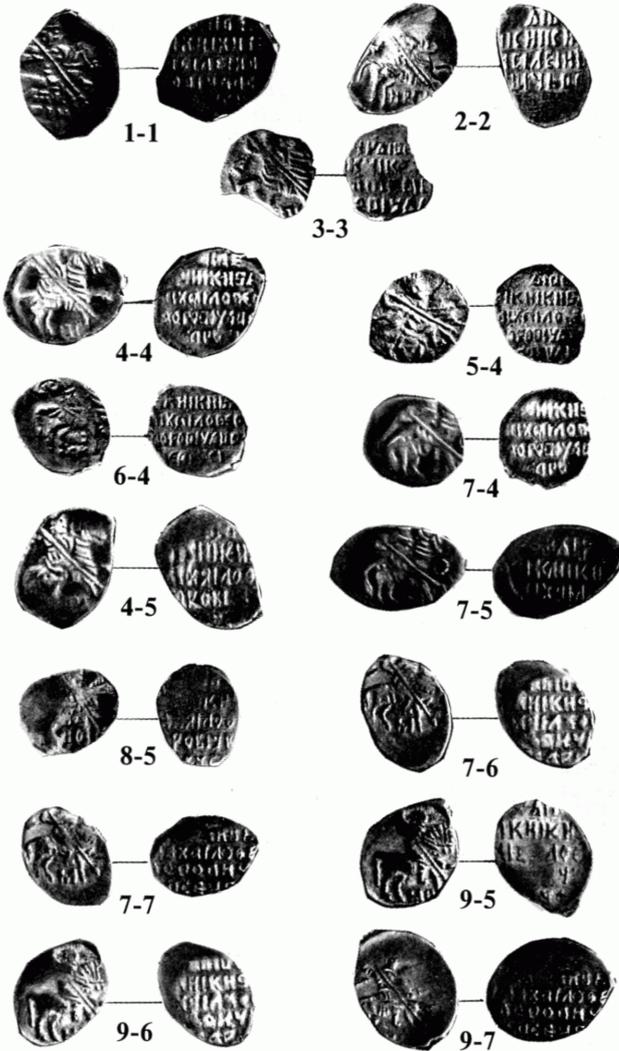
№ п/п	Место находки	Место хранения	Кол-во монет в кладе	Дата	Ссылка на литературу	Вес	Кол-во	%
31	Москва Мечников пер.	ГИМ 103198	2929	до 1654	М., т.6,4-4 М., т.6,7-6	0,42 0,35	3	0,10
32	Владимир. обл. с.Покров	1575		до 1654	М., т.6,7-7 М., т.6,4-4	0,36 0,47	2	0,17
33	Псковск. обл., г.	Латв., 101754	ок.100	до 1654	М., т.6,7-7 М., т.6,4-5	0,41	1	1
34	Печоры Латвия	Латв., 8866/ 16294	368 зап.-евр. 53, русск.- 313,	1651	М., т.6,4-4	0,35-2 0,40-2	1	0,27
35	Санкт-Петербург Пулково	ОНГЭ XVIII	1531 зап.евр. 40,русск. 1491	1651	М., т.6,4-4	0,45-2 0,46-4 0,47-6 0,48-5 0,52 0,36 0,44 0,46-6 0,47-2 0,48 0,45 0,46 0,47	41 0,42-2 0,43-2	2,65

№ п/п	Место находки	Место хранения	Кол-во монет в кладе	Дата	Ссылка на литературу	Вес	Кол-во	%
36	Смоленская обл., д. Михайлово	СОМ 12412	1190	до 1654	М., т. 6, пл. сохр. - 4 М., т. 6, 4-4	0,45	1	0,08
37	М. нах. неизв.	ОНГЭ XXXIV	873	до 1654	М., ф/л 35а, 39-не изд.	0,29	1	0,11
38	Москва Голутвинский пер.	ГИМ 101464	2232	1676	М., т. 6, 4-4 М., т. 6, 5-не изд	0,45-2 0,48	3	0,13
39	Брянская обл. с. Ка-лошичье	БОМ 4996	12970	1680	М., т. 6, 4-4	0,43 0,45 0,46 0,44 0,45	7	0,03
40	Москва ул. М. Полянка	ГИМ вр. хр. 2914	1884	1696	М., т. 6, 4-5	0,43 0,41 0,40	1	0,05
41	Липецкая обл. Елецкий р-н, с. Долгое	ГИМ 111123	457	1696	М., т. 6, 7-6 М., т. 6, 9-7 М., т. 5, 7-7	0,47	1	0,21
42	М. нах. неизвест.	ГИМ вр. хр. ОНГЭ	527	до 1700	М., т. 6, 4-5	0,41 0,44 0,43	1	0,18
43	Псков Романова Гора	Вр. хр. Вр. хр.	5690	1711	М., т. 6, 4-4 М., т. 6, 7-4	0,41 0,44 0,43	6	0,10

№ п/п	Место находки	Место хранения	Кол-во монет в кладе	Дата	Ссылка на литературу	Вес	Кол-во	%
44	М. нах. нсизв.	ОНГЭ 27 н.с.	2756	1717	М., т. 6, 7-6 М., т. 6, 7 не изд. М., ф/г 35а, 37-30 М., т. 6, 4-4 М., т. 6, 4-5 М., т. 6, 9-6 М., т. 6, 9-7 М., ф/г 35а, 37-28	0,42 0,42 0,29 0,42-2 0,47-2 0,45 0,47 0,48 0,41 0,40-2 0,32	12	0,43

215

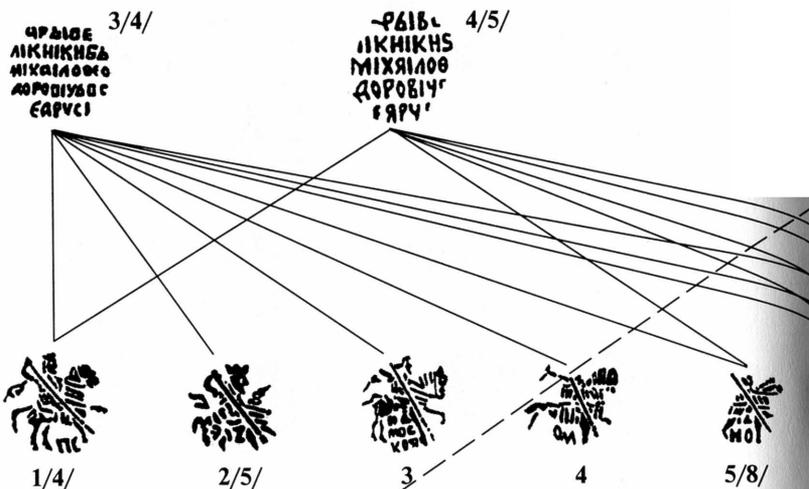
44 клада

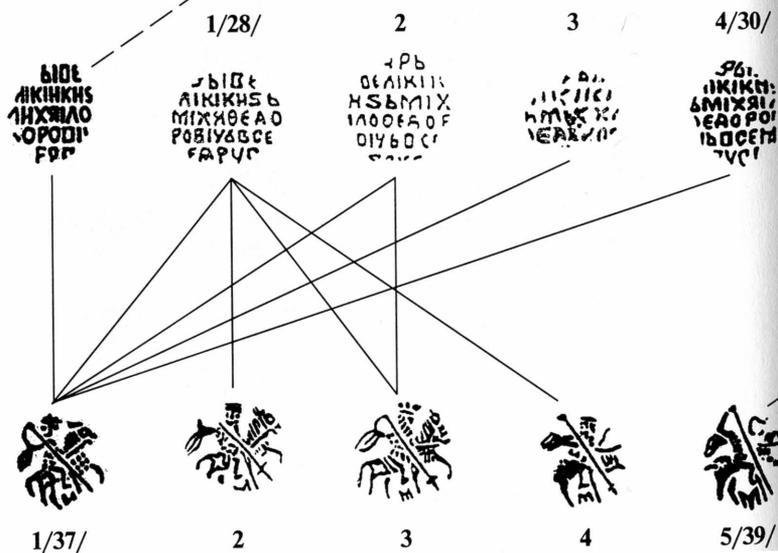
ОБРАЗЦЫ МОНЕТ ШВЕДСКИХ ИНТЕРВЕНТОВ

Нумерация выдержана по таблицам в книге А.С. Мельниковой «Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого» №№ 1-1, 2-2, 3-3 — Новгородский денежный двор. 1612—1617 гг.; с №№ 4-4 и далее — чекан «Нефедки в Свее» после 1617 г. В натуральную величину

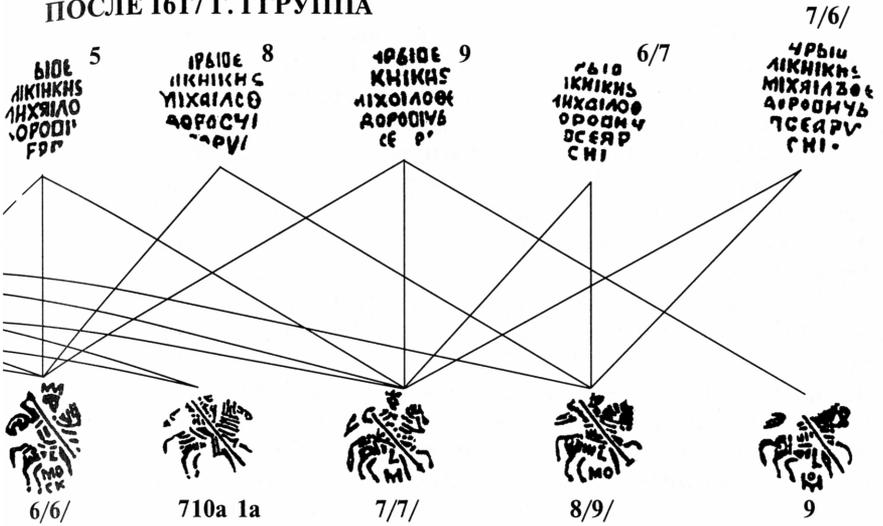
ЧЕКАН «НЕФЕДКИ В СВЕЕ»

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЧЕКАНА

ПОСЛЕ 1617 Г. I ГРУППА

«НЕФЕДКИ В СВЕЕ». II ГРУППА

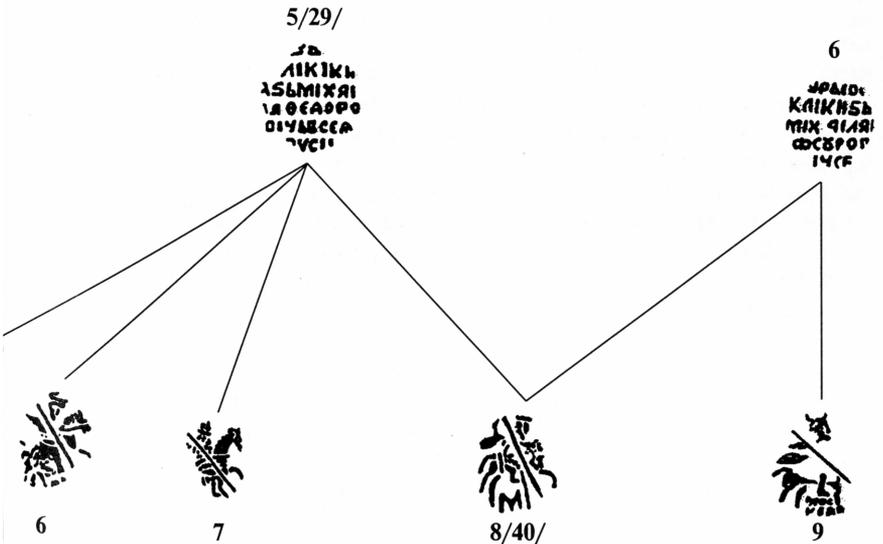

Таблица представляет соотношения штемпелей монет, чеканенных «Нефедкой в Свее», то есть достаточно крупного центра производства «воровских» копеек, место чеканки которых явно относится к территориям, отошедшим к Швеции по Столбовскому миру после 1617 г. Таблица составлена по Каталогу Гришина и Клешинова (2001) и использует нумерацию штемпелей, данную публикаторами. В скобках указывается нумерация, использованная в наших работах (в графической таблице № 6 и фототаблице 35а, приведенных в книге «Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого»).

Здесь же внесены новые типы «Нефедкиных копеек», опубликованные Гришиным и Клешиновым в «Дополнении к Каталогу...» (2004): типы 710А, 710Б, 715А (с. 25). Новый лицевой штемпель, обозначенный в «Дополнениях...» под № 710 1а обнаруживает большое сходство с лицевым штемпелем с буквами ПС, с которого началась чеканка шведских подделок. Видимо, это была попытка возродить уже изношенный маточник, однако судя по редкости сохранившихся монет, чеканенных с его помощью, не слишком эффективная. Однако мы не нашли убедительных доказательств в пользу отнесения к шведским подделкам опубликованных Гришиным и Клешиновым монет, обозначенных №№ 729/1 — 729/6, поэтому не внесли их в таблицу.

С учетом новых находок предлагается сводная таблица, где достоверно известные «Нефедкины копейки» дополнены группой монет, ранее отнесенных к позднему Ярославскому чекану (Мельникова) или к подделкам (Гришин и Клешинов, гр. XII). Связь между этими группами, недавно обнаруженная, дает возможность сделать некоторые дополнительные выводы.

Начав чеканку с копеек, несущих знак Псковского двора (ПС), маточник для которых был изготовлен еще до окончания шведской оккупации на Новгородском денежном дворе (1615 г.) и был выполнен вполне профессионально, денежники вскоре оказались в затруднительном положении. Судя по тому, что из выявленных в 44 кладах 154 экз. «Нефедкиных» копеек, большая часть оказалась чеканенными сочетаниями штемпелей 4-4 (в таблице 1-3) — 66 экз. и 4-5 (в таблице 1-4) — 30 экз., на первых порах «Нефедка с товарищи» пользовались захваченными с Новгородского двора маточниками, в том числе, может быть, и там же приготовленными первыми двумя оборотными (3/4/ и 4/5/). Но затем маточники изнашивались и пришлось готовить новые «снасти». Среди вывезенных в 1617 г. денежников явно не было профессионалов, способных сделать прочные маточники с качественными рисунками

и надписями. Об этом можно судить по тому, что после копеек с буквами ПС монеты резко меняют дизайн явно в худшую сторону. Они чеканились при помощи очень непрочных маточников, переделанных из старых чеканов, вывезенных с Новгородского двора, с неумелыми рисунками и надписями, образцом для которых послужили выпуски Московского денежного двора, датированные 1614-1619 гг. Впрочем, среди них встречены подделки с несуразным знаком ОМ (№ 4) или с буквами НО (№ 5/8/). Последние, очевидно, пытались подражать новгородским монетам, но среди новгородских выпусков Михаила копеек с таким знаком не было. Типы более поздних «Нефедкиных копеек» малочисленны и насчитывают в кладах от 13 до 1-2-х экземпляров.

Видимо, к 40-м годам износились и эти инструменты чеканки. Пришлось готовить новые. II группа «Нефедкиных копеек» впервые встречена в вологодских кладах конца правления Михаила Федоровича. По качеству эти новые выпуски были хуже монет первой группы по всем показателям — весу, пробе, оформлению, но не по количеству. В кладах они насчитывают 61 экз. Практически невозможно назвать какие-либо конкретные типы копеек Михаила, использованные в качестве образцов для подражаний второй группы. Нужно учитывать, что к середине века регулярно притока русских копеек на шведскую территорию уже не существовало и денежным «ворам» приходилось в основном полагаться на собственную фантазию. Получались типичные «воровские» копейки, очень небрежно отчеканенные, плохо читаемые, из-за низкой пробы часто полуразрушенные. От обычных фальшивых копеек их отличает лишь наличие поштемпельных связей, объединяющие их в довольно обширную группу по числу дошедших до нас монет и по количеству штемпелей. Как долго работали продолжатели дела «Нефедки с товарищи», сказать трудно. Видимо, расцвет их деятельности приходится на середину века. Так же, как и монеты I группы, они встречены в кладах начала XVIII в.

Всего в 44 кладах насчитывается 215 минут, которые мы определяем как «Нефедкины копейки» I и II группы.

Русское денежное обращение и деннинги

После 1619 г. в русское денежное обращение влились монеты, чеканенные в Дании по образцу русских серебряных проволочных копеек. Эти монеты получили в историографии название «деннинги». Принято считать, что чеканку на откупных началах производили два монетных мастера — Иоганн Пост в Копенгагене и Альберт Дионис в Глюкштадте. Первый получил предписание короля Христиана IV (1588—1648) о начале чеканки 4 апреля 1619 г., второй — 7 июля того же года.

В настоящее время отечественные и зарубежные исследователи выявили круг монет, выпускавшиеся раздельно обоими мастерами, попытались разобраться в побудительных мотивах, толкнувших датского правителя на действия, явно идущие в разрез с принципами, на которых базировалось русское денежное хозяйство¹. Сам факт чеканки деннингов прочно вошел в научный оборот, не вызывает сомнения атрибуция этих монет, но остался нерешенным ряд существенных вопросов, без ответа на которые мы не имеем четкого представления о продолжительности чеканки деннингов, путях проникновения их в русское денежное обращение, степени участия в экономике Дании и России. Мы не знаем, была ли чеканка деннингов в Дании санкционирована русским правительством или с самого начала она была задумана и осуществлена как «воровская», незаконная акция.

¹ *Axel Ernst*. Om Goldsmith, Mint-master and mine-shareholder Johan Post and his Coinages // *Nordik Numismatic Journal*. 1949. S. 94-104; Мельникова А.С. Русско-датские монеты XVII века в собрании Государственного Исторического музея. // Ежегодник Государственного Исторического музея. М. 1960. С. 90-105; Hatz Gert. Denninge // *Sonderdruk aus Zeitschrift für Ostforschung*. 11 Jahrgang 1962, Heft 1., Brekke B.F., Berglund A. Danish dennings (imitations of Russian kopecks ca 1619) // *Russian Numismatic society*. Alexandria. 1983; Aagaard S. Vedrørende dansk efterligning og forfalskning af russiske kopeker 1619-30(?) // *Nordik Numismatisk Årsskrift*. 1992-93. S. 104-115.

Письменные источники о деннингах в русских архивах пока не обнаружены. Весьма полные, возможно, исчерпывающие сведения, почерпнутые из зарубежных архивов, приводят в своих исследованиях Аксель Эрнст и Герт Хатц, но и этих работ недостаточно, чтобы до конца разобраться в сложных хитросплетениях экономических и политических мотивов, которыми руководствовались оба правителя — Христиан IV и Михаил Федорович (1613—1645) в вопросе о деннингах. Остаются нумизматические источники — коллекции деннингов в музеях и клады, в которых обнаружены эти монеты. И если в зарубежных коллекциях деннинги встречаются как единичные экземпляры, как и полагается раритетам, то в российских музеях они представлены десятками экземпляров, а с учетом кладовых находок число их превышает сотню, возможно, и сотни монет.

Источниковую базу настоящей работы составляют коллекции Отделов нумизматики Государственного Исторического музея и Государственного Эрмитажа, а также Вологодского, Ярославского, Костромского, Тульского музеев, Института истории Эстонии, частные коллекции и, конечно, литературные и архивные источники, в которых содержатся сведения о кладах с деннингами. Всего выявлены 58 кладов с 134 экз. деннингов. Разумеется, эти цифры не могут считаться окончательными. Наверняка, среди многочисленных кладов времени Михаила Федоровича могут быть неизвестные нам клады с деннингами в их составе.

Впервые стали известны деннинги с легендой на фантастическом «русском» языке, несущей имя Христана IV, с использованием якобы кириллических букв. Надпись читается как словосочетание «Христианос шетира королас Денмаркс». К ним следует присовокупить деннинги с немецкой легендой, где использован готический шрифт, содержащий надпись следующего содержания: «Vang/gnaden / Christian / der III ko/nic in De/nnemark», в переводе — «Всемиловивейший Христиан IV, король Дании». В Дании эти деннинги были выделены уже в XVIII в.², в России — опубликованы в фундаментальном труде С. де Шодуара о русских деньгах в 1837 г. (изображение), и в 1841 г. (описание).³ С тех пор при описании кладов с русскими монетами деннинги стали отмечаться как редкие и заслуживающие внимания. В 1960 г. к этой группе деннингов прибавились монеты, на оборотных сторонах которых читались имена русских царей Бориса Федоровича, Дмит-

² Keder N. Nova literana maris Balthici. Lubeck. 1701 S. 18.

³ С. де Шодуар. Обзорение русских денег и иностранных монет. СПб, 1837.Т.1; 1841. Т.2. с.59—60

рия Ивановича, Василия Ивановича и Михаила Федоровича. Тогда же была создана систематизация деннингов в виде таблицы соотношения штемпелей⁴. В 1989 г. эта таблица была расширена и уточнена,⁵ а история их чеканки рассмотрена с учетом новейших данных из зарубежных архивов, введенных в научный оборот немецким исследователем Г. Хатцем.⁶

Началась «охота» коллекционеров за новыми раритетами и в настоящее время число разновидностей типов деннингов, как с именем Христиана, так и с именами русских царей, значительно расширилось, равно как и число выявленных деннингов, что нашло отражение в определителе монет времени Михаила Федоровича, созданном в 2001 г. И.В.Гришиным и В.Н.Клешиновым.⁷ Поскольку чеканились деннинги при помощи пунсонной техники, когда один и тот же тип может варьироваться много раз, систематизация деннингов весьма затруднительна и не может быть признана окончательной. Но сам факт множественности вариантов одного и того же типа может служить свидетельством продолжительности чеканки, что немаловажно для монет, не несущих дат и не имеющих отчетливых датирующих признаков. Сказать, сколько сейчас выявлено деннингов и их типов, я не берусь, так как помимо музейных собраний и зафиксированных специалистами кладов с деннингами, какая-то часть их находится в руках коллекционеров, меняя владельцев. Думаю, что в настоящее время можно говорить о количестве известных деннингов, приближающемся к двум сотням экземпляров.

Публикация многочисленных вариантов деннингов в «Каталоге» Гришина и Клешинова и тонкий источниковедческий анализ, проделанный авторами над эволюцией пунсонов, стал новым этапом в изучении этой экзотической группы монет. Появилась возможность не только уточнить, но и пересмотреть существующую систематизацию, что дает почву для ряда новых гипотез и догадок.

Считается, что и Пост, и Дионис начали свои выпуски чеканкой копеек с именем Христиана IV, и лишь затем перешли на чеканку «воровских» копеек с именами русских царей. Предполагается, что начальная цель выпуска деннингов была связана с учреждением 25 марта 1619 г. Печорской компании, членами кото-

⁴ Мельникова А.С. Русско-датские монеты...

⁵ Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М. 1989. С.190—195.

⁶ Hatz G. Указ. соч.

⁷ Гришин И.В., Клешинов В.Н. Каталог русских средневековых монет времени правления царя Михаила Федоровича (1613—1645). М. 2001. С. 61—72.

рой были копенгагенские купцы, монетный мастер Иоганн Пост и сам король. Компаньоны должны были запастись русскими деньгами, так как Печорская компания имела намерение проникнуть на Русский Север в устье Печоры, в район Пустозерского острога, поставить там двор, учредить контору и начать скупку пушнины у местных жителей без посредничества русских купцов, минуя русские таможенные службы⁸. Датчане учли те затруднения, которые испытали англичане, высадившиеся в Архангельске в 1611—1612 г., не позаботившиеся обеспечить себя ходячими русскими деньгами в достаточном количестве⁹. Русское денежное обращение не принимало талеры — международную валюту того времени. Иностранные торговые люди должны были «являть» на таможне привезенные талеры, чтобы или менять их на товары из расчета — в 1619—1620-х гг. 48 копеек за талер, — или обменивать на русские деньги из того же расчета. В то же время из талера при перечекалке его в русские копейки выходило почти на 10 копеек больше. Для русской казны такая практика была чрезвычайно доходной, но иностранцы испытывали не только большие неудобства, но и несли финансовые потери.

Неудача Печерской компании, которую русские не допустили на внутренний рынок, толкнула датчан, как полагают исследователи, на поиски компенсации понесенных убытков. Они нашли выход в чеканке «воровских» денег, подражающих русским популярным типам копеек, с тем, чтобы использовать их в торговых операциях с русскими.¹⁰

Более ранней, утвердившейся еще с XVIII в. версией, объясняющей появление деннингов, было представление о целевом выпуске этих монет, предназначенных обслуживать денежное обращение в Лапландии, в пограничных областях, где кочевали саами (или горные лапландцы) и где граничили владения Дании, Норвегии, Швеции и России. Для спорных территорий в 1619 г. якобы по соглашению русского и датского правительства были выпущены деньги, по виду похожие на русские копейки, но с именем датского короля¹¹. Эта версия вызывает ряд возражений. Сам факт разрешения иностранцам чеканить монету для обращения внутри России находится в противоречии со всей монетной политикой русского правительства, твердо и последовательно соблюдающего монополию на чеканку монеты. Разрешение могло быть вызвано какими-либо осо-

⁸ *Hatz Gert*. Указ. соч. С. 27—28.

⁹ Там же.

¹⁰ *Мельникова А.С.* Русские монеты... С. 190—195.

¹¹ *С. де Шодуар*. Указ. соч.; *Axel Ernst*. Указ. соч.

быми обстоятельствами, например, заботой о налоговых сборах с лапландского населения, но возникает вопрос — почему этого не было сделано раньше. Документы русско-датского архива свидетельствуют о напряженных отношениях между русскими и датчанами в Лапландии, особенно обострившихся в 1601—1602 гг., когда русские сборщики собирали датскую дань и направляли ее в московскую казну¹². Впрочем, тяжелое финансовое положение в России после Смуты могло заставить русское правительство предпринять различные шаги для пополнения казенных доходов и вновь обратить внимание на «Лопские земли». Выпуск специальных денег с именами датского короля и русских царей для местного населения в этой ситуации находит оправдание. Однако нужно учитывать почти полное отсутствие в Лапландии товарно-денежных отношений. Налоги собирались натурой¹³. Не отвергая полностью «лапландскую» версию чеканки деннингов, все же следует подойти к ней критически. Нужно также помнить, что ни в датских, ни в русских архивах до сих пор не найден официальный документ, свидетельствующий о соглашении между русским и датским правительствами о разрешении на чеканку деннингов.

Таковы существующие в настоящее время представления о причинах появления деннингов и общепринятая схема последовательности выпусков русско-датских денег.

Расширение источниковой базы — увеличение количества известных деннингов и выделение новых вариантов типов — позволили с новых позиций подойти к датировке и последовательности выпусков этих монет. Позволим себе привести обширную выдержку из «Каталога» Гришина и Клещинова, где приводится новый взгляд на последовательность выпусков монет Альбертом Дионисом. Сопоставив многие варианты лицевого штемпеля с буквой М (или без букв), исследователи заметили, что лицевые штемпели деннингов, оборотные стороны которых несут имена русских царей, имеют гораздо более полную сохранность, чем те же штемпели с немецкой легендой и с именем Христиана IV, с которых, как принято считать, начинался чекан этого мастера. На последних заметны «следы разрушения лицевого маточника...: отсутствуют уши коня, его хвост как бы отделен от крупа, значительно укорочены зубцы короны, многие детали изображения утратили четкость, стали тоньше, у ноги всадника отсутствует ступня. На некоторых штемпелях нога всадника была вырезана заново... Однако монеты с той

¹² Датский архив. Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1325—1690. М. 1893. 681 (633), 684 (536), 686(638), 688 (640), 691 (643).

¹³ *Hatz G.* Указ. соч. С.24—25

же лицевой стороной..., но с именами русских царей на легендах оборотной стороны таких дефектов в большинстве своем не имеют (или же эти дефекты значительно меньше)». Из этих наблюдений авторы делают однозначный вывод: «...монеты с именами русских царей чеканились раньше, чем монеты с именем Христиана IV».¹⁴

Вопрос о возможности отнесения к первым выпускам деннингов монет с именами русских царей и лишь на следующем этапе — деннингов с именем Христиана IV, как, впрочем, и всю историю чеканки деннингов в Дании, нельзя, однако, решать только на основании источниковедческого анализа нумизматических источников. Нужно принять во внимание всю совокупность обстоятельств, сопровождающих выпуск этих необычных монет и рассматривать этот нумизматический эпизод в контексте тех исторических событий, на фоне которых он имел место. Следует помнить, что с 1618 г. началась общеевропейская Тридцатилетняя война (1618—1648), в которой вскоре Дания будет принимать самое активное участие (1625—1629), при денежной помощи Англии и Франции и хлебных субсидиях со стороны России. В то же время, нельзя не учитывать клубок противоречий, который образовался между странами Балтийского региона, в том числе и между союзными Данией и Швецией, каждая из которых претендовала на господство в Балтийском море. Россия после 1617 г. тщетно стремилась к прямому выходу к балтийским гаваням. К первым и последующим десятилетиям XVII в. относится активное освоение московскими властями зауральских и сибирских просторов и драгоценная валюта того времени — русская пушнина — все более и более проникает на европейский рынок, приносит баснословные доходы царской казне. Иностранцы купцы делают настойчивые попытки проникнуть на русский пушной рынок, минуя посредничество русских торговых людей, что вынуждает русское правительство закрыть в 1619 г. «Мангазейский морской ход». Но в эти же годы денежное хозяйство Европы и России переживает значительные затруднения. Война подрывала торговлю, мешала регулярным поставкам талеров, которые в значительной части были не только денежными знаками, но и товаром, провоцировала инфляционные процессы в Центральной, Северной и Северо-Восточной Европе (1619—1622) и эхом отозвалась в России, где сырьем для чеканки была исключительно привозная западноевропейская монета. Возросшая дороговизна талеров и их дефицит, растущая инфляция, вероятно, вызвали интерес к русским копей-

¹⁴ Гришин И.В., Клецинов В.Н. Указ. соч. С. 61

кам, как к изделиям из чистого серебра (960 пробы) и послужили одним из поводов для производства иностранцами подделок под русские копейки, на которые обменивались подлинные русские монеты. Это вызвало известный указ русского правительства от 3 мая 1620 г., где говорится о подделках под русские копейки, которые иностранные купцы привозят в центры русской торговли с Западом и пытаются не только покупать на них русские товары, но и обменивать на полноценные подлинные копейки.

Это очень сжатый перечень тех обстоятельств, которые следует принимать во внимание, чтобы разобраться не только и не столько в систематизации деннингов, сколько вообще в причинах, вызвавших их чеканку, ее назначение и продолжительность. Надо сказать, что традиционное толкование этих вопросов никогда не учитывало многие вышеперечисленные факторы.

Для начала обратимся к немногим известным письменным источникам, сообщающим об организации чеканки деннингов.

Если внимательно вчитаться в текст королевского указа от 4 апреля 1619 г., можно найти документальное описание внешнего вида монет. Указ предписывает Иоганну Посту «отчеканить серию монет на сумму 1500 талеров в виде деннингов из расчета 48 деннингов на талер, итого 72 000 деннингов, по материалу и пробе настолько похожих на русские образцы, чтобы они могли пускаться в обращение наравне с русскими деньгами» (разрядка моя. А.М.)¹⁵. С русскими копейками деннинги сближали проволочная техника чеканки, изображение всадника с копьем и строчная легенда на оборотной стороне, но имя Христиана различало их. Вес деннингов также не соответствовал тому, который должен был бы получиться при чеканке 48 деннингов из талера — он составлял всего 0,48—0,49 г. Но этот вес одновременно был сходен и с реальным весом русской копейки 1618—1620 гг., (при весовой норме 0,51 г.), и с весом датских двойных шиллингов или одного любского шиллинга.

Из текста королевского указа Иоганну Посту 4 апреля 1619 г. трудно извлечь информацию о том, какой должна быть легенда на монете. Но текст привилегии на откупную чеканку от 7 июля 1619 г., выданной Альберту Дионису, более конкретен. Мастер обязан был выпускать одинарные, двойные и позднее счетверенные деннинги, с чистым весом одного деннинга 0,43 г.¹⁶ Это должны были быть «хорошие чистые серебряные пфеннинги», на которых на

¹⁵ Цит. по Hatz G. Указ. соч. С.1

¹⁶ Axel E. Указ. соч. С.102

одной стороне помещался «наш портрет в виде скачущего всадника, на другой эти слова: Christian der vierdte von Gottes gnaden Konig zu Dennmarken»¹⁷.

Однако текст, адресованный Альберту Дионису, вызывает сильнейшие сомнения в том, что там говорилось о деннингах, подобных чекану Иоганна Поста, хотя под «одинарными» деннингами все исследователи подразумевали именно этот тип монет. В привилегии от 7 июля 1619 г. отчетливо сказано, что королевский портрет на монетах должен изображать скачущего всадника, в то время как деннинги Поста, как и деннинги, приписываемые Альберту Дионису, изображали всадника, идущего шагом. Текст легенды, приведенный в привилегии, также совершенно не совпадает с готическими немецкими надписями на деннингах Поста и Диониса. Скачущего всадника и легенду, адекватную тексту королевской привилегии Альберту Дионису, можно видеть на «двойных и счетверенных пфеннингах» — крупных монетах достоинством в 2 или 4 шиллинга (соответствующие одному или двум любским), которые в нумизматике получили название «квази-деннинги». Эти монеты со скачущим всадником чеканились в 1619-1625-х гг. помимо Глюкштадта в ряде северо-немецких княжеств. Они предназначались для оздоровления местной денежного обращения как разменная мелкая монета талерной пробы. Внешнее сходство с русскими копейками объяснялось высокой репутацией русских монет как исключительно высокопробных. Эти монеты также часто назывались деннингами в документах того времени.¹⁸

О деятельности копенгагенского мастера Иоганна Поста больше никаких письменных свидетельств не имеется. Об Альберте Дионисе из Глюкштадта известно немного больше. Христиан IV заключил контракт с Дионисом от 19 апреля 1620 г., согласно которому король выдал монетному мастеру аванс в 10000 ригсдалеров сроком на 6 месяцев, предусматривающий возвращение их в «двойных шиллингах». 19 июня 1620 г. Христиан IV продлил срок откупной чеканки еще на три года. И, наконец, в прошении Альберта Диониса к королю от 14 мая 1621 г. содержится жалоба на нерентабельность чеканки мелкой монеты, по всей видимости двойных шиллингов, из-за растущей дороговизны талеров¹⁹. Во всех этих позднейших документах, по мнению Г.Хатца, речь идет скорее всего о квази-деннингах. Если признать «одинарные» ден-

¹⁷ Цит. по Hatz G. Указ. соч. С. 5

¹⁸ См. Axel E., Hatz G.

¹⁹ Hatz G. Указ. соч. С. 6

нинги известными в нумизматике выпусками Альберта Диониса, чеканенными по образцу деннингов Иоганна Поста, то следует признать, что чеканка их была не только довольно кратковременна, но и занимала в общем объеме продукции глюкштадского мастера небольшое место.

Следовательно, письменные источники не дают точного ответа на вопрос о том, с каких именно легенд на деннингах начинал Иоганн Пост, и лишь косвенно свидетельствуют, что Альберт Дионис использовал в начале чеканки надписи с именем Христиана на немецком языке.

Дальнейших прямых упоминаний о русско-датских монетах в письменных источниках больше не встречается, есть только довольно спорные свидетельства об их обращении. Все они связаны с последствиями деятельности Печерской компании, потерявшей имущество и корабль при попытке проникнуть на Русский Север без разрешения русского царя. Летом 1623 г. Христиан IV послал в качестве репрессивной меры эскадру из 6 кораблей, которая достигла Колы и захватила таможенную казну и товары. Купец Клаус Болдт из Глюкштадта передал датскому адмиралу значительную сумму «глюкштадских деннингов» в надежде получить какую-то часть конфиската. Шла ли здесь речь о деннингах Диониса, или квази-деннингах, источник не уточняет²⁰.

В промежуток времени между 1619—1623 гг. укладываются все прямые и косвенные письменные упоминания о деннингах. Если принять версию о чеканке их для нужд Печерской компании, деятельность которой началась и закончилась в эти годы, можно сделать вывод о том, что выпуск деннингов был кратковременным, имел сугубо целевое назначение и локальное распространение, а сами деннинги должны были оставить очень незначительный след в русском денежном обращении. Более того, русский исследователь С.В.Зверев полагает, что лишь деннинги Поста с «русской» надписью и именем Христиана были предназначены для русской торговли, которую намеревалась вести Печерская компания, а немецкие деннинги Альберта Диониса «имели совсем иное изначальное предназначение. Они появились в период инфляции 1619—1622 гг., господствующей в денежном деле Европы в начале Тридцатилетней войны... Пытаясь противостоять инфляции, датский король Христиан IV организует чеканку мелких номиналов из талерного серебра, по внешнему виду напоминающих русские монеты. Король учитывал авторитет и известность

²⁰ Там же. С. 28

русских копеек как высокопробных монет, а также расширившийся ареал их обращения в Балтийском регионе со времени шведской оккупации Новгорода 1611—1617 г.». Впрочем, исследователь допускал, что схожие с копейками деннинги в один любский приняли участие в русском денежном обращении и на захваченных шведами землях, ничем, впрочем, не документировав свой вывод.²¹

Следовательно, можно считать, что кратковременная чеканка Иоганна Поста должна была оставить след в русском денежном обращении в районе Карелии и Ленинградской области²², а чеканка Альбертом Дионисом деннингов с немецкой легендой вообще должна была в основной своей массе отложиться в Северной Германии.

Однако топография кладов с деннингами и типы русско-датских монет, встреченные в кладах, не согласуются с этими выводами.

Обзор кладов из Северной Германии, Дании, Норвегии и Финляндии, приведенный Г.Хатцем, свидетельствует, что там не были обнаружены «простые деннинги», хотя квази-деннинги встречаются довольно часто. Что же касается мнения о популярности и распространенности русских копеек, особенно после шведской оккупации Новгорода, реального подтверждения этому не находится. По всей видимости, русские копейки попадали в подавляющем большинстве в тигли и ценились лишь как высокопробное серебро²³. Также не находит подтверждения и предположение о предназначении «простых деннингов» для внутреннего обращения в Северной Германии и Дании, поскольку они не встречаются в кладах, а в самой Дании русско-датские монеты в музейных собраниях и частных коллекциях представлены единичными экземплярами.

По-другому обстоит дело на русской территории. Находки деннингов не только в кладах времени Михаила Федоровича, но и в кладах второй половины XVII в. — явление рядовое (см. прилагаемые два списка кладов с деннингами). Самое большое количество кладов и содержащихся в них деннингов приходится на 40-е — 1654 г., то есть на рубеж царствований Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. В восьми кладах 40-х гг. встречены 14 деннингов, в тринадцати кладах 1645 г. — 29, в четырнадцати кладах, зарытых до 1654 г. — 38 деннингов. Если принять версию о чекан-

²¹ *Зверев С. В.* Денежное обращение в Кексгольмском лене в первой половине XVII в. // Труды ГИМ. Вып. 133 Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М. 2002. С. 184, 185.

²² *Hatz G. S.* Указ соч. 32-34.

²³ Там же

ке деннингов в короткий отрезок времени — от 1619 до 1623, в крайнем случае — до 1625 г., можно только поражаться тому, как долго они находились в обращении. Даже в кладе 1717 г. (место находки неизвестно) найдено 13 деннингов — это через сто лет после начала их чеканки! Исходя из версии о чеканке деннингов между 1619 — 1620-ми гг., следовало бы ожидать наибольшую концентрацию их в кладах 20-х- начала 30-х гг., причем в кладах, происходящих из северо-западных регионов России — Ленинградской области и Карелии, как предполагал Г.Хатц²⁴. Однако русские клады требуют иного толкования времени и причин чеканки, а также указывают на другие области распространения деннингов.

Первый русский клад с четырьмя деннингами происходит, собственно, не из России, а из пограничной области между Эстонией и Россией — из окрестностей Тарту. Это был смешанный клад, состоящий из западноевропейских и русских монет — на 502 западноевропейские монеты преимущественно мелких номиналов, приходилось 858 русских копеек. Западноевропейские монеты датируют клад 1621 г. Все четыре деннинга относятся к чекану Альберта Диониса. Два из них имели немецкую легенду, два — были монетами с именем Михаила Федоровича.

Следующие по времени (30-е гг.) четыре клада найдены в разных местах — один в г. Лодейное поле Ленинградской обл. (2 экз. с немецкими легендами), один — в г. Великий Устюг Вологодской (4 экз., один из которых был с немецкой легендой, три — с именами русских царей), далее — один в Твери (1 экз. с именем Бориса) и Костроме (1 экз. с именем Бориса). Во всех кладах встречен только чекан Альберта Диониса. Представлен весь набор типов — с буквой М под конем, без букв и с НРСІ, с немецкой легендой, несущей имя Христиана, и с русскими надписями, где обозначены имена русских царей.

Итак, монеты с немецкой легендой и с именем Христиана в самых первых пяти кладах представлены четырьмя, монеты с именами русских царей — восемью экземплярами.

Из этого описания следует, что уже с самых первых лет проникновения деннингов на русскую территорию здесь появился практически весь набор типов, как с немецкой легендой, так и именами русских царей, что было, по-видимому, отражением того факта, что чеканка Альберта Диониса (а пока мы имели дело только с его выпусками) с самого начала содержала все известные нам

²⁴ Там же. С. 31

1-1

2-2

3-3

4-4

5-5

6-6

7-7

7-8

8-9

9-9

9-10

10-10

10-11

9-12

10-16

11-16

11-18

13-16

13-17

14-18

15-19

15-20

ОБРАЗЦЫ РУССКО-ДАТСКИХ МОНЕТ-ДЕННИНГОВ

Нумерация выдержана по таблицам в книге А.С. Мельниковой «Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого» (№№ от 1-1 до 7-8 — чекан монеты от Ивана Грозного до Петра Первого; с №№ 8-9 и далее — чекан Альберта Диониса). Уменьшено

типы деннингов. Это наблюдение ставит под сомнение вывод о том, что чеканку деннингов открыли выпуски с именами русских царей.

В следующий период — в 40-е г. — деннинги встречаются все дальше и дальше от западных границ. Всего обнаружены 8 кладов с 14 монетами. Четыре находки происходят из Вологды и Вологодской области, три — из Москвы и Московской области и одна — из Ярославля. Теперь уже и продукция Иоганна Поста разбавила выпуски Диониса. Это — деннинги с именем Христиана с «русскими надписями» (клад из д. Барановка Московской области — 1 экз., из Вологды — 1 экз.,) и деннинги с буквой Р под конем и с именем Михаила (клад из г. Клин Московской области — 1 экз., и из Ярославля — 1 экз.). Остальные деннинги принадлежат чекану Диониса и имеют или немецкую легенду с именем Христиана (один экземпляр в кладе из Москвы), или с именем Михаила (два экземпляра в кладе из Вологды, и по одному — в четырех вологодских кладах, два — в кладе из д. Барановка Московской области, один — в кладе из Ярославля).

Следовательно, на следующем этапе, в 40-х гг. XVII в., в глубину России проникают деннинги Иоганна Поста, как с именем Христиана на «русском» языке, так и с именем Михаила, а соотношение между деннингами с именем Христиана и именами русских царей составляет 4 и 10.

Еще больше деннингов (29 экз.) сосредоточено в 13 кладах, время захоронения которых датируется 1645 г., концом правления Михаила. На это же время вообще приходится наибольшее число кладов времени Михаила и возросшее число деннингов в какой-то степени объясняется этим обстоятельством. Но анализ находок свидетельствует о некоторых качественных изменениях. Во-первых, расширилась география находок — к Эстонии, Московской, Тверской, Ярославской областям прибавились Тульская и Орловская. Это свидетельствует о продолжении распространения деннингов в глубину российской территории. Еще более интенсивно проникают монеты, принадлежащие чекану Поста (все-го 5 экз.): монеты с «русской» надписью и именем Христиана IV найдены в кладе из г. Новосиль Орловской обл. (1 экз.), из Москвы (1 экз.), с именем Михаила и буквой Р — в Ярославле (3 экз.). Общее соотношение между деннингами с именем Христиана и с деннингами с именами русских царей составляет теперь 9 (7 деннингов с немецкой надписью, 2 — с «русской») и 17 экз.

При новом правителе Алексее Михайловиче (1645-1676) клады с деннингами сосредоточены в годы, предшествующие денеж-

ной реформе 1654-1663 г. Из шестнадцати кладов времени Алексея Михайловича четырнадцать датируются 1654 г. и лишь два — 1663-1676 гг. В четырнадцати кладах выявлены 38 деннингов. Анализ состава кладов обнаруживает сходные явления, зафиксированные в предыдущий период. К известной уже географии находок добавляются Архангельская, Владимирская, Псковская и Калужская области, что не изменяет обнаруженной раннее тенденции проникновения деннингов в центральные районы России. Растет число деннингов Поста с «русской надписью» и с именем Христиана IV (1 экз. из Орловской обл., 1 — из Ярославля, 1 — из Москвы, 1 — из пос. Красные Пруды Псковской обл.), всего 4 экз. Монеты Диониса с немецкой легендой и с именем Христиана насчитывают 21 экз., с именами русских царей — 13 экз.; если присовокупить сюда выпуски Поста (4 экз.), то монеты с именем Христиана намного превысят монеты с русскими именами (25 на 13). Такой перевес произошел из-за того, что в кладе из Эстонии (близ Тарту) 1648 г. все 9 деннингов несли имя Христиана на немецком языке; в кладе из Пулкова (1651 г.), входившего в состав Ижорской земли, оккупированной шведами после 1617 г., такие же монеты составляли 6 экз. Единственный деннинг с немецкой легендой был найден в кладе 1651 г. из Латвии и тоже единственный — в г.Любань Лужского р-на Ленинградской обл., расположенном в непосредственной близости от шведской границы.

Завершают наш обзор клады конца XVII — начала XVIII в.

Это — клады 1663—1676 г. из с. Егорье Калужской обл., (1 деннинг с именем Михаила) и из с. Анцифоровское Архангельской обл. (1 деннинг с именем Василия), три клада времени Федора Алексеевича (из Эстонии, с берега Псковского озера, где была обнаружена одна монета с именем Михаила Федоровича), из Костромской обл. (одна монета с именем Михаила) и из Москвы (три деннинга: один экземпляр чекана Иоганна Поста с именем Михаила и два деннинга Диониса, с немецкой легендой и с именем Михаила). Исключительно интересны четыре клада времени Петра Первого (1689—1725). Уже сам факт находки деннингов в столь поздних кладах примечателен, но еще более примечателен состав их. В кладе 1700 г. из с. Остров Ярославской области нашлись 7 (!) деннингов Иоганна Поста с именем Михаила. В кладе 1717 г. (место не указано, но по аналогии с составом Пулковского, можно предположить, что клад происходит с русской территории, до недавнего времени оккупированной шведами) найдены 13 деннингов, причем 11 из них являются деннингами Альберта Диониса с немецкой легендой а два оставшихся несут имя Василия

Ивановича. В кладе 1701 г. из г. Бронницы Московской области обнаружен деннинг Иоганна Поста с «русской» надписью.

Имеются еще данные о 10 кладах, где встречены деннинги с именем Христиана, но так как сведения о кладах получены из литературных источников, клады не датированы, точного описания деннингов нет, мы не стали использовать их показатели при вышеприведенных наблюдениях.

Попробуем подвести итоги этого утомительного анализа.

1. Первая находка деннингов из Эстонии приходится на начало 20-х г., что свидетельствует о быстрой и адресной доставке этих монет на территорию, расположенную на границе Русского государства и Прибалтики. Уже в этом раннем кладе встречены деннинги Альберта Диониса как с немецкой легендой, так и с именами русских царей.

2. В более поздних кладах 30-х г. XVII в., найденных на русской территории, одновременно использовались как деннинги с именем Христиана IV, так и с именами русских царей.

3. Количественное преобладание продукции Альберта Диониса над продукцией Иоганна Поста очевидно.

4. Из продукции Иоганна Поста в Россию попадали только деннинги с именем Христиана на «русском» языке и деннинги с буквой Р и с именем Михаила Федоровича, причем последние — в больших количествах (13 деннингов с буквой Р и с именем Михаила, 9 — с «русской» надписью и именем Христиана). Деннингов Поста с немецкой готической надписью с именем Христиана в русских кладах не встречено.

5. Деннинги Альберта Диониса с немецкой легендой были приняты русским денежным обращением наравне с монетами, подражающими русским копейкам Бориса, Дмитрия, Василия и Михаила. Впрочем, в областях, расположенных ближе к западной границе, на территории Прибалтики и в районе, оккупированном шведами после Столбовского мира (часть Ленинградской области и Карелии), заметно предпочтение, которое отдавалось деннингам с немецкой легендой.

6. Число деннингов, участвовавших в русском денежном обращении, возросло к 40-м г. XVII в. и достигло кульминации в десятилетие 1645—1654. Следует заметить, что деннинги разделили общую судьбу всех «непрямых» русских денег (то есть денежных знаков, выпускавшихся вне «государевых» денежных дворов), которые встречаются в русских кладах XVII в. того же времени (имеются в виду монеты, выпускавшиеся в Ижорской земле и Карелии после 1617 г., получившие у нумизматов название «Нефедкины

копейки» или «копейки Нефедки в Свее», а также тайная чеканка в Ярославле, организованная после 1619 г. на откупных началах, по всей видимости, с ведома правительства. Сюда же включаются «воровские», то есть фальшивые деньги).

7. В этой связи возникает вопрос, на который пока нет ответа — к какой категории относили русские власти деннинги — к «непрямым» монетам или к официально разрешенным к обращению внутри страны?

8. Сокращение (но не исчезновение) деннингов в русских кладах второй половины и конца XVII в., видимо, следует связывать с борьбой русского правительства за чистоту русского денежного обращения и улучшение качества и внешнего вида монет после введения Уложения 1649 г., где специальная статья была посвящена состоянию денежного хозяйства. Ко второй половине XVII в. состав русских кладов стал значительно чище за счет сокращения в их составе «непрямых» денег.

Таким образом, выявленные нами 58 кладов с деннингами в основной части состоят из кладов времени Михаила Федоровича (31), далее — времени Алексея Михайловича (21), Федора Алексеевича (3) и Петра Алексеевича (4). Нами просмотрены 122 деннинга из 48 кладов, которые удалось визуально изучить и датировать.

Деннинги чекана Иоганна Поста в этих кладах насчитывают 22 экз. (9 — с «русской» надписью и именем Христиана, 13 — с именем Михаила Федоровича и буквой Р под конем.)

Деннинги чекана Альберта Диониса составляют 100 экз., из которых 46 экз. — это монеты с именем Христиана на немецком языке, 3 экз. — с именем Бориса, 1 экз. — с именем Дмитрия, 10 экз. — с именем Василия и 40 — с именем Михаила.

Следовательно, деннинги с именем Христиана в общей сложности составляют 55 экз., с именами русских царей — 67 экз. К 50 деннингам с именем Христиана следует добавить 13 монет из недатированных кладов, известных из литературных источников, после чего эта группа увеличивается до 68 экз. Как можно убедиться, количество монет с именем Христиана и монет с именами русских царей в кладах встречается примерно одинаково часто.

Рассмотрим теперь, как распределяются в зависимости от места и времени находки количество кладов с деннингами, а также типы и число деннингов в каждом кладе.

Топография кладов с деннингами свидетельствует, что больше всего кладов встречено в Москве и Московской области — 13 кладов с 38 монетами, причем на долю Москвы приходится почти

половина всех находок — 8 кладов с 26 монетами. Следует отметить, что по времени захоронения датированные московские клады располагаются преимущественно во второй половине XVII в. (три клада датируются 40-ми гг., три — 1645, два — 1654, один — 1682 и один — 1701 г.). Из недатированных кладов два относятся ко времени Михаила Федоровича, один — Алексея Михайловича. Далее следует Ярославль и область — 7 кладов, 18 монет. Клады датируются тоже серединой (4 клада 1645/6 г.) и второй половиной века (2 клада — 1654 и 1700 г.); лишь один клад относится к 40-м гг. Для ярославских кладов характерна одна особенность — именно на их долю приходится основная масса считающихся очень редкими монет Иоганна Поста с именем Михаила и буквой Р под конем (11 экз. из известных в общей сложности покладам 13 экз.).

В Ленинградской области найдены 6 кладов (один клад 1717 г. отнесен к этому району предположительно), где обнаружены 26 деннингов. Клады эти все происходят или из шведской территории, или найдены в непосредственной близости от шведской границы. Следует отметить, что из 26 монет 23 имеют немецкую легенду с именем Христиана. Следовало бы ожидать, что ленинградские клады должны быть самыми ранними (если следовать версии о назначении деннингов для использования Печорской компанией), однако кроме одного, датированного 1626/27 г., все они относятся ко второй половине века, а один из них даже к 1717 г.

В Эстонии известны 3 клада с 14 монетами. Все эстонские клады найдены вблизи от русской границы (в Тартусском районе) и отмечают путь от Пскова до Риги. Кроме самого раннего эстонского клада (1621 г.), остальные клады датируются второй половиной века. Два клада (1621 г. и 1645 г.) имеют смешанный состав. В кладе 1645 г. из пос. Вихаваэ содержатся 1074 западноевропейских и 255 русских монет, и из этих русских монет 9 оказались деннингами Диониса с немецкой легендой. Известна еще одна находка 1651 г. из Прибалтики — смешанный клад с хут. Пикколи из Латвии (53 западноевропейские монеты и 313 русских), где обнаружен один деннинг с немецкой надписью. Прибалтийские клады, кроме одного, относятся к числу поздних, имеют в своем составе значительный процент деннингов, среди которых преобладают монеты с именем Христиана и немецкой легендой.

В Вологде и области встречены 5 кладов с 10 деннингами. Вологодские клады относятся к 40-м гг. и в своем составе имеют преимущественно монеты с именами русских царей. Из 10 деннингов лишь три имеют имя Христиана IV, причем одна монета относится к чекану Иоганна Поста.

5 кладов с 5 экз. деннингов найдены в Твери и Тверской области, из них о двух кладах известно лишь то, что относятся они ко времени Михаила Федоровича и обнаруженные в них деннинги имеют имя Христиана IV. Из трех датированных тверских находок одна несет имя Бориса Федоровича, одна — Михаила Федоровича, одна — имя Христиана на немецком языке.

3 клада из Пскова и его окрестностей содержат более четырех деннингов (точное количество неизвестно), датируются 1654 г. Из достоверно известных четырех деннингов два имеют имя Христиана (причем один из них принадлежит чеканку Поста); к ним следует присовокупить несколько экземпляров (точное количество не указано), найденных в 1910 г. кладе времени Михаила Федоровича. Два деннинга относятся к группе с именами русских царей.

Остальные клады (3 из Тульской области, 3 из Орловской, 2 из Владимирской, по одному из Архангельской, Новгородской, Костромской, Калужской, Кировской областей и Карелии) — все относятся к середине и второй половине XVII в., содержат по одной, редко — по 2 монеты преимущественно с именами русских царей.

Первый, лежащий на поверхности вывод, полученный из анализа кладового материала, заключается в том, что время массового проникновения деннингов на русскую территорию приходится примерно на середину и начало второй половины XVII в., а участие деннингов в русском денежном обращении продолжается вплоть до рубежа XVII—XVIII в.

Следующий, столь же очевидный, вывод состоит в том, что география распространения деннингов на русской территории была весьма обширна; деннинги обнаружены в кладах, расположенных от западных и северо-западных регионов до центральных областей страны. Особенно показательно обилие кладов и деннингов в Москве и Московском регионе. Можно проследить определенную закономерность топографического распределения кладов с деннингами. Они явно тяготеют к тем торговым путям, которые были ориентированы на Запад. Это клады, расположенные по пути от Архангельска к Москве (клады из Архангельской, Ярославской, Костромской, Вологодской областей), и клады на северо-западе страны — в Прибалтике (Эстония, Латвия) и Новгородской и Псковской землях.

Особо следует сказать о находках из Ленинградской области и Карелии. Все они расположены или на бывших русских территориях, отошедших к Швеции по Столбовскому миру 1617 г. (часть

Ленинградской обл. и Карелии), или вблизи границы, весьма условной, отделяющей эти территории от собственно России. Как установлено, местное денежное обращение здесь имело свою специфику, которая в частности характеризовалась сравнительно высоким процентом «непрямых» денег, в том числе деннингов²⁵. Подборка деннингов здесь тоже оказалась специфической — преимущественно использовались деннинги с немецкими легендами.

На пути к Архангельску встречаются в основном деннинги с именами русских царей; в Прибалтике, как и в Ленинградской области, чаще встречаются деннинги с немецкими легендами и с именем Христиана IV.

Из сделанных наблюдений следует, что деннинги активно участвовали в русской торговле с Западом, причем спустя 20-30 лет после начала их чеканки. У нас нет убедительных доказательств сколько-нибудь заметного участия деннингов в русском денежном обращении в момент их вбрасывания в русское денежное обращение в начале 20-х г. XVII в. Остается предположить, что запасы деннингов или лежали где-то неподвижно и ждали своего времени, чтобы возникнуть на путях русской торговли с Западом, или же их чеканка была реанимирована к 40-м гг. XVII в. Судя по тому заметному следу, который оставили деннинги в русском денежном хозяйстве середины и второй половины XVII в., следует принять вторую точку зрения. Создается впечатление, что запасы их постоянно возобновлялись.

В этой связи уместно вспомнить о наблюдениях Гришина и Клещинова о лучшем качестве штемпелей монет Альберта Диониса с именами русских царей по сравнению с монетами, несущими немецкую легенду, и сделанном ими на этом основании выводе о том, что они открыли чеканку выпуска деннингов с именами русских царей, а не с немецкими легендами, как принято считать до сих пор. Как выше уже говорилось, прямые указания письменных источников (королевское предписание Альберту Дионису от 7 июля 1619 г., содержащие точное описание начальных выпусков), говорят о противном, и нет никаких оснований им не доверять. Но если принять во внимание длительное использование деннингов в русском денежном обращении, растянувшееся почти на столетие после начала их чеканки, можно предположить, что штемпели для чеканки за это время неоднократно

²⁵ Мельникова А.С. Пулковский клад монет XVII в. и денежное обращение в Ижорской земле и Корельском уезде при шведах // Вспомогательные исторические дисциплины. XVII. СПб. 2000. С. 70—106; Зверев С.В. Указ. соч.

подправлялись, тем более, сделать это при пунсонной технике было относительно несложно. С точностью подтвердить это предположение можно будет лишь путем тщательного сравнительного анализа большого количества деннингов, происходящих из датированных кладов. При разрозненности мест хранения деннингов и, главное, при существующей у коллекционеров практике издавать монеты без учета места и времени находки кладов, откуда эти монеты извлекаются, дело это представляется если не безнадежным, то очень и очень отдаленным.

Версия о постоянном обновлении штемпелей деннингов с 40-х гг. XVII в. может быть принята во внимание при условии, если по каким-то причинам именно в этот период русское денежное обращение стало испытывать потребность в этих монетах.

Состояние русского денежного хозяйства к 40-м гг. XVII в., нашедшее отражение в кладах, свидетельствует, что в эти годы его стали засорять всякого рода «непрямые» монеты. Если состав кладов до Смуты, содержащих монеты трехрублевой стопы, отличался завидной чистотой, лишь в единичных случаях разбавленных редкими «воровскими» монетами, то начиная с 30-х г. картина резко меняется, чтобы к началу второй половины XVII в. приблизиться к катастрофическим показателям. В кладах встречаются десятки и более фальшивых монет, рядом с подлинными выпусками «государевых» денежных дворов соседствуют и деннинги, и «Нефедкины копейки» (выпуски фальшивомонетчиков Ижорской земли и Карелии), и ярославские копейки пониженного веса и пробы. И хотя начиная с 1637 г. правительство пытается контролировать состав денежной массы в стране, назначая специальных правительственных чиновников для просмотра и выбраковки денег, «явленных» на торгах и ярмарках, а также поступивших в финансовые ведомства, а для устранения фальшивомонетчиков вводится в 1649 г. смертная казнь, и чеканка фальшивых денег приравнивается к государственным преступлениям, заметных результатов эти меры не приносят. И напрасно вновь и вновь рассылаются в приграничные города государев грозный приказ, повторяющий указ от 3 мая 1620 г., запрещающий принимать у иностранцев привозные подделки под русские копейки.

Беда русского денежного хозяйства XVII в. заключалась в том, что архаичная техника чеканки монет, зависимость от привозного сырья, сама структура денежной системы, когда существовал практически единственный номинал — крошечная копейка и не было ни мелкой разменной монеты, ни крупных денежных единиц, делали русские деньги не только неудобными в обращении

(об этом много писали иностранцы), но и значительно затрудняющими товарооборот. Эти трудности особенно стали очевидны, когда русское денежное хозяйство все больше попадало в зависимость от европейской торговой конъюнктуры. Трудности денежного обращения в Европе, сокращение торговли талерами во время Тридцатилетней войны в русском денежном деле отозвались закрытием денежных дворов в Пскове и Новгороде в 1627/8 г., переходе в эти же годы к чеканке копеек из талерного серебра без предварительной очистки, поэтапным снижением весовой нормы начиная с 1618 г. и организацией тайной чеканки монет пониженного веса и пробы в Ярославле после 1619 г.²⁶ Прямым последствием для русского денежного дела этих событий стала явная нехватка денежных знаков. Единственный «государев» Московский денежный двор не мог обеспечить ими в достаточном количестве всю огромную страну.

Затруднения, которые испытывало русское денежное хозяйство, обострились, когда на западноевропейском рынке с 1626 г. началась новая волна «революции цен», достигшая кульминации к 30-м г. Колоссальный размах военного наемничества в годы Тридцатилетней войны привел к резкому увеличению спроса на продовольственные товары при одновременном сокращении сельскохозяйственного производства и разорении деревень. В то же время сократился рынок хлеба (польского, остзейского, прусского), который питал через Амстердамскую международную хлебную торговлю Западную и Южную Европу: шведско-польская война в Ливонии (с 1625 г.), вторжение шведов в Пруссию (1626 г.) закрыли для хлебного рынка балтийский бассейн. К тому же испанцы настаивали, чтобы союзная Польша прекратила продажу хлеба голландцам, католические вожди Германии запретили в 1627 г. вывоз хлеба из Прибалтики. В результате в Западной Европе начался голод и баснословно высокий рост цен на хлеб и продукты питания. В этих условиях русский хлебный рынок, сохранивший выход через Архангельск, стал спасением для Европы. Цены на хлеб на внутреннем рынке России оставались низкими (по сравнению с Европой — в 10 раз), причем отпуск хлеба на внешний рынок был царской монополией. Русский хлеб, скупленный по дешевке, перепродавался в Амстердаме, и спекуляция эта, в условиях хлебной дороговизны и спроса на продовольственные товары, приносила европейским купцам баснословные доходы²⁷.

²⁶ Мельникова А.С. Русские монеты...Глава 8.

²⁷ Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М. 1976. С. 208-209.

Со второй половины 20-х г. начинается, по словам Б.Ф. Поршнева «настоящий штурм» европейскими купцами-контрабандистами царской хлебной монополии. Они «украдом и татевным обычаем» скупают хлеб у русского населения и вывозят его через балтийские порты²⁸. Одновременно шла дипломатическая обработка правительственных кругов в Москве с целью получения разрешения закупать значительные партии хлеба. В создавшейся ситуации русское правительство постепенно пришло к идее выдачи хлебных субсидий тем государствам, в которых была заинтересована московская дипломатия. В годы Тридцатилетней войны это были члены антигабсбургской коалиции, к которой примыкала Россия. Денежную наличность казна приберегала, но торговля дешевым хлебом была потенциальным ресурсом, широко использовавшимся Москвой в 1627 — 1634 гг.

В 1627 г. Христиану IV было дано исключительное право закупить 30 тыс. четвертей хлеба непосредственно на внутреннем рынке и вывезти, не уплачивая никаких пошлин в русскую казну. В 1628 г. Христиан IV снова получил разрешение закупить на тех же условиях 40 тыс. четвертей. В 1630 г. московское правительство разрешило датскому королю закупить только 25 тыс. четвертей в счет прежде разрешенных 75 тыс., однако не на прежних условиях, а с уплатой высокой пошлины, а в 1631 г. оно запросило такую высокую цену, что Дания отказалась от покупки. Пока Дания вела открытую войну с германским императором, Россия продавала ей дешевый хлеб, но как только военные действия закончились Любекским миром 1629 года и Дания вышла из войны, она выбыла и из числа покупателей русского хлеба по льготным ценам²⁹.

С 1628 по 1633 г. Россия давала хлебные субсидии Швеции, которая в это время вела активные военные действия³⁰.

Оживление торговли на русском хлебном рынке имело самые непредсказуемые последствия для русской экономики. Покупать русский хлеб иностранным торговцам приходилось на русские деньги, так как русское денежное обращение западноевропейские монеты не принимало. Это вызвало повышенный спрос на русские денежные знаки, которые, как уже говорилось, поставлял единственный денежный двор в Москве. Русская экономика не была ориентирована на товарное производство, на рыночные отношения, и русская денежная система также оказалась неприспособленной к той оживленной торговле, которая развернулась в основных производи-

²⁸ Там же. С. 209.

²⁹ Там же. С. 211-212.

³⁰ Там же. С. 212-219.

тельных районах страны. К тому же действия царских приказчиков, организовывавших закупку и отправку к Архангельску хлеба, дополнялись контрабандной торговлей, которую вели иноземные торговцы. Только нехваткой денежной наличности можно объяснить использование в качестве платежного средства и «непрямых» денег, куда попадают деннинги, и суррогатов («глатких» денег, то есть пластинок-заготовок, и «сеченых» денег), а также даже хорошо сделанных фальшивых копеек и денежек. Клады середины и первого десятилетия второй половины XVII в. наводнены ими.

Особенно оживленной была контрабандная торговля на русской территории, отошедшей к Швеции по Столбовскому миру. Ижорская земля и Корельский уезд были отделены от России весьма условной границей, через которую легко было проникнуть в обе стороны, а через шведские владения свободно проникнуть к Балтийским гаваням. Не случайно здесь было очень распространено производство фальшивых копеек, откуда они широко расходились по всей России. Здесь же, как мы наблюдали, было найдено значительное количество деннингов, причем среди них преобладали монеты с немецкой легендой. Понятно, что для контрабандистов-иноземцев не было большой разницы между русскими и немецкими легендами на монетах, они даже должны были бы предпочитать более понятные для них монеты с именем Христиана.

Обнаруженные нами доказательства обращения деннингов на русской территории, отразившиеся в составе русских кладов, следует, по нашему мнению, связывать не столько с кратковременным существованием Печорской компании, и тем более не с использованием деннингов в Лапландии, а с оживленной торговлей русским хлебом. Хронологические рамки этой торговли весьма растянуты. Начавшись в 20-х г. XVII в., она с разной степенью интенсивности продолжалась до 50-х гг. Народные восстания 50-х гг., особенно сильные в Новгороде и Пскове, вызванные недовольством действиями правительства по продаже хлеба за рубеж, положили конец этой практике, но не прекратили ее окончательно.

Трудно судить без достоверных источников, были ли монетные мастера Иоганн Пост и Альберт Дионис непосредственно втянуты в «хлебную лихорадку», охватившую европейское купечество. Известно, что Иоганн Пост занимался также купеческой деятельностью — у него была соляная и ремесленная торговля в Испании, а затем он стал владельцем горного производства в Норвегии³¹. Альберт Дионис был также купцом, принимавшим активное участие в

³¹ Hatz G. Указ. соч. С. 32

балтийской торговле, содержал в Данциге собственную контору для закупки хлеба в польских внутренних областях³². Не следует забывать и о непосредственной заинтересованности в русской валюте короля Дании, получавшего от русского правительства субсидии на покупку дешевого русского хлеба в 1627, 1628, 1629 и 1630 гг. Вполне возможно допустить, что Христиан IV именно тогда мог возобновить указы королевским мастерам о чеканке деннингов, вновь востребованным в русско-датской торговле. Но с таким же успехом можно предположить, что монетные мастера могли на свой страх и риск сами продолжить чеканку деннингов, которые находили спрос у купцов, занятых спекулятивной торговлей русским хлебом.

Иоганн Пост, возможно, тогда начал более масштабную чеканку деннингов с именем Михаила Федоровича и буквой Р на лицевой стороне. Не случайно эти редкие монеты сравнительно часто встречаются в кладах середины века из Ярославской и Вологодской областей. На наш взгляд, Пост проявил здесь присущие ему добропорядочность и честность. Его выпуски деннингов с буквой Р и с именем Михаила неизменно сохраняют отличный внешний вид и выдерживают высокий вес. Тогда же, возможно, и Альберт Дионис подправил лицевые штемпели деннингов с именами русских царей, чем можно объяснить их более сохранный вид, замеченный Гришиным и Клещинувым. Лицевые штемпели со скачущим конем и с буквами НРСІ, возможно, появились немного позже.

Разумеется, деннинги с именами русских царей должны были иметь количественное преобладание, что и показали клады. Закономерны и находки деннингов в кладах, отмечающих русские торговые пути в Архангельск и в Прибалтику, и преобладание деннингов в кладах Москвы — центре складывающегося всероссийского рынка. Заметим, что многие клады происходят из сельскохозяйственных районов страны (из Орловской, Калужской, Тульской, Владимирской, Тверской, и, наконец, Московской областей). Наблюдения над топографией и временем захоронения кладов с деннингами подтверждают наши гипотетические построения о «втором издании» деннингов в двадцатых годах XVII в., обусловленном интересами не одной Печорской компании, а всей сложившейся ситуацией в русско-европейской торговле, ориентированной на массовые закупки дешевого русского хлеба и перепродаже его на Амстердамской хлебной бирже.

В литературе относительно подробно освещена только практика русско-шведской торговли хлебом в 1628—1633 гг. В первые годы

³² Там же. С. 33.

(1628—1630) она носила довольно анархичный характер: царь разрешал тому лицу, которое было указано шведскими послами («приказчику»), покупать хлеб «повольно» и беспошлинно, и отвозить к Архангельску. В отдельных случаях отводились определенные районы для покупки хлеба. В последующие годы торговля приобрела более регламентированные рамки. Все иностранцы, в том числе и шведы, не допускались больше для скупки внутрь страны, и закупали хлеб непосредственно у корабельных пристаней в Архангельске. Скупку организовывал приказ Большой казны, пользующийся услугами местных жителей, из числа которых назначались «целовальники» и «уговорщики», занимающиеся скупкой, хранением и отправкой хлеба по «большой воде» в Архангельск.³³

Датские закупки, вероятно, организовывались по начальной схеме, поскольку меры по регламентации торговли были приняты уже после пятилетней практики. Но не следует забывать и о контрабандной торговле, которая велась не только на западных рубежах, но и в глубине России и которая, разумеется, никакой регламентации не подчинялась.

Датские деннинги, начавшие, по нашему мнению, вторую жизнь в конце 20-х гг., получили затем, как свидетельствуют клады, большее распространение в русской внутренней торговле. Русское денежное обращение должно было без труда принять их, так как ни по весу, ни по внешнему виду они заметно не отличались от русских ходячих копеек, а деннинги с именем Христиана IV, возможно, было молчаливо решено к ним приравнять. Конечно, было бы заманчиво думать, что русский царь, разрешая своему союзнику Христиану IV продажу дешевого хлеба, разрешил и пользоваться русско-датскими копейками, забыв и о противоречиях в Лапландии, и о провокационной попытке датчан проникнуть на Печору. Дания была важна для России как возможный союзник в предстоящей борьбе против шведской экспансии на Балтике, от которой тоже страдала датская торговля. Отсюда, возможно, пошла традиция считать имевшим место разрешение русского царя о чеканке датских монет, подражающих русским копейкам. Но это не более чем догадки. Документальных свидетельств на этот счет пока не найдено, да и вряд ли они были возможны. Скорее всего, здесь мы имеем дело со стихийной практикой, обусловленной сложившимися дипломатическими и экономическими интересами двух стран, оказавшимися в одном военном лагере и заинтересованными в борьбе против шведов (тоже, заметим, входивших в число союзников) за господство на Балтике.

³³ Поринев Б.Ф. Указ. соч. С. 217, 218.

СПИСОК ДАТИРОВАННЫХ КЛАДОВ С РУССКО-ДАТСКИМИ МОНЕТАМИ.

№ п/п	Место находки и хранения количество монет в кладе	Дата	Ссылка на литературу	Вес	Кол-во	%
1-4	Эстония Тартуский р-н хут. Рынту . М.хр. неизв. 1360 (смешанный 502-зап.евр., 858-русск.)	1621	М., т.11, 9-9 М., т.11, 9-15 М., т.11, 9-16		2 1 1	
5-6	Ленинградская обл. г. Лодейное поле ОН ГЭ XXVII 325	1627/28	М., т.11, 8-9 М., т.11, 9-14	0,94 0,48 0,39	4 1 1	0,29
7-10	Вологодская обл. г. Великий Устюг ВОКМ 13189, 632	30-е г.	М., т.11, 8-11 М., т.11, 12-не изд (с им. Бориса) М., т.11, 11-16 М., т.11, 9-14	0,53 0,46	1 1	
11	г. Тверь ГИМ 98494 790	30-е г.	М., т.11, 15-19	0,49	4 1	0,63 0,12

№ п/п	Место находки и хранения количество монет в кладе	Дата	Ссылка на литературу	Вес	Кол-во	%
12	г. Кострома КОМ 6796 3177	30-е г.	М., т.11, 15-19		1	0,03
13-14	г. Вологда ВОКМ 1535 3291	30-е г.	М., т.11, 8-13 М., т.11, 11-16	0,48 0,46	1 1	
15	Московская обл. г. Клин. М.хр. неизв. 318	40-е г.	М., т.11, 7-8	0,54	1	0,31
16-18	Московская обл. Коломенский р-н д. Барановка ГИМ 84821 3419	40-е г.	М., т.11, 4-4 М., т.11, 9-15 М., т.11, 9-16	0,51 0,47 0,48	1 1 1	
19-21	г. Ярославль ЯКМ 8362 1862	40-е г.	М., т.11, 7-7 М., т.11, 9-16		3 1 2 3	0,87 0,16
22-23	г. Вологда, Спас- Каменный м-рь ВОКМ 1103 3061	40-е	М., т.11, 4-4 М., т.11, 9-15	0,48 0,52	1 1	
					2	0,06

№ п/п	Место находки и хранения количество монет в кладе	Дата	Ссылка на литературу	Вес	Кол-во	%
24	г. Вологда или обл. ВОКМ 30966 219	40-е	М., т. 11, 8-14	0,47	1	0,45
25	г. Вологда или обл. ВОКМ 30955 53	40-е	М., т. 11, 8-11	0,50	1	1,73
26	г. Москва Б. Ордынка ГИМ 101843 1410	40-е г.	М., т. 11, 10-11	0,53	1	0,07
27-30	Московская обл. Ленинский р-н д. Тимохово. ГИМ 87961 1144	1645	М., т. 11, 9-10 М., т. 11, 8-9 М., т. 11, 15-20	0,47 0,46 0,46 0,45	1 2 1	
31	г. Ярославль ЯКМ 8714 18792	1645	М., т. 11, 9-16		4 1	0,34 0,005
32	Тульская обл. д. Богино ТОКМ 3550/51 175	1645	М., т. 11, 9-16		1	0,57
33	Тульская обл. д. Лирино ТОКМ 1090 1458	1645	М., т. 11, 9-14		1	0,06

№ п/п	Место находки и хранения количество монет в кладе	Дата	Ссылка на литературу	Вес	Кол-во	%
34	Тульская обл. или Тула ТОКМ 1105 457	1645	М., т. 11, 9-16		1	0,21
35	Ленинградская обл. Лужский р-н д. Осьмино ОН ГЭ XXIV 428	1645	М., т. 11, 8-9	0,49	1	0,23
36	Тверская обл. г. Торжок КОК 2791	1645	М., т. 11, 11-16		1	0,32
37-40	г. Ярославль или обл. ЯКМ 8756 404	1645	М., т. 11, 9-9 М., т. 11, 7-7 М., т. 11, 7-8		1 2 1	
41	Ярославская обл. с. Ивановское ЯРМ 20814 4288	1645	М., т. 11, 11-18		4 1	0,99 0,02
42-44	Московская обл. Истринский р-н с. Якунино ГИМ 101855 2734	1645	М., т. 11, 14-16 М., т. 11, 11-18 М., т. 11, 8-16	0,43 0,43 0,41	1 1 1	
					3	0,10

№ п/п	Место находки и хранения количество монет в кладе	Дата	Ссылка на литературу	Вес	Кол-во	%
45-53	г. Москва Тверская пл. ГИМ 104734 6530	1645	М., т. 11, 4-4		1	
			М., т. 11, 9-9		1	
			М., т. 11, 9-10		1	
			М., т. 11, 9-16		2	
			М., т. 11, 11-14 вар.		2	
			М., т. 11, 14-18		1	
			М., т. 11, 14-18 вар.		1	
54-55	Орловская обл. г. Новосиль Ор. 2110 1048	1645	М., т. 11, 3-3		1	
			М., т. 11, 9-16		1	
56	Орловская обл. Кромский р-н д. Семеново Ор. 13216 2140	1646	М., т. 11, 5-5		2	0,19
			М., т. 11, 5-5		1	0,04
57	г. Ярославль ЯКМ 8758 2173	1646	М., т. 11, 5-5		1	0,04
			М., т. 11, 5-5		1	0,04
58-66	Эстония, близ Тарту пос. Вихавэ. Эст. 69 1074(смешанный, 819-зап. евр., 255-русск.)	1648	М., т. 11, 9-8		2	
			М., т. 11, 8-11		3	
			М., т. 11, 9-10		1	
			М., т. 11, 9-9		2	
			М., т. 11, 10-10		1	
					9	0,83

№ п/п	Место находки и хранения количество монет в кладе	Дата	Ссылка на литературу	Вес	Кол-во	%
67-75	г. С.-Петербург Пулково ОНГЭ XVIII 1531 (смешанный 40-зап.евр. 1491-русск.)	1645	М., т.11, 8-9		4	
			М., т.11, 9-10		2	
			М., т.11, 9-15		1	
			М., т.11, 10-12		1	
			М., т.11, 11-18		9	0,58
76	Латвия хут. Пикколи ЛГМ 8806 366 (смешанный 53-зап.евр. 313 русск.)	1651	М., т.11, 8-9		1	0,24
77	Тульская обл. д. Ратово ТОКМ 1102 2269	1654	М., т.11, 9-16		1	0,04
78-82	г. Москва, Б. Полянка ГИМ 107752 9850	1654	М., т.11, 3-3	0,46	1	
			М., т.11, 8-16	0,48	1	
			М., т.11, 9-14	0,48	1	
			М., т.11, 13-16	0,45	1	
			М., т.11, 13-18	0,46	1	
					5	0,05
83	Ленинградская обл. Тосненский р-н г. Любань ОНГЭ 32 н.с. 2260	1654	М., т.11, 9-10	0,47	1	0,04

№ п/п	Место находки и хранения количество монет в кладе	Дата	Ссылка на литературу	Вес	Кол-во	%
84	Псковская обл. г. Красные Пруды ОН ГЭ I н.с. 306	1654	М., т.11, 4-4		1	0,32
85-87	Псковская обл. Островский р-н ОН ГЭ н.с. I 1846	1654	М., т.11, 9-10 М., т.11, 9-16 М., т.11, 10-14	0,44 0,48 0,46	1 1 1	
88-90	г. Москва, Сретенка ГИМ 102181 4308	1654	М., т.11, 9-10 М., т.11, 10-11 М., т.11, 9-12	0,44 0,44 0,47	3 1 1 3	0,16 0,06 0,06
91	Владимирская обл. Петушинский р-н с.Покров. м.хр. неизвестно 1579	1654	М., т.11, 9-12	0,45	1	0,06
92	Ярославская обл. г.Переславль-Залесский П.-3. музей 4305	1654	М., т.11, 9-14		1	0,02
93	Тверская обл. г.Кимры, окрестности. Место хран. неизв. 691	1654	М., т.11, 10-11	0,45	1	0,14

№ п/п	Место находки и хранения количество монет в кладе	Дата	Ссылка на литературу	Вес	Кол-во	%
94	Калужская обл. с.Егорье ГИМ 107655 1110	1663- 1676	М., т.11,9-16	0,48	1	0,09
95	Архангельская обл. Устьянский р-н д. Анцифоровская ГИМ 95454 3955	1663- 1676	М., т.11, 11-18	0,48	1	0,02
96	Эстония берег Псковского оз. Эст.15185 1280	1676	М., т.11,9-16		1	0,07
97	Костромская обл. Чухломский р-н д.Починок ОН ГЭ XXXII 559	1676	М., т.11,9-14	0,46	1	0,17
98-100	г. Москва Голутвинский пер. ГИМ 101464 2232	1682	М., т.11,7-8 М., т.11,9-10 М., т.11,9-14	0,54 0,48 0,50	1 1 1 3	0,13

№ п/п	Место находки и хранения количество монет в кладе	Дата	Ссылка на литературу	Вес	Кол-во	%
101	Владимирская обл. Петушинский р-н с. Молодино ОН ГЭ XIII 390	до 1696	М., т.11, 12-17		1	0,25
102-108	Ярославская обл. Бурмакинский р-н с. Остров ЯКМ 8364 1802	1700	М., т.11, 7-7 М., т.11, 7-8		6 1	0,38
109	Московская обл. г. Бронницы Место хран. неизв. 3000	1701	М., т.11, чекан Иоганна Поста, с «русской» легендой		1	0,03
110-122	Место находки неизвестно ОН ГЭ 27 н.с. 2756	1717	М., т.11, 8-9 М., т.11, 9-10 М., т.11, 9-17 М., т.11, 11-18		2 9 1 1 13	0,47

СПИСОК НЕДАТИРОВАННЫХ КЛАДОВ С РУССКО-ДАТСКИМИ МОНЕТАМИ

Клады времени Михаила Федоровича.

1. Кировская обл. Новокузнецкий р-н (д. Казаковцы б. Колковской вол. Орловского у. Вятской губ.). В 1908 г. был найден клад, состоящий из 385 монет, среди которых был деннинг с именем Христиана IV. ОАК за 1980 г. СПб, 1909. С. 189, 203; ДАК, 1908/152.

2. г. Москва, Композиторская ул. В 1913 г. были найдены 110 монет, среди которых был деннинг с именем Христиана IV. Архив ЛОИА, ф. 1, д. 1913/70.

3. г. Москва, Серебряный пер. В 1910 г. нашли клад (10 ф. 60 зол., приблизительно 9000 экз.), в составе которого был деннинг с именем Христиана IV. Архив ЛОИА, ф. 1, д. 21/1911.

4. Псковская обл. Островский р-н (с. Синское Устье б. Островского у. Лисинской вол. Псковской губ.). В 1910 г. найден клад (количество монет в кладе не указано), где встречены деннинги с именем Христиана IV (также без указания количества). С., 1979, С. 134, № 246.

5. Тверская обл. Бежецкий р-н (д. Полог б. Бежецкого у. Тверской губ.). В 1903 г. были найдены 3634 монеты, среди которых был обнаружен деннинг с именем Христиана IV. ОАК за 1903 г. СПб, 1904. С. 138, 215; Архив ЛОИА, ф. 1, д. 140/1903

6. Тверская обл. Новоторжский р-н (с. Пречистая Каменка б. Новоторжского у. Тверской губ.). В 1910 или 1911 гг. были найдены 357 монет, в том числе 348 копеек Михаила Федоровича, 2 экз — Федора Ивановича, 1 — Василия Ивановича Шуйского, 1 — Владислава Жигимонтовича, 1 — деннинг Христиана IV. ОАК за 1911. СПб, 1913. С. 76, 108; ДАК, 1911/155

Клады второй половины XVII в.

7. Орловская обл. Трубчевский р-н (с. Сельцо б. Трубчевского у. Селецкой вол Орловской губ.). В 1911 г. были найдены 7 ф. 82 зол. 73 д. (приблизительно 6500 экз.) монет времени Алексея Михайловича, среди которых был найден деннинг с именем Христиана IV. Архив ЛОИА, ф. 1, д. 1911/171

8. г. Москва, ул. Ильинка. Близ здания Теплых рядов Городского участка в 1909 г. нашли монеты времени Алексея Михайловича, общий вес которых составлял 21 ф. 35 зол. (приблизительно 17500 экз.), среди которых были выделены 3 деннинга с именем Христиана IV. Архив ЛОИА, ф.1, д. 1909/44.

9. Новгородская обл. Боровичский р-н (д. Суйда б. Боровичского у. Новгородской губ.). В 1925 г. были найдены около 3 фунтов серебряных монет, из которых 10 экз. были просмотрены А.А.Ильиным. Они были представлены новгородкой (1 экз.), монетами Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, одной копеечкой Ивана Алексеевича и одним деннингом с именем Христиана IV. Фасмер, Список, I, С.298, № 14.

10. Карелия, Олонецкий р-н (с. Пуломозеро Пуломозерской вол. Олонецкой губ.). В 1903 г. были найдены 4 ф. 44 зол. (3856 экз.) монет времени Алексея Михайловича, среди которых был деннинг с именем Христиана IV. Архив ЛОИА, ф. 1, д. 250/1903.

«Воровские» деньги в России в XVI—XVII вв.

альшивые деньги, или, как назывались они в средневековой Руси, «воровские» — явление международное и столь же древнее, как само изготовление денежных знаков. Но, вне всякого сомнения, увеличение или уменьшение количества фальшивых денег в обращении имело свои закономерности, корни которых следует искать в совокупности множества обстоятельств и прежде всего — в специфике местной денежной системы и технике изготовления денежных знаков, а также в конкретных исторических условиях.

Мы обратились к изучению «воровских» денег в России в XVI—XVII вв. Сразу обозначим временные рамки исследования — речь пойдет о русских монетах, выпускавшихся начиная с денежной реформы Елены Глинской (1535—1538) до денежной реформы Петра Первого (1700—1717), то есть о времени, когда русское денежное обращение обслуживала проволочная копейка. Но и внутри этого периода сделано исключение — мы сознательно не стали рассматривать фальшивые медные копейки, в изобилии появившиеся во время проведения денежной реформы Алексея Михайловича (1654—1663), поскольку изготовление фальшивых медных денег в годы реформы имело свою специфику и подчинялось своим закономерностям. Точно также мы не будем включать в исследование и «воровские» деньги, заполнившие денежное обращение на рубеже XV—XVI вв. — эта тема требует специального изучения, поскольку исторические обстоятельства, обусловившие их распространение, отличались от условий функционирования денежного хозяйства в Русском централизованном государстве XVI—XVII вв.

Напомним, что после денежной реформы Елены Глинской (1535—1538) чеканка производилась только на четырех «государевых» денежных дворах (в Москве, Твери, Пскове и Новгороде); вся-

кая попытка чеканить монету вне этих дворов («непрямые деньги») приравнивалась к государственным преступлениям. Все денежные дворы выпускали монету единого образца и исключительно из высокопробного серебра: это были копейки (основной номинал), денги, составляющие половину копейки, и полушки (четверть копейки). На копейках на лицевой стороне изображался «ездец» — всадник с копьем (отсюда название), на денгах — всадник с саблей, на полушках — птичка. Обратную сторону занимала легенда, содержащая имя царя и краткий титул; на полушках помещалось слово «государь» или название города. На рубеже XVI—XVII вв. на монетах стали помещать знаки денежных дворов. Монеты чеканились по единой весовой норме — копейки весили 0,68 г, денги — 0,34, полушки — 0,17 г. В 1613 г. весовая норма понизилась — копейка стала весить 0,51 г. Вес ее снижался на протяжении XVII в. и в 1698 г. была выпущена копейка весом 0,28 г. Соответственно снижался вес мелких номиналов. Следует добавить, что денежная система была счетной — упоминаемые в источниках рубли, полтины, полуполтины, гривны и алтыны были счетными понятиями (рубль состоял из 100 копеек или 200 денег или 400 полушек).

Чеканили монету ручным способом, зажимая между верхним и нижним чеканами расплющенные обрубки серебряной проволоки и ударяя по верхнему чекану молотом. Изображение на чеканы переводилось с маточников — образцовых особо прочных закаленных штемпелей, рисунок и надписи на которых резались искусными мастерами-резчиками («резцами») тоже ручным способом. Поэтому русские монеты XVI—XVII вв., несмотря на их малые размеры и единый сюжет, для внимательного глаза являют удивительное разнообразие деталей рисунка и надписей, каждая из которых отмечена индивидуальными особенностями.

Сырьем для чеканки служили прежде всего серебряные западноевропейские монеты — талеры (на Руси — «ефимки») и серебряная «ветошь» — серебро в изделиях, лом, слитки, проволока. Они доставлялись из Западной Европы, до начала XVII в. — через Новгород, Псков, Смоленск, Полоцк, затем — через Архангельск. И в XVI, и в XVII в. действовал также порт на берегу Баренцева моря — Кола, Кольский острог.

Серебряные проволочные копейки выпускались в огромных количествах. Денежные дворы были самыми мощными и продуктивными мануфактурами в Русском государстве. До середины XVII в. и ручная техника чеканки, и архаичная (счетная) денежная система, и крайне лаконичное оформление копейки в целом удовлетворяли и экономические, и политические запросы государ-

ственной власти. Но по мере вхождения России в международный рынок и вовлечения ее в западноевропейскую политику русская монета стала выглядеть анахронизмом, и в русском денежном хозяйстве стали все отчетливее проявляться кризисные явления.

Таковы были условия, в которых действовали фальшивомонетчики. Следует сказать, что они были изначально поставлены в выгодное положение. Прimitивная ручная техника чеканки, единообразное оформление монет в значительной степени делали не слишком сложным труд «денежных воров».

О том, как работали фальшивомонетчики, подробно сообщает документ от 10 февраля 1637 года — Окружная грамота царя Михаила Федоровича в Пермь. Денежные воры, которые «объявились... и были переиманы в Москве и многих городех» в 1637 и предыдущих годах «в расспросах и с пыток» повинились в том, что они сами резали маточники и с них переводили чеканы, а теми чеканами чеканили монеты «медные и те деньги серебрили, а иные делали деньги из серебра с медью, мешали меди в серебро в полы и в треть, а иные лили в опоки». Некоторые держали фальшивомонетчиков у себя на подворье, некоторые покупали заведомо фальшивые деньги у денежных мастеров (видимо, имеются в виду работники денежных дворов?) или же просто покупали подделки «в нашем государстве и за рубежом»¹.

Признаков «воровских» денег было несколько. Об этом также свидетельствуют письменные источники. В феврале 1635 г. в грамоте из Белоозера сообщалось, что на Белоозере и в уезде объявились у многих торговых людей «воровские деньги: нечистое серебро и чекан на тех воровских деньгах не твой, государь, и перед твоими, государь, деньгами те воровские деньги гораздо лехки»². Состав «нечистого» серебра четко характеризуется в главе V Уложения 1649 г. «О денежных мастерах, которые учнут делати воровские деньги»: это деньги чисто медные, или оловянные, или серебряные, смешанные с медью, или оловом, или свинцом». Делались деньги из железа («укладные») и особую категорию составляли литые деньги («литые в опоки»). Отсылаем читателя к известной работе С.И. Чижова 1916 г. «К истории денежного производства на Руси за царский период», где говорится в частности о технике изготовления фальшивых денег³.

¹ СГГид. 1822. Т. Ш. С. 360. № 106

² РГАДА. Разрядный приказ. Новгородский стол, ф. 210, стб. 61, л. 75.

³ Сборник указов по монетному и медальному делу в России, помещенных в Полном собрании законов с 1649 по 1881 г. Составлено М. Деммени. СПб. Т. 1. 1887. С. 1; Чижов С. И. К истории денежного производства на Руси за царский период. // Сборник в честь графини П. С. Уваровой. М. 1916. С. 42-43.

Для населения распознать «воровские» деньги было сложно. В массе серебряных проволочных копеек, часто стертых от долгого употребления, часто плохо прочеканенных, нередко обломанных, нетрудно было затеряться подделкам, благо делались они тоже из проволоки. На лицевой стороне также изображался ездец, на оборотной — надпись. Подражать старались самым популярным типам копеек. И не беда, если надпись не всегда читалась — как фальшивомонетчики, так и основное население были неграмотными. О том, что дизайн подделки отличался от подлинного, судить могли немногие знающие люди, возможность выделить более легкие монеты тоже была затруднена, так как и среди «прямых» денег, весовая норма которых определялась способом «алмарко», нередко встречались копейки и денги с весом, значительно ниже нормативного.

Дошедшие до нас фальшивые денги и копейки не поддаются систематизации. Их можно разделить на две условные группы — монеты, на которых можно различить рисунок и надписи, иногда даже угадать образец, которому подражал фальшивомонетчик, и на очень грубые подделки с нечитаемыми надписями и плохо различимыми рисунками всадника. Проба фальшивых монет, как и вес, очень разнообразны и также не подчинены какой-либо системе. Лишь один общий признак объединяет их — все они в подавляющем большинстве ниже нормативных веса и пробы.

О степени засоренности денежного обращения можно судить по данным письменных источников и по составу кладов. Письменные источники, разбросанные по различным разделам архивных документов, дают, тем не менее, возможность убедиться, что наибольшее число сообщений о фальшивомонетчиках встречается, начиная с 30-х гг. XVII в., хотя попадают и более ранние сведения. Пожалуй, самым ярким, выразительным и полным свидетельством может служить многократно цитируемый исследователями Макар Загорский, московский торговый человек, посланный царем в 1661 г. в Олонец во время проведения кампании по выявлению фальшивомонетчиков в Северных и Заонежских погостах. В отписке, датированной 21 ноября 1661 г., он пишет: «...И мне на память пришли: так же блаженная памяти при отце вашего царского величества... появились было многия воровския деньги, а называли их корелками, и от тех воровских корелок хлеб и всякия товары подорожали; и по указу его царского величества на Москве и в городех и во всяких местах в приказах и в таможнях и мытнях и в рядех учинили крепкие запасы, и выбраны были для сыску и розбору тех воровских денег, корелок, в приказах подъячие, а в рядех рядовские старосты и целовальники, которые те

воровские корелки знали, и денег наперед осматривали на явках, а в рядех на торговлях, как деньги считают за товар, и у кого сыскалась хотя одна воровская корелка, и о том был сыск допряма, и будет не зная взял, и те воровские корелки имали и собирали в ящики в казну его царского величества, да на том же человеке сверх того ... в казну его царского величества имали вчетверо, за всякую воровскую копейку 4 копейки прямых казенных, чтоб впредь никому не повадно было воровскими деньгами торговать; и у кого только сыскалось воровских корелок рубль или два, и тому много было его царского величества мстительство и жестокое наказанье. И тот его царского величества указ в тое пору напечатан был на многих местах и в те места на Москве розданы были по всем приказом и розосланы по всем городам и прибываны были те листы в рядех, по крестцом, и на гостиных дворах, на воротех; и те воровские корелки вскоре, меньше полугоду, все перевелись, и хлеб и товары по прежнему почали покупать недорогою ценой⁴. М. Загорский не уточняет годы, которые ему «на память пришли», но, судя по всему, описываемые события были связаны с известным указом 1637 года. В указе этом, сведения о котором содержатся в Окружной грамоте в Пермь от 10 февраля 1637 г., сообщается о том, что в нынешнем (1637) и прошлых годах в Москве и других городах были задержаны «денежные воры... многие». «В роспросех и с пыток» они повинились в своих преступлениях. Но, в отличие от практики прежних лет, ныне «Великий Государь, по своему милосердному обычаю, тем ворами, которые переиманы до сее нашей грамоты» смертную казнь отменил, и ввел иное наказание. Тем фальшивомонетчикам, которые сами резали маточники и чеканы и делали фальшивые деньги медные или подмешивали медь в серебро (наиболее опасные злоумышленники) наказание было: «бити кнутом по торгам нещадно, розослати в города в тюрьмы на смерть скованных в железа», на лице «напятнать» слово «вор, чтобы такие воры впредь были знатны». Но на будущее смертная казнь сохранялась: «Кто воровское дело заведет, маточники и чеканы резать, или кто денежные купит и учнет воровские деньги делать, или учнет воровские деньги заведомо покупать в нашем государстве или за рубежом и ими торговать, тем ворами велети заливать горло по прежнему безо всякие пощады»⁵.

В литературе утвердилось мнение, что в 1637 г. была введена смертная казнь для фальшивомонетчиков. Приведенный текст свидетельствует, что, напротив, она была отменена, но отменена лишь

⁴ АМГ. 1901. Т.3. № 540. С.461—462.

⁵ СГГид. Т.Ш. С.360.. № 106.

на время. Смертная казнь («заливали теми их воровскими деньгами горло») грозила фальшивомонетчикам до и после указа 1637 года, так что нельзя говорить о введении смертной казни в 1637 г.

Временная отмена смертной казни, серия энергичных действий правительства по выявлению и изъятию фальшивых денег у населения, о чем свидетельствует отписка М. Загорского 1661 г., вероятно, были наиболее разумной и единственно возможной реакцией на массовое распространение фальшивых монет. О почти повсеместном появлении «денежного воровства» свидетельствуют сыскные дела. Удалось познакомиться с делами, которые заводились на денежных воров в Вологде и Воронеже, Новгородском уезде и Белоозере, Ростове Великом, Шацке, Козлове⁶.

Изготовлением фальшивых денег нередко занимались целые группы. Одни «денежные воры» резали маточники и чеканы, в том числе и на продажу, другие чеканили монеты, третьи занимались их сбытом. Поэтому иногда в кладах встречаются фальшивые монеты, чеканенные одним штемпелем. Впрочем, это случается крайне редко, ибо, как правило, подделки были штучным производством. Мы отсылаем читателя к известным в литературе описаниям деятельности фальшивомонетчиков в Вологде в середине 30-х гг. XVII в. и в Козлове (1649 г.), где наглядно представлена работа «денежных воров», объединенных общей организацией⁷.

Обращение к нумизматическим источникам, прежде всего к монетнымкладам, дает возможность определить степень засоренности денежного обращения на протяжении почти двух столетий. Были визуально рассмотрены около 300 кладов. Фальшивые или иные «непрямые» монеты были обнаружены в 128 кладах, попавших в тайники начиная с правления Ивана Грозного и кончая первыми годами XVIII в. Сводная таблица кладов с «непрямыми» монетами приложена в конце статьи. К «непрямым» выпускам, помимо фальшивых денег и копеек, относятся также подражательные монеты, чеканка которых приписывается Московской английской торговой компании, датские подделки («деннинги»), чеканившиеся в Копенгагене и Глюкштадте после 1619 г. и фальшивые копейки, после 1617 г. появившиеся на русской территории, отошедшей к Швеции по Столбовскому миру 1617 г. («Нефедкины копейки»). К «непрямым» деньгам в таблице отнесена еще одна весьма многочисленная группа монет. Речь идет о копейках, сравнительно недавно выделенных из

⁶ Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М. 1989. С.232.

⁷ Быков А.В. Борьба с фальшивомонетчиками в Московском государстве в первой половине XVII в. (по материалам дела «о корелках худых») // Труды ГИМ. Вып. 80. Нумизматика, бонистика, фалеристика. НС. Часть XI. М., 1992. С.79—85; Мельникова А.С. Русские монеты... С.230—234.

московского чекана Михаила Федоровича, имеющих пониженный вес и пробу, не только тщательно подражающих подлинным московским выпускам Михаила, но даже связанных с Московским денежным двором общими штемпелями. Мы считаем эти монеты целевым выпуском, чеканка которого была организована на специально созданном после 1619 г. денежном дворе в Ярославле, снабжение которого производилось «тайным обычаем» на откупных началах. Точная атрибуция монет ярославской группы, систематизация и характер участия их в русском денежном обращении требуют специального и очень тщательного изучения. На сегодня к группе «ярославских монет после 1619 г.» относится довольно большое число монет, из которых со временем могут быть выделены как отечественные и зарубежные «воровские» монеты, так и продукция неведомых пока нам новых «воровских» центров чеканки.

Разумеется, цифры, приведенные в таблице, не могут считаться исчерпывающими, так как далеко не все клады оказались в поле нашего зрения, а новые находки должны дать дополнительные сведения. Однако 128 кладов — достаточно представительная цифра, которая отражает вполне объективные сведения о составе денежной массы в изучаемый период.

Самые ранние фальшивые монеты встречены в кладах времени Ивана Грозного (1533—1584). Из всех известных кладов этого правителя всего три комплекса, относящиеся к середине и концу царствования, содержали четыре «воровских» денги с именем Ивана (№№ 1, 2, 3). Пока не нашли фальшивые монеты в кладах Федора Ивановича (1584—1598), но следует учитывать, что известное нам число кладов этого правителя едва насчитывает два десятка, из которых визуальным образом изучены всего 13. Время Бориса Годунова (1598—1605) из выявленных нами 107 кладов (разобраны по штемпелям 29) дало шесть кладов с подделками. Из 24 кладов Дмитрия Ивановича (1605—1606), разобранные по штемпелям 9 находок обнаружили только одну «воровскую» монету. При Василии Шуйском (1606—1610) из 120 кладов (разобраны 37) количество фальшивых монет возрастает — выявлены 23 экз.

Следует думать, что первые проявления кризиса денежного хозяйства в начале Смуты при Василии Шуйском, которые проявились пока в очень незначительном снижении весовой нормы, сокращении объема чеканки на всех денежных дворах, распаде единого денежного обращения на несколько ареалов, границы между которыми проложили военные действия, видимо, активизировали фальшивомонетчиков. Стало не хватать ходячей монеты при постоянной нужде в ней, и этот вакуум заполнили подделыватели денег и копеек.

Кризисные явления в русском денежном обращении, впервые отчетливо проявившиеся в годы правления Шуйского, уже практически не исчезали до конца XVII столетия, хотя признаки кризиса менялись. И так же, по нарастающей, стала продолжаться и шириться практика изготовления «воровских» денег.

При польской оккупации, когда русским царем номинально числился Владислав Жигимонтович (1610—1612), при Временном правительстве князей Д.Т.Трубецкого и Д.М.Пожарского, ставших во главе правительства «в единачестве» (октябрь 1612 — февраль 1613), в первые годы правления Михаила Федоровича (1613—1645) клады очень часто содержат в своем составе фальшивые монеты. В 18 кладах (от № 29 до 46) обнаружены 23 «воровские» монеты. Изменился состав подражаний, о чем подробно будет сказано ниже. А затем фальшивые монеты становятся практически неизменным атрибутом почти каждого клада. Встречаются они в небольших количествах — одна или две монеты — вплоть до второй половины 40-х гг. Однако десятилетие между 1645—1655 гг. являет невиданный ни до сих пор, ни позже выброс в денежное обращение массы фальшивых монет. Количество их в отдельных кладах исчисляется десятками (№№ 63, 84, 92, 101, 107, 117).

По данным изученных нами кладов можно составить некоторое представление о структуре всего массива «воровских» монет, сложившегося между 1533—1700 гг. В коллекциях ОН ГИМ и ОН ГЭ обнаружены также беспаспортные подделки, увеличивающие общее число «воровских» монет. Следует учитывать, что в кладах оставались наиболее качественные подделки. В повседневной жизни фальшивых монет было, конечно, много больше, однако не все они «удостаивались чести» быть отложенными в сумму, предназначенную для длительного хранения.

Ниже представлен перечень известных подделок под русские проволочные копейки «царского» периода, составленный в основном по совокупным данным кладов, как обработанных нами, так и по публикациям.⁸

⁸ *Быков А.В.* Памятники нумизматики в музеях Вологодской области. Часть I. Вологда. 1989; Часть II. Вологда. 1992. ; *Клочков К.В.* Редкие и неизданные типы монет XVI—XVII вв. // Труды ГИМ. Вып. 115. Нумизматика в Историческом музее. НС. Часть XIV. М. 2001. С. 214, 218, 223-224; *Клочков Ю.В.* Клад монет XVII в. из Тверской области. // Монета. Т.8. Вологда. 2001. С. 135; *Зверев С.В., Клешинов В.Н.* Поддельная копейка XVII в., перечеканная из денги Ивана Грозного. // НС МНО. Ч.9. М. 2002. С. 45—49; *Прокопишин В.П.* Клад монет конца второго десятилетия XVII в. из Владимирской обл. // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2004. С. 155—156; *Волков И.В., Прокопишин В.П.* Клад начала 1680-х гг. из с. Калошичье. // Там же. С. 158—159.

Фальшивые копейки и денги с именем Ивана Грозного встречены в количестве 22 экз. В кладах времени Грозного нашлись всего 4 экз., основная же масса приходится на время Бориса Годунова и Василия Шуйского. В кладах, сокрытых при Михаила Федоровиче, монеты с именем Ивана, сходят на нет (всего 6 экз.). В более поздних кладах эти подделки нами встречены не были.

Подделки с именем Федора Ивановича известны в количестве 4 экз. Распределение их довольно растянуто по времени — одна находка относится ко времени Василия Шуйского, одна найдена в кладе 1614 г., одна — в кладе времени Алексея Михайловича и одна — в кладе 1717 г.

Фальшивые копейки, подражающие монетам Бориса Годунова (13 экз.), начинают появляться в кладах времени Василия Шуйского (10 экз.), и практически исчезают при Алексее Михайловиче (одна происходит из клада 1612 г., вторая — из клада 1621 г. и третья из клада первой половины правления Алексея).

«Воровская» копейка с именем Дмитрия обнаружена пока в единственном кладе 1617 г., содержащем почти на 90% монеты трехрублевой стопы. Подражание было изготовлено, скорее всего между 1605—1612 гг.

Время Василия Шуйского дало 10 «воровских» копеек с его именем. Они начинают встречаться с начала и до конца правления Михаила. В более поздних кладах эти подражания пока не обнаружены.

В кладе 1614 г. найдена литая копейка, подражающая первому выпуску копеек Ополчения Минина и Пожарского, с буквами с/ЯР под конем.

В кладах 1614 и 1645 гг. встречены 3 подделки под копейки Владислава Жигимонтовича (в кладе 1614 г — 2 экз.).

180 экз. (!) «воровских» копеек подражают монетам Михаила Федоровича. 114 экз. происходят из кладов времени Михаила (первые находки относятся к кладам 1627/8г.), 56 — из кладов Алексея Михайловича и 10 — из кладов времени Федора Алексеевича и петровского времени.

Подделки под копейки Алексея Михайловича известны в 4 экз. 3 происходят из клада времени Алексея Михайловича, 1 — из клада 1717 г.

По одной подделке под копейки Федора Алексеевича и Петра Алексеевича найдены в кладе 1711 г.

Приведенный перечень «воровских» монет в кладах наглядно демонстрирует, какие именно монеты были более всего популярны в обиходе. Популярность их можно объяснить, скорее всего,

не столько их высоким качеством, сколько степенью распространности. Монеты Ивана Грозного, неизменно преобладающие вкладах, сложившихся в период господства трехрублевой стопы (1533—1613), естественно, стали наиболее распространенным объектом подражаний. Следующее место занимают подделки под копейки Бориса Годунова, что также отражает степень распространности его выпусков, после копеек и денег Грозного находящихся на втором месте. Однако появление подделок под монеты Владислава Жигимонтовича и Второго Ополчения, на мой взгляд, следует объяснять уже иными факторами. Здесь, конечно, в первую очередь сыграла роль нехватка денежных знаков, ставшая заметной уже в конце правления Василия Шуйского. Но не меньшее значение имела политическая обстановка в стране. Как известно, одним из условий, обеспечивших победу Второго Ополчения над интервентами, была регулярная выплата денежного жалования служилым людям, монетами, чеканенными в Ярославле в 1612 г. Появление подражаний под ярославскую копейку можно рассматривать как свидетельство ее высокого авторитета среди населения. Недавно опубликована фальшивая копейка с буквами М/о и с именем Федора Ивановича, подражающая первому выпуску Временного правительства князей Д.Т.Трубецкого и Д.М.Пожарского, чеканному на Временном Московском денежном дворе в конце 1612-начале 1613 г. Выпуски Временного правительства также имели главной своей целью обеспечение служилых людей денежным жалованием. К сожалению, публикация не содержит указания на происхождение находки.⁹ Появление подражаний московским копейкам Временного правительства также следует отметить как характерный и выразительный штрих одного из ключевых моментов Смуты.

Монеты Михаила Федоровича, как наиболее распространенные с 1613 по 1700 г., разумеется, дали рекордно большое число подделок. На причинах этого явления следует остановиться особо, так как факт резкого возрастания «воровских» в середине XVII в. требует специального анализа, чем мы займемся несколько позже. Пока же следует отметить, что энергичные меры правительства по борьбе с фальшивомонетчиками в середине века дали некоторые результаты, сведенные на нет неудачной денежной реформой Алексея Михайловича 1654—1663 гг. Но заметно уменьшилось число подделок с именами царей, последующих за Михаилом.

⁹ Грещин И.В., Клешинов В.Н. Дополнения к Каталогам русских средневековых монет с 1533 по 1645 гг. // Нумизматика. Март 2004. С.30. Рис. 1 и 2.

Рассматривая территориальное распространение кладов, в которых были обнаружены воровские монеты, можно убедиться, что до 40-х г. XVII в. они встречались довольно равномерно в наиболее обжитых областях государства, там же, где было сосредоточено основное количество кладов. В десятилетие 1645—1655 гг. топография находок «воровских» монет заметно смещается к северо-западу и северо-востоку от Москвы (клады Ленинградской, Псковской, Вологодской и Ярославской областей). Появляются и новые направления — например, Орловская область. Однако самый высокий процент фальшивых монет приходится на Москву и Московскую область, как наиболее экономически развитые регионы страны.

Сам факт увеличения удельного веса фальшивых монет в России начиная с второй четверти XVII в. следует рассматривать в контексте истории русского денежного хозяйства.

Совершенно закономерно появление массы подделок под монеты Михаила Федоровича. Конечно, следует учитывать, что монеты Михаила составляли основной процент денежной массы, обслуживающей экономику страны с 1613 по 1700 гг. Но важно было также и то обстоятельство, что долгое правление Михаила обнаружило грозные признаки нарастающего кризиса денежного хозяйства. Они проявились в неспособности архаичной русской проволочной копейки обслуживать растущие нужды внутренней и внешней торговли, отвечать политическим запросам складывающегося абсолютистского строя. Активное вступление России в международную торговлю, интенсивное проникновение на русскую территорию западноевропейской монеты, которая не могла использоваться как ходячая монета, полная зависимость русского денежного дела от привозного сырья, расширение границ государства, денежное обращение которого обслуживал единственный денежный двор, явно не справляющийся с возросшим спросом на денежные знаки — вот далеко не полный перечень проблем, возникших перед русской копеей. В страну хлынули иностранные подделки под русские монеты. На эти обстоятельства накладывались внутренние финансовые трудности. На общем фоне происходят манипуляции власти с пробой (с 1627/8 монеты чеканятся из серебра талерной пробы, без предварительной очистки) и весом монеты, который последовательно снижается по сравнению с первоначальной нормой четырехрублевой стопы (0,51) уже начиная с 1618 г. Более того. После 1619 г. правительство организует в Ярославле тайную чеканку монет пониженных веса и пробы, подражающих наиболее популярным типам московских копеек. Для

начала в Ярославль посылаются с Московского денежного двора несколько чеканов — и в качестве образцов для местных резчиков, и для использования их в производстве монет. Производством Ярославского денежного двора казна расплачивалась с должниками, в первую очередь, со служилыми казаками¹⁰.

Снижение веса и пробы монет, государственная чеканка «воровских» денег в Ярославле, также как и архаичный вид русских денег, подрывали авторитет проволочной копейки внутри страны. Уже одно это обстоятельство способствовало активизации «денежных воров». События европейской истории 1618—1648 гг. послужили катализатором этого процесса.

С 1618 по 1648 г. в Европе длилась Тридцатилетняя война. Борьба велась между габсбургско-католическим блоком (испанские и австрийские Габсбурги, католические князья Германии, Польша) и антигабсбургской коалицией (Франция, Швеция, Дания, протестантские князья Германии при поддержке Голландии и Англии). Россия примкнула к антигабсбургской коалиции. Война происходила на фоне новой волны «революции цен» в Западной Европе, достигшей апогея к началу 30-х гг. Подорожание хлеба вкупе с военными действиями на территории европейских стран привели к голоду и баснословному росту цен на продукты питания. Хлебная торговля в Европе была парализована. Восточноевропейский хлеб (польский, остзейский, прусский) не мог поступать на амстердамскую международную хлебную биржу, так как балтийский торговый бассейн оказался в изоляции в результате военных действий и торговых запретов. В этих условиях Россия, имевшая выход на международный рынок через Архангельск, стала спасением для Европы. Поскольку отпуск хлеба на внешний рынок был царской монополией, европейские державы были вынуждены вести переговоры с русским правительством. Впрочем, началу регулярных переговоров в 1627 г. предшествовали многочисленные усилия европейских купцов-контрабандистов скупать хлеб и сельскохозяйственные продукты «воровством, украдом и тайным татебным обычаем» в северо-западных районах страны. Участие России в Тридцатилетней войне выразилось в предоставлении дружественным державам отпуска хлеба по ценам, значительно более низким, чем европейские¹¹. Затем эта практика оформилась как субсидии Дании и Швеции. В 1627 г. датскому королю

¹⁰ Мельникова А.С. Русские монеты... С.184-190.

¹¹ Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М. 1976. С. 208-209.

Христиану IV было предоставлено исключительное право: закупить 30 тыс. четвертей хлеба непосредственно на внутреннем рынке и вывезти через Архангельск, не уплачивая никаких пошлин. В 1628 г. таким же образом Дания получила 40 тыс. четвертей. Когда Дания прекратила военные действия в 1629 г., русское правительство разрешило ей закупать хлеб уже с уплатой пошлин, а в 1631 г. запросило такую высокую цену, что Дания отказалась от закупок¹². Почти одновременно подобная субсидия на закупку ржи и иных продовольственных запасов была предоставлена по просьбе шведского короля Густава-Адольфа. Русские субсидии Швеции выдавались в течение шести лет (1628—1633)¹³.

Б.Ф.Поршнев приводит данные об организации хлебных закупок шведами в России. В первые годы (1628—1630) шведские «приказчики» скупали хлеб «повольно» и беспошлинно, свозя его по Двине в Архангельск. В отдельных случаях отводились определенные районы для закупки хлеба. Позже, с 1631 г. иностранцы, в том числе и шведы, не допускались для скупки хлеба внутри страны, а получали его уже только в Архангельске у корабельных пристаней. Приказ Большой казны взял это дело в свои руки: назначались торговые люди, которые на местах подыскивали хлебных «целовальников», те находили «уговорщиков», непосредственно имевших дело с крестьянами. Купленный «царский хлеб» на зиму ссыпали в амбары, а весной «по большой воде» отвозили в Архангельск, где его со складов отпускали иностранцам. Для шведского короля хлеб отпускался по себестоимости («по прямой цене без прибыли»), для других иностранцев по произвольной цене, назначенной Большой казной, с учетом пошлин, дорожных издержек и проч. В закупки входили помимо хлеба льняное семя, гречневая крупа, жито, пшено, а также селитра и смола¹⁴.

Расплачивалась шведская казна вначале частично медной монетой, затем — в небольшой доле ефимками, но по большей части монопольными казенными товарами — медными платами, предметами вооружения (латами, шишаками). Впрочем, для нашего исследования эта сторона вопроса не имеет большого значения, поскольку здесь обмен происходил на правительственном уровне; нас же интересует внутренний рынок, где продавцом выступал русский крестьянин, покупателем — реже — шведский «приказчик», чаще — русский «уговорщик».

¹² Там же. С.213—214.

¹³ Там же. С.215—217.

¹⁴ Там же. С.127—218.

Как известно, русский внутренний рынок пользовался исключительно проволочной серебряной копеей. Возможно, со стороны шведских «приказчиков», действовавших в 1628—1630 гг., могли иметь место попытки расплачиваться медными эре, крупной медной шведской монетой, которые в русских источниках получили название «шкили» или «меденные шиллинги». Подтверждением этой гипотезы может служить следующее наблюдение. В музеях Вологды, Тотмы, Великого Устюга, Ярославля, находившихся на северном торговом пути, часто встречаются эти медные шведские монеты, как правило, попавшие в музей как одиночные находки¹⁵. Однако если расплата «шкилевой» медью с крестьянами имела место, то это были единичные случаи.

Когда закупки хлеба были централизованы, и за дело взялся приказ Большой казны, действовавший через своих «целовальников» и «уговорщиков», можно не сомневаться, что здесь использовались только русские проволочные копейки, которыми снабжала своих агентов казна. Вот здесь-то, на мой взгляд, и следует искать истоки той лавины «воровских» копеек, которая в дальнейшем затопила русское денежное обращение.

Как известно, русская экономика, а тем более сельское хозяйство не были ориентированы на товарное производство. Массовые закупки хлеба легли тяжким бременем на крестьянина, который был вынужден продавать не излишки, а жизненно необходимые запасы. Видимо, не случайно появление категории «уговорщиков», которые должны были преодолевать нежелание крестьянина продать хлеб. Это привело к вздорожанию хлеба на внутреннем рынке, что немедленно отразилось на положении посадских людей, вынужденных потреблять покупной хлеб. Б.Ф.Поршневу пишет, что «если бы закупка хлеба для отправки «за море» не была сокращена в 1632 г., волна посадских беспорядков и восстаний, несомненно, прокатилась бы в Московском государстве уже в 30-х годах XVII в.»¹⁶. Но непосильная нагрузка на русское сельское хозяйство не только породила социальное напряжение в обществе. Она сказалась и на состоянии денежного хозяйства.

К 30-м годам XVII в. Московский денежный двор был единственным центром чеканки государственной монеты. Новгородский и Псковский дворы были закрыты, Ярославский был местом, где чеканка производилась тайно и, по-видимому, нерегу-

¹⁵ Быков А.В. «Шкилевая» медь на территории Северной Руси в XVII в. // Вторая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. СПб.1994. С.22.

¹⁶ Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война... С.216—217.

лярно. Насытить денежной массой огромную страну было достаточно сложно, и не случайно в русской торговле очень широко практиковался обмен товара на товар. Когда к обычному и уже устоявшемуся товарообороту прибавилась дополнительная нагрузка в виде широкомасштабных закупок хлеба и продовольственных товаров, денежной массы стало не хватать. Обоснованность такого утверждения находит доказательство в том, что в составе кладов, начиная с 20-х гг. все чаще попадаются вначале единичными экземплярами, а затем уже десятками разного рода «непрямые» деньги, то есть деньги, выпущенные вне «государевых» денежных дворов и уже на одном этом основании попадающие в категорию «воровских». Но мы встречаем в кладах не только легковесные и низкопробные ярославские подделки, которые, собственно, и были предназначены для денежного обращения и поэтому маскировались под ходячие типы московских копеек Михаила. Почти неизменным элементом каждого клада становятся датские «деннинги». Эти монеты хотя бы чеканились из талерного серебра по весовой норме, приближающейся к нормативной. Однако «деннинги» несли не только имена Михаила Федоровича и более ранних царей, но и имя датского короля Христиана IV, да еще написанное немецким готическим шрифтом! Тем не менее, эти монеты благополучно участвовали в денежном обращении. И столь же неизменной составной частью очень многих кладов становятся уже заведомо «воровские» копейки — монеты, которые чеканились на территории Ижорской земли и Корельского уезда, после 1617 г. по условиям Столбовского мира оказавшихся в шведском владении. В 1618 г. московское правительство предъявило шведам претензии за то, что они, вопреки условиям договора, оставляя Новгород, вывезли не только оттуда городскую печать, но и с Новгородского денежного двора насильно увезли за шведский рубеж около 15 человек денежных мастеров во главе со старостой «мастером Нефедкой», прихватив с ними подлинные чеканы, специально для организации «воровской» чеканки: «И ныне с Свее денги чеканят, переделав те старые чеканы на великого государя нашего его царского величества имя»¹⁷.

Эти монеты, получившие в литературе условное название «Нефедкины копейки», имевшие все признаки «воровских» — и «чекан не твой, государь», и серебро нечистое, и низкий вес, все равно оставались в денежном обращении. Логично допустить, что

¹⁷ Спасский И.Г. Новые материалы о Новгородском денежном дворе в 1611—1617 гг.// Новое в археологии. Сборник в честь 70-летия А.В.Арциховского. М. 1972. С.294—301.

хотя «деннинги», «Нефедкины копейки», и «воровские» деньги при проверках на торгах и ярмарках изымались, и владельцы их штрафовались, контролировать все же удавалось ничтожную долю всей денежной массы, обращавшейся в стране. В любом случае, присутствие их в кладах свидетельствует о нехватке денежной наличности. Ведь не случайным было также использование всякого рода суррогатов, в частности, часто встречающихся в кладах «сеченых» (разрезанных) и «глатких» копеек — серебряных заготовок, которые каким-то образом попадали с денежного двора в обращение, хотя готовая продукция, судя по документам, должна была тщательно выбраковываться.

Вздорожание хлеба в основном затронуло жителей посада, и, вероятнее всего, фальшивомонетчики активизировались именно в посадской среде. Уже из города фальшивые деньги с потоком денежной массы распространялись широко по стране. Характерно также следующее наблюдение. Процент «воровских» монет и разного рода «непрямых денег» даже в городских кладах весьма различается — есть клады, «чистые» по составу, другие же поражают своей засоренностью. По всей видимости, «чистые» клады представляют собой деньги, полученные непосредственно из казны в виде денежного жалованья. Клады же, сложившиеся в торговоремесленной среде, состоящие из денег, выхваченных из массы ходячих монет, не прошедших через фильтр «проверяльщиков», содержат в своем составе множество фальшивых денег и «непрямых» денег.

Хлебные субсидии Швеции стали сокращаться после 1632 г., а в 1634 г., после резкого изменения внешнеполитического курса Московского государства, в новой субсидии шведам было отказано и, несмотря на повторные просьбы, уже больше эта практика не возобновлялась вплоть до 1650 г.¹⁸ Но если на правительственном уровне 1634 год стал действительно конечной датой в беспощинной хлебной торговле со Швецией, то вряд ли можно исключить в условиях России возобновление деятельности шведских приказчиков, нелегально скупавших хлеб внутри России после запрета. Да и другие зарубежные агенты также контрабандой скупали и вывозили хлеб. Мне представляется, что именно эта нелегальная торговля после 1634 г. во многом способствовала расцвету деятельности «денежных воров», у которых иностранцы получали необходимые им для закупок продовольственных товаров русские деньги.

¹⁸ Поринев Б.Ф. Тридцатилетняя война... С.228.

Моделью подобных взаимоотношений между приезжими покупателями и местным населением может служить экономическая конъюнктура, сложившаяся в Ижорской земле и Корельском уезде после 1617 г. Невиданный размах чеканки здесь фальшивых русских проволочных копеек фиксируют письменные источники и монетные клады¹⁹. Производством фальшивых монет занимались и уже упомянутый выше «мастер Нефедка с товарищи», организовавший при шведском покровительстве весьма масштабную чеканку подделок, и многие безвестные местные жители, крестьяне и посадские люди. Фальшивые выпуски обслуживали, видимо, в основном нелегальную торговлю хлебом, которая велась через шведский рубеж. При достаточно размытой русско-шведской границе на северо-западе торговля эта без особых затруднений велась и на русской территории, и столь же свободно проникали туда фальшивые деньги, получившие в России название «корелки», «корелки худые», «олонские деньги». Наглядной иллюстрацией может служить клад, датируемый рубежом 30-40-х гг., найденный в окрестностях Вологды, на территории Спасо-Каменного монастыря, расположенного на одном из островков Кубенского озера (№ 63). В кладе, насчитывающем 3061 экз., содержится весьма высокий процент разного рода «непрямых» денег: 0,42 % фальшивых копеек, 0,75 % «Нефедкиных» копеек, 0,65 % ярославских выпусков после 1619 г. Клады этого времени, в том числе и из Вологды и Вологодской области, имеют более низкие показатели. По составу клад из Спасо-Каменного монастыря переключается с кладом № 90 из Пулкова, сложившимся в Ижорской земле, с 1617 г. находящейся под властью шведов.

Указ 1637 г. прямо сообщает о распространении в этом и предшествующих годах массового «денежного воровства». О том же говорит и Макар Загорский в цитированном выше документе (заметим, что фальшивые деньги он называет «корелками»; вероятно, это название распространилось со временем на все фальшивые деньги). Ему вторит Псковская летопись под 1636 г.: «Много шкоты монастырем и всяким людем сотворися, и насилству, и грабежу достойно, денги корелки худые, и цена невольная, и купля нелюбовная, и во всем скорбь великая и вражда несказанная»²⁰. Указ

¹⁹ *Зерев С. В.* Денежное обращение в Кексгольмском лене в первой половине XVII в. // Груды ГИМ. Вып. 133. Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М. 2002. С. 175—199. ; *Мельникова А. С.* Пулковский клад монет XVII в. и денежное обращение в Ижорской земле и Корельском уезде при шведах // ВИД. Вып. XXVII. СПб. 2000. С. 70—106; см. также статью в настоящем сборнике «Чеканка Нефедки в Свее» или денежное обращение в Ижорской земле и Корельском уезде при шведах после 1617 г..

²⁰ ПСРЛ. Л. 1929. Т. IV. С. 335.

1637 г., действие которого, на наш взгляд, подробно раскрывается в «Отписке» Макара Загорского, очевидно, заставил фальшивомонетчиков если не прекратить совсем свою деятельность, то сократить ее размах. Видимо, автор «Отписки» имел основание сказать, что вскоре, меньше чем через полгода, «воровские» деньги все перевелись.

Разумеется, указ не распространялся на шведскую территорию, и фальшивомонетки Ижорской земли и Корельского уезда продолжали чеканить в изобилии свои подделки. Смешиваясь с местными «воровскими» деньгами, они проникали в города и деревни, расположенные по северному торговому пути — в Вологодский, Ярославский и Костромской уезды, чтобы дальше распространяться по всей России.

Разумеется, было бы некорректным связывать массовое распространение фальшивых денег только с введением субсидий на продажу хлеба в Швеции 1627—1633 гг. и их последствиями. На этот процесс не могли не влиять сложности со снабжением серебром, связанные с Тридцатилетней войной, и в связи с этим уменьшение объема чеканки на Московском денежном дворе в 30-х гг. Денежные дворы в Пскове и Новгороде были закрыты в 1627/8 г., и одной из причин этого было сокращение привоза талеров из-за военных действий на территории европейских государств. Для увеличения объема ввоза талеров в страну около 1630 г. были отменены ввозные пошлины на их продажу и, видимо, в этот же период единственный оставшийся в стране Московский денежный двор полностью переключился на казенное снабжение сырьем. Частные заказы на чеканку больше не принимались. Все это не могло не влиять на сокращение денежной массы, как раз тогда, когда денег требовалось больше, так как развертывалась торговля хлебом и продовольственными товарами.

Как показал анализ кладов, благие последствия указа 1637 г. продержались недолго. Уже с конца царствования Михаила Федоровича и особенно в первые годы правления Алексея Михайловича наблюдается буквально взрыв «денежного» воровства. Этот факт нельзя не учитывать при анализе внутренней политики правительства первых лет правления Алексея Михайловича.

Новое царствование Алексея Михайловича не улучшило положение со снабжением серебра, хотя 1648 год прекратил, наконец, изнурительную Тридцатилетнюю войну. В стране проявились все признаки надвигающегося финансового кризиса. Хорошо известны действия казны 1646—1647 гг., направленные на реформирование налоговой системы, отмена беспошлинной торговли иностранными товарами.

ранцев, запрет деятельности Английской торговой компании внутри страны в 1649 г. Чтобы выручить побольше наличных денег, казна в 1647 г. резко увеличила объемы продаж принадлежавшей государству пушнины²¹. В 1649 г. вводится государственная монополия на закупку талеров, что негативно сказалось на снабжении сырьем денежных дворов, цены на ефимки снизились, и иностранные купцы стали предпочитать серебру ввоз золота, поскольку оно не подлежало принудительной продаже в казну по монопольным ценам²². Государство стало сокращать расходный бюджет приказов, уменьшая или вовсе лишая жалованья целые категории служилых людей, в том числе служилых людей «по прибору», занимающихся на посаде ремеслом и торговлей. Уменьшение денежного жалованья, рост косвенных налогов в первую очередь сказывались на положении мелких, отчасти средних слоев городского населения, ремесленников и городского плебса. К этим известным факторам, способствовавшим росту социального напряжения, на мой взгляд, следует добавить массовую чеканку фальшивых денег и последствия, которые она имела. Чеканка фальшивых денег была вызвана и нехваткой денежной наличности, и ростом цен на продукты питания, и ростом налогов. Она же оказывала обратное отрицательное воздействие на положение городских низов: вспомним Псковскую летопись, которая перечисляла тягостные последствия распространения фальшивых денег: «...цена невольная и купля нелюбовная и во всем скорбь великая и вражда несказанная».

В кладах из Москвы (№№ 84, 92, 101, 102), областей Орловской (№№ 85, 95), Владимирской (107) заметно возрастает количество фальшивых копеек и прочих «непрямых» выпусков. Встречаются они преимущественно в кладах, сложившихся накануне денежной реформы 1654–1663 г. Эти данные убедительно свидетельствуют о всплеске денежного «воровства» в 40–50-е гг. XVII в.

Мелкие посадские люди, ремесленники и торговцы черных сотен, оказавшиеся в наиболее тяжелом экономическом положении, могли быть наиболее возможными поставщиками «денежного воровства». Годы реформы 1654—1663 гг. довольно убедительно подтвердили справедливость этого предположения²³. Боль-

²¹ *Ширяков И. В.* Некоторые данные о поступлении в Сибирский приказ и расходовании им иностранной монеты в первые годы царствования Алексея Михайловича // ИС 1998 г. К 80-летию В. М. Потина. СПб. 1998. С. 155—170.

²² *Ширяков И. В.* Золотая монета в России XV—XVII веков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 2000. С. 16

²³ *Кренке Н. А., Мельникова А. С., Зайцев В. В.* Новый Дворцовый денежный двор в Москве XVII в. (Денежная реформа 1654—1663 годов в контексте новых археологических открытий) // Очерки феодальной России. Вып. 4. М. 2000. С. 154–185.

шой процент фальшивых монет в городских, особенно московских,кладах также дает основание считать эту гипотезу справедливой. Можно даже предположить, что изготовление фальшивых монет на какое-то время стало одним из распространенных видов городского ремесла. «Денежным воровством» не брезговала даже московская знать. Имеются сведения, что во время июньского московского восстания 1648 г. при разгроме дома окольного П. Т.Траханиотова, ведавшего Пушкарским приказом, были найдены два монетных штемпеля²⁴.

Городские восстания против администрации прокатились по Москве, южной части Рязанской области (в Козлове), в Курске, Соли Вычегодской и Устюге Великом. В Воронеже, Чугуеве, Рузе, Чердыни, Нарыме, Томске наблюдалось социальное брожение. Отголоском этих событий, несомненно, стали восстания 1650 г. в Пскове и Новгороде²⁵.

Взрыв классовой борьбы вынудил правительство в срочном порядке приступить к составлению законодательного кодекса — Уложения 1649 г. Патриарх Никон прямо говорил, что принятие общегосударственного закона было «не по воле, боязни ради и междуусобия от всех черных людей, а не истинныя правды ради»²⁶. Катастрофическое положение денежного хозяйства также вынудило правительство принять экстренные меры.

Видимо, в 1649 или 1650 г. резко изменился внешний вид монет, с 1644 г. из-за неясных нам изменений в технологии производства ставших почти нечитаемыми. На копейках появились величественные рельефные рисунки всадника и надписи. Все детали рисунка указывали на то, что здесь изображен не безликий ездец, а царь во всем его блеске и могуществе. Все эти изменения, на наш взгляд, связывались со стремлением правительства усовершенствовать русские деньги. Пятая глава Уложения 1649 г. была специально посвящена упорядочиванию денежного дела. В законодательном порядке вводилась смертная казнь за изготовление фальшивых монет, что приравнивалось к государственным преступлениям²⁷. Эти меры должны были очистить денежное обращение. Денежная реформа 1654—1663 гг. свела на нет все благие намерения. В 1662 г. вновь пришлось временно отменять смертную казнь.

²⁴ Бахрушин С. В. Московское восстание 1648 г. // Научные труды. Т. II. М., 1954. С. 87.

²⁵ Там же. С. 50—51.

²⁶ Цит. по: Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. М. 1997. С. 397

²⁷ Мельникова А. С. Уложение 1649 г. и денежное дело при царе Алексее Михайловиче // ИС 1998 г. К 80-летию В. М. Потина. СПб. 1998. С. 1312—147; см. также статью под тем же названием в настоящем сборнике.

Однако клады третьей четверти XVII в. гораздо чище по составу, чем клады середины века. Следовательно, можно думать, что действие Уложения 1649 г., ставшего основным законом Русского государства, в конечном итоге оказало положительное влияние на состояние русского денежного дела, впрочем, за вычетом событий, связанных с проведением и последствиями денежной реформы 1654—1663 гг.

Особое место среди фальшивых монет, засорявших русское денежное обращение, занимали зарубежные подделки. Однако они требуют отдельного исследования. Письменные источники, начиная с 1620 г. говорят о доставке в Архангельск и другие порубежные города денег, которые «розных государств иноземцы гости и торговые люди привозят с собою..., а делают их у себя на русской московской чекан... А те денги их дело худы, смешены с медью мало не вполы, а иные привозят сталные, лише посеребренные с лица...»²⁸ Из письменных источников достоверно известно, что подделки под русские копейки изготавливали датчане, шведы, голландцы. Но пока из всей массы фальшивых монет выделены лишь три группы иностранных подделок: копейки с именем Ивана и Федора, которые по нашему мнению чеканились Английской Московской компанией между 1595—1600 гг.²⁹, датские деннинги (начало чеканки 1619 г.) и «Нефедкины копейки» (после 1617 г.). Предстоит скрупулезная работа по выявлению других зарубежных подделок, которые, несомненно, должны иметь свои отличительные черты и преимущественно отмечаться вкладах, сложившихся на путях торговли с Западом.

²⁸ *Веселовский С. Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М. 1909. Приложение № 74. С. 131-147.

²⁹ *Мельникова А. С.* Спорный вопрос о месте чеканки «западных» копеек с именами Ивана IV // Труды ГИМ. Вып. 115. Нумизматика на рубеже веков. НС. Часть XIV. М. 2001. С. 208-231.; см. также статью с тем же названием в настоящем сборнике.

КЛАДЫ С «НЕПРЯЯМИ» МОНЕТАМИ (в скобках указывается процент)

№ п/п	Место находки	Место хранения	Кол-во	Дата	Фальшивые деньги	Фальшивые копейки	«Английские»	«Денинги»	«Нефедкины копейки»	Ярославль после 1619 г.	Нечистаемые
1	Псков 2120	ПСК	252	1560-е	1(0,3)						
2	Псков или область	ОНГЭ	220	1560-е	1(0,4)						
3	Тверь	ТВМ 3254	1140	1584	2(0,17)						
4	Эстония Алатаскиви	МРМ 6302	200	1598			1(0,5)				
5	Эстония Пилиствере	ЭСТ 173	167 зап.евр- 139 русск. 28	1600			1(0,5)				
6	Эстония Олуствере	ЭСТ 73	191 зап.евр- 29 русск.. 162	1600			5(2,08)				
7	Эстония Сууре-Ракке	ЭСТ 4828	4782 зап.евр. 4735 русск. 47	1600			4(0,08)				

№ п/п	Место находки	Место хранения	Кол-во	Дата	Фальшивые денги	Фальшивые копейки»	«Английские»	«Денинги»	«Нефедкины копейки»	Ярославль после 1619 г.	Нечистаемые
8	М.О. Селино	ГИМ 84080	16	1601		1(6,25)					
9	Мордовия Васильевка	ОНГЭ 2 ГИМ	285 2811	1602 1603	2(0,7)	1(0,3) 1(0,3)					
10	М.О. Сады	83838 БОМ	2046	1603	1(0,04)		1(0,04)				
11	Брянск. обл.	5362									
12	Козинки Брянск. обл.	ЯРМ 50394	6541	1603		1(0,01)					
13	Калуж.обл.	М.хр. невест.	1296	1603		1(0,07)					
14	М.О. Дмитров	ДМ 4052	1209	1605		1(0,08)					
15	М.О. Павшино	ГИМ 99763	1013	1606			1(0,09)				
16	Место нах. неизвестно	ОНГЭ XXI	108	1606		1(0,9)					
17	Смол.обл Каменка	СОМ 2000	около 2000	1606			1(0,05)				
18	Смол.обл. Тычиново	СОМ 14151	295	1606			1(03)				
19	Псковск. обл. Бежаницы	ПСК	161	1606							1(0,6)

№ п/п	Место находки	Место хранения	Кол- во	Дата	Фальши- вые денги	Фальши- вые ко- пейки»	«Англий- ские»	«Денин- ги»	«Нефедки- ны ко- пейки»	Ярос- лавль после 1619 г.	Нечи- таемые
20	М.О. Старая Руза	ГИМ 96067	932	1606							1(0,1)
21	Псковск. обл.	ЭСТ 1375	780	1607			1(0,1)				
22	Умковичи Яросл.обл.	- 82 ЯРМ	Около 1000	1607			1(0,1)				
23	Красное Новгород или обл.	1393 НМ	5157	1607		2(0,03)	3(0,05)				
24	М.О. Дмитров	219 ДМ	1527	1607		2(0,13)					
25	Орловск. обл. Мореве	3999 ГИМ	623	1607	1(0,16)						
26	Москва ул.Обуха	97950 ГИМ	4872	1609			1(0,02)				
27	Смол.обл. Аносowo	82855 М.хр. неизв.	Ок. 2500	1608/9		3(0,12)	0,04				1(0,05)
28	Смоленск	М.хр. неизв.	Ок. 2000	1608/9		5(0,25)					
29	Место нах. неизвестно	ОНГЭ 26 н.сер.	2890	1610		2(0,06)					
30	Смол.обл. Вяльцево	СОМ 12534	310	1612			1(0,3)				1(0,63)
31	Брянск. обл.	ГИМ 89845	61	1612							1(0,63)
32	Москва Карачарово	ГИМ 82622	1531	1612			1(0,06)				1(0,63)

№ п/п	Место находки	Место хранения	Кол-во	Дата	Фальшивые деньги	Фальшивые копейки»	«Английские»	«Денинги»	«Нефедкины копейки»	Ярославль после 1619 г.	Нечистые
33	Москва Б.Черкасский пер.	ЦАИ	138	1612		1(0,72)					
34	Вологодск. обл.	ВОКМ 1428	1116	1613	1(0,08)	3(0,26)	1(0,08)				
35	Ивановское Костромск. обл.	СГМ 840	4086	1613			1(0,02)				
36	Солдигалич Тамбовск. обл.	ОНГЭ	93	1613							
37	Керш-Борки Место нах. неизвестно	73 н.с. ГИМ 93096 (II)	356	1613		1(0,2)					
38	Тульск.обл. Добрино	ГИМ 96373	1827	1613		2(0,12)					2(2,1)
39	М.О. Татарово	ГИМ 93386 (I)	2658	1614		1(0,03)					
40	М.О. Бронницы	ГИМ 81057	553	1614		1(0,18)					
41	М.О. Звенигород	ЗМ 1960	70	1614		1(1,42)					
42	Костромск. обл.	КОМ	1924	1614		3(0,15)					
43	Сушево Новгород	НМ 221	6698	1615		1(0,01)					

№ п/п	Место находки	Место хранения	Кол-во	Дата	Фальшивые денги	Фальшивые копейки»	«Английские»	«Деннинги»	«Нефедкины копейки»	Ярославль после 1619 г.	Нечистаемые
44	Вологодск. обл.	ВОКМ 10648	888	1617	1(0,11)	1(0,1)					
45	Кудрино Вологодск. обл.	ТКМ	7	1617					1(14,2)		
46	Угара Таймыр	ОНГЭ XXII	3359	1617		2(0,05)					
47	Новгород. обл.	ОНГЭ XIII	163	1618					1(0,61)		
48	Верята Калужск. обл.	ГИМ 109690	308	1618						1(0,32)	
49	Владимирск. обл.	М.хр. неизв.	170	1620						1(1,17)	
50	Костянец Брянск. обл.	БМ 9652	109	1620						1(0,91)	
51	Супоневе Эстония Рыгну	ГИМ Вр.хр.	1363 зап.евр 505. русск.- 858	1621	1(0,07)	1(0,7)		4(0,29)			
52	Л.О. Лодейное поле	ОНГЭ XXVII	325	1627-1628		1(0,3)			1(0,3)		

№ п/п	Место находки	Место хранения	Кол-во	Дата	Фальшивые деньги	Фальшивые копейки»	«Английские»	«Денинги»	«Нефелкины копейки»	Ярославль после 1619 г.	Нечистаемые
53	Л.О. Лукинское	ОНГЭ XIX	632	1627- 1628					2(0,31)		
54	Калужск. обл.	ГИМ 84629	490	1627 1628						3(0,61)	
55	Шосово	ГИМ	1410	1630-е		2(0,19)		1(0,07)	1(0,07)	8(0,56)	
56	Москва Б.Ордынка	101843	947	1630-е						18(1,84)	
57	М.О. Серпухов Вологодс. обл. Великий	ГИМ 97619 ВУМ 13189	1115	1630-е		1(0,08)		4(0,35)	2(0,17)	10(0,89)	
58	Устюг Рязанск. обл.	ОНГЭ XIV	918	1630-е		1(0,10)				31(3,3)	
59	Городелье Тверь	ТМ 98494	790	1630-е				1(0,3)			
60	Псковск. обл. Островск. р-н.	ПСКМ 4983	499	1630-е				1(0,2)	2(0,4)	1(0,2)	
61	Вологда ул.Лесная	ВОКМ 1535	3291	1640-е		4(0,12)		2(0)6	4(0,12)	34(1,03)	
62	Вологда Спасо- Прилуцкий монастырь	ВОКМ 1102	528	1640-е	1(0,1)	2(0,37)					

№ п/п	Место находки	Место хранения	Кол-во	Дата	Фальшивые денги	Фальшивые копейки»	«Английские»	«Денинги»	«Нефедкины копейки»	Ярославль после 1619 г.	Нечитаемые
63	Вологда Спасо-Каменный монастырь	ВОКМ 1103	3061	1640-е		13(0,42)		2(0,6)	23(0,75)	20(0,65)	
64	Вологда Успенский Горный монастырь	ВОКМ 1393	1707	1640-е			1(0,05)		2(0,11)	4(0,23)	
65	Вологда Куrolит М.О.	ВОКМ 13549	320	1640-е		1(0,31)			1(0,31)		
66	Клин	КМ	400	1640-е				1(0,25)			
67	Тамбовск. обл. Миуринский	ГИМ 98391	916	1640-е		2(0,20)			1(0,10)	8(0,87)	
68	Ярославль Тверицы	ЯКМ 8362	1862	1645		3(0,16)		3(0,16)	2(0,10)	48(2,57)	
69	Ярославль ул.Волкова	ЯКМ 6714	18792	1645		4(0,002)		1(0,005)	1(0,005)	31(0,16)	
70	Ярославль ул.Ленина	ЯКМ 8376	444	1645						1(0,22)	
71	М.О. Матвеевская	ГИМ 79829	161	1645						1(0,62)	
72	М.О. Барановка	ГИМ 84821	3419	1645		7(0,2)		3(0,08)	1(0,02)	21(0,61)	
73	Тульск. обл. Богино	ТОКМ 8550/1	175	1645				1(0,57)		2(1,14)	

№ п/п	Место находки	Место хранения	Кол-во	Дата	Фальшивые денги	Фальшивые копейки»	«Английские»	«Денинги»	«Нефедкины копейки»	Ярославль после 1619 г.	Нечитаемые
74	Ярославль или область	ЯКМ 8756	404	1645				3(0,74)	1(0,24)	1(0,24)	
75	Тульск. обл.	ТОКМ 1090	1458	1645				1(0,06)		7(0,48)	
76	Лирино Тула или область	ТОКМ 1105	457	1645				1(0,21)			
77	Костром. обл.	ГМ 2075	1479	1645		1(0,06)			1(0,06)		
78	Галич Костром. обл.	ГМ 448	229	1645		1(0,43)					
79	Галич Л.О. Осьмино	ОНГЭ XXIV	428	1645				1(0,23)	1(0,23)	6(1,4)	
80	Тверск. обл.	ТМ 2791	307	1645					1(0,32)		
81	Торжок М.О.	ГИМ 80980	501	1645		1(0,19)				4(0,79)	
82	Ясенево Ярослав. обл.	ЯРМ 20814	4288	1645		21(0,48)		1(0,02)	15(0,34)	25(0,58)	
83	Ивановское М.О. Якунино	ГИМ 101855	2734	1645		1(0,03)		3(0,10)	2(0,07)	24(0,87)	

№ п/п	Место находки	Место хранения	Кол-во	Дата	Фальшивые денги	Фальшивые копейки»	«Английские»	«Денинги»	«Нефедкины копейки»	Ярославль после 1619 г.	Нечитаемые
84	Москва Тверская площадь	ГИМ 104734	6530	1645		10(0,15)		9(0,13)	7(0,10)	66(1,01)	
85	Орловск. обл.	ОМ 2110	1048	1645		15(1,43)		2(0,19)	1(0,09)	7(0,66)	
86	Новосиль м.н. неизвестно	ОНГЭ XXXIV	873	1645					1(0,11)	20(2,29)	
87	М.О. Тимохово	ГИМ 87961	1142	1645		2(0,17)		4(0,35)	1(0,08)	10(0,89)	
88	Тверск. обл.	ГИМ 82435	370	1645					1(0,27)		
89	Торжок Тверск. обл.	ГИМ 84213	1049	1645						11(1,04)	
90	Крюково СПб Пулково	ОНГЭ XVIII	1531 зап.евр. 40			1(0,06)		9(0,58)	41(2,67)		
91	Место нах. неизвестно	ГИМ 93383 (III)	русск. 1491 1101	1645		1(0,09)				4(0,36)	
92	Москва Б.Полянка	ГИМ 107752	9850	до1654		20(0,20)		5(0,05)	17(0,17)	35(0,35)	
93	Ярославль ул.Под- бельского	ЯКМ 8758	2173	1646- 1648				1(0,04)		12(0,55)	

№ п/п	Место находки	Место хранения	Кол- во	Дата	Фальши- вые денги	Фальши- вые ко- пейки»	«Англий- ские»	«Денин- ги»	«Нефедки- ны ко- пейки»	Ярос- лавль после 1619 г.	Нечи- таемые
94	Л.О.	ОНГЭ	2260	до1654		4(0,14)		1(0,04)	18 (0,79)	14(0,61)	
95	Любань Орловск. обл.	32 н.с. ОМ 13216	2140	1646- 1648		7(0,32)		1(0,04)	1(0,04)	15(0,70)	
96	Семеново Эстония Выхавэе	ЭСТ	1074 зап.евр.- 719 русск. 255 467	1649				9(0,83)	1(0,09)		1(0,09)
97	М.О. Дмитров или район Арханг. обл.	ДМ		до1654						10(2,14)	
98	Салин Бор Псковск. обл.	ОНГЭ XX	151	до1654		1(0,66)			1(0,66)	4(2,64)	
98	Красные пруды Псковск. обл.	ОНГЭ I н.с.	306	до1654		1(0,32)		1(0,32)		1(0,32)	
100	Остров Москва	ОНГЭ I	1846	до1654		2(0,10)		3(0,16)		2(0,10)	
101	Сретенка Москва	ГИМ 102181	4308	до1654		16(0,37)		3(0,06)	24(0,55)	28(0,64)	
102	Мечников перулоок	ГИМ 103198	2929	до1654		6(0,20)			3(0,10)	2(0,06)	

№ п/п	Место находки	Место хранения	Кол-во	Дата	Фальшивые денги	Фальшивые копейки»	«Английские»	«Денинги»	«Нефедкины копейки»	Ярославль после 1619 г.	Нечистые
103	Яросл. обл.	ЯКМ 21604	72	до 1654		1(1,38)				1(1,38)	
104	Леонтьевское Яросл. обл.	ЯКМ 8373	3777	до 1654						28(0,74)	
105	Левино Яросл. обл.	ПЗМ	4305	до 1654		1(0,02)		1(0,02)		9(0,20)	
106	Переславль-Залесский Новгор. обл.	БМ	364	до 1654		1(0,27)					
107	Боровск Владимир. обл.	ГИМ Вр.хр.	1575	1646-1648		9(0,57)		1(0,06)	2(0,12)	7(0,44)	
108	Покров Тульск. обл.	ТОКМ 1102	2269	до 1654				1(0,04)		9(0,39)	
109	Ратово Псковск. Печоры	Латв. 104754	около 100	до 1654		1(1)			1(1)		
110	Латвия Пикколи	Латв. 366	366	до 1654		1(0,27)		1(0,27)	1(0,27)		1(0,27)
			53- зап.евр. 313- русск.								

№ п/п	Место находки	Место хранения	Кол-во	Дата	Фальшивые денги	Фальшивые копейки»	«Английские»	«Денинги»	«Нефедкины копейки»	Ярославль после 1619 г.	Нечитаемые
111	Яросл. обл.	ГИМ 67464	38	до1654						1(2,63)	
112	Александров Смол. обл.	СОМ 13281	3171	до1654						2(0,63)	
113	Ярцево-Гурьево Калужск. обл.	ГИМ 107655	1110	1663		2(0,18)		1(0,09)		7(0,63)	
114	Егорье Смол. обл.	СОМ 12412	1190	1663		1(0,08)			1(0,08)	5(0,42)	
115	Михайлово Эстония берег Псковского озера	ЭСТ 15195	1280	1676		5(0,39)		1(0,07)		7(0,54)	
116	Коостром. обл.	ОНЭ XXXII	559	1676				1(0,17)		1(0,17)	
117	Починок Брянск.обл.	БОМ 49996	12970	До 1681		13(0,09)		4(0,03)	13(0,10)	40(0,3)	
118	Калошичье Москва Голутвинский пер.	ГИМ 104464	2232	1682				3(0,13)	2(0,08)	18(0,8)	
119	Москва М.Полянка	ГИМ Вр.хр.	1884	1682					1(0,05)	3(0,15)	

№ п/п	Место находки	Место хранения	Кол- во	Дата	Фальшивые деньги	Фальшивые копейки»	«Английские»	«Денинги»	«Нефедкины копейки»	Ярославль после 1619 г.	Нечистаемые
120	Л. О. Реброво	ОНГЭ ХЛШ	687	1682						1(0,14)	
121	Яросл. обл. Остров	ЯКМ 8364	1802	до 1700				7(0,38)		1(0,05)	
122	Яросл. обл.	ЯКМ 8371	2304	до 1700						8(0,34)	
123	М. О. Павлово-Посад	ГИМ 87697	487	до 1696							
124	Владим. обл.	ОНГЭ VIII	390	до 1700				1(0,25)			
125	Молодино Место нах. неизвестно	ГИМ Вр.хр.	527	до 1700						2(0,37)	
126	Псков Романова Гора	ОНГЭ Вр.хр.	Около 5600	1711						5(0,09)	
127	Место нах. неизвестно	ОНГЭ 27 н.с.	2756	1717						6(0,10)	
128	Место нах. неизвестно	М.хр. неизв.	1000	1717						12(0,43)	1(0,03)

ПРИМЕЧАНИЯ

В «Списке» указываются номера и место хранения всех кладов, хранящихся в музеях; в случае, если клад попадал к исследователям от частных лиц, место находки не указывается.

В графу 11 (монеты, чеканенные в Ярославле после 1619 г.) включены все выпуски, достоверно относящиеся к ярославским, и те, происхождение которых вызывает сомнение. Вопрос этот требует специального изучения. Не исключено, что группа ярославских монет несколько уменьшится за счет вычленения из нее небольшой части зарубежных подделок. Но в любом случае это количество не должно быть значительным.

Уложение 1649 года и денежное дело при царе Алексее Михайловиче

ажнейшим событием в истории Русского государства XVII в. было принятие в 1649 г. Уложения — законодательно оформленных правовых норм, которыми руководствовалось русское общество во всех сферах жизни: экономике, формах землевладения, классово-сословном устройстве, в судопроизводстве и прочих аспектах процессуального права. Уложение 1649 г. как кодекс феодального права в России просуществовало более двухсот лет, по мере необходимости дополняемое рядом новых постановлений. В 30-х гг. XIX в. им было открыто Полное собрание законов Российской империи.

Уложение 1649 г. знаменательно также тем, что принятие его в качестве действующего всеобщего правового кодекса обозначало начальный этап перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму¹.

Из всех правовых сюжетов, обозначенных в структуре Уложения, мы обратились к тому, который имеет непосредственное отношение к денежному производству, этому важнейшему звену в системе государственных институтов. Из 35 глав, составляющих Уложение, сюжет, связанный с денежным делом, входит в первый, главный раздел, определяющий нормы государственного права (главы I—IX). Денежному делу посвящена одна статья в пятой главе. В целом глава читается следующим образом: «Глава V. О денежных мастерах, которые учнут делати воровские деньги. А в ней 2 статьи.

1. Которые денежные мастера учнут делати медныя, или оловянные, или укладные деньги, или в денежное дело, в серебро учнут прибавляти медь, или олово, или свинец, и тем Государеве

¹ Маньков А.Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л. 1980.

казне учнут чинити убыль: и тех денежных мастеров за такое дело казнити смертью, залити горло.

2. А будет золотых и серебряных дел мастера возьмут у кого золотое и серебряное дело, и учнут в золото и серебро мешати медь же и олово и свинец: и их по сыску за то бити кнутом. А что они кому учинят убытка тем, что в золото, или в серебро подмешают меди, или олова, или свинцу: и то на них доправа отдати тому, кому они такой убыток учинят»².

Первый и самый очевидный вывод, следующий из знакомства со статьей первой главы пятой, заключается в том, что чеканка фальшивых («воровских») монет и порча сырья приравниваются к наиболее тяжелым государственным преступлениям, которые караются смертной казнью. Такое же наказание назначалось за посягательство на жизнь и здоровье царя, за государственную измену и заговор против государственного строя. Борьба с фальшивомонетчиками, независимо от того, были ли они «государевыми людьми», т. е. работниками денежных дворов, либо частными лицами, всегда была одним из приоритетов карательной государственной деятельности. В Уложении 1649 г. она вводится в ранг закона.

Однако глубинный смысл статьи о фальшивомонетчиках, записанной в Уложении 1649 г., отнюдь этим толкованием не исчерпывается. За статьей первой главы пятой просматривается целый комплекс мероприятий в организации денежного дела, обусловленный переменами в социально-политическом устройстве государства, обозначившимися в середине XVII в.

Как известно, Уложение, принятое на Земском соборе и утвержденное царем 29 января 1649 г., затем взятое 7 апреля того же года для печатания на Печатный двор, сохранилось лишь в окончательной редакции. Записи о ходе обсуждения статей Уложения на заседаниях Собора не сохранились³. Не имея письменных источников, сообщающих о характере и содержании обсуждения статей Уложения, в том числе относящихся к денежному делу, мы обратились к вещественным источникам — русским монетам середины XVII в. На основании их анализа можно получить убедительные доказательства того, что крайне лаконичная статья о денежном деле в Уложении имеет на самом деле многоплановое и емкое содержание.

² Сборник указов по монетному и медальному делу в России. Сост. М. Деммени. СПб. 1887. Вып. I. С. 1-2.

³ Маньков А. Г. Указ. соч. С. 49; Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М. 1969. С. 183.

Одной из отличительных особенностей абсолютистского государства было пристальное внимание, возведенное в культ, к атрибутам, подчеркивавшим престижность монархической власти. В ряду таких атрибутов на первое место следует поставить монеты, которые с полным основанием можно назвать визитной карточкой государства и правителя. В XVII в. в Европе определилась более или менее общая для всех абсолютистских государств система оформления монетного поля. Лицевую сторону монеты занимал идеализированный парадный портрет государя со знаками императорского или королевского достоинства; обратную сторону заполняло изображение герба (или гербов) государства. Легенда содержала имя и титул государя, обозначающий место государства в международной системе, признание его значения и самостоятельности, его границ и вассальных владений. Вопрос о составе и полноте титула монархов в дипломатических сношениях имел колоссальное значение для признания престижа правителя. Характерно также, что в большинстве случаев на монетах Европы XVI—XVII вв. номинал не обозначался — качество монеты, ее вес и пробу гарантировали имя правителя и символика, использованная при оформлении монетного поля.

Русское государство, которое к середине XVII в. приобретало черты абсолютной монархии, что было закреплено принятием Уложения 1649 г., должно было иметь монету, соответствующую его государственному статусу. Насколько же отвечали русские монеты требованиям времени?

В России после денежной реформы Елены Глинской (1535—1538) установился единый тип денежных знаков: серебряные копейки, денги и полушки, соотносящиеся между собой как 1 : 2 : 4. И изображение, и надпись не менялись практически на протяжении 1530—1700-х гг., исключение составляло имя царя да знаки монетных дворов под изображением всадника. Оформление русских монет было не только крайне лаконичным (так как всадник на копейке олицетворял и самого правителя, и важнейший элемент государственного герба, а надпись содержала самый краткий титул царя), но и очень плохо различимым. Ведь размер копейки составлял приблизительно 1—1,5 см в длину и менее 1 см в ширину (монеты не имели круглой формы); денга, где изображался всадник с саблей, была в половину меньше, а полушка — совсем крошечной. На ней с трудом умещалось на одной стороне изображение птички, на другой — слово «государь» или «царь», в виде замысловатой буквенной вязи. К середине XVII в. изображение ездоца выродилось в сухой, схематический рисунок всадника, лишённого сколько-ни-

будь индивидуальных черт (ил. 1). При всем желании нельзя было увидеть на копейке изображение царя, хотя монеты конца XVI в., чеканившиеся при Иване Грозном (1533—1584), еще довольно четко передавали портретные черты царя⁴. Русские монеты XVI — первой половины XVII вв. чеканились исключительно из серебра. Золото применялось только для чеканки монетовидных знаков, использовавшихся для наград и подарков; в денежном обращении золото не участвовало. На золотых монетовидных наградах и «поминках», видимо, из-за соображений престижности знака, который был материальным воплощением «царского жалованья», изображался государственный герб — двуглавый орел; на самых крупных наградных знаках на груди орла, на щите, помещался ездец.

Помимо непрезентабельного внешнего вида, русские копейки и денги имели еще один существенный недостаток — их было очень легко подделать. Русское денежное обращение середины XVII в. оказалось засоренным множеством фальшивых монет. Сохранилось немало судебных дел о фальшивомонетчиках, которые иногда объединялись в целые артели⁵. Фальшивые («воровские») копейки чеканились и отечественными, и зарубежными фальшивомонетчиками. Последние фальсифицировали не только наиболее распространенные типы монет Михаила Федоровича (1613—1645) и Алексея Михайловича (1645—1676), но и старые монеты более высокого веса с именами прежних царей, подлежащие в середине XVII в. обмену с «наддачей»⁶.

Русская денежная система, основанная на трех реально существующих номиналах (копейке, денге и полушке), пользующаяся при этом разветвленной системой счетных единиц (рубль, полтина, полуполтина, гривна, алтын, грошевик), к середине XVII в. стала восприниматься как анахронизм не только в европейских странах, но и внутри самой России. Включение русской экономики в систему международных экономических связей ставило русское денежное дело перед необходимостью серьезных перемен. Становление нового политического строя — абсолютной монархии — также требовало от оформления монет более эффективных средств, символизирующих могущество русского царя. Ведь копейка с ее более чем скромными средствами оформления не имела даже изображения государственного герба России — двуглавого орла.

⁴ Мельникова А.С. Место монет Ивана Грозного в ряду памятников идеологии самодержавной власти. // ВИД. Т. XVII. Л. 1985. С. 126—127.

⁵ Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М. 1989. С. 230—234; см. также статью «Воровские деньги России в XVI—XVII в.» в настоящем сборнике.

⁶ Мельникова А.С. Русские монеты... С. 145—151, 190—195.

В свете требований, которые ставила перед русским правительством объективная действительность, следует, на наш взгляд, рассматривать общий смысл статьи первой главы пятой. Ее задачей была не только и не столько борьба с фальшивомонетчиками, действительно, достаточно актуальная. Делался также упор на сохранение «доброты» русской копейки, т. е. ее традиционно высокой пробы. Чистота серебра в русских копейках была предметом гордости русских дипломатов и купцов. Во времена переговоров с Польшей в 1635 г. русские дипломаты утверждали: «В Московском государстве торгуют русскими копейками и московками, хотя и дробны, зато сделаны из чистого серебра». В 1649 г. русские послы говорили шведами во время русско-шведских переговоров: русские копейки «деланы из чистого серебра, не так, как у них в Свее, медными шкилевыми деньгами торгуют... Как из ефимков русские денги переделывают, и из ефимков много руды выходит, и в денгах остаетца серебро самое чистое»⁷. Уложение под страхом смертной казни запрещало портить монеты на денежных дворах.

Забота государства также о высоком качестве сырья при изготовлении изделий из золота и серебра сказалась в том, что вторая статья главы пятой возводила в ранг закона требование соблюдения высокой пробы изделий. Практическим воплощением в жизнь этой статьи было начавшееся клеймение изделий из драгоценных металлов, зафиксированное в 1651—1652 гг. Клеймо представляло собой изображение двуглавого орла с буквами «Р — КСИ» (т. е. датой 1651—1652) по сторонам изображения. Клейма такого вида затем стали готовиться каждый год и ими клеймили готовую продукцию мастера золотых и серебряных дел⁸.

Монеты, чеканенные после 1649 г., имели значительно изменившийся рисунок всадника. Визуальное сравнение рисунков на копейках 1645—1649 гг. и копеек, чеканка которых началась после 1649 г., свидетельствует, что около 1651—1652 гг. произошла полная замена части орудий чеканки, а именно — лицевых маточников⁹.

Новые лицевые маточники являют резкий контраст по сравнению с маточниками 1645—1649 гг. Они были более совершенны технически, о чем свидетельствуют монеты, чеканенные снятыми

⁷ Цит. по Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М. 1897. С. 242—243.

⁸ Постникова-Лосева М. М. Русское ювелирное искусство. Его центры и мастера. М. 1974. С. 188; Калинин В. А. Московский пробирный эталон конца XVII века / Нумизматический сборник. 1998. Государственный Эрмитаж. К 80-летию В. М. Потина. СПб. 1998. С. 147—154.

⁹ Мельникова А. С. Русские монеты... табл. 12.

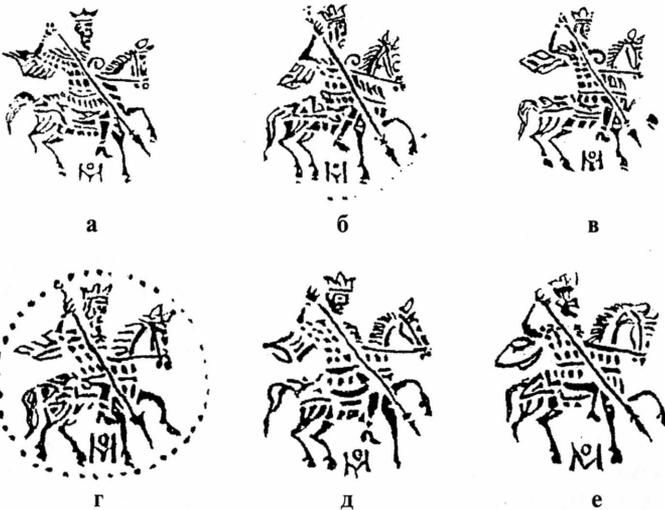
с этих маточников чеканами. Эти монеты имеют более высокий рельеф и гораздо большую четкость, чем более ранние копейки Алексея Михайловича. В год стали делать не по четыре лицевых маточника, как раньше, а всего по два. По всей видимости, в 1645—1649 гг. маточники делались по упрощенной технологии и количество достигалось за счет снижения качества. Обратные маточники на протяжении всего рассматриваемого времени делались по три штуки на год.

Особого разговора заслуживает новый рисунок ездоца, появившийся на копейке, которую мы датируем приблизительно 1652 г. (ил. 2). Вместо схематичного, безликого изображения, характерного для монет 1645—1649 гг., на этой монете появился всадник, в котором с первого взгляда угадывается государь. Изображен бородатый человек в трехлучевой царской короне, одетый в кафтан со сборчатыми пышными полами, в развевающемся плаще, складки которого перекинута через правое плечо всадника. Конь под всадником покрыт попоной, заканчивающейся кистями. Несмотря на миниатюрный размер изображений, можно различить тщательно проработанные детали: высокие каблуки на сапогах, узкий манжет, охватывающий запястье руки, острие копья, копыта коня. Этот лицевой маточник, рисунок на котором отличается высокими художественными достоинствами, явно играл роль образцового. Всего за 1652—1654 гг. были сделаны шесть лицевых маточников, из которых пять были скопированы с того, который мы назвали образцовым. И хотя копии были явно хуже образца, тем не менее, маточники 1652—1654 гг. и по художественным достоинствам, и по техническим данным были значительно совершеннее лицевых маточников предшествующего периода.

Столь разительное улучшение изображения ездоца, которое было выполнено, без сомнения, выдающимся художником, не может быть случайностью. Мне представляется, что этот факт находится в тесной связи со всеми изменениями в денежном деле, которые обозначились после 1649 г.: заботой о высокой пробе сырья для чеканки монет, переходом к более совершенной технологии изготовления маточника. Ко всем этим техническим моментам добавились и соображения престижности. Всадник на новом лицевом маточнике изображал государя во всем его блеске и величии, в соответствии с теми канонами, которые предъявляли к денежному делу этика и эстетика абсолютистского государства. Разумеется, возможности художника ограничивались крохотными размерами монетного поля и традиционным рисунком, но следует признать, что в 1652 г. невзрачной серебряной прово-

Ил.1. Варианты рисунка л. с. серебряных копеек Алексея Михайловича 1645—1649 гг.

Ил.2. Серебряные копейки Алексея Михайловича 1645—1649 гг., л. с.: а — образцовый лицевой маточник по рисунку Симона Ушакова (?); б, в, г — маточники, скопированные с образцового одним резчиком; д, е — маточники двух других резчиков

3

Ил.3. Медный полтинник 1654 г. Штемпели работы Федора Байкова, л. с.

лочной копейке была возвращена ее функция прокламативного средства, постепенно сведенная на нет к середине XVII в.

Значение перемен в денежном деле после принятия Уложения 1649 г. подчеркивается также тем, что для работы над изображением государя на монете привлекались лучшие мастера. Об этом говорит превосходный рисунок ездоца на образцовом маточнике. Есть основания полагать, что автором рисунка был знаменитый «золотых и серебряных дел знаменщик» (т. е. рисовальщик. — А.М.) и иконописец, гравёр Симон Ушаков (1625—1686). Он начал свою художническую карьеру в мае 1648 г. царским жалованным иконописцем, затем был откомандирован в Серебряную палату знаменщиком (т. е. сочинителем рисунков для разного рода изделий из драгоценных металлов), где он работал до 1664 г., не оставляя иконописных работ¹⁰. Вполне вероятным выглядит предположение, что в начале 50-х гг. Симон Ушаков был привлечен для «знамения», т. е. для рисования образцового изображения на копейке. Четкий, жестковатый рисунок ездоца имеет что-то общее с известными живописными работами Ушакова.

Несмотря на серию мероприятий, направленных на улучшение внешнего вида копейки, даже в новом, улучшенном облике русская копейка никак не могла тягаться с современными золотыми и серебряными западноевропейскими монетами, тем более — выполнять те прокламативные функции, которые вытекали из назначения монеты в середине века: быть, ко всему прочему, средством пропаганды.

В мае 1654 г. в русском государстве началась денежная реформа. Реформа должна была заменить архаичную проволочную копейку с ее фракциями новыми крупными монетами, соответствующими основным счетным номиналам: рублю, полтине, полуполтине, алтыну и грошевику. В письменных источниках упоминался также и гривенник, но достоверно известных монет такого номинала мы практически не знаем и неизвестно, была ли она отчеканена. Вместе с серебром в качестве монетного металла использовалась медь, но на чеканку золота правительство не решилось.

В оформлении монет были учтены все современные требования. На лицевой стороне монеты изображался конный портрет государя в царском облачении (всадник был в царском венце, со знаками царского достоинства). На оборотной стороне помещался государственный герб — двуглавый орел, далее — название но-

¹⁰ Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь. М. 1910. С. 321.

минала и дата. Круговая надпись содержала имя и титул царя, несколько расширенный по сравнению с кратким титулом, употреблявшимся на копейках. Лишь на полуполтинниках, отчеканенных на четвертинках талеров, легенда была строчной и повторяла легенду копеек.

Как известно, техническая неподготовленность и экономическая непродуманность реформы 1654 г. обусловили неудачу преобразования русской денежной системы. К осени 1655 г. все замыслы инициаторов реформы свелись к чеканке медных проволочных копеек с принудительным курсом, выпуск которых продолжался до 1663 г.¹¹ Однако зависимость реформы 1654 г. от Уложения 1649 г. нам представляется бесспорной. Попытки улучшить русскую копейку в начале 50-х гг. XVII в. стали как бы пробным шагом, показавшим необходимость более кардинальных перемен в русском денежном деле. Реформа 1654 г. должна была создать новую монету, отвечающую требованиям абсолютистского государства, но выполнение этой задачи отодвинулось почти на столетия. Сделал это Петр I, который начал серию преобразований с проведения денежной реформы 1700—1718 гг.

Коль скоро здесь зашла речь о Симоне Ушакове как о возможном авторе рисунка лицевой стороны копейки 1652 г., хотелось бы попытаться выявить имена художников-медальеров второй половины XVII в. и вычленив их продукцию из массы серебряных и медных копеек этого времени.

Технология производства монет на денежных дворах России XVI—XVII вв. таит для исследователя немало загадок, поскольку письменных источников о монетном производстве сохранилось очень немного, и главный материал для выводов дают сами монеты. Более или менее хорошо изучены организация работы на денежных дворах, структура рабочей силы, порядок снабжения сырьем и распределение готовой продукции. Но процесс изготовления основного орудия чеканки — маточников — пока остается тайной. Мы знаем только, что маточники представляли собой особо прочные закаленные штампы с позитивными изображениями ездоца и надписью; источники называют их «исподниками» и «вершниками». С маточников изображение и надпись оттискивались на чеканы, которыми непосредственно чеканили монеты. По мере снашивания чеканов их восстанавливали с помощью тех же маточников, пока сами маточники не устаревали физически и морально (смена царствований, монетных типов и т. д.).

¹¹ Мельникова А.С. Русские монеты... С.196-206.

В письменных источниках четко проводилось разграничение между понятиями «маточник» и «чекан», а также указывалось, что профессия мастеров — изготовителей маточников («маточного дела резцов») была довольно редкой, и на денежном дворе одновременно работали от одного до трех мастеров-резцов.

М. А. Львов и М. П. Сотникова высказали ряд остроумных догадок о технологии резания маточников¹², но остается неясным многое: существовало ли разделение труда между мастерами, резавшими изображение, и мастерами, делающими надписи; неизвестно, резали ли мастера по собственному рисунку или же на дворах существовали специальные «знаменщики», т. е. рисовальщики; что представляли собой образцовые «непечатные» (неотчеканенные) монеты, о существовании которых имеются сведения в письменных источниках, связанных с Московским денежным двором в первой половине XVII в.¹³ Эти и многие другие вопросы нельзя решить только на базе нумизматических источников и приходится ждать счастливых находок в архивах, которые помогут восстановить картину денежного производства на «государевых денежных дворах» XVI—XVII вв. во всей ее полноте.

Одним из таких вопросов является, как уже говорилось, выявление круга художников-резчиков и их продукции во второй половине XVII в.

Имена «маточного дела резцов», т. е. медальеров, были неизвестны до середины XVII в., а количество мастеров, одновременно работавших на денежном дворе, устанавливалось по стилистическим особенностям рисунков и надписей самих монет. Впервые имена мастеров появляются в источниках, связанных с денежной реформой 1654—1663 гг.

Известно, что в 1654 г. на Новом Московском («Английском») денежном дворе, созданном для выпуска крупных монет, работал мастер Федор Байков. Он был резчиком штемпелей для рубля, полтинника и полуполтинника, «по вымыслу» этого мастера были изготовлены новые «снасти» — орудия чеканки для новых монет¹⁴. Его рисунки отличает тяжеловесность, монументальность и стремление передать с буквальной точностью все детали изображения

¹² Сотникова М. П. Начальный период (1420—1447) суверенной чеканки Великого Новгорода // Монета. Вологда. 1995. Вып. 3. С. 14—16.

¹³ Комарова Е. К. Топография денежного двора Московского Кремля XVII—XVIII века. // Нумизматический сборник МНО. 3. М. 1994. С. 115.

¹⁴ Шукина Е. С. Резчики монетных штемпелей второй половины XVII в. Федор Байков и Юрий Фробус // Труды ГИМ. Вып. XXV. НС. Часть первая. М. 1955. С. 128—131; Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М., Л. 1936. С. 49—52.

(ил. 3). Можно с уверенностью сказать, что Федор Байков был искусным мастером, умевшим резать по металлу, неплохим художником (он сумел вполне профессионально разместить на рабочей поверхности штемпеля рисунок всадника и скомпановать надписи), но столь же очевидно, что в изготовлении копеечных маточников достаточного опыта этот мастер не имел. «Маточного дела резцы», независимо от времени их работы, использовали одинаковые приемы в изображении всадника и коня, одежды и сбруи, других деталей. Федор Байков такими приемами не владел. Это становится очевидным, когда обращаешься к новому виду продукции, выпускавшейся Новым денежным двором с осени 1655 г. — к медным проволочным копейкам. На копейках этого двора, отмеченных знаком двора — буквами «М—Д», помещен рисунок всадника, очень искусно выполненный, отличающийся легкостью и изяществом. Он никак не похож на тяжеловесные рисунки Федора Байкова. В документах Нового Московского двора за 1660-е гг. упомянут «маточного дела резец» Артюшка Аносов¹⁵. Видимо, он-то и был автором маточников для медных копеек (ил. 4), вполне профессиональным и опытным резчиком. Сравнивая медные копейки с буквами «М — Д» с серебряными копейками Старого Московского денежного двора «серебряного дела», где после завершения реформы в 1663 г. возобновилась чеканка серебряных копеек, можно отметить большое сходство их с двумя типами серебряных копеек, чеканившихся в 1664—1665 гг. Отсюда следует предположение о том, что после реформы Артюшку Аносова или перевели на Старый денежный двор, где он вырезал маточники для серебряных копеек, или же передали сюда и пустили в дело изготовленные этим мастером на Новом денежном дворе маточники, заменив буквы «М — Д» на знак Старого Московского двора — «М».

Остальные маточники Старого денежного двора, появившиеся после 1665 г., сделаны явно другими «почерками». Они не отличались особыми художественными достоинствами, но имели отменную прочность. Эти лицевые маточники прослужил до самого конца XVII в. и с их помощью чеканились копейки при Федоре Алексеевиче (1676—1682) и Иване и Петре Алексеевичах (1682—1696). Делались эти орудия чеканки медленно и основательно, по одному маточнику в год.

Возникает соблазн связать работу по изготовлению маточников для чеканки серебряных копеек после завершения реформы в 1663 г.

¹⁵ Зайцев В. В., Мельникова А. С. «Дела» Нового Английского денежного двора 1659—1663 гг.// Очерки феодальной России. Вып. 5. М. 2001. С. 98-187.

вновь с именем Симона Ушакова. Известно, что в феврале 1661 г. он был прикомандирован к Каменному приказу, к боярину Илье Даниловичу Милославскому «для заводу монетного дела»¹⁶. Однако такое предположение не подтверждается сколько-нибудь весомыми аргументами. Прежде всего, следует учитывать, что терминология того времени четко различала понятия «монета» и «денга», подразумевая под первым крупные монеты, а под вторым — проволочные копейки. Когда в начале XVIII в. на Кадашевском монетном дворе была организована чеканка крупных номиналов, появившихся согласно денежной реформе Петра I (рубля, полтины и проч.), и одновременно чеканились серебряные проволочные копейки, двор получил наименование «денежного монетного» двора¹⁷. Выражение «завод монетного дела» совершенно недвусмысленно означало, что речь шла о «заводе» чеканки крупных номиналов, а не проволочных копеек. Следует учитывать также то обстоятельство, что привлекался Симон Ушаков по ведомству Каменного приказа, ведавшего строительными работами. Может быть, в 1661 г. еще не отказались окончательно от идеи ввести в денежное обращение монеты крупных номиналов, чеканка которых оказалась столь неудачной в 1654 г.? «Завод монетного дела» мог означать или строительство нового здания для монетного двора, или производство нового оборудования для чеканки новых номиналов, или рисунки новой серии рублей, полтин, полуполтин, гривенников, и проч. Привлечение для этого дела такого крупного и авторитетного художника и мастера, каким был Симон Ушаков, было бы вполне закономерно, но реальных следов этого начинания не сохранилось, а возврат осенью 1663 г. к чеканке серебряных проволочных копеек на Старом Московском денежном дворе и закрытие Нового двора означали полный отказ от идеи реформировать денежное хозяйство.

Один из лицевых маточников, появившихся на Старом дворе между 1665 и 1676 гг., т. е. во второй половине царствования Алексея Михайловича, совершенно выпадает из общего стиля. Мастеру удалось сделать вполне удачный рисунок, вписанный в круг, но приемы изображения всадника выдают в нем художника, мало знакомого с резанием копеечных изображений (ил. 5). Похоже, что автором здесь был иностранец. Письменные источники первых лет XVIII в. упоминают иноземного мастера Юрия Вилимовича Фробуса, который писал в челобитной царю от 1698 г.:

¹⁶ Успенский А. И. Указ. соч. С. 333.

¹⁷ Уздеников В. В. Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах. 1700-1917. М. 1995. С. 23-25.

Ил. 4. Монеты Нового Московского денежного двора, маточки работы резчика Артюшки Аносова (?), л. с.: *а* — медная копейка 1655—1663 гг., *б, в* — серебряные копейки 1664—1665 гг.

Ил. 5. Серебряная копейка Старого Московского денежного двора 1675—1676 гг., л. с. Маточник работы Юрия Фробуса (?)

Ил. 6. Медные копейки Псковского денежного двора 1655—1663 гг. Маточки работы: *а* — Федора Байкова (?), *б, в* — Самуила Иванова и Федора Архипова (?), л. с.

«Работал я тебе, государь, золотое дело лет сорок и больше и на монетном и денежном дворе резного дела мастером»¹⁸. Может быть, необычный всадник был изготовлен этим мастером-иностранцем?

По документам, относящимся к периоду чеканки Псковским денежным двором в 1655—1663 гг. медных проволочных копеек, известны имена еще двух «маточного дела резцов» — Самуила Иванова и Архипа Федорова¹⁹. Однако изучение псковских медных копеек показывает, что работали там не два, а три резца, ибо по стилю четко различаются три типа изображения ездоца (ил. 6). Они объединены единственной общей характерной особенностью — ездец здесь изображен не с копьем, а со скипетром, как на монетах крупных номиналов 1654 г., штемпели для которых, как известно, резал Федор Байков. Сравнение и анализ изображений на псковских медных копейках позволяет предположить, что один из трех типов маточников был изготовлен мастером, по «почерку» разительно напоминающим Федора Байкова. Изображен всадник со скипетром в руках, в длиннополой одежде, условно изображенной в виде нескольких линий; вместо традиционного плаща за спиной всадника развеивается, как на рублях, полтинах и полуполтинах, длинный рукав, переданный рядом крупных точек.

Можно предположить, что после прекращения в 1655 г. выпуска монет крупных номиналов Федора Байкова откомандировали на Псковский денежный двор для организации там чеканки медных проволочных копеек. Возможно, им был вырезан образцовый маточник, не слишком удачный, ибо мастер не владел техникой резания копеечных «снастей». Далее два псковских мастера-резчика скопировали с образцового маточника свои маточники, которые и стали основой монетного производства в Пскове — одного из наиболее продуктивных в годы реформы.

Сравнивая рисунки еще двух номиналов 1654 г. — алтына и двухкопеечника (на монете номинал обозначен как «4 денги»), можно заметить стилистическое сходство этих монет с другими выпусками денежных дворов времени реформы (ил. 7).

Изображенный на алтыне всадник, выполненный в своеобразной штриховой манере, очень сходен с изображением ездоца на многочисленной группе медных копеек, чеканившихся с конца 1650-х гг. на Старом Московском денежном дворе. Начало чеканки в 1655 г. здесь обеспечили старые маточники 1645—1649 гг.,

¹⁸ Шужина Е.С. Указ. соч. С.130.

¹⁹ Мельникова А.С. Новгородский и Псковский денежные дворы в середине XVII в. // НЭ. VIII. М. 1970. С.112.

Ил. 7. Медные монеты 1654—1663 гг.: *а* — маточник л. с. медного алтына 1654 г. (Новый Московский денежный двор) работы безымянного резчика; *б* — маточник л. с. медной копейки 1655—1660 гг. (Старый Московский денежный двор), использовался для чеканки серебряных монет на том же дворе в 1645—1649 гг.; *в* — маточник л. с. медной копейки 1660—1663 гг. (Старый Московский денежный двор) работы того же мастера (?), который резал маточник алтына 1654 г.

Ил. 8. Медные монеты 1654—1663 гг.: *а* — маточник л. с. двухкопеечника 1654 г. работы безымянного мастера Нового Московского денежного двора; *б, в* — маточник л. с. медных копеек Новгородского денежного двора (1655—1663) работы того же мастера (?)

Ил. 9. Маточники медных монет 1658—1661 гг. Кукунойский денежный двор; *а, б* — л. с.; *в* — о. с.

использовавшиеся для чеканки серебряных копеек. Затем, после выхода их из строя, здесь были сделаны новые, и, похоже, делал их тот же мастер, который резал штемпель для алтына на Новом денежном дворе.

Всадник на двухкопеечнике очень похож на всадника медных копеек Новгородского денежного двора, тоже выпускавшего медные проволочные копейки в 1655—1663 гг. (ил. 8). Из-за неполностью сохранившегося рисунка на двухкопеечнике (до нас дошел только один экземпляр) трудно судить обо всем изображении в целом, но одинаковые приемы в передаче длиннополой одежды всадника и его крупной ноги в новгородских копейках и двухкопеечнике, несомненно, очень схожи. По данным монет прослеживается, что в 1655—1663 гг. на Новгородский денежный двор были переданы два оборотных маточника (или чекана?) со Старого Московского двора. Это, в частности, говорит о тесных взаимосвязях денежных дворов в годы реформы, и предположение об использовании труда московского резчика в Новгороде в этой связи представляется вполне допустимым.

Анализ изображений на монетах 1654—1663 гг. позволяет сделать вывод о том, что после прекращения чеканки монет крупных номиналов на Новом Московском денежном дворе в 1654 г. и организации чеканки медных проволочных копеек на том же Новом дворе, а также на Старом Московском, Псковском и Новгородском дворах, начался обмен «маточного дела резцами» между действующими денежными дворами. В Псков был направлен Федор Байков, сделавший образцовый маточник, с которого местные мастера Самуил Иванов и Федор Архипов скопировали свои маточники и далее использовали их до 1663 г. На Старый денежный двор был направлен безымянный мастер с Нового денежного двора, вырезавший в 1654 г. штемпель для алтына, а в Новгород — другой безымянный резчик — автор штемπεля для двухкопеечника 1654 г. После реформы и закрытия «медного денежного дела» дворов в 1663 г. следы Федора Байкова, псковских и двух безымянных мастеров Нового двора теряются; но Артюшка Аносов, резчик Нового денежного двора, по-видимому, продолжал работать на Старом дворе, единственном действующем денежном производстве после завершения реформы.

Денежное производство к середине XVII в. было уже полностью централизовано. Оно подчинялось приказу Большой казны, который ведал поставками сырья для чеканки, распределял готовую продукцию, набирал для денежных дворов рабочую силу и вел

судопроизводство²⁰. Все денежные дворы, работавшие в годы реформы 1655—1663 гг., подчинялись единому руководству, что отчетливо отразилось в письменных и нумизматических источниках. Прослеженные по данным монет перемещения «маточного дела резцов» между денежными дворами также подтверждают этот вывод.

Особняком среди медных копеек стоят выпуски Куkenойского денежного двора, работавшего с 1658 по 1661 г. в крепости Куkenойс, отбитой у шведов и переименованной в Царевичев Дмитриев город. Здесь чеканились медные копейки с буквами «Ц — Д», по рисунку лицевой стороны и характеру надписи весьма заметно отличающиеся от всех других выпусков медных монет времени реформы (илл. 9)²¹. Резчиком маточников в Куkenойсе явно не мог быть ни один из перечисленных выше мастеров. По всей видимости, в Куkenойсе пришлось воспользоваться услугами мастера, незнакомого с монетным производством, но имеющего опыт резания по металлу.

²⁰ Мельникова А.С. Русские монеты ...С 196-226.

²¹ Мельникова А.С. Чеканка монет в Куkenойсе в середине XVII в // СА.З. М.1964. С 141-148

Клад времени Алексея Михайловича с Большой Полянки (опыт определения владельца клада)

овым и продуктивным направлением современной отечественной исторической науки является стремление к раскрытию «человеческого» содержания истории, появление исследований, ориентированных на человека, своего рода «исторической антропологии» (см. сборники РАН «Одиссей»), где в центре изучения стоит человек во всей сложности своего физического и социального существования¹.

Для нумизматической науки «историческая антропология» представляется очень актуальным и значимым направлением исследований. Сам предмет нумизматики — монета, медаль, наградной знак — обращен к человеку, ибо выполняет самые жизненные функции: обеспечивает его место в структуре общества, определяет материальный статус и обозначает ту ступеньку в системе социального этикета, которую человек занимает или в силу своего происхождения, или богатства, или заслуг перед обществом. Для нумизматической науки в связи с этим особое значение приобретает семиотика — наука, выявляющая знаковые системы, на языке которых объяснялись представители различных замкнутых общественных структур с их специфической ментальностью. Проникновение в смысл знаковых систем, запечатленных на нумизматических памятниках различных стран и эпох, составляет суть нумизматических исследований, хотя конечной целью их может быть классификация тех или иных групп нумизматических предметов, метрологические изыскания либо другие типы классических трудов по нумизматике.

¹ См. сборники РАН «Одиссей. Человек в истории».

Но есть в нумизматической науке еще один аспект исследований, которые прямо «выходят» на человека, на «человеческую антропологию». Это — монетные клады, которые в изобилии прятали наши предки и часть которых сохранилась до наших дней, а еще меньшая часть попала в руки исследователей. Понять, какие причины побуждали человека прятать свои сбережения, как менялись эти причины от эпохи к эпохе, в зависимости от географической среды и этнического состава населения, короче говоря, выявить закономерности кладообразования — одна из актуальнейших задач современного «кладоведения». Не меньшее значение имеет определение социально-экономической природы кладов, выявление тех общественных групп, которые являлись наиболее возможными владельцами кладовых комплексов, и проявление тех сторон ментальности этих групп, которые обуславливали захоронение сокровищ в определенных ситуациях². Вряд ли нуждается в доказательстве утверждение, что рассмотрение монетных кладов в указанных аспектах вводит в круг источников по социально-экономической истории новую группу замечательных памятников. Они замечательны не только потому, что сообщают достаточно точные данные о характере денежного обращения в момент захоронения клада; феномен клада заключается прежде всего в том, что за каждым кладом стоит конкретный человек, который под влиянием каких-то сиюминутных обстоятельств спрятал свои сбережения. Языком монетного клада прошлое говорит с нами, и рассказать клад может очень многое — нужно только уметь «прочитать» его.

Мы попытаемся рассказать об одном из многочисленных московских кладов XVII в. с серебряными копейками и реконструировать историю этого комплекса, определив возможного владельца монет.

11 апреля 1989 г. милицейские работники передали в ГИМ³ клад серебряных русских монет XVII в., найденный при рытье траншеи на глубине 4,5 м на углу улицы Большая Полянка и Хвостова переулка (Москва, Б. Полянка, д. 28, корп. 2). Монеты находились в большой глиняной кубышке, представляющей собой сферической формы кувшин с узким горлышком, заканчивающимся расширяющимся венчиком. Монеты клада имели вес 4,570 кг и

² Мельникова А.С. К вопросу о социально-экономической природе и источниковедческом значении монетных кладов XVI—XVII вв. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин: Статьи и материалы. М., 1984. С. 153—162.

³ Факт немаловажный, ибо передача клада в музей милицией служит гарантией того, что клад спасен от расхищения и состав его сохранился полностью.

насчитывали 9849 экз. Состав клада — преимущественно монеты Михаила Федоровича (1613—1645) и Алексея Михайловича (1645—1676) с незначительным количеством монет предшествующих царствований от Ивана Грозного (1533—1584) до Владислава Жигимонтовича (1610—1612) — позволил определить время его захоронения 1654—1663-ми годами.

Оставив в стороне весь комплекс вопросов о составе клада, поскольку для настоящего исследования это не имеет принципиального значения, остановимся только на его датировке (исходя из классификации монет Алексея Михайловича, предложенной в нашей работе «Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого»⁴). Время захоронения клада определяется наличием в нем большого количества копеек, чеканившихся в 1645—1654 гг. Как известно, в 1654 г. была предпринята попытка ввести в денежное обращение вместо серебряных проволочных копеек новые виды монет. Это были серебряные рубли, заготовками для которых послужили западноевропейские талеры («ефимки») со сбитым изображением, серебряные полуполтины и медные полтины (полтинники), а также алтыны. Такой набор номиналов называют документы, сообщающие о начале денежной реформы. В 1655 г. чеканка крупных номиналов была прекращена и начался выпуск «ефимков с признаком» — на талеры надчеканивался копеечный штампель и дата «1655», и в таком виде монета приравнивалась к 64 копейкам (что соответствовало весовому содержанию 64 серебряных проволочных копеек)⁵.

Исследователи не имеют достаточно убедительных аргументов относительно продолжения чеканки старых проволочных копеек в 1654—1655 гг., после начала реформы; для чеканки новых крупных номиналов в 1654 г. в Москве открывается специально оборудованный Новый Московский («Английский») денежный двор⁶, а Старый, расположенный в Кремле, не оснащенный новым оборудованием, видимо, предполагалось закрыть. Однако

⁴ Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989.

⁵ О денежной реформе 1654—1663 гг. см. подробно: *Базилевич К.В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. // М., Л. 1936; *Стасский И.Г.* Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и денежные реформы 1654—1663 гг. // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 103—156; *Мельникова А.С.* Старый Московский денежный двор во время денежной реформы 1654—1663 гг. // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 77—84, Она же Псковский и Новгородский денежные дворы в середине XVII в. // НЭ, VIII. М., 1970. С. 108—112; она же Новый («Английский») денежный двор в Москве в 1654—1663 гг. // НЭ, IX. М., 1971. С. 144—158; Зверев С.В. К истории русских денежных реформ 1654—1663 гг. // Труды ГИМ. Вып. 139. Патриарх Никон и его время. Сборник научных трудов. М. 2004. С. 108—143.

⁶ Название «Английский» связано с тем, что денежный двор располагался в зданиях бывшего подворья английских купцов в Белом городе на Фроловской улице (ныне Мясницкая)

установлено, что здесь производился в 1654 г. выпуск золотых наградных монет для служилых людей и новых подданных Русского государства после присоединения к России Левобережной Украины в марте 1654 г. В 1655 г. — первой половине 1656 гг. здесь же осуществлялась надчеканка ефимков. В осенние месяцы 1655 г. и на Новом, и на Старом Московских денежных дворах начался выпуск проволочных копеек из меди, ни весом, ни типом оформления, ни техникой чеканки не отличающихся от серебряных. Кроме копеек, составляющих основную массу новых выпусков, чеканились еще грошевики (монеты, номинал которых обозначался «4 деньги», что соответствовало двум копейкам) и деньги (1/2 копейки). Тогда же были открыты (вернее, восстановлены почти после 30-летнего перерыва) денежные дворы в Новгороде и Пскове, которые активно включились в чеканку медных проволочных копеек. С 1658 по 1661 гг. работал еще один денежных двор — Кукунойский, открытый в отбитой у шведов крепости Кукунойс, которая была переименована русскими в Царевичев-Дмитриев град⁷.

Состав копеек Алексея Михайловича в кладе с Большой Полянки позволяет сделать вывод, что выпуск серебряных проволочных копеек на Старом денежном дворе в Кремле был продолжен и после 1654 г., года начала денежной реформы, и продолжался параллельно с выпуском золотых наградных копеек. Возможно, эти же копейки чеканились накануне отмены реформы в июле 1663 г., когда казна собрала достаточное количество серебряного сырья и создала запас серебряной монеты, которую надлежало выменивать на совершенно обесценившиеся к этому времени медные копейки. Этот вывод базируется на том, что в нашем кладе обнаружен очень высокий процент (25% к составу клада) серебряных проволочных копеек, датируемых 1645—1654 гг., отличающихся к тому же отличной сохранностью.

Тема о работе старого Московского денежного двора в годы реформы 1654—1663 гг. очень занимательна, но мы не будем здесь подробно на ней останавливаться. Она интересует нас исключительно в связи с возможностью установления точной даты захоронения клада, что не так-то просто сделать, учитывая, что копейки московского чекана в XVII в. дат не имели.

Хотя в кладе самыми поздними являются копейки 1650—1654 гг., ни 1654, ни 1655 гг. не представляются нам достаточно убедительно датировкой клада. Против этого прежде всего говорит большое

⁷ Мельникова А.С. О чеканке монет в Кукунойсе в середине XVII в. // Советская археология. 1964. № 3. С. 141—148.

количество дореформенных монет в кладе — нужно было бы время, чтобы собрать это значительное число. Но и в последующие годы этот клад вряд ли мог быть зарыт — ведь клад состоит только из серебряных копеек и в нем не встречено ни одной медной копейки, чеканка которых продолжалась с 1655 по 1663 г. Нам известны клады, зарытые в годы реформы, состоящие или исключительно из медных копеек, или, что случается значительно реже, из серебряных с добавлением небольшого числа медных⁸.

Медные проволочные копейки (вплоть до рубежа 50–60-х гг.) население использовало очень охотно, в отличие, кстати, от крупных номиналов 1654 г., которые своим непривычным видом вызвали недоверие городских и сельских жителей. Медные же копейки, как писал Г.Котошихин, «возлюбили всем государством, что всякие люди их за товары принимали и выдавали»⁹. Так было, пока выпуск медных копеек, которые были монетами с принудительным курсом, не превысил потребности денежного обращения. Ряд правительственных мер (в частности, запрет торговать ими с Сибирью и с иностранцами, прием налогов только в серебряной монете) значительно подорвал престиж медных копеек. Начиная с 1658 г. ценность копейки начала стремительно падать, установился лаж на медь и серебро, увеличивающийся с каждым месяцем, резко возросли цены, денежное обращение расстроилось и в стране началось социальное брожение. Вылилось это в знаменитый «медный бунт» в Москве 25 июля 1662 г., но волнения наблюдались и в других городах. Особенно обострилась обстановка на Украине и в Белоруссии, во вновь присоединенных областях, где медную копейку, которой платили денежное жалованье служилым людям, принимать отказывались. В июне 1663 г. реформу отменили, казна срочно выкупила медную копейку у населения из расчета 100 копеек медью за 1 копейку серебром. Денежное обращение вернулось к традиционной серебряной проволочной копейке.

Возвращаясь к кладу, следует сказать, что отсутствие в нем медных копеек, авторитет которых не был поколеблен до 1658 г., дает основание считать, что захоронение не могло быть сделано до этой даты. Но в 1658—1662 гг., когда ценность меди стремительно падала, прятать с серебряными копейками медные было и вовсе бессмысленно. Дни медной копейки были сочтены. Может быть, се-

⁸ Векслер А., Мельникова А. Российская история в московских кладах. М., 1999. С. 228—232; №№ 251, 257, 259, 260, 261, 262, 263, 267, 274.

⁹ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича, СПб., 1909. С. 100.

ребряные монеты Алексея Михайловича из клада были в значительной своей части получены при обмене на медные?

Начиная с 1660 г. казна начала целенаправленно собирать серебро, чтобы вернуться к серебряной копейке, и к 1663 г. сумела накопить значительный запас¹⁰. Царский указ от 26 июня запрещал обращение и хранение медных денег у населения; с 1 июля устанавливался двухнедельный срок в Москве и месячный срок в городах для обмена меди на серебро. Так как производство медных монет было прекращено царским указом от 15 июня и с этого же числа приказывалось «Старой денежной серебряного дела двор на Москве завести и серебряные деньги на нем денежным мастерам делать», то следует признать тот факт, что у казны были в запасе значительные количества серебряных копеек — ведь за две недели, отделяющие начало монетного производства на Старом дворе до начала массового обмена меди на серебро, технически невозможно было не только отчеканить нужное число серебряной монеты, но доставить ее в города, отдаленные от Москвы. Эти подсчеты еще более убеждают нас в предположении об организации чеканки серебряной монеты за некоторое время до официальной даты отмены реформы, а состав и количество серебряных копеек Алексея Михайловича в кладах с большой Полянки, как уже говорилось выше, это предположение подтверждает.

Все эти соображения приводят к мысли о том, что наиболее вероятной датой захоронения клада следует считать 1663 г., можно даже определить и месяцы — июль—август, когда начался обмен медных денег на серебряные. Не исключено, что владелец клада спрятал те деньги, которые он сумел накопить до начала реформы, и к ним присоединил серебро, полученное из казны в обмен на медные копейки.

Установив таким образом наиболее возможную дату клада, попробуем выяснить, кто же мог собрать и спрятать такую значительную сумму денег — 9849 экз. составляли сумму в 98 руб. с полтиной (без одной копейки). О том, что сумма эта была довольно крупной, говорит даже беглое сравнение ее с ценами на предметы первой необходимости в середине XVII в. По данным Кильбургера (1674) четверть ржи стоила 60—70 коп., четверть овса — 32, пуд мяса вяленого — 40, одна овца — 30—36, пара цыплят — 2, пуд трески вяленой — 80, пуд самой лучшей соли — 20, пуд меда — 11—12 руб., пуд масла — 1 рубль¹¹.

¹⁰ *Базилевич К. В.* Денежная реформа Алексея Михайловича... С. 50—67.

¹¹ *Курц Б. Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 115, 176—177.

Нам известны пока только шесть комплексов времени Алексея Михайловича, по размерам сопоставимые с кладом с большой Полянки, из общего числа (около 100) выявленных в настоящее время кладов, зарытых в правление этого царя:

— клад размером около 33 000 экз. был найден в Москве, на Красной площади, возле Спасской башни;

— около 22 000 экз. — в Москве, на Ильинке, где находились Теплые торговые ряды¹²;

— около 13 000 экз. — в Казани¹³;

— около 10 000 экз. — в Москве, на Ходынском поле, где проходила древняя торговая дорога на Тверь¹⁴;

— 7000—8000 экз. — в Коломне Московской обл.¹⁵;

— столько же — в с. Вачутино Ногинского р-на Московской обл.¹⁶

Из всего перечня сохранился только один клад, найденный возле Спасской башни Кремля: он хранится в Музеях Московского Кремля. По мнению специалистов, этот 33-тысячный клад представляет собой комплекс монет длительного накопления, складывавшийся на протяжении многих десятилетий и составляющий как бы два объединенных клада. Датируется весь комплекс 1648 г.¹⁷

Остальные известные нам клады времени Алексея Михайловича представляют в среднем количество монет от 1000 до 4000 экз. (т. е. составляют суммы от 10 до 40 руб.).

Если принять наше предположение, что часть клада составили те серебряные копейки, которые были обменены из расчета 100 медных за одну серебряную, то можно согласиться с тем, что клад с Большой Полянки представлял весьма крупную по тем временам сумму.

Кто же мог быть владельцем клада?

Определение владельца клада — одна из наиболее интересных, но и сложных проблем «кладоведения». Определение это складывается из нескольких слагаемых. Это — и изучение топографии находки, выявление социального состава населения в месте и в момент захоронения клада; и сопоставление суммы денег, состав-

¹² Векслер А., Мельникова А. Указ. соч. С. 227, № 248, С. 228, № 250.

¹³ Архив ЛОИА. Ф. 1. Д. 167/1901

¹⁴ Векслер А., Мельникова А. Указ. соч. С. 229, № 255.

¹⁵ Там же. С. 237. № 311.

¹⁶ Архив ЛОИА. Ф. 1, д. 258/1895.

¹⁷ Приношу благодарность за сведения о кладе, найденном возле Спасской башни Кремля сотруднику Отдела нумизматики Музеев Кремля Звереву С. В.

ляющих клад, с уровнем цен на предметы первой необходимости и с размерами денежного жалования служилым людям, оплаты труда ремесленников, с размером государева тягла в его денежном выражении для жителей города и деревни; это — изучение социальной структуры общества и выявление той категории населения, которая могла располагать денежными средствами, и, наконец, изучение конкретных исторических обстоятельств, с которыми можно было бы связать факт сокрытия денег.

Место находки клада с Большой Полянки, согласно чертежам, изданным В.И.Ламанским¹⁸ и С.А.Белокуровым¹⁹, прокомментированных затем П.В.Сытиным²⁰, удастся идентифицировать с той местностью, где в XVII в. находилась церковь Григория Неокесарийского и примыкающий к ней церковный участок. Каменное здание церкви, сохранившееся и поныне, было построено в 1667—1669 гг.; тогда же был выделен и окружен каменными надолбами церковный участок. Современная улица Большая Полянка в середине XVII в. называлась Козмодемьянской; доходила она до церкви Григория Неокесарийского. За церковным участком, территория которого пересекала улицу, шла дорога к Серпуховской заставе, окруженная пустырями («вспольем»).

Церковь Григория Неокесарийского была первоначально деревянной и находилась ближе к центру города. Рядом с ней на плане показан «двор тое церкви попа». Рядом со старым церковным участком и поповским двором, по сторонам от них, на углу ул. Большая Полянка и современного Старомонетного пер., было два дворовых пустых места.

После 1666 г. эта местность несколько изменилась. В этом году был взят к царскому двору «за ученость» приходской священник церкви Григория Неокесарийского Андрей Савинович Посников. Он стал протопопом кремлевского Благовещенского собора и царским духовником. Очень скоро Андрей Савинович стал царским любимцем — фигурой, наличие которой со второй половины XVII в. оказалось обязательным элементом утверждавшейся в России абсолютистской власти. «Из любви» к своему духовнику царь Алексей Михайлович выстроил новое каменное здание церкви, выделив для строительства немалые средства и пригласив зодчих, обычно работавших над выполнением царских заказов — Ивана Кузнечика и Карпа Губу; для украшения церкви фризом из много-

¹⁸ Ламанский В.И. Сборник чертежей г. Москвы, окрестностей и г. Пскова в XVII в. // СПб., 1861.

¹⁹ Белокуров С.А. Планы Москвы XVII столетия. М. 1898.

²⁰ Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы // Труды Музея истории и реконструкции Москвы. Вып. 1. М., 1950. С. 151—152.

цветных изразцов («ценинных») привлекли знаменитого московского мастера Степана Полубеса²¹.

Одновременно со строительством каменного здания церкви произошло расширение церковного участка, который сдвинулся к югу и занял значительную площадь. Размеры нового участка составили приблизительно 32 сажени «поперек» и более 18 саженей вдоль. Двор огораживали, как уже говорилось, каменные столбы — надолбы. Сейчас территория церковного участка занимает небольшую площадь на углу Старомонетного пер., вливающегося в этом месте в Полянку. Бывшая территория церковного участка пересекает современную улицу Большая Полянка и заканчивается на месте дома, где находится ныне книжный магазин «Молодая гвардия» и новая станция метро «Полянка».

Не раньше 1666 г., возможно, одновременно со строительством каменного здания церкви, к северу от бывшей территории «тое церкви попа» и деревянного строения церкви Григория Неокесарийского был построен «новый двор благовещенского протопопа Андрея Савиновича» (именно так обозначен на плане этот участок). По размеру новый двор превосходил старый по меньшей мере раза в три.

Клад был найден возле домов, находившихся за книжным магазином. В XVII в. здесь поблизости находился или самый дальний угол ограды церковного участка, или же был пустырь («порозжее место», как оно обозначено на плане). «Порозжим» это место было из-за топкой, болотистой почвы, которую часто заливали паводки реки Москвы. Позже, после осушения почвы, здесь возник Полянский рынок. Поскольку ограда церкви могла возникнуть не раньше 1667—1669 гг., а время захоронения клада мы датировали 1663 г., следует думать, что клад был спрятан на «порозжем месте», видимо, возле какого-либо приметного предмета, скорее всего — дерева.

Отсутствие в XVII в. вокруг места находки клада сколько-нибудь заметных городских построек, кроме дворов причта церкви Григория Неокесарийского, сужает круг поисков возможного владельца денег. Деньги могли принадлежать и «тое церкви попу», и быть церковной казной. Но против последнего предположения говорит прежде всего вместилище клада — кубышка, одна из тех, в которых традиционно прятались деньги частных лиц, а также состав клада. Церковная казна, которая собиралась в течение длительного времени, должна была бы представлять собой

²¹ Ильин М.А. Москва. М., 1963. С. 125—126.

клад длительного накопления, где соседствовали бы монеты, представляющие разные периоды денежного обращения. Здесь же мы встретились с очень однородным составом, отразившим состояние денежного хозяйства страны в середине XVII в. Обращает на себя внимание и очень «чистый» состав клада, а именно незначительный процент разного рода «непрямых» денег, в изобилии наводнивших русский денежный рынок к этому времени (речь идет о датских и шведских подделках, появившихся после 1619 и 1617 гг., о ярославских откупных деньгах, чеканка которых началась после 1618—1619 гг., а также о фальшивых «воровских» копейках²²). На 9849 монет клада выпуски монет трехрублевой стопы 1533—1613 гг. составили всего 0,3%, деннинги — 0,05%, копейки «Нефедки в Свее» — 0,07%, ярославские выпуски после 1619 г. — 0,43%, «воровские» копейки — 0,2%. Для такого большого клада эти количества представляются совершенно ничтожными. Для сравнения укажем процентные соотношения другого московского клада, сложившегося тоже во время денежной реформы 1654—1663 гг. (клад со Сретенки, 4308 экз., ГИМ № 102181). В нем «старые» монеты 1533—1613 гг. составляли 0,6%, деннинги — 0,06%, копейки «Нефедки в Свее» — 0,2%, ярославские выпуски после 1619 г. — 0,99% и «воровские» — 0,37%. Создается впечатление, что монеты клада с Большой Полянки просматривались и всё, вызывающее сомнение, выметывалось (хотя, конечно, кое-что ускользнуло от глаз «проверяльщиков»). Вряд ли церковная казна просматривалась с таким тщанием, да и попадали в неё зачастую всякого рода суррогаты, вплоть до пуговиц. «Чистые» по составу клады, в подавляющем большинстве своём образовывались из сумм, полученных непосредственно из казны (денежные вознаграждения, жалованье).

Приняв во внимание эти наблюдения, мы рискуем высказать предположение, что клад с Большой Полянки был зарыт тем самым попом церкви Григория Неокесарийского, двор которого находился неподалеку от места находки клада. Имя «тое церкви попа» известно — это был Андрей Савинович Посников, с 1666 г. — протопоп кремлевского Благовещенского собора, духовник и любимец царя Алексея Михайловича, о котором замечено, что ни один из царских духовников не пользовался подобным расположением царя²³.

²² О «непрямых» выпусках см. статьи настоящего сборника («О чеканке Нефедки в Свее или денежное обращение в Ижорской земле и Корельском уезде при шведах», «Русское денежное обращение и деннинги», «Воровские деньги России в XVI — XVII вв.»).

²³ *Известок М.Д. Духовник царя Алексея Михайловича — протопоп Андрей Савинович Посников // Христианские чтения. 1902. СПб., Вып. 1. С 126—139.*

Но духовником и любимцем царя Андрей Савинович стал после 1666 г., клад же был зарыт, по нашему мнению, около 1663 г. Мог ли священник московской приходской церкви собрать такую большую по тем временам сумму?

О размерах годового денежного жалованья священнослужителей московских церквей сообщает И.Е. Забелин: в 1664 г. причт церкви Федора Стратилата, состоящий из 2 попов, дьякона, 2 дьячков, пономаря, сторожа, получал из Дворца ругу (содержание) около 100 руб. на всю братию, кроме годовых сукон (12 руб.) и хлебного жалованья²⁴. При царе Федоре Алексеевиче, особо благоволившим к церкви своего ангела, руга была увеличена до 196 руб.²⁵ У того же И.Е. Забелина приводятся данные об оплате безместных попов и дьяконов в Москве в начале XVII в. (1604 г.): «А найму имати им от повсяддневные службы по алтыну, а в праздники по два алтына от службы»²⁶. Исходя из этого расчета, церковнослужитель получал каждый месяц что-то около полутора—двух рублей. Имеются также сведения, правда, относящиеся к 1578 г., о денежном жаловании попам — по 4 руб., дьяконам — по 3, дьячкам — по рублю, плюс «за соль по 4 алтына», проскурнице рубль, и «на вино церковное, и на темьян, и на ладан, и на свечи, и на просвиры пятнадцать рублей и двадцать алтын»²⁷.

В XVII в. размеры денежного жалованья должны были бы измениться в связи с изменением ценности копейки (вместо 0,68 г копейка стала весить 0,51 г). По всей видимости, месячное денежное содержание попа составляло сумму около 5 руб. Исследователями истории служилой бюрократии XVII в. замечено, что оклады подьячих — наиболее массовой и самой низшей прослойки бюрократического аппарата в их верхнем и среднем звеньях составляли суммы от 6 до 10 руб. (средние) и от 11 до 15 руб. (высшие). Младшие подьячие получали от 1 до 5 руб. Замечено также, что денежные оклады служилой бюрократии в среднем соответствовали денежным окладам разных рангов служилых людей по отечеству (в их среднем и высшем звеньях) и приборных служилых людей — в младшем звене²⁸. Белое духовенство — многочисленный отряд священнослужителей, обслуживающих приходские

²⁴ Забелин И.Е. История города Москвы. М., Ч. 1. 1990 (репринтное издание). С. 439.

²⁵ Там же. С. 439.

²⁶ Там же. С. 532—633.

²⁷ Буганов В.И. Переписка Городового приказа с воеводами ливонских городов в 1577—1578 гг. // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 308.

²⁸ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 127—128.

церкви, по их имущественному положению, видимо, соответствовали подьячим. Так же, как и для штата подьячих, для священнослужителей денежное жалованье являлось основным источником существования, ибо все они в подавляющей части не имели земельной собственности.

Для жителей города, тем более такого крупного, как Москва, получение регулярного денежного жалованья было немалой привилегией. Его получали приказные люди, приборные люди и священники, а основная масса посадского населения — ремесленники и мелкие торговые люди — кормились своей торгово-ремесленной деятельностью. Видимо, не случаен тот факт, что в XVII в., особенно во второй его половине, возрастает процент денежных кладов, спрятанных в городах, а по топографии находок (по материалам московских кладов) значительная часть их находится в тех районах города, где располагались стрелецкие слободы или, как это имеет место в данном случае, церковные участки. Факт этот следует связывать с ростом той части городского населения, которая жила за счет денежного жалованья.

Однако рассмотренный нами клад, конечно, настолько велик, что его следует отнести к категории исключительных по размеру. Надо полагать, далеко не всякий городской священник мог собрать такую крупную сумму. Но если принять нашу версию о принадлежности клада Андрею Савиновичу, все встает на свои места. Ведь священник церкви Григория Неокесарийского был явно личностью незаурядной — недаром он попал в число отмеченных царской милостью и любовью. Остается только гадать — каким образом была собрана эта сумма. Были ли это денежные пожалования от царя, который мог узнать об ученом попе еще до 1666 г., накопил ли эти деньги Андрей Савинович благодаря какой-то неведомой нам собственной предпринимательской деятельности, было ли это следствием чрезвычайной бережливости или расчетливости «твое церкви попа» — нам знать не дано. Возникает вопрос: почему же спрятанные около 1663 г. деньги так и остались невостребованными? Это могло случиться в результате смерти, но мы знаем, что Андрей Савинович здравствовал еще долгие годы. Не только здравствовал, но и процветал. Вот в этом-то процветании, на наш взгляд, и кроется загадка невостребованности клада. Духовник царя скоро стал закадычным, «собинным» другом Алексея Михайловича и был осыпан всяческими милостями. Таков перечень некоторых даров, которые Андрей Савинович получил за крещение сына Алексея Михайловича, будущего Петра I, 29 июля 1672 г.: «...От великого государя... кубок с кровлею, весом

фунт 60 золотников, сорок сороков соболей в 80 рублей, и 10 аршин атласу таусиновому; от царицы — аршин камки куфтеру темнолазорева; от царевича Федора Алексеевича — сорок соболей в 100 рублей, 5 аршин объяри звездичной и 50 золотых»²⁹. Андрей Савинович крестил также царевен Наталью Алексеевну и Феодору Алексеевну, за что получал щедрые подарки, среди которых были и «золотые» — золотые западноевропейские монеты, которые в России в денежном обращении не участвовали и выполняли функции «поминков» (наград) и сокровища. В 1676 г. царь издал именной указ, чтобы Андрею Савиновичу выдавали с Казенного двора все, что он пожелает, «не сказывая о том казначею Афанасию Самойловичу Нарбекову». Сохранилась записка Андрея Савиновича: «Надобно мне, Благовещенского протопопу Андрею Савину с Казенного двора ... мех черев бурых лисиц... полукармазину вишневого для обивки дорожных володимерских саней ..., мех лисий черной на исход камчатского одеяла, а на опушку его — бобр немсукой черной. И атласу остраханского вишневогой земли для пелены на стол»³⁰. Получал он и денежное жалованье: в 1669 г., 18 ноября, он получил 300 руб., 19 декабря того же года — 300, 17 февраля 1670 г. — 400 руб. Кроме того, ему на руки выдавались крупные суммы на раздачу нуждающимся от имени царя. Для именинного пира Андрею Савиновичу было куплено за царский счет 2 быка по 3 руб., 10 баранов по полтине, 20 кур по 10 денег. В другой раз ему прислали от царского стола 2 осетра больших, осетр мелкий, «да с Кормового двора живой рыбы 2 стерляди, 2 штуки по аршину, 2 щуки по три четверти, 2 язя и 2 линя»³¹.

Причиной столь великих милостей царя были, по-видимому, не столько благочестие и ученость духовника, сколько то, что он оказался прекрасным собутыльником и сотрапезником ценившего житейские радости Алексея Михайловича. В Книге дворцовых разрядов сохранилась запись от 21 октября 1674 г., где описывается царское веселье: «Было у Государя вечернее кушанье в потешных хоробах. Ели бояре все без мест, думные дьяки, да у кушанья их был духовник великого государя протопоп Благовещенский Андрей Савинов. А после кушанья изволил великий государь тешить себя всякие игры, и его, великого государя, тешили: и в органы играли, и по накрам и по литаврам били ж во все. Да великий государь жаловал протопопа своего великого го-

²⁹ *Извеков М.Д.* Указ. Соч. С. 129—130.

³⁰ Там же. С. 131.

³¹ Там же. С. 131—132.

сударя духовника и бояр и дьяков думных, которые были у вечернего кушанья, вотками, ренскими и романеи и всякими различными питии и пожаловал своею государевою милостию напоил их всех пьяных»³².

Веселое житие духовника царя вызывало резкое осуждение со стороны высшего духовенства. Патриарх Иоаким в ноябре 1674 г. обвинял духовника в «недобродейной жизни» (за участие в царских пирах, за то, что не принял монашества после смерти жены в 1670 г.), он обличал «протопопово неистовство и невежество и мздоимство многое ... держал у себя жонку многое время, не пустил к себе его, патриарха, духовника и самого патриарха бесчестит». Иоаким потребовал у царя, чтобы Андрея Савиновича «во смирение» посадили на цепь, запретил ему служение и благословление. Только в декабре того же года царь упросил патриарха простить Андрея Савиновича.

Причиной недоброжелательности была не только «недобродейная жизнь» духовника царя; известно, что через Андрея Савиновича искал облегчения своей участи низложенный патриарх Никон, который писал ему и посылал кустарные деревянные изделия — деревянную посуду.

Андрей Савинович пробыл при дворе с 1666 по 1676 г. — 10 лет. Живя в полном довольстве, обласканный милостями и дружбой самого царя, он вряд ли имел нужду обращаться к своей спрятанной кубышке с кладом, а может быть — и забыл о ней.

Черные дни настали для Андрея Савиновича после смерти царя в январе 1676 г., смерти неожиданной, так как царю было всего 47 лет. С духовником царя немедленно расправился патриарх Иоаким. 14 марта 1676 г. в Патриаршей палате открылся собор «на духовника Андрея». Его обвинили в том, что он «возбуждал царя на всякое немилосердие», «попирал ногами патриарха архиерейскую власть», «без патриаршего благословления церковь себе воздвиг», «веселился на всяк день винопитием и в блуждении, услаждаясь блудническими песнями с приложением различных игр и бряцаний..., валяшесь на стогнах прелюбодеяния, яко вепрь...»³³.

Андрея Савиновича лишили священного сана, предали анафеме и сослали в Кожеозерский монастырь³⁴ без права входить в церковь. Не лишним будет заметить, что, покончив с Андреем

³² Там же. С. 130.

³³ Там же. С. 138—139.

³⁴ «Кожеозерский, бывший заштатный монастырь Архангельской губернии и епархии, в Онегском уезде, строение деревянное, ветхое от города Онеги во 170 верстах» (Шекатов А. Ф. Словарь географический Российского государства. М., 1804. Часть третья. С. 598).

Савиновичем, Иоаким обратился к Никону и отослал его из Феррапонтова монастыря в Кириллов.

Так закончилась фантастическая карьера последнего любимца царя, и таким концом, по всей видимости, можно объяснить, почему попавший в опалу духовник так и не смог воспользоваться своими сбережениями.

Разумеется, гипотеза о принадлежности клада знаменитому протопопу Благовещенского собора, духовнику самого царя Алексея Михайловича есть не более, чем гипотеза, и доказать ее абсолютную достоверность вряд ли возможно. Мы высказали свои предположения, опираясь на ряд косвенных доказательств, но главной нашей целью было — обратить внимание на такой нетрадиционный исторический источник, как монетный клад, при помощи которого можно попытаться сделать срез с социальной жизни общества в прошлом.

Клад медных монет XVII века из Пскова

Во время археологических раскопок в Пскове в 1983 г. в раскопе по ул. Ленина был обнаружен клад медных русских копеек, чеканившихся во время денежной реформы 1654—1663 г. («реформы Алексея Михайловича»). В кладе насчитывалось 664 экз. Следов сосуда или кошелька не зафиксировано. Монеты располагались компактной массой диаметром от 0,5 до 0,7 м. на глубине 140—144 см. Некоторые монеты находились в небольшом отдалении от основной массы. Состояние монет было крайне неудовлетворительным. После реставрации доступными для изучения оказались 444 экз.; остальные превратились в бесформенные и совершенно слепые обломки.¹

Клады с медными монетами времени реформы Алексея Михайловича — не столь уж большая редкость. В 1971 г. были опубликованы все известные на тот момент сведения об их находках на территории бывшего СССР² Всего были выявлены 34 клада. За истекшие годы число их увеличилось до 40, но, разумеется, эта цифра не может считаться исчерпывающей и, наверняка, их найдено больше. Подавляющее большинство кладов известны благодаря упоминаниям в литературе, а доступными для визуального изучения, то есть сохранившимися целиком или частично, оказались всего семь кладов, включая псковский комплекс. Это — клад, найденный и хранящийся в Вологде (ВОКМ № 2791, 2270 экз.); находка из совхоза «Ленинский» Московской обл. (ГИМ № 101858, 980 экз., составляющие часть клада); клад из с. Мшага Солецкого р-на Новгородской обл. (НМ № 251, 4787 экз.); клад из с. Юркино Гдовского р-на Псковской обл. (ОН ГЭ, № XI, 1772 экз.); хранящийся в ОН ГЭ под № 44^a/519 ком-

¹ Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Раскопки в древней части Среднего города (1967—1991). Материалы и исследования. Том 1. Псков. 1996. С. 173-301.; Археологические открытия 1983 г. М. Наука. 1985. С. 31—32.

² Мельникова А.С. Клад медных русских монет XVII в. из Московской области.// Нумизматический сборник. Т.4. Вып. 1. М., 1971. С. 68—73.

плекс из 2859 экз., не имеющий указания на место находки, но по мнению И.Г.Спасского происходящий из крупного клада, найденного в 30-х г. XIX в. в развалинах Порховской крепости неподалеку от Пскова³; еще один комплекс, не сохранивший указания на место находки, хранится в ОН ГЭ под № 583/873 и насчитывает 2763 экз. Все эти клады были разобраны по штемпелям автором настоящей статьи и описи их состава хранятся в архивах Отдела нумизматики ГИМ, ГЭ и Вологодского музея, однако опубликованным оказался только один клад из Московской обл.⁴ Помимо перечисленных медных кладов, в ОН ГЭ хранятся также семь комплексов медных монет XVII в., условно выделенные в клады без указания места находки.⁵

Причина отказа от публикации обработанных кладов заключается в отсутствии законченной научной систематизации медных копеек 1655—1663 г. На базе более чем 20 — тысячной коллекции этих монет в собрании ОН ГИМ создана предварительная систематизация, оформленная как схемы соотношения штемпелей монет пяти действующих денежных дворов времени реформы: Старого Московского, Нового (Английского) Московского, Псковского, Новгородского и Кукунойского. Опубликованы только схемы Старого и Нового (Английского) Московских дворов и денежного двора в Кукунойсе.⁶

Даже предварительная систематизация медных копеек 1655—1663 г. позволила сделать крайне важные и интересные наблюдения нумизматического и общеисторического характера. Удалось разделить продукцию двух московских дворов, определить масштабы деятельности всех центров производства медных копеек, степень засоренности денежного обращения «воровскими» (фальшивыми) монетами. Данные, полученные при обработке кладов и коллекции, уточнили существующие представления о предпосылках и характере денежной реформы 1654—1663 г., о деятельности первых мануфактур, какими являлись денежные дворы, выявили степень участия в проведении реформы ряда исторических лиц.⁷

³ Сотникова М.П., Спасский И.Г. Русские клады слитков и монет в Эрмитаже. // Русская нумизматика XI—XX веков. Материалы и исследования. Л., Аврора, 1979, № 53, С. 81—82.

⁴ Мельникова А.С. Клад медных монет из Московской области.

⁵ Сотникова М.П., Спасский И.Г. Русские клады слитков и монет в Эрмитаже. № 51, 54—56. С. 81—83.

⁶ Мельникова А.С. Старый Московский денежный двор во время денежной реформы 1654—1663 г. // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 77—84, графическая таблица на вклейке; она же. О чеканке монет в Кукунойсе в середине XVII в. // Советская археология. 1964. 3. С. 141—148, графическая таблица в тексте.

⁷ Мельникова А.С. Псковский и Новгородский денежные дворы в середине XVII в. // Нумизматика и эпиграфика. VIII. М, Наука, 1970. С. 108—122; она же. Новый («Английский») денежный двор в Москве в 1654—1663 гг. // Нумизматика и эпиграфика. IX. М. Наука. 1971. С. 144—158; Заверев С.В. К истории русских денежных реформ 1654—1663 гг. // Труды ГИМ. Вып. 139. Патриарх Никон и его время. Сборник научных трудов. М. 2004. С. 108—143.

Публикация псковской находки 1983 г. преследует двоякую цель. Даже несовершенная систематизация медных псковских монет 1655—1663 г., которой мы будем пользоваться в настоящей работе, должна дать дополнительный материал для выявления новых типов и связей по штемпелям, уточнит хронологию выпусков, что может послужить базой для завершения систематизации псковских монет времени реформы. Но наиболее интересным аспектом исследования нам представляется повод и возможность высказать ряд соображений о судьбе Псковского денежного двора и его значении в системе мероприятий денежной реформы.

1654—1663 годы, когда проводилась денежная реформа Алексея Михайловича, занимают особое место в истории русского денежного хозяйства. Эти годы ознаменовали начало конца серебряной проволочной копейки, основного и практически единственного номинала русской денежной системы XVI—XVII вв. И хотя реформа, как известно, закончилась неудачей и денежное обращение вернулось к серебряной копейке, позднейшие реформаторы сумели извлечь уроки из ошибок государственных деятелей. Денежная реформа Петра I, которая проводилась с 1700 по 1718 г., коренным образом перестроила денежное хозяйство и покончила навсегда с архаической проволочной копейкой.

Одним из аспектов стратегического замысла реформы 1654—1663 г. была перестройка русского денежного хозяйства на западноевропейский образец. Основной единицей избирался талер — серебряная монета весом 27—29 г, наиболее распространенная монета XVI—XIX в. в истории мировых денег. В Германии и Чехии ее называли *иоахимсталер*, затем просто *талер*, в Нидерландах — *рейксдалдер*, в Скандинавии — *риксдалер*, *ригсдалер*, в Италии — *таллеро*, в Польше — *талар*, в Северной Америке — *доллар*. Монеты талерного типа — *песо*, чеканились в Испании и подвластных ей территориях, в Англии — *кроны*, во Франции — *экю*.⁸ В России эта монета получила название *ефимок*, *юхимок*. В первый год проведения реформы она стала *рублем* или *рублевым ефимком*. В 1654 г. все счетные единицы русской денежной системы — рубль, полтина, полуполтина, гривна, алтын, ранее состоявшие из определенного количества проволочной копейки, обрели форму монеты.

Рубль 1654 г. имел весовую норму талера. Более того, сохранившиеся до нашего времени немногие рублевые монеты 1654 г. свидетельствуют, что чеканились они непосредственно на талерах, где было сглажено изображение. Портреты и гербы западноевропейских государей

⁸ Фенглер Х., Гируа Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М., Радио и связь. 1993. С. 320-321.

явственно проступают под рисунками (конным портретом Алексея Михайловича на одной стороне и двуглавым орлом — на другой) и надписями на монете. Надписи содержали имя и титул царя, название номинала (рубль) и дату выпуска — 7162 (1654). Сходное оформление имела полтина. Полуполтинник чеканился на четвертинках талера, которым даже не потрудились придать круглую форму. На алтыне и грошевице (4 деньги) изображался на одной стороне конный портрет царя со скипетром в руках, на оборотной стороне — строчная надпись с именем и титулом царя, а возле изображения размещалось название номинала. Алтыны и грошевики, судя по письменным источникам, вначале пытались чеканить так же, как и рубли, и полтины, на кружках, но вскоре перешли к традиционной технике чеканки на заготовках из расплюснутых кусочков проволоки.

Рубль и полтина 1654 г. вполне соответствовали европейским стандартам оформления монет. Это были крупные круглые монеты, с портретом, именем и титулом правителя, с обозначением года и даже названием номинала. Но население, которое к середине XVII в. уже начинало испытывать заметные неудобства от пользования счетными единицами, новые крупные номиналы решительно отвергло. Дело было не только и не столько в консерватизме народа, привыкшего к проволочной копейке. Новые монеты были неполноценными и люди это прекрасно понимали. Талер на русском рынке стоил 50 копеек, а по весу соответствовал 64 проволочным серебряным копейкам. Обозначение номинала «рубль», проставленное на талере, сразу повышало нарицательную стоимость монеты в два раза. Точно также обстояло дело с серебряной полуполтиной. Полтины, алтыны и грошевики и вовсе чеканились из меди, металла, рыночная цена которого была примерно в 60 раз ниже цены серебра.⁹ В денежном обращении в 1654 году сосуществовали три системы: новые крупные серебряные номиналы (рубль и полуполтина), основанные на весовой основе талера; старые серебряные проволочные копейки, сто штук которых, составляющие счетный рубль, имели вес 45—47 г; и, наконец, медные номиналы (полтина, алтын и грошевик, возможно, гривенник) были монетами с принудительным курсом. В результате масса серебряных проволочных копеек стала уходить в клады, а новые неполноценные и к тому же непривычные деньги, которыми правительство пыталось выплачивать жалованье и делать различные казенные платежи, народ не принимал.

Уже в 1655 г. правительство отказалось от чеканки крупных номиналов, чему также способствовала техническая неподготовленность

⁹ *Базилевич К. В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М., Л., Изд. АН СССР. 1936. С. 13.

денежных дворов. Вместо прежних крупных монет стали выпускать одну — талер с надчеканкой копеечного штемпеля и датой «1655». Этот надчеканенный талер («ефимок с признаком») приравнялся уже к 64 копейкам, то есть соответствовал своей реальной ценности и был, следовательно, полноценной монетой. Осенью того же, 1655 года, началась чеканка проволочных копеек, но не из серебра, а из меди, по своей нарицательной стоимости приравненных к серебряным и не отличающихся от них ни по оформлению, ни по весу.

Возможно, выпуски 1655 года задумывались как единый комплекс мер, долженствующих сохранить первоначальный замысел реформы, ориентированной на талер как на основную денежную единицу. «Ефимок с признаком» предполагалось сохранить как крупный номинал, проволочную медную копейку — как разменную монету. Однако если такой замысел и существовал, до конца его довести помешало отсутствие необходимой сырьевой базы. Известно, что русское денежное дело базировалось на привозном сырье — западноевропейских серебряных монетах, которые в огромных количествах казна скупала или обменивала на сырьевые продукты и пушнину. Основными поставщиками серебра на европейском рынке были голландцы, но англо-голландская война 1652—1654 г. нанесла ущерб этой торговле. Обороты архангельской торговли сократились. Русско-шведская война 1656—1661 г. стала препятствием для торговой деятельности прибалтийского, особенно рижского купечества, также поставлявших серебро в Россию через Псков и Новгород. Возможно, сокращение поставок серебра в Россию в 50-х гг. обусловило тот факт, что в «ефимки с признаком» перевели талеры, самой поздней датой которых был 1655 г.¹⁰ Но не следует исключать и других причин, повлиявших на то, что контрмаркирование талеров ограничилось единственным 1655 годом. Сокращение притока серебра компенсировалось резким возрастанием ввоза меди из Швеции и правительство, по всей видимости, решило полностью переориентироваться на более дешевое медное сырье, о чем более подробно будет сказано ниже.

С 1655 по 1663 г. медные копейки стали практически единственным средством денежного обращения в стране, а чеканка их приобрела гигантский размах. Массовый выпуск проволочных копеек из дешевого сырья по привычной технологии должен был вывести страну из финансовых трудностей, весьма обострившихся в связи с русско-польской (1653—1667) и русско-шведской (1656—1661) войнами. Но не следует забывать, что медные копей-

¹⁰ Спасский И. Г. Русские ефимки. Новосибирск. Наука, Сиб. отделение, 1988.

ки были монетами с принудительным курсом, что оказало в дальнейшем разрушительное действие на русское денежное обращение.

Возможно, казна рассматривала выпуск медных копеек как временную меру в связи с затруднениями военного времени. Это мнение в известной степени базируется на сведениях об одном несохранившемся столбце Тайного приказа, названным «Статьи в тетрахах, каковы прислал думный дворянин Офанасей Лаврентьевич Ордын-Нащокин, как для пополнения ратей и полки с поместей и с вотчин и (с) скольких дворов даточных и рейтар взять, и почему им в год кормовых денег давать, и как о медных деньгах для тех же ратных людей промысел чинить». По мнению К.В.Базилевича, обнаружившего этот документ, записка была подана царю в самом начале проведения реформы или несколько раньше¹¹. Однако можно предположить и другое. В грамоте от 12 июня 1654 г., где перечислены все новые номиналы, сообщается, что чеканиться они должны из меди, по 10 рублей из фунта. Но ниже содержится существенная поправка: согласно царского указа от 7 июня 1654 г. на денежном дворе «деньги серебряные ефимки и четвертаки и медные алтынники» чеканятся «наспех, днем и ночью»¹². Цитированная грамота — это отписка руководителя денежного дела в 1654 г. боярина М.П.Пронского к царю Алексею Михайловичу в царскую ставку, в с. Воробьево. Возможно, в грамоте отразился первый вариант реформы — делать все номиналы из меди, затем замененный на компромиссный — чеканить часть номиналов из серебра, часть — из меди. Судя по приведенному документу, не исключено, что еще одним аспектом реформы могла быть смена сырья для чеканки монет. Вместо дорогостоящего и с таким трудом доставляемого серебра можно было использовать более дешевую медь, которую в изобилии поставляла Швеция, получившая после 1617 г. общую границу с Россией на Северо-Западе. На первый взгляд, можно предположить, что с самого начала действия правительства сводились к получению сиюминутного эффекта по извлечению максимальной выгоды от чеканки неполноценных монет. Однако события последующих лет дают основания считать, что непоследовательность в проведении реформы была характерна только для первого года, и существовал весьма продуманный стратегический замысел преобразований в русском денежном деле.

Мы постараемся реконструировать этот замысел реформы, последовательно рассматривая деятельность денежных дворов,

¹¹ Базилевич К. В. Указ. соч. С. 12—13.

¹² РГАДА. Разрядный . приказ, Севский стол. ф. 210. Стб. 157. Л. 71.

чеканивших медные копейки. Особенно обильную почву для предположений, выводов и обобщений дает изучение работы Псковского денежного двора.

Задумав выпуск медных копеек с принудительным курсом, казна постаралась обеспечить денежное обращение этими деньгами как можно более за короткий срок. Для чеканки медных номиналов была возобновлена деятельность денежных дворов в Новгороде и Пскове, закрытых, казалось, навсегда в 1627/8 г. В Москве выпуском медных копеек занимались Старый (Кремлевский) денежный двор, Новый (Английский), открытый в 1654 г. и поначалу предназначенный для чеканки крупных номиналов, а также Новый Дворцовый денежный двор на Моховой улице, о существовании которого стало известно совсем недавно.¹³ С 1658 по 1661 г. действовал еще один денежный двор в крепости Кукунойс, расположенной в 40 км. от Риги по течению Западной Двины (русский город был переименован в Царевичев-Дмитров).

Чеканка медной монеты с принудительным курсом, размеры эмиссии которой определялись исключительно наличием сырья, массовые злоупотребления всех работников на денежных дворах — от администрации до сторожей, охватившая всю страну вакханалия денежного «воровства», ставшего возможным благодаря примитивной ручной технике чеканки и доступности сырья (в ход шла даже домашняя медная утварь) — все это в короткое время породило перепроизводство медных копеек. Началась галопирующая инфляция. Не следует забывать, что в годы реформы серебряные копейки продолжали оставаться в обращении, а на Новгородском и Старом Московском дворах выпускались даже незначительные партии серебра. Возник лаж на медную копейку, который к 1663 г. стал составлять 1 : 15. Обесценивание медной монеты вызвало рост цен и расстройство денежного обращения. Начались стихийные народные волнения, в первую очередь среди служилых военных людей, расквартированных на Украине и в Белоруссии, где располагался театр военных действий. Получая жалованье медными копейками, служилые люди не могли реализовать его, так как местное население наотрез отказывалось продавать что-либо на медные копейки.¹⁴ В Москве, Новгороде, Пскове и

¹³ *Лаврентьев А. В.* Двор бояр Романовых на Никитской и монетное производство в Москве времени денежной реформы 1654-1663 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. XXVII. СПб, 2000. С. 39-52.

¹⁴ *Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 80—83; *Рябцевич В. Н., Титок В. А.* Русская монетная медь XVII в. в кладах Белоруссии и Украины // Древности Белоруссии. Доклады к конференции по археологии Белоруссии (март 1969) С. 427—435.

других крупных городах прошли выступления против царской администрации, в Москве вылившееся в настоящее восстание — Медный бунт 25 июля 1662 г.

Правительство пыталось энергично бороться с фальшивомонетчиками и с злоупотреблениями на денежных дворах.¹⁵ Но оно оказалось бессильным против экономических законов, нарушенных бесконтрольным и неограниченным выпуском монет с принудительным курсом. К тому же ряд действий правительства способствовал падению курса медной копейки. Ее нельзя было использовать во внешнеторговых операциях и в Сибири (хотя имеется множество письменных и вещественных доказательств о нарушении этого запрета). С 1658 г. казна начала собирать все подати с населения только серебром. Несколько позже была объявлена царская монополия на некоторые экспортные товары, пользующиеся спросом на европейском рынке. Делались попытки получить займы в Европе.¹⁶

11 июня 1663 г. последовал царский указ, согласно которому было велено «на Москве и в Великом Новгороде и во Пскове денежного дела дворы отставить, а маточники и чеканы в тех городах собрав все, прислать в Москву в Приказ Большой Казны». С 15 июня на Старом денежном «серебряного дела дворе на Москве» должна была возобновиться чеканка серебряной проволочной копейки. Все виды жалованья и государственные поборы переходили исключительно на серебряные деньги, торговля «в рядах всяких чинов людям» также отныне должна была производиться на серебро. Медные деньги «указал Великий Государь отставить». Указ от 26 июня 1663 г. требовал: «медные деньги сливать, а не слив, деньгами никому у себя не держать». В казне обмен меди на серебро производился из расчета — за одну серебряную копейку — 100 медных. В Москве деньги следовало обменять в течение двух недель, в других городах — в течение месяца.¹⁷

Как показал К. В. Базилевич, обменный курс меди основывался на ее рыночной цене, составляющей 12 серебряных копеек за фунт, в то время как из фунта меди делалось медных копеек на 10 рублей. Рыночная стоимость меди, заключенной в 1 рубле медными копейками, составляла всего 1,2% их номинальной стоимос-

¹⁵ Кренке Н. А., Мельникова А. С., Зайцев В. В. Новый Дворцовый денежный двор в Москве XVII в. (Денежная реформа 1654—1663 годов в контексте новых археологических открытий) // Очерки феодальной России. 4. М., 2000. С. 158—185.

¹⁶ Базилевич К. В. Указ. соч. С. 28—45.

¹⁷ Сборник указов по монетному и медальному делу в России. Сост. М. Деммени. Вып. 1. СПб, 1887. №№ 338, 343. С. 5, 6.

ти. Обмен 1 рубля медью на 1 серебряную копейку почти соответствовал рыночному соотношению в стоимости серебра и меди.¹⁸

К июню 1663 г. в стране образовались колоссальные запасы медных копеек, которые приходилось или менять за бесценок, или уничтожать. Реакция населения последовала незамедлительно. Началась массовая подделка медных копеек под серебряные — их покрывали слоем ртути, или лудили, иногда даже серебрили. В музейных собраниях сохранились образцы таких «луженых» или «портученых» копеек, чеканенных на всех денежных дворах времени реформы. Царский указ от 20 января 1664 г. еще раз потребовал «под страхом жестокого наказания, разоренья и ссылки в дальние города не держать у себя медных копеек». Как о новой опасности указ сообщал, что «в Москве и разных городех объявляются медныя деньги портучены, а иные посеребряны и полужены».¹⁹

Очевидно, к этому периоду следует отнести захоронение основной массы кладов с медными копейками. Население предпочитало прятать их, а не менять по столь невыгодному курсу.

Чеканка медных копеек, длившаяся около семи лет, была самой длительной и значимой по последствиям частью денежной реформы. Большое число одновременно действовавших денежных дворов оставило внушительный след в письменных источниках, в целом крайне скудно освещающих историю русского денежного хозяйства до XVIII в. Документам времени реформы мы обязаны в первую очередь знаниями об организации русского денежного производства.

Среди денежных дворов времени реформы по размаху чеканки и по объему выпускаемой продукции ведущее положение занимал Псковский. В 20-тысячной коллекции медных копеек собрания ОН ГИМ, на долю псковских монет приходится более 16 тысяч экземпляров. Далее следуют монеты Старого (Кремлевского) денежного двора — более 3 тысяч экз. Остальные дворы представлены меньшими количествами: Новый (Английский) — не более 200 экз., Новгородский — немногим более сотни экз., Кукенойский — менее 300 экз. О продукции Нового Дворцового двора пока известно лишь то, что он пользовался маточниками и чеканами Нового и Старого московских дворов. Выделить его продукцию невозможно, как невозможно на сегодняшний день указать точные количества продукции всех денежных дворов в собрании ОН ГИМ, поскольку коллекция окончательно не обработана.

¹⁸ *Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 14.

¹⁹ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн VI. Т. II. М., 1961. С. 196.

Ниже приводится таблица разобранных нами кладов с указанием процентных соотношений выпусков отдельных денежных дворов к общему количеству монет в кладе (без учета монет плохой сохранности).

Таблица № 1

Наименование и № клада	Московские Псковский Новгородский Кукунойский денежные дворы			
	Московский ГИМ 101858	64,58	13,57	1,73
Вологодский ВОКМ 2791	63,07	18,94	4,22	1,32
Псковский ОН ГЭ XI	13,35	77,14	0,5	3,95
Новгородский НМ 251	33,84	54,54	6,28	3,92

Как можно убедиться, в кладах новгородско-псковского ареала процент псковского чекана достаточно велик по сравнению с московским и вологодским кладом.

О размахе чеканки на Псковском денежном дворе свидетельствует также сравнение количества выявленных в настоящее время лицевых и оборотных маточников псковского и остальных денежных дворов.

Таблица № 2

Маточники	Старый Новый Псковский Новгородский Кукунойский московские денежные дворы				
	Лицевые	13	31	26	3
Оборотные	40	31	69	7	10

Сочетания лицевых и оборотных сторон образовали в Пскове более 100 типов, на Старом дворе — 71, на Новом — 52, на Кукунойском — 24 и в Новгороде — всего 7. Разумеется, эти подсчеты отнюдь не претендуют на полную точность, поскольку, как уже говорилось, систематизация медных копеек пока имеет лишь предварительный характер, но представление о порядке сравнительных величин они дают.

Помимо нумизматического материала, о деятельности Псковского денежного двора сообщают псковские Приходо-расходные книги

псковским четвертным расходам и доходам за 1655—1656 (7164) г., и за 1658-1659 (7167)г., хранящиеся в Псковском музее (Архив ПОКМ, №№ 295/49 и 298/49). Среди прочих данных здесь содержатся ежедневные записи о деятельности Псковского денежного двора. Эти записи в 50-х гг. прошлого века были скопированы сотрудником Псковского музея Л.А. Твороговым для И.Г.Спасского, который затем передал их мне, а от меня они вернулись в Псковский музей. И.Г.Спасский использовал эти материалы в очень незначительной части, а для меня они послужили основным источником для работы по истории Псковского двора, опубликованной в 1970 г.²⁰ Помимо псковских Приходо-расходных книг, сведения о работе Псковского двора разбросаны в многочисленном актовом материале, как опубликованном, так и хранящимся в архиве (РГАДА). Много интересных данных содержится также в сборниках, посвященных русско-шведским отношениям в XVII в.²¹ Известные документы за последнее время пополнились новыми находками, использованными в работе С.В. Зверева «К истории денежных реформ 1654—1663 гг.».

Псковский денежный двор, открытый в 1425 году, был закрыт в 1627/8, почти или одновременно с Новгородским. Закрытие двух провинциальных денежных дворов было связано с коренными переменами в организации русского денежного хозяйства, направленными на полное подчинение центральной власти в лице приказа Большой казны. В 1626 г. к этому главному финансовому ведомству страны перешло управление денежными дворами, ранее руководимыми Денежным приказом, функции которого выполнял Московский денежный двор. Казна получала возможность полностью контролировать доходы от чеканки, после 1627 г. сконцентрированной на единственном Московском денежном дворе. Перемены не заставили себя ждать. Почти сразу же после этой даты копейки стали чеканиться из серебра талерной пробы, без предварительной очистки, стопа снизилась с нормативного веса 0,51 г до 0,48 г, оформление монет обрело черты стандартности. Ряд косвенных данных свидетельствуют о ликвидации в эти же годы права частного заказа на чеканку и полный переход на казенное снабжение сырьем. Все эти перемены дают основание квалифицировать перемены 1626/27 гг. как денежную реформу.²²

Восстановление Новгородского и Псковского денежных дворов в 1655 г. нельзя считать отказом от реформы 1626/27 г. Денеж-

²⁰ Мельникова А.С. Псковский и Новгородский денежные дворы в середине XVII в.

²¹ Русско-шведские экономические отношения в XVII в. Сборник документов. Сост. Давыдова М.Б., Шаскольский И.П., Юхт А.И. М., Л., Изд. АН СССР. 1960; Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке. Москва — Стокгольм. Наука, 1978.

²² Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., Финансы и статистика. 1989. С.173—177.

ное производство, как подсказает дальнейшее изложение, останется таким же централизованным, хотя конкретные обстоятельства допускали иногда отклонения от общепринятого порядка. Учреждение новых пяти денежных дворов в 1655—1660-х гг., равно как и работа Старого Московского, преследовало единственную цель — скорейшее насыщение денежного обращения максимальным количеством медных копеек с принудительным курсом.

Указ о возобновлении деятельности Новгородского и Псковского денежных дворов последовал 15 сентября 1655 г. Однако в псковских Приходо-расходных книгах имеется запись о том, что уже 27 марта 1655 г. в Псков был прислан царский указ «делать медные деньги алтынники и грошевики и двуденежники, а мастером от дела велено давать против государева указу по три рубля с полтиною от пуда».²³ Скорее всего, мартовский указ был своего рода «уведомлением о намерениях» казны начать в Пскове чеканку медных номиналов. В сентябрьском указе содержатся более конкретные распоряжения: велено «медные деньги грошевики и двуденежники и денежники делать наспех днем и ночью с великим радением. А денежных мастеров в Великом Новгороде и во Пскове велети б прибрать многих людей, чтоб деньги вскоре делать ..., а что будет сделано, и те деньги велети б присылать к Москве».²⁴

В мартовском указе названы номиналы — алтынники, грошевики и двуденежники, в сентябрьском — грошевики, двуденежники и денежники. Сентябрьский перечень отражает реальный набор номиналов, выпускавшихся Псковским денежным двором. Основу эмиссии составляли двуденежники (копейки) и денежники (деньги). Алтынники и грошевики, отличающиеся от копеек только весом (алтынник был равен по весу трем копейкам, грошевик — двум), чеканились в небольшом количестве и сохранились до наших дней в единичных экземплярах. По всей видимости, в мартовском указе шла речь о чеканке алтынников и грошевиков, имевших оформление выпусков 1654 г., но, планы реформы явно менялись на ходу, как свидетельствует, в частности, уже упоминавшаяся грамота от 12 июня 1654 г., где говорилось о чеканке всех номиналов (ефимков, полтинников, полуполтинников, гривенников, алтынников) исключительно из меди.

Регулярная работа Псковского двора началась с октября 1655 г. Записи в Приходо-расходных книгах фиксируют затраты, сделанные для обустройства помещения. Десять плотников в течение двух дней настилали полы, просекали окна, ставили бобины. Затем они делали кузницы, а каменщики устанавливали горны. Закупались пенька

²³ Архив ПОКМ, № 295/49. Л. 206.

²⁴ РГАДА. Разрядный приказ. Московский стол. Стб. 864. Л. 173.

на канаты и лес на дрова. 2 и 22 октября были выданы по 50 рублей «на корм денежного дела работникам». Начиная со следующего месяца записи сообщают о регулярных выплатах в месяц сумм от 50 до 100 рублей. В октябре, ноябре и декабре 1655 г., январе 1656 г «на корм» выдавались по 50 рублей два раза в месяц. Затем размеры «кормовых» денег становятся более пестрыми по количеству: отмечены суммы в 50, 60, 80, 114, 132 руб. на месяц, причем выдачи производились в три, четыре, пять приемов. За 1657 г. сведений не сохранилось, а в 1658 г. вновь наблюдается четкий порядок. Деньги «на корм» мастерам поступали приблизительно раз в неделю, а суммы значительно увеличились — это были уже не 50—100 рублей в месяц, а 500—600. Совершенно очевидно, что в 1658 г. произошли какие-то перемены в жизни двора, выразившиеся в увеличении количества переработанной меди и, возможно, штата мастеров.

Нормы выработки меди можно высчитать, исходя из размеров кормовых денег. Известно, что мастерам платили по 3 рубля с полтиной с пуда перерабатываемой меди. В 1655—1656 г., когда денежные мастера получали от 50 до 132 руб. в месяц, перерабатывалось меди приблизительно от 15 до 30 с лишним пудов. В 1658—1659 г. месячная норма выработки увеличивается приблизительно до 150—180 пудов в месяц.

О переменах в жизни Псковского двора в 1658 г. можно судить и по другим данным. Если в 1655 г. голове денежного двора Ивану Дмитриеву был выдан на мелкие расходы всего 1 рубль, то в 1658 г. другой голова, Сергей Поганкин получил на мелкие расходы уже 696 рублей 23 алтына. В сентябре 1658 г. кузнецы сделали четыре новых и поправили четыре старых волока (приспособления для приготовления проволоки). В октябре того же года сделали новую караульную избу, в 1659 г. купили каменную плиту для печей. В августе 1659 г. территория денежного двора увеличилась. В Приходо-расходных книгах записано, что подьячему Федору Шаблаину были выплачены 35 рублей «за дворовое место и за яблони и за строение, что взято у него на государев Денежный двор»²⁵.

Рост производительности Псковского денежного двора, увеличение расходов на содержание и рост его территории, безусловно, следует связывать с успехами русских войск в русско-шведской войне 1656—1661 г. В 1658 г. Россия заключила со Швецией перемирие на три года, по которому получила прямой выход к балтийскому побережью, закрепив за собой города, взятые в ходе военных действий до 21 мая 1658 г. — Дерпт (Юрьев), Куkenойс, Сыренск. Объявлялась «вольная и беспомешная торговля» в рус-

²⁵ Архив ПОКМ. № 298/49. Л. 207.

ских и шведских городах: Москве, Новгороде Великом, Пскове, Ладоре, Стокгольме, Колывани (Таллине), Ругодиве (Нарве), Або, Выборге, Кореле и Новых Шанцах (Ниеншанце).

Валиесарское перемирие 1658 г., создавшее благоприятные условия для русско-шведской торговли, главным товаром которой была медь, должно было благоприятно сказаться на денежном производстве. Как уже отмечалось, русская чеканка, целиком основанная на привозном сырье, находилась в теснейшей зависимости от внешней торговли и внешнеполитической конъюнктуры. Так было в 1558—1581 г., когда переход Нарвы в русское владение сказался невиданным размахом деятельности Новгородского и Псковского денежных дворов; Тязвинский мир 1595 г., несколько облегчивший условия русской торговли на Балтике, также вывел русское денежное хозяйство из глубокого кризиса 80-начала 90-х г. XVI в.²⁶ Увеличение объема производства на Псковском денежном дворе в 1658 г., равно как и другие признаки оживления его деятельности, подтверждают общую закономерность.

В нашем распоряжении нет данных о масштабах чеканки на Псковском дворе в последующие годы, но можно предположить, что положение со снабжением медью изменилось в худшую сторону после 1661 г. В этом году был подписан Кардисский мир со Швецией, по которому Россия вернула Швеции все завоеванные города и вновь лишилась выхода к Балтийскому морю. Снова перед русскими торговыми людьми встал «прибалтийский барьер» и их торговые операции попали под контроль шведских таможенных служб. В сентябре 1663 г. в Псковской съезжей избе был проведен опрос всех торговых людей, продававших медь для Псковского денежного двора. Опрос имел целью выяснение условий торговли медью. Все опрошенные жаловались на препятствия, чинимые шведами. С начала русско-шведской войны была установлена королевская монополия на торговлю медью. «Уставная» цена, по которой были обязаны покупать медь в королевской казне, составляла 100—110 ефимков за берковец меди, в то время как «на стороне», в «повольной» торговле медь стоила гораздо дешевле — от 40 до 80 ефимков за берковец. Покупали медь русские торговые люди преимущественно в Колывани, Ругодиве, Выборге, Риге и лишь изредка в Пскове, на немецком торговом («гостином») дворе. Разрешалось покупать медь только в королевской казне и проезжие грамоты давались только на эту медь. Медь, купленную «на стороне», могли конфисковать или всю, или, если конфисковывалась половина, взимался крупный штраф. Впрочем,

²⁶ Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного .. С.45—50

русские торговцы предпочитали в основной своей массе рисковать и покупать медь по дешевой цене, вывозя ее «таем», «тайным обычаем». Иногда вывезти медь помогали сами продавцы. В таких случаях цена меди поднималась до 90 ефимков за берковец, что было все-таки дешевле «установной» королевской цены.²⁷

Хотя королевская монополия была установлена с началом русско-шведской войны, ее последствия стали ощущаться с особой остротой после 1661 г. Во время военных действий контроль над торговлей был ослаблен, а в годы Валиесарского перемирия (1658—1661) русские могли торговать без посредничества шведов в городах, отошедших к России. Но после заключения Кардисского мира и установления мирных отношений условия русско-шведской торговли стали контролироваться более строго, что, кстати, вызывало неоднократные протесты русского правительства. Видимо, опросы русских торговцев медью в Псковской съезжей избе об условиях торговли «за свейским рубежом» имели место в связи с подготовкой протеста русской стороны.

Результаты затруднений в русско-шведской медной торговле стали сказываться в работе русских денежных дворов с 1661—1662 г. Дворы стали испытывать нехватку сырья для чеканки. В «Делах Английского денежного двора» сообщается, что в 1662 г. многие мастера не выходили на работу, потому что «им дела не даны», а те, которые выходили, «и те без дела сидели».²⁸ Государство пыталось поставить торговлю медью внутри страны под контроль. Среди многих дел «о денежном воровстве», возбужденных в 1661—1662 гг., встречаются дела «в меди», видимо, направленные против бесконтрольной торговли медью. Новгородские источники свидетельствуют, что «по великого государя указу меди не велено покупать никакова чину людям наугородцам, кроме денежного двора».²⁹ В указе тихвинскому архимандриту от 1662 г. также заявлено: «А будут тихвинцы посадские или приезжие люди учнут медь таить и на сторону продавать, в отвоз возить, а после про то взыщется, и тое медь возьмут на великого государя безденежно, а тем людям, кто медь на сторону продаст или в домах таит, и по указу великого государя учинят наказанье без пощады»³⁰.

Приказ Большой казны имел собственный штат поставщиков меди, которые снабжали сырьем московские денежные дворы. В Новгороде и Пскове функцию приказа Большой казны выполнял

²⁷ РШЭО, № 165. С. 249 и след.

²⁸ Зайцев В. В., Мельникова А. С. «Дела» Нового английского денежного двора 1659—1663г. // Очерки феодальной России. 5. М., 2001. С. 130—131.

²⁹ РГАДА, Разрядный приказ, Безгласный стол. Стб. 80. Л. 88.

³⁰ ААЭ. Т. IV. С. 179 № 131.

денежный двор. Судя по записям в Приходо-расходных книгах, Псковский двор имел своих подрядчиков и в то же время покупал медь у торговых людей, причем последних было значительно больше. Покупалось от 2—3 пудов (записей о таких покупках большинство) до 160 пудов. Большие партии меди поставлял псковитин посадский человек Ананья Меншиков. 25 сентября 1658 г. он продал на Псковский денежный двор 160 пудов 70 гривенок меди. Торговал он медью с тех пор, «как завелся во Пскове денежный двор», ездил за медью в Ригу, Колывань, Ругодив, ездил сам и «приказчиков своих посылал». 56 пудов 37 гривенок продал в 1658 г. на денежный двор посадский человек Анкиндин Алексеев. Псковский стрелец Нефедка Калачник продал в 1658 г. на двор 2 пуда 24 гривенки меди. В 1663 г. он купил в Риге 10 берковцев меди для денежного двора. Он же продавал на денежный двор пеньку. Среди продавцов упоминаются иногородцы: Василий Челищев из Торопца, продавший 10 пудов 38 гривенок, Максим Ушаков из Пустозера, который продал 9 пудов 9 гривенок, Василий Юлферов из Ростова, продавший 14 пудов 18 гривенок, Семен Худеяров из Ярославля, видимо, крупный торговец — он продал на денежный двор 100 пудов меди. Продавали медь и сторож приказной избы Филька Хрисанфов, и солдаты, и сокольничий воеводы князь Тимофей Иванович Щербаков, продавший 1 пуд 36 гривенок меди — люди в торговом деле случайные, систематической торговлей не занятые.

При опросе в Псковской съезжей избе в сентябре 1663 г. были выслушаны 24 человека, поставлявших медь на денежный двор: 8 псковичей, 12 ивангородцев, 3 печерца и 1 новгородец. Большинство назвали 1661—1663 гг. как основное время их торговых операций. Лишь Ананья Меншиков ездил за медью «за свейский рубеж» с 1655 г.³¹

О порядке оформления «подряда» на покупку меди для денежного двора можно получить представление по записи в Приходо-расходных книгах. Ярославскому торговому человеку Семену Худеярову было выдано «впредь на медную покупку» 600 рублей. Он должен был поставить «по договору за те деньги медь по последнему зимнему пути в нынешнем 167 году дощатую и шкилевую по шти рублей, а горелую по пяти рублей с полтиной пуд. И тое меди Семен Худеяров отдал на денежный двор дощатые 100 пуд против договора сполна».³²

У иностранных купцов медь покупалась на серебряные деньги. Очевидно, и денежный двор платил серебром. Названная в цити-

³¹ РШЭО. № 165. С. 249—251

³² Архив ПОКМ. № 298/49. Л. 479.

рованной выше записи цена меди — 6 рублей — несомненно, была представлена в серебряных копейках. На медные деньги медь стоила в конце 50-х гг. 7 рублей 50 копеек пуд. В 1659—1660 г. подражались на Новгородский денежный двор торговые люди новгородцы и «просили по семи рублей медными деньгами». ³³ Но покупка за медные деньги вряд ли могла быть широко распространенной, так как с иностранцами запрещалось расплачиваться медными копейками, а именно они были основными продавцами меди для русских торговых людей. За рубежом медь покупалась на талеры. Широко практиковалась меновая торговля — «товар за товар». Так, например, ивангородец Василий Жарков в 1661 г. менял в Колывани медь на лен из расчета 80 ефимков за берковец. ³⁴

Готовая продукция переферийных денежных дворов должна была направляться в Москву, в распоряжение приказа Большой казны. В указе от 15 сентября 1655 г., учреждающем открытие Новгородского и Псковского дворов, сразу определяются взаимоотношения их с Москвой: «А что будет зделано, и те деньги велети б присылать к Москве». Грамота от 9 июля 1656 г. новгородского воеводы Г.С. Куракина сообщает о пересылке денег непосредственно царю, находившемуся тогда при действующей армии: «Указал ты, великий государь... мелкие медные деньги, которые деланы на Москве и в Великом Новгороде и во Пскове присылать к тебе, великий государь, на стан тотчас, не замешкав... И впредь на Москве и в Великом Новгороде мелкие медные деньги велено делать наспех, днем и ночью, а что будет впредь денег зделано, и те деньги по тому же велено присылать к тебе, великий государь, на стан не замотчав. И о том в твои государевы отчины в Великий Новгород и во Псков велено послать твои государевы грамоты» ³⁵.

Псковские Приходо-расходные книги сообщают, что 16 января 1659 г. из Пскова в Москву были направлены 36 подвод с медными копейками, 22 марта того же года — 19 подвод, 4 июля — 24 подводы. Разумеется, эти записи фиксируют лишь незначительную часть продукции Псковского денежного двора, отправленной в Москву.

Если провинциальные дворы не отправляли в Москву готовые деньги, местные воеводы получали из Москвы инструкции об их распределении. Для Пскова нам таких инструкций не известно, но указ от 20 апреля 1662 г. в Новгород можно рассматривать как общее правило для Псковского и Новгородского денежных дворов. В

³³ РГАДА. Разрядный приказ. Безгласный стол. Стб.80. Л.86

³⁴ РШЭО. № 165. С. 250.

³⁵ РГАДА. Разрядный приказ. Московский стол. Стб.864. Л.173

указе предписывается воеводе князю Борису Александровичу Репину «держать в запасе четыреста тысяч рублей, а что сверх тех запасных денег зделовые, и те деньги присылать к великому государю к Москве. И от запасных денег, что велено оставить в Великом Новгороде... сколько доведется великого государя жалованья твою полку ратным людям, которым не дано, дать. А что за тем в остатке будет, и тех денег прислать к великому государю к Москве»³⁶.

Система снабжения сырьем денежных дворов через поставщиков, подряженных денежным двором, или через торговых людей, продающих медь как любой товар, распределение готовой продукции — все это свидетельствует о высокой степени централизации денежного производства, достигнутой к середине XVII в. Заметим, что в документах не зафиксировано ни одного случая частного заказа из сырья заказчика — денежный двор медь только покупал. Впрочем, местные власти имели право на некоторую самостоятельность. Псковские источники сообщают о выдаче с денежного двора солдатам действующей армии «на корм» некоторых сумм — от 3 до 10000 рублей «по отписке стольника и воеводы князя Ивана Андреевича Хованского». В псковских Приходо-расходных книгах за 1656 г. есть запись, где говорится о выдаче с денежного двора «в четвертные расходы» 3000 рублей по приказу воеводы князя И.А.Хованского. По всей видимости, местный воевода мог в отдельных случаях распоряжаться денежными ресурсами дворов, но это были исключения, лишь подтверждающие общее правило.

Псковский и Новгородский дворы финансировались из четвертных доходов. В этом не оставляют сомнений записи в псковских Приходо-расходных книгах. Из четвертных доходов голова денежного двора регулярно получал определенные суммы «на корм» денежным мастерам, на различные мелкие расходы. Подрядчики денежного двора снабжались из четвертных доходов серебряными деньгами на покупку меди. Какие-то суммы, как мы видели, по распоряжению воеводы иногда поступали с денежных дворов и в четвертные доходы.

Структура и организация производства на Псковском денежном дворе не отличались от структуры и организации на других дворах середины XVII в. Главным лицом был голова, выбираемый на год из числа зажиточных торговых людей. В 1656 г. это был Иван Дмитриев, в мае 1656 г. его сменил Игнат Лялин. В 1658 г. головой был Сергей Иванович Поганкин, представитель видной псковской купеческой фамилии. В 1661—1662 гг. должность голо-

³⁶ РГАДА. Разрядный приказ. Новгородский стол. Стб. 127. Л. 207—208.

вы занимал Никита Михалев. Последним головой был Федор Торопчинин. Сведений о других руководителях двора, «сидевших в свой год» головой, у нас нет. Административные функции выполняли также два целовальника, тоже ежегодно избираемых из жителей торгово-ремесленных сотен. В 1658 г. целовальниками были Михаил Минин и Семен Рышков, в 1659 г. — Фома Парфеньев и Иван Афанасьев. Имена других целовальников неизвестны. Можно предположить, что администрация двора утверждалась воеводой. Во всяком случае, нет никаких сведений о том, что в эти дела вмешивался приказ Большой казны, как это имело место в Москве. Судопроизводством периферийных денежных дворов также ведали воеводы. В их власти было решать судные дела на месте или передавать их в Москву, в высшую судебную инстанцию, какой был для денежных дворов приказ Большой казны.

Документы Псковского двора не уточняют, какие категории рабочих были задействованы — все они объединяются общим названием «денежные мастера». Отдельно упомянуты только два р е з ч и к а — Самуил Иванов и Архип Федоров. Резчиками были наиболее квалифицированные работники, в обязанности которых входило изготовление орудий труда — маточников и чеканов. Маточники представляли собой особо прочные закаленные позитивные изображения для лицевой и оборотной сторон монеты. Рисунки и надписи резались вручную резцами (резчиками), которые помимо профессиональных навыков должны были еще обладать художественными способностями. С маточников изображения и надписи переводились (оттискивались?) на чеканы, которыми непосредственно чеканили монеты. По мере снашивания чеканов их заменяли новыми, переведенными с тех же маточников, пока не разрушался и не приходил в негодность сам маточник. Профессия резца оплачивалась выше других категорий рабочих. Двум псковским резцам за изготовление четырех маточников и переведенных с них чеканов были уплачены четыре рубля, в то время как плотникам, работавшим на денежном дворе, платили по три копейки на день.

Приходо-расходные книги называют еще с т о р о ж е й (для них строилась караульная изба, где они, вероятно, жили постоянно).

Рабочие, объединенные общим названием «денежные мастера», делились на к у з н е ц о в, в о л о ч л ь щ и к о в, тянувших проволоку, б о й ц о в, которые эту проволоку плющили и резали, приготавливая заготовки для чеканки. Конечный и самый ответственный момент в процессе изготовления монеты заключался в чеканке, которую осуществляли ч е к а н щ и к и, самая многочисленная основная группа работников денежного двора. При воло-

чильщиках и чеканщиках работали подсобные рабочие — они назывались подкладчиками. Все работники двора были разбиты на станции — производственные артели, включающие все специальности, необходимые для производства монет и связанные общей отчетностью. Каждая станица получала определенное количество чеканов и сырье, из которого должно было выходить строго фиксированное число готовых копеек (за вычетом брака и отходов). Это число определялось специальной контрольной плавкой, которую производили перед каждым переделом.

При поступлении на работу мастера давали присягу в том, что будут честно работать. За них ручались поручители, и поручные записи на каждого денежного мастера хранились на денежном дворе. Присягала на честность также и администрация двора — головы и целовальники.

Общее число рабочих Псковского двора в документах не указывается, но его можно подсчитать по аналогии с Московским (Английским) денежным двором, о котором имеются довольно точные документальные сведения.³⁷

На этом дворе работали более 600 человек, разделенных на 13 станиц. В каждой станице числилось от 10 до 13 человек. При каждом волочьщике работали по три подкладчика, при каждом чеканщике — по два подкладчика. В работе двора одновременно участвовали 60-70 маточников. Разделив число маточников на число станиц, мы получим приблизительно 4-5 маточников, закрепленных за одной станицей. На Псковском дворе были задействованы 95-100 маточников. По аналогии с Английским двором, разделив эту цифру на 5, мы получим предполагаемое число станиц — 19 или 20. Если считать в каждой станице по 10-13 человек, к которым следует приплюсовать общее число подсобных рабочих, получится довольно внушительная цифра — более 1000 человек, которые могли составлять штат Псковского денежного двора. Разумеется, эти подсчеты очень приблизительны, но, вероятно, близки к истине. Внушительное число дошедших до нас копеек псковского чекана и изготовленных для работы маточников служат вещественным доказательством справедливости наших подсчетов. Пожалуй, можно считать Псковский денежный двор времени денежной реформы 1654—1663 гг. самой крупной русской мануфактурой XVII в.

По данным 1584—1587 гг. Псковский денежный двор располагался в Окольном городе между Трупеховскими и Петровскими воротами. Л.А. Творогов высказывал мнение, что «в связи с чекан-

³⁷ Мельникова А.С. Новый («Английский») денежный двор в Москве...

кой медной монеты его перенесли (по-видимому) на б. Княжеский двор». Это мнение он высказал в частном письме, не подтвердив его, однако, какими-либо доказательствами. В записи от 19 июня 1655 г. («Извлечение из годовой сметной книги») упоминается Псковский денежный двор, названный «Старым»: «А башня Петровская вся цела и покрыта.., а от Петровской башни до башни, что против Старого денежного двора, городовые стены 100 сажен зубцы свалились, и стена городовая по обе стороны осыпалась, а башня вся рассыпалась до подошвы. А от той башни, что под Трупеховскими вороты 78 сажен»³⁸. Запись эта свидетельствует о том, что накануне чеканки медных копеек помещение Псковского денежного двора сохранилось. «Старым» он назван или потому, что был закрыт в 1627/8 г., или же был перенесен на новое место. Следует признать, что вопрос о местоположении Псковского денежного двора в 1655—1663 гг. пока остается открытым.

Полученные на основании письменных источников сведения о Псковском дворе не объясняют причин его необычайно высокой продуктивности. Нуждается в осмыслении и своеобразное оформление монетного поля псковских медных копеек, выделяющее их из прочих выпусков времени реформы.

Ответ, по-видимому, следует искать сразу в нескольких направлениях. Исходить нужно прежде всего из того положения Пскова, которое он приобрел после Столбовского мира со Швецией 1617 г. Русское побережье Балтийского моря — Ижорская земля и Корельский уезд — отошли к Швеции. Новгород после шведской оккупации 1611—1617 гг. так и не смог восстановить былое экономическое и торговое могущество. Швеция стала получать львиную долю от посредничества в русской внешней торговле в прибалтийских городах, связанных с русским рынком. К тому же шведы выступали главными экспортёрами меди и железа, пользующихся большим спросом в России.

В сложившейся ситуации Псков стал главным центром русской торговли на Балтике. Он меньше чем Новгород пострадал от шведов в годы Смуты. Его связывали давние торговые отношения с Ригой, Дерптом, Нарвой, Таллиным, Пярну. Экономический расцвет Риги в XVII в. в значительной степени основывался на торговом процветании Пскова, поставлявшего экспортные товары из России: лен, пеньку, кожи, паклю, сало, рогажи. Псковичи и иногородние купцы сами

³⁸Сб. Московского архива Министерства юстиции. IV. М., 1914. С. 127. О месте расположения Псковского денежного двора во время проведения денежной реформы см. также: *Гайдуков П.Г., Серегина Т.В.* Монетный штемпель первой трети XVI в из Пскова. // Советская археология. 1982. 1. С. 258.

старались возить к балтийским гаваням скупленные на родине партии товаров, чтобы избежать дорогостоящего посредничества прибалтийского купечества. К середине XVII в. псковская торговля приобрела ярко выраженный посреднический характер.³⁹

Скупка отечественных товаров, предназначенных на экспорт, требовала наличных средств. Поскольку после денежной реформы 1626/27 г. право частного заказа на чеканку было упразднено, купцы могли получать наличные деньги, лишь продавая медь на денежный двор. Видимо, этим объясняется, что помимо подрядчиков, специально приглашенных денежным двором, находилось множество желающих продать медь для двора. В письменных источниках пока не обнаружено данных об условиях продажи меди и получения наличных денег, но вряд ли можно сомневаться в том, что торговля эта велась в широких масштабах и была выгодна для псковского купечества. Деловая активность и экономические возможности псковских и иногородних купцов в значительной мере способствовали высокой продуктивности Псковского денежного двора.

Казна также была заинтересована в бесперебойной работе и обильной псковской чеканке. Город был крупным военным пунктом благодаря своему географическому положению форпоста России на западных границах. Среди горожан даже в мирное время военные люди составляли едва ли не половину боеспособного населения города.⁴⁰ Особенно возросло значение Пскова во время русско-шведской войны 1656—1661 г.

Оперативной базой и местом сбора и формирования главных военных сил был район Смоленска. Второй базой были Псков и Новгород. Большая армия под командованием князя А.Н.Трубецкого должна была выступить отсюда по направлению к Дерпту (Юрьеву). В самом Пскове воеводой был князь И.А.Хованский. Денежное жалованье служилые люди получали медными копейками. По царскому указу большие суммы направлялись прямо с денежных дворов Новгорода и Пскова в действующую армию, минуя Москву. Правительство не могло полагаться целиком только на инициативу торговых людей, продававших медь на денежные дворы, и само старалось обеспечить Псковский двор казенными заказами и казенным сырьем.

Забота о чеканке не ограничивалась доставкой сырья. Следовало думать и о прокламативном значении денег, представлявших

³⁹Чистякова Е.В. Псковский торг в середине XVII в. // Исторические записки. 34. М., 1950. С. 198—235. См. также Зверев С.В. Псковский денежный двор при Михаиле Федоровиче // Труды ГИМ. Вып. 115. Нумизматика в Историческом музее. Н.С. Часть XIV. М. 2001. С. 187—202.

⁴⁰Тихомиров М.Н. Псковское восстание 1650 г. Из истории классовой борьбы в русском городе XVII в. // Классовая борьба в России XVII в. М. Наука. 1969. С. 31—32

Российское государство на западных рубежах. Именно этими соображениями нужно объяснить отказ от помещения на оборотных сторонах копеек Псковского, Новгородского и Кукенойского денежных дворов традиционной краткой формулы надписи: «Царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси». Эта формула употреблялась только на московских выпусках.

Самым последовательным оказался Псковский денежный двор. Здесь ни разу не был использован традиционный краткий тип оформления оборотной стороны. Из 70 оборотных маточников на 44 использована пространная формула: «Государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белья России самодержец». На 16 маточниках читается более краткая надпись: «Государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя России самодержец». Четырежды употреблена еще более краткая, но все же достаточно пространная формула: «Царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия России самодержец». Надписи на остальных маточниках полностью восстановить не удалось.

На Кукенойском дворе из десяти маточников лишь два имели краткую традиционную формулу: «Царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси». На остальных восьми маточниках помещены два варианта расширенной формулы: «Государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белья Руси самодержец» и «Государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси самодержец». Нетрудно заметить, что местный резчик скопировал надписи с псковских и московских копеек, заменив характерное для Пскова написание «Россия» на «Русь», собственное московским монетам.

Самый маломощный двор времени реформы, Новгородский, получил из Москвы комплект оборотных чеканов, снятых с двух московских маточников (они использовались и для чеканки на Старом Московском дворе). Один из маточников имел традиционную краткую формулу: «Царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси», второй был пространным: «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белья Руси самодержец». Этот последний маточник на Старом дворе практически не использовался — снятыми с него чеканами была отчеканена очень небольшая партия московских копеек. Возможно, на Новгородский двор был направлен сам маточник, а не снятые с него чеканы. Всего в Новгороде в работе использовались семь оборотных маточников. Кроме названных выше двух, здесь были приготовлены маточники, содержащие разные варианты над-

писи одного содержания: «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя России самодержец».

Включение в царский титул «Малой России» должно было произойти после 1 октября 1653 г., когда Земский собор утвердил решение правительства о принятии Украины в Русское государство. Формула «Божией милостию великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя России самодержец» употреблялась в царских грамотах с конца 1653 по весну 1654 г. Первые выпуски крупных номиналов, с чего началось проведение денежной реформы весной 1654 г., также повторили новый царский титул — надпись на рублевиках и полтинах гласит: «Божиею милостию великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя России». На алтынах и грошевиках была употреблена более краткая формула: «Государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя России самодержец».

Выпуск крупных номиналов, как известно, закончился в том же 1654 г., а с осени 1655 года началась чеканка медных копеек. К этому времени царский титул дополнился включением «Белой России». В жалованной грамоте боярину Бутурлину от 8 мая 1654 г. титул царя включил «Великую и Малую и Белую Россию». Судя по формулярам жалованных грамот второй половины 1654 — первой половины 1655 г., устойчивой формулы еще не существовало. Встречаются написания титула как с «Малой Россией», так и с «Малой и Белой Россией». 19 сентября 1655 г. последовал именной царский указ «О писании во всех делах царского титула: царю и великому князю Алексею Михайловичу и сыну его царевичу Алексею Алексеевичу всея ж Великия и Малыя и Белья России». «... Указали мы, Великий государь, в наших грамотах и в отписках Наше государское именование писать всея Великия и Малыя и Белья России Самодержцем... и в челобитных и во всяких наших делах... писать против сего Нашего указу».⁴¹

Как можно было выше убедиться, при оформлении оборотных сторон медных копеек явно одновременно использовались обе формулы, обозначающие территориальные приращения России: «Великия и Малыя России» и «Великия и Малыя и Белья России».

Анализ изображений на монетах выпуска 1654 г. и медных копеек 1655—1663 г. позволяет заключить, что после прекращения чеканки крупных номиналов 1654 г. и организации чеканки медных копеек началась циркуляция «маточного дела резцов» с Нового (Английского) двора по остальным центрам денежного производства. На Старый Московский (Кремлевский) денежный двор, видимо, направ-

⁴¹ ПСЗ (I). Т. I. СПб. 1830. № 167. С. 370.

лен был безымянный мастер с Нового (Английского) двора, который в 1654 г. резал маточник для алтына (рис. 1). На Новгородский двор оттуда же прибыл другой безвестный резчик, готовивший маточник для грошевика (4-денежника) (рис.2). Оба мастера сделали маточники для медных копеек тех дворов, куда были направлены.

На Псковский денежный двор, по всей вероятности, отправился лучший и наиболее опытный резчик Нового (Английского) двора, имя которого сохранилось — Федор Байков. В 1654 г. он выполнял самую сложную и ответственную работу — резал штемпели для рублевых монет и полтинников.⁴²

Уже сам факт направления этого мастера в Псков лишний раз свидетельствует о том значении, которое придавалось московскими властями Псковскому двору в годы реформы.

Федор Байков повторил на копеечном маточнике рисунок рубля 1654 г., а на обратном — воспроизвел легенду рублевика почти без изменений. Так же, как на рублевике 1654 г., на псковских копейках был изображен всадник со скипетром. Общая композиция рисунка приобрела на миниатюрных копейках черты, схематично воспроизводящие длинные полы кафтана, изгиб ноги всадника, развевающийся за спиной всадника длинный рукав, выступающего тяжеловесным шагом коня (рис. 3). Уже позже, возможно, в связи с расширением деятельности Псковского двора в 1658 г., двое псковских резчиков — уже упоминавшиеся Самуил Иванов и Архип Федоров сделали по образцу копеечного маточника Федора Байкова свои собственные маточники. Они сохранили изображение всадника со скипетром, с развевающимся длинным рукавом за спиной всадника, но индивидуальная творческая манера обоих мастеров определила образование двух стилистических групп (рис.4). В целом весь массив псковских медных копеек отчетливо разделяется по особенностям рисунка лицевой стороны на три большие группы. Самой ранней, видимо, следует считать ту, которая была приготовлена чеканами, снятыми с маточника Федора Байкова (рис. 3), две другие, авторами которых были резчики Самуил Иванов и Архип Федоров (рис. 4), были более поздними и чеканились, видимо, одновременно. Маточник обратной стороны, включающий «Белую Россию» был приготовлен, по всей видимости, уже осенью 1655 г., и в работе были задействованы сразу оба варианта — с «Великой и Малой Россией» и с «Великой, Малой и Белой Россией».

⁴² Щукина Е.С. Резчики монетных штемпелей второй половины XVII в. Федор Байков и Юрий Фробус// Труды ГИМ. Вып. XXV. Нумизматический сборник. Ч.1. М. 1955. С. 128—131

Кукенойский денежный двор для оформления оборотных сторон пользовался московскими и псковскими образцами. Лицевые стороны, похоже, готовил местный мастер. Большеголовые, неуклюжие всадники на кукенойских монетах не похожи ни на какие-либо другие изображения.

Значение, которое приобрел Псков и которое так благотворно отразилось на деятельности Псковского денежного двора, следует связывать с именем выдающегося государственного деятеля той эпохи — Афанасия Лаврентьевича Ордин-Нащокина (1605/?/—1680).

Исполнитель некоторых дипломатических поручений с 1642 г., во время начавшейся войны России с Польшей за Украину и Белоруссию (1653—1667) он стал воеводой литовского города Друи (1654), расположенного на левом берегу Зап. Двины. Война России с Польшей не только имела целью возвращение России западных земель, но и создание плацдарма на Зап. Двине для успешного решения жизненно важной задачи — получить прямой выход к Балтийскому побережью. Для этого предполагалось захватить польскую часть Ливонии — Латгалию и превратить этот район в стратегический плацдарм. Ситуация осложнялась необходимостью не нарушать мира со Швецией, интересы которой также распространялись на Прибалтику. Это была главная дипломатическая, военная и экономическая программа Ордина-Нащокина, в годы войны сумевшего стать авторитетным советником царя Алексея Михайловича.

Швеция не стала соблюдать нейтралитет, на что рассчитывала русская дипломатия, и по мере успехов русских войск, в 1655 г. захвативших в Литве Вильно, Ковно, Гродно, начала военные действия. Неожиданно шведские войска вторглись в Польшу, захватили ее большую часть вплоть до Варшавы, затем в Прибалтике взяли Жмудь и часть Южной Ливонии, выйдя на границы Псковской и Полоцкой земель. Ордин-Нащокин в это время проводил активную дипломатическую и военную подготовку к неизбежной войне со Швецией, которая началась в январе 1656 г. Успешные действия русских войск и умелая дипломатия дали возможность присоединить к России большую часть Лифляндии, хотя отсутствие собственного морского флота не позволило русским взять Ригу. 12 октября 1656 г. Ордин-Нащокин получил высокое назначение воеводой в Кукенойс (Кокнесе, Царевичев-Дмитриев град) с подчинением ему всех завоеванных русскими войсками городов Лифляндии.

Лифляндские города были связаны с Псковом давними торговыми связями, плодородные земли Прибалтики, когда-то принадлежавшие России, вновь вошли в сферу экономического влияния Рос-

сии, а Куkenойс, расположенный на Зап. Двине, открывал прямой выход на балтийское побережье. Эта благоприятная политическая и торговая конъюнктура означала воплощение на практике экономических и политических взглядов Ордин-Нащокина, последовательного и целеустремленного проводника политики меркантилизма.

Известно, что будучи воеводой в Куkenойсе, Ордин-Нащокин пытался построить здесь флот. Во всех завоеванных землях он оставил неприкосновенным местное самоуправление, оберегал жителей от произвола администрации, способствовал развитию ремесел и торговли.⁴³ Из Куkenойса он стремился сделать опору русской торговли в Прибалтике.

Как истинный и последовательный сторонник теории и практики меркантилизма, Ордин-Нащокин особое значение придавал деятельности денежных дворов. Когда в 1665 г., спустя около десяти лет после описываемых событий, он был послан воеводой в Псков, им был подготовлен проект городского устройства, в котором нашли отражение принципы меркантилизма. Одним из главных пунктов проекта стало восстановление в городе денежного двора, к 1665 г. уже закрытого. «...Для беспомешные торговли и скорые розделки в товарах быть во Пскове денежному двору... и сего ради приезжие Русские люди отвозить ефимков не учнут в розные порубежные города, а для добрыя цены у кого сколко будет ефимков, и сверх указныя учнут отдавать ефимки во Пскове на денежный двор, и прибыль учинетца из фунтов великого государя казне большая...; а не быть денежному двору во Пскове, и торги добрые не будут»⁴⁴. Однако добиться восстановления Псковского денежного двора ему так и не удалось.

Зато в бытность воеводой в Куkenойсе, Ордин-Нащокин, как известно, открыл здесь денежный двор, который чеканил медные копейки с 1658/?/ по 1661 г.⁴⁵ Деятельности этого двора он придавал очень большое значение, сам занимался снабжением сырьем и даже подробно описал схему этого процесса в Отписке, направленной в приказ Тайных дел в начале 1660 г. Он описал, как покупал лен и пеньку в Пскове и «Лифлянтех», затем продал весь товар в Риге и Ругодиве, а на вырученные деньги приобрел медь для денежного двора. Особенно он старался обратить внимание на экономический потенциал Куkenойса и приобретенных во время войны лифляндских земель: «А псковичам и всех торговых городов русским людем изо Пскова у гостина таможенного двора льну

⁴³ *Чистякова Е.В.* Социально-экономические взгляды А.Л. Ордина-Нащокина. XVII в. // Труды Воронежского государственного университета. XX. Воронеж. 1950.

⁴⁴ ДАИ. Т. V. № 1. С. 7.

⁴⁵ *Мельникова А.С.* О чеканке монет в Куkenойсе...

и пеньки прошлых годов цена по книгам подлинным против нынешние цены, кои в государеву казну продают, в полы, а им та прибыль учинилась, что учили закупать ис Царевичева-Дмитриева города лен и пеньку, а русским торговым людем немецкие товары выменивать на задубные кожи и юфти»⁴⁶.

Неоднократно отмеченное в литературе улучшение положения экономики в ливонских землях во время воеводства Ордина-Нащокина, безусловно, положительно сказывалось на благосостоянии Пскова и псковской торговле, связанными с «Лифлянтами» давними и прочными узами. В свою очередь, это обстоятельство также следует считать одной из причин, обусловивших процветание Псковского денежного двора в годы реформы.

1 декабря 1658 г. было подписано Валиесарское перемирие со Швецией на три года. Россия закрепила выход к балтийскому побережью, города Юрьев, Кокнесе, Сыренск, занятые до 21 мая 1658 г., оставались на три года за Россией. Объявлялись свободными проезд между Швецией и Россией, а также «вольная и беспомешная торговля» в главных городах России (Москва, Псков, Новгород Великий, Ладога) и Швеции (Стокгольм, Або, Выборг, Рига, Колывань, Ругодив, Новые Шанцы, Корела). Подписанию выгодного для России Валиесарского перемирия русская сторона была обязана Ордину-Нащокину, который занимал в посольстве ведущую роль, хотя официальным главой его был князь Прозоровский.⁴⁷

Для денежной реформы годы 1655-1656 были переломными. Изменялись стратегия и тактика реформы. Отказ от выпуска монет серии 1654 г. достоинством от рубля до грошевика и возвращение к чеканке проволочных копеек, но не из серебра, а из меди, был вызван не только тем, что население не приняло необычные крупные монеты («тарели»). Надо полагать, что решающую роль здесь сыграли надежды на поступление в Россию дешевой шведской меди, традиционного товара, который поставляла Швеция в Европу и Россию. Выход России к балтийскому побережью, «свободная и беспомешная торговля» между русскими и шведскими купцами открывали широкие возможности для снабжения русского денежного дела дешевым сырьем. Замена непривычных «тарелей» медными копейками, в точности повторявшими серебряные, психологически была рассчитана правильно. Хотя это были копейки с явно принудительным курсом, жители Русского государства, по свидетельству современников, легко приняли медные копейки.

⁴⁶ РШЭО. № 134. С. 195.

⁴⁷ Очерки истории СССР. XVII. М. Наука. 1956. С. 751; История Латвийской ССР. Рига. 1952. С. 276.

Однако медным копейкам предназначалась особая роль в экономике страны, и здесь нельзя не предположить, что одним, если не главным стратегом реформы на этом этапе, стал Ордин-Нащокин. Достаточно того, что он открыл денежный двор в Кукунойсе, где, видимо, с 1658 г. началась чеканка копеек со знаком двора «Ц-Д» (Царевичев-Дмитриев). Но главные планы Ордина-Нащокина в годы русско-шведской войны 1656—1661 г. были связаны, очевидно, все же с Псковским двором. Прямых указаний письменных источников пока не выявлено, но анализ нумизматического материала позволяет говорить об этом с большой долей уверенности. Я полагаю, что столь престижное оформление псковских копеек (портрет царя, а не безликий «ездец», полный титул, наименование царя «самодержцем») — все это было направлено на то, чтобы псковские копейки получили бы более престижный статус, чем другие выпуски денежных дворов, чтобы их прокламативная роль значительно возросла. Это имело смысл лишь в том случае, если бы обращение псковских монет ориентировалось не столько на внутренний, сколько на внешний рынок. Видимо, известное положение, по которому запрещалось торговать медными копейками с Сибирью и за рубежом, изначально нарушалось, поскольку медные копейки предназначались для выплаты денежного жалованья русским войскам, воюющим на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Да и сам кукунойский воевода строил свои экономические расчеты на использование в «Лифлянтех» медных копеек.

Подтверждает наше предположение анализ кладов с медными копейками. Для сравнения взяты клады московского ареала (из Московской области и Вологды) и новгородско-псковского (клады из Новгородской и Псковской областей, см. след. таблицу с процентными показателями количества монет разных денежных дворов). Областные особенности состава кладов свидетельствуют, что Новгородский денежный двор, самый маломощный в годы реформы, оказался довольно полно представленным в кладах московского ареала, а в кладах новгородско-псковского, напротив, или был не представлен совсем, или только долями процента. В то же время монеты Кукунойского двора, более продуктивного, чем Новгородский, в вологодском и московском кладах насчитываются в меньших количествах по сравнению с новгородской продукцией. Сравнительно невелико в вологодском и московском кладах число копеек Псковского двора, самого мощного. Зато в кладах новгородско-псковского ареала оно превышает 77%.

Место находки кол-во, № клада	Москва		Псков	Новгород	Кукенойс
	Старый	Новый			
Вологда, 2270 экз. ВОКМ 2791	43,74	19,33	18,94	4,22	1,32
Моск. обл., 980 экз. ГИМ 101858	46,63	17,95	13,57	1,73	1,02
Новг. обл., 4787 экз. НМ 251	32,19	1,65	54,54	6,28	3,92
Пск. обл. 1772 ОН ГЭ XI	11,66	1,69	77,14	0,5	3,95
Псков, 444 экз. Псковск. эксп.	11,93	0,67	73,19	—	1,8

Эти наблюдения позволяют сделать вывод о том, что продукция Псковского и Кукенойского дворов была ориентирована на западный (скорее всего лифляндский) рынок, а Московские и Новгородский дворы снабжали внутренний рынок. На московских и новгородских копейках встречен единственный тип копейки с оборотной стороной, содержащей пространную формулу титула, а в Пскове и Кукенойсе эта формула встречается почти на всех без исключения типах. Престижность монет, предназначенных представлять Россию за рубежом, дополнялась изображением на псковских копейках царя со скипетром и в царской короне — вполне в соответствии с канонами оформления монет абсолютистских государств, принятыми на Западе.

Расцвет медной чеканки после 1658 г., года Валиесарского перемирия, показал справедливость расчетов русской стороны на оживление торговли со Швецией и выгоды, последующие в результате приобретения прибалтийских территорий.

Однако в ход событий вмешались весьма неожиданные факторы. Шведское правительство, обеспокоенное бесконтрольной торговлей медью, объявило с начала войны государственную монополию на продажу меди за рубеж, что, впрочем, не очень соблюдалось, поскольку границы со Швецией в ходе войны и в годы Валиесарского перемирия были размыты. И было другое непредвиденное осложнение — всплеск массового денежного «воровства» — чеканка фальшивых монет, особенно захлестнувшая крупные города, где работали денежные дворы. Администрация и мастера денежных дворов весьма энергично включились в эту вакханалию, используя для чеканки «воровских» денег подлинные орудия чеканки, благодаря чему «воровские» деньги нельзя отличить от подлинных. Об этом имеется множество свидетельств

письменных источников, а находки, сделанные недавно при раскопках Нового Дворцового денежного двора в московском Романовом переулке, представили вещественное доказательство. В помещениях денежного двора были найдены три клада, содержащих продукцию денежного двора, явно утаенных денежными мастерами. «Денежным вора́м» покровительствовали царские чиновники.⁴⁸ Все это, как известно, привело к кризису русского денежного хозяйства, обозначившемуся на рубеже 60—70 гг. XVII в.

В ряду негативных последствий реформы следует отметить срыв масштабного проекта правительства о создании в России полков иноземного строя, о чем велись интенсивные переговоры с английскими и голландскими наемниками в 1658—1660 гг. Никто из иноземцев не хотел ехать в Россию служить за медные деньги, «для того, что писано от всех торговых иноземцев с Москвы про медные деньги».⁴⁹

Между тем надежды на заключение «вечного мира» со Швецией, навсегда закрепившего бы территориальные приобретения России в Прибалтике, не оправдались. В 1659 г. скончался шведский король Карл X, шведские послы отказались заключать «вечный мир», а вместо этого заключили мир с Польшей. Умер Богдан Хмельницкий и на Украине взяли верх противники сближения с Россией. Русской дипломатии нужно было выбирать между продолжением войны с Польшей за Украину и борьбой со Швецией за Прибалтику. Ордин-Нащокин настаивал на заключении мира с Польшей даже ценой потери Украины, чтобы продолжить войну со Швецией и сохранить Лифляндию. Он требовал борьбы за выход к морю до победного конца, и не только мира, но и союза с Польшей для устранения угрозы на южных границах со стороны Турции и Крыма. У русского правительства были другие представления о внешнеполитических задачах России и Ордина-Нащокина отстранили от переговоров со Швецией, закончившихся подписанием Кардисского мира в 1661 г. Россия возвращала все занятые в Лифляндии города и вновь лишалась выхода к Балтике.⁵⁰

Последствия Кардисского мира сразу сказались на сокращении объема торговли меди с Россией. Теперь соблюдение королевской монополии было обеспечено закрытием границы и ужесточением таможенного контроля. Денежные дворы сразу почувствовали перебой с сырьем. Новый (Английский) денежный

⁴⁸ Кренке Н.А., Мельникова А.С., Зайцев В.В. Новый Дворцовый денежный двор в Москве XVII в.

⁴⁹ Малов А.В. Русско-шведская война 1656-1658 гг. и военное строительство в России // Труды ГИМ. Вып. 133. Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М. 2—2. С. 126—149

⁵⁰ Галактионов Н., Чистякова Е. А. Л. Ордин-Нащокин. Русский дипломат XVII в. М. 1961. С. 60—61

двор в 1661—1662 г. практически не работал. В эти же годы прекратил существование Новый Дворцовый денежный двор. Как уже говорилось, возникли во множестве судебные дела «из меди», которую изыскивали всяческими мерами, чтобы работали денежные дворы.

Не прижились в Прибалтике и медные копейки, на которые была возложена столь высокая прокламативная миссия и ожидания экономической выгоды. Об этом можно судить по тому, что в Прибалтике очень редки находки медных копеек, хотя серебряная копейка заняла в местном денежном обращении свою нишу.⁵¹ В то же время на Украине и в Белоруссии медные копейки встречаются в виде кладов и отдельных находок. В Киеве была даже оборудована мастерская, где чеканили фальшивые медные копейки.⁵²

Попытка перестроить русскую денежную систему по европейскому образцу, как и перейти на дешевое сырье, не удалась. Вновь русское денежное дело продемонстрировало свою полную зависимость от внешней торговли и внешнеполитической конъюнктуры, столь осложнившейся из-за отсутствия прямого выхода на Балтику.

Обратимся теперь непосредственно к псковскому кладу медных монет, являющемуся темой настоящей статьи. Состав его дается в Приложении и фототаблицах. Клад разобран по штемпелям, или, что будет точнее, по маточникам. Каждый штемпель (= маточник) дается со ссылкой на таблицы соотношения штемпелей, с которых выше говорилось как о результате предварительной систематизации медных копеек.

Структура клада в целом характерна для кладов медных монет новгородско-псковского ареала, однако там не встречены копейки Новгородского денежного двора:

— копейки Старого Московского двора представлены 53 экз. (11,93 %);

— копейки Нового (Английского) двора — 3 экз. (0,67 %);

— копейки Кукенойского двора — 8 экз. (1,8 %);

— копейки Псковского двора — 325 экз. (73,19 %);

— не удалось распределить по денежным дворам из-за плохой сохранности 55 экз. (12,38 %).

Результаты этих процентных соотношений проанализированы выше на таблице № 3. Новый клад подтвердил наше предпо-

⁵¹ *Озолина А.* Находки российских монет в кладах XVI—XVII вв. из фондов Музея Истории Латвии // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М. 2002. С. 200—203.

⁵² *Климовский С.И.* Стрельцы-фальшивомонетчики в Киеве. // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 1999. С. 170—171.

ложение о том, что московские и Новгородский денежные дворы работали преимущественно на внутренний рынок, Псковский и Кукенойский обслуживали денежное обращение в «Лифлянтех» и к западу от Пскова. В лифляндских и псковских деревнях на медные копейки должны были покупаться сельскохозяйственные товары, предназначенные на экспорт в Ригу и другие прибалтийские города, где на них приобреталась медь и другие импортные товары, в полном соответствии с программой Ордина-Нащокина, изложенной в вышеприведенной Отписке 1660 г. в приказ Тайных дел.

Заключая публикацию псковского клада медных монет времени денежной реформы Алексея Михайловича, отметим, что время его захоронения относится, скорее всего, к первым месяцам после отмены чеканки меди и закрытия Псковского денежного двора, как и большинства кладов с медными копейками. В составе клада присутствуют все основные типы псковских выпусков 1655 — 1663 гг., что подтверждает такую датировку клада.

Клад был спрятан, вероятнее всего, местным жителем, не желавшим менять медные копейки из расчета за 1 серебряную — 100 медных. Владелец при обмене мог получить на руки ничтожную сумму — всего около 6 серебряных копеек. Это обстоятельство вынуждало его прятать деньги, а не нести их для обмена на денежный двор. Рассчитывал ли он на то, что медные копейки в будущем могут быть использованы как денежные единицы вопреки царскому указу, или же собирался свои копейки «ртутить» или «лудить», или «серебрить» — можно только предполагать.

Небольшие размеры клада и место находки позволяют отнести возможного владельца клада к категории рядовых псковских горожан. Монеты были найдены в районе расположения жилых и хозяйственных построек, настилов, частоколов, в той части города, где по данным археологии находился жилой квартал, заселенный мелкими посадскими жителями, хотя сам клад был спрятан у северной части здания, предназначенного для государственного или общественного учреждения.

**ПРОРИСОВКИ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ ЛИЦЕВЫХ СТОРОН
МЕДНЫХ ВЫПУСКОВ 1654—1663 ГГ.**

Рис. 1. Лицевая сторона медного алтына 1654 г., чеканенного на Новом (Английском) Московском дворе; лицевая сторона медной копейки, чеканенной на Старом Московском денежном дворе, маточник для которой, предположительно, резал один и тот же мастер.

Рис. 2. Лицевая сторона двугрошевика (4-х денежника) 1654 г., чеканенного на Новом (Английском) Московском денежном дворе; лицевая сторона медной копейки Новгородского денежного двора, маточник для которой, предположительно, резал один и тот же мастер.

Рис. 3. Лицевая сторона медного полтинника 1654 г., чеканенного на Новом (Английском) Московском денежном дворе. Медальер Федор Байков. Лицевая сторона медной копейки Псковского денежного двора, маточник для которой, предположительно, резал тоже Федор Байков.

Рис. 4. Медные копейки Псковского денежного двора, маточники для которых резали, предположительно, Самуил Иванов и Федор Архипов с образцового маточника Федора Байкова.

ФОТОИЗОБРАЖЕНИЯ МОНЕТ КЛАДА
(в натуральную величину)

Таблица 1

Старый Московский денежный двор

М., 1965, табл.1
(вар. по лиц. и
об. сторонам)

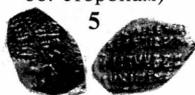
М., 1965,
табл.10

М., 1965,
табл.11

М., 1965,
табл.12

М., 1965,
табл.14

М., 1965,
табл.15

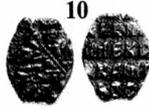
М., 1965,
табл.17

М., 1965,
табл.28

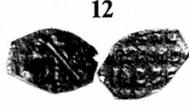
М., 1965, табл.28
(вар. по лиц. и
об. сторонам)

М., 1965,
табл.54

М., 1965, табл.54
(вар. по лиц. и
об. сторонам)

М., 1965,
табл.58

Новый (Английский)
денежный двор

М., 1965,
табл.34

М., 1965,
рис.2, №5

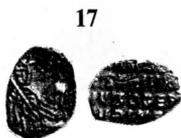
М., 1965,
рис.2, №12

М., 1965,
рис.2, №23

Кукенойский денежный двор
(Царевичев-Дмитриев город)

Псковский денежный двор

М., архив,
табл.5

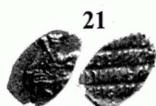
М., архив,
табл.7

М., архив,
табл.25

М., архив,
табл.26

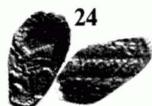
21
М., архив,
табл.47

22
М., архив,
табл.39

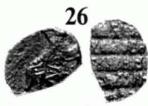
23
М., архив,
табл.49

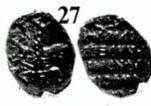
24
М., архив, табл.50
(вар. по оборотной
стороне)

25
М., архив, табл.50
(?) (об.штемпель
плох. сохранности)

26
М., архив,
табл.50

27
М., архив,
табл.52

28
М., архив,
табл.53

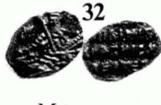
29
М., архив,
табл.56

30
М., архив,
табл.61

31
М., архив, табл.61
(вар. по оборотной
стороне)

32
М., архив,
табл.63

33
М., архив, табл.63(?)
(об.штемпель плох.
сохранности)

34
М., архив,
табл.66

35
М., архив,
табл.67

36
М., архив,
табл.69

37
М., архив, табл.71

38
М., архив, табл.74

39
М., архив, табл.75

40
М., архив, табл.76

41
М., архив,
табл.79

42
М., архив,
табл.79 (вар.
по оборотной
стороне)

43
М., архив,
табл.79(?)
(об.штемпель
плох.
сохранности)

44
М., архив,
табл.80

Таблица 3

45
М., архив,
табл.86

46
М., архив,
табл.91

47
М., архив,
табл.92

48
М., архив,
табл.93

49
М., архив,
табл.94

50
М., архив, табл.94
(вар. по оборотной
стороне)

51
М., архив, табл.94
(вар. по оборотной
стороне)

52
М., архив, табл.94
(обштемпель плох.
сохранности)

53
М., архив,
табл.95

54
М., архив,
табл.96

55
М., архив,
табл.97

56
М., архив,
табл.98

57
М., архив,
табл.99

58
М., архив,
табл.100

59
М., архив,
табл.92/104

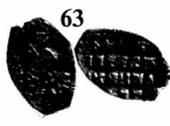
60
М., архив,
табл.101

61
М., архив,
табл.104

62
М., архив,
табл.101/106

63
М., архив, табл.105
(вар. по оборотной
стороне)

64
М., архив, табл.101
(вар. по оборотной
стороне)

ОПИСАНИЕ СОСТАВА КЛАДА

№№ по порядку	№№ по фототаблице	Денежный двор	Знак двора	Ссылка на схему соотношения штемпелей	Количество
1	1	Старый Московский	М/о	М., 1965, табл., 1 (вар. по лиц. и об. сторонам)	1
2	2	То же	М/о	М., 1965, табл., 10	1
3-5	3	То же	М/о	М., 1965, табл., 11	3
6-16	4	То же	М/о	М., 1965, табл., 12	11
17-22	5	То же	М/о	М., 1965, табл., 14	6
23	6	То же	М/о	М., 1965, табл., 15	1
24-25	7	То же	М/о	М., 1965, табл., 17	2
26	8	То же	М/о	М., 1965, табл., 28	1
27	9	То же	М/о	М., 1965, табл. 28 (вар. по лиц. и об. сторонам)	1
28	10	То же	М/о	М., 1965, табл., 54	1
29	11	То же	М/о	М., 1965, табл. 54 (вар. по лиц. и об. сторонам)	1
30	12	То же	М/о	М., 1965, табл., 58	1

№№ по порядку	№№ по фототаблице	Денежный двор	Знак двора	Ссылка на схему соотношения штемпелей	Количество
31-53		То же	М/о	разные, плохой сохранности	23
54	13	Новый («Английский»)	МД	М., 1965, табл., 34	1
55-56		То же	МД	Разные, плохой сохранности	2
57	14	Кукенойский (Царевичев Дмитриев)	ЦД	М., 1964, рис.2, № 5	1
58-59	15	То же	ЦД	М., 1964, рис.2, №12	2
60	16	То же	ЦД	М., 1964, рис.2, № 23	1
61-64		То же	ЦД	разные, плохой сохранности	4
65	17	Псковский	П	М., архив, табл., 5	1
66-67	18	То же	П	М., архив, табл., 7	2
68	19	То же	П	М., архив, табл., 25	1
69	20	То же	П	М., архив, табл. 26	1
70-71	21	То же	П	М., архив, табл., 47	2
72-80	22	То же	П	М., архив, табл., 39	9
81	23	То же	П	М., архив, табл., 49	1
82	24	То же	П	М., архив, табл., 50 (вар. по оборотной стороне)	1

№№ по порядку	№№ по фототаблице	Денежный двор	Знак двора	Ссылка на схему соотношения штемпелей	Количество
83-84	25	То же	П	М., архив, табл., 50(?) (об. штемпель плох. сохранности)	2
85-86	26	То же	П	М., архив, табл., 50	2
87-88	27	То же	П	М., архив, табл., 52	2
89-91	28	То же	П	М., архив, табл., 53	3
92	29	То же	П	М., архив, табл., 56	1
93	30	То же	П	М., архив, табл., 61	1
94	31	То же	П	М., архив, табл., 61 (вар. по оборотной стороне)	1
95	32	То же	П	М., архив, табл., 63	1
96-97	33	То же	П	М., архив, табл., 63(?) (об. штемпель плох. сохранности)	2
98-100	34	То же	П	М., архив, табл., 66	3
101	35	То же	П	М., архив, табл., 67	1
102	36	То же	П	М., архив, табл., 69	1
103	37	То же	П	М., архив, табл., 71	1
104	38	То же	П	М., архив, табл., 74	1
105	39	То же	П	М., архив, табл., 75	1
106	40	То же	П	М., архив, табл., 76	1
107-112	41	То же	П	М., архив, табл., 79	6
113	42	То же	П	М., архив, табл., 79 (вар. по оборотной стороне)	1
114-117	43	То же	П	М., архив, табл., 79(?) (об. штемпели плох. сохранности)	4

№№ по порядку	№№ по фотогалице	Денежный двор	Знак двора	Ссылка на схему соотношения штемпелей	Количество
118-120	44	То же	П	М., архив, табл., 80	3
121	45	То же	П	М., архив, табл., 86	1
122	46	То же	П	М., архив, табл., 91	1
123-126	47	То же	П	М., архив, табл., 92	4
127	48	То же	П	М., архив, табл., 93	1
128-169	49	То же	П	М., архив, табл., 94	42
170	50	То же	П	М., архив, табл., 94 (вар. по оборотной стороне)	1
171	51	То же	П	М., архив, табл., 94 (вар. по оборотной стороне)	1
172-175	52	То же	П	М., архив, табл., 94 (об. штемпель плох. сохранности)	4
176-181	53	То же	П	М., архив, табл., 95	6
182-195	54	То же	П	М., архив, табл., 96	14
196	55	То же	П	М., архив, табл., 97	1
197-204	56	То же	П	М., архив, табл., 98	8
205-237	57	То же	П	М., архив, табл., 99	33
238-239	58	То же	П	М., архив, табл., 100	2
240-242	59	То же	П	М., архив, табл., 92/104	3
243-246	60	То же	П	М., архив, табл., 101	4
247-248	61	То же	П	М., архив, табл., 104	2
249	62	То же	П	М., архив, табл., 101/106	1
250	63	То же	П	М., архив, табл., 105 (вар. по оборотной стороне)	1

№№ по порядку	№№ по фототаблице	Денежный двор	Знак двора	Ссылка на схему соотношения штемпелей	Количество
251	64	То же	П	М., архив, табл., 101 (вар. по оборотной стороне)	1
252-253		То же	П	М., архив, табл., 101-105 (плохой сохр.)	2
254-389		То же	П	Плохой сохранности неопределенные по штемпелям	136
390-444	Копейки разных денежных дворов плохой сохранности				55

Некоторые аспекты изучения денежной реформы 1654—1663 г. (реформы Алексея Михайловича)

Денежное обращение в любом государстве является прямым производным состоянием экономики государства и его социально-политического устройства, оказывающим обратное воздействие на жизнь этого государства, а денежное хозяйство и обслуживающие его институты — важнейшим звеном государственного механизма. Денежные реформы, как правило, проводятся в переломные моменты истории страны. Они оформляют глубинные изменения, произошедшие в экономике, политике, социальной сфере.

Под этим углом зрения я хотела бы рассмотреть некоторые аспекты изучения одной денежной реформы — реформы Алексея Михайловича 1654—1663 гг., на мой взгляд, одной из наименее понятых весьма многочисленными исследователями.¹

Любое исследование этой и иной русской денежной реформы не будет корректным без учета специфики русского денежного хозяйства, что даже обусловило выделение «русской нумизматики» в особый раздел нумизматической науки.

Ряд важнейших факторов определили специфические особенности русского денежного обращения.

Прежде всего — это географическое положение страны: изоляция от важнейших международных торговых путей, промежуточное положение между Азией и Европой, огромная протяженность тер-

¹ *Базилевич К. В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936; *Спасский И. Г.* Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654–1663 гг. // Археографический ежегодник за 1959. М., 1960; *Мельникова А. С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989; *Зверев С. В.* К истории русских денежных реформ 1654—1663 гг. // Труды ГИМ. Вып. 139. Патриарх Никон и его время. Сборник научных трудов. М. 2004. С. 108—143.

ритории с редким населением и множеством безлюдных пространств. Политическое устройство Русского государства — самодержавная власть — также наложило свой отпечаток на денежное хозяйство. Государственная монополия на чеканку монеты начиная с денежной реформы Елены Глинской 1535—1538 г. смогла обеспечить единство монетного типа, весовой нормы и пробы русской монеты задолго до полной победы централизации государственной власти в стране.

Но главной, определяющей спецификой русского денежного дела была его полная зависимость от привозного сырья. Проблема монетного сырья была неизменно острой для русского правительства от древнейших времен до середины XIX века. Промышленная добыча драгоценных металлов в России началась в середине XVIII в., но она еще долго не могла полностью удовлетворить нужды денежного производства.² Денежный металл, главным образом в виде иностранной серебряной и золотой монеты, доставлялся внешней торговлей и зависимость русского денежного дела от внешнеполитической конъюнктуры отчетливо прослеживается даже в новое время. К сожалению, ни наши экономисты, ни историки не обращали должным образом внимания на такой аспект изучения русской внешней торговли и внешней политики.

Следует заметить, что изучение истории денежных реформ в России также должно ориентироваться на проблемы сырья. Даже если начинать с реформы Елены Глинской, нельзя не заметить, что глубинной причиной ее проведения была появившаяся с начала XVI в. возможность обеспечения денежного дела сырьем — западноевропейскими талерами, массовое производство которых началось в Европе с XVI в., а импорт в Россию — в первой трети XVI в.³ Давно назревшие внутренние причины — необходимость унификации денежного хозяйства, ликвидация пережитков феодальной раздробленности и пр. — определились уже к концу XV в., но кризис серебряного производства в Европе до начала XVI в, пока не заработали серебряные рудники в Чехии, держал Московию на голодном пайке. Этим и объясняется и массовое обрезание монет в первой трети XVI в., и повальное «воровство» — изготовление фальшивых денег, и передача откупщикам (денежным мастерам) чеканки монет при наличии «государевых» денежных дворов. И лишь появление в достаточном количестве нового сырья — талеров — создали возможность для проведения реформы.

Арахаический вид русских денег (проволочная техника, ручная чеканка, крайний лаконизм изобразительных средств) также следует объяснять проблемой монетного сырья в России. Талеры — круп-

² Юхт А. И. Русские монеты от Петра Великого до Александра Первого. М. 1994.

³ Потин В. М. Талеры на территории Русского государства в XVI—XVII // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977, С. 50—104.

ные серебряные красивые монеты, служившие международной валютой, — прекрасно знали в России, но здесь они служили только товаром, который покупали (= меняли) на экспортные товары (лен, пеньку, лес, рогожи, сало, поташ, воск, меха), с тем, чтобы затем превратить их в сырье для чеканки или для ювелирного производства. Казне было выгодно покупать талеры по полтине (50 копеек) за штуку и делать из одного талера 64 копейки (середина XVII в.). В XVI в. несколько иное соотношение тоже было в пользу казны. Ручной труд и скромное оформление монетного поля делали производство монет крайне дешевым. Все это, вместе взятое, способствовало консервации архаического русского монетного производства, сохранению в обращении проволочной копейки и счетных единиц.

Разумеется, жизнь настоятельно требовала отказа от устаревших проволочных копеек, перехода к общеевропейским стандартам, но здесь уже вступали в силу иные факторы. Для глобальных перемен в денежном деле нужны были запасы монетного сырья, а русская внешняя торговля могла получать его только через северо-западные города (Псков, Новгород, Мурманский берег), где хозяевами положения были прибалтийское купечество и шведы, или через Архангельск, функционирующий исключительно в летние месяцы. Настойчивая борьба за выход к Балтике и Черному морю, как известно, увенчалась успехом только в XVIII в.

В XVII в. проблема сырья для России стала особенно острой. Были сугубо национальные проблемы — полная изоляция от Балтики после Столбовского мира 1617 г., турецкая агрессия на юге, тяжелейшие последствия Смуты. На эти местные проблемы накладывались общеевропейские. Тридцатилетняя война (1618—1648) нарушила импорт серебра в Россию (письменные источники напрямую связывают прекращение привоза серебра в Новгород и Псков в конце 20-х гг. XVII в. с войной в «немецких городах»). Англо-голландская война 1652—1654 г. нанесла ущерб торговле серебром, в которой было задействовано более всего голландское купечество, и обороты архангельской торговли сократились. Другим фактором стала «революция цен» в Европе, которая сделала серебро чрезвычайно дешевым металлом, и русская внешняя торговля должна была значительно увеличить объемы импортируемой продукции для получения взамен ее необходимого количества серебра. Русская экономика, не ориентированная на рынок и товарное производство, оказалась в затруднительном положении. Заметнее всего это сказалось на состоянии русской монеты. Начиная с 1613 г. копейка уменьшилась в весе, в 1627 г. снизилась её проба, было отменено право частного заказа, а затем начался процесс систематического снижения веса, вплоть до последнего понижения в 1698 г. до 0,28 г. Однако все это нужно было как-то

увязывать с теми прокламативными требованиями, которые предъявляла монете абсолютистская власть. Монета должна была быть достойной визитной карточкой государства, что было просто не под силу крохотной проволочной копейке.⁴

Причины денежной реформы 1654—1663 гг. традиционно ищут на трех направлениях: необходимости удовлетворить фискальные интересы казны, особенно возросшие в связи с русско-польской войной за Украину (1653—1667); в острой нужде в преобразовании архаической русской денежной системы по западноевропейскому образцу; и облегчения экономического слияния с украинскими и белорусскими землями, вошедшими в состав Русского государства, ранее пользовавшимися польской (= западноевропейской) монетой. Действительно, все эти причины имели место, необходимость преобразований назрела. Но имелся еще один фактор, на мой взгляд самый существенный, и связан он был с проблемой сырья.

Уже говорилось о «революции цен» в Европе и связанным с нею удешевлением серебра, что для России обернулось увеличением поставок экспорта, к чему она не была готова. К тому же серебро доставлять через русские пограничные города было затруднительно из-за «прибалтийского барьера». Все это рассуждения априорные, так как сколько-нибудь детальных исследований динамики ввоза серебра в Россию в XVII в. не существует.

Зато хорошо известно о широких поставках меди из Швеции, для которой медь и железо были главными статьями экспорта. В России Швеция нашла очень емкий и выгодный рынок сбыта. Медью торговали казна, медь везли крупные и мелкие торговцы через шведские владения на северо-западе России — Ижорскую землю и Корельский уезд.⁵ Можно сделать предположение, что русское правительство решило заменить серебряное сырье медным.

В пользу такого мнения свидетельствует грамота от 12 июня 1654 г., где перечисляются номиналы от рубля до алтына, которые предполагается чеканить из меди — по 10 рублей из фунта. Правда, далее в той же грамоте сообщается о чеканке серебряных рублей и полуполтинников согласно указу царя от 7 июня.⁶ Видимо, грамота от 12 июня 1654 г. отразила первоначальный вариант о полной замене серебра медью, который вскоре был заменен компромиссным — чеканкой из серебра двух из пяти запланированных номиналов. Коле-

⁴ Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого.

⁵ Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. Сборник документов. М., Л., 1960; Шаскольский И.П. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. СПб, 1994; Мельникова А.С. См. статью «О чеканке «Нефедки в Свее...» в настоящем сборнике; Зведев С.В. Денежное обращение в Кексгольмском лене в первой половине XVII в.//Труды ГИМ. Вып.133. Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М. 2002. С.175—199.

⁶ РГАДА, Разрядный приказ, Севский стол, ф. 210, стб.157, л. 71.

бания в выборе серебряного сырья, как и окончательный набор номиналов 1654 г., отражают, по всей видимости, попытку кардинально решить проблемы с сырьем для чеканки русских монет. Но даже отказавшись от чеканки всех номиналов из меди, правительство значительно сократило объем серебряного сырья для чеканки рублей и четвертин (полуполтинников) — они чеканились по весовой норме, почти вдвое уменьшенной против веса рубля, представленного серебряными копейками (рубль 1654 г. весил 27—28 г, счетный дореформенный рубль — 0,45—0,47 г). Это был первый этап в переходе к чеканке монет по принудительному курсу; тем более это относится к полтинке, гривеннику, алтыну, чеканенным из меди.

Письменные источники свидетельствуют, что население не приняло новых монет («тарелей») и это послужило, по мнению исследователей, причиной отказа от их чеканки в 1654 г., и переходу к выпуску в 1655 г. «ефимков с признаком» (талеров с надчеканкой копеечного штемпеля и даты «1655», приравненных по ценности к 64 серебряным проволочным копейкам). Но уже осенью 1655 г. началась чеканка проволочных копеек из меди, по технике, весу и дизайну идентичных традиционным русским проволочным серебряным копейкам. Население «возлюбило» эти копейки⁷, несмотря на то, что медь была в 60 раз дешевле серебра, несмотря на то, что медные монеты были откровенно монетой с принудительным курсом.

Исследователи много и совершенно справедливо пишут о просчетах и ошибках инициаторов реформы, которым были неведомы законы денежного хозяйства, из-за чего денежная реформа потерпела крах. И просчеты были, и, видимо, безграмотность тоже имела место. Но не было ли и еще несчастного стечения обстоятельств, сыгравшего роковую роль в судьбе реформы, что исследователи не принимают в расчет?

О серьезности намерений правительства перейти на медное сырье для чеканки денежных знаков, предназначенных для внутреннего рынка, говорят многие действия, предпринятые в 1654—1655 г. Если чеканку серебряных проволочных копеек осуществлял единственный государственный денежный двор в Москве — Кремлевский, он же Старый Московский денежный двор, то для чеканки медных проволочных копеек осенью 1655 г. открывались дополнительные денежные дворы в Новгороде и Пскове, открытый в 1654 г. Новый Московский («Английский») денежный двор тоже начал чеканить медные копейки, и, наконец, к этому же делу подключился Старый Московский двор. В 1655—1656 гг. медные копейки чеканили четыре денежных двора. Судя по данным письменных источников, свидетельствующих об отсутствии лажа на медные и серебряные деньги,

⁷ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 1906. С. 101-102.

медные копейки с принудительным курсом внутри собственно России были приняты сравнительно спокойно. Впрочем, население принялось усердно зарывать клады с дореформенными монетами, что сопровождало обычно каждую денежную реформу.

В 1656 г. началась русско-шведская война. В первый же год войны русские войска присоединили к России часть территории бывшей Лифляндии, расположенную по нижнему течению р. Западной Двины, и едва не взяли Ригу. Именно здесь Россия получила выход на Балтику, что было закреплено Валиесарским перемирием 1658 г.

В Россию хлынул поток меди, которую теперь свободно провозили через вновь присоединенные территории русские и шведские купцы, хотя обеспокоенное бесконтрольной торговлей шведское правительство объявило королевскую монополию на вывоз меди. Видимо, эта монополия не очень соблюдалась до 1661 г., пока Кардисский мир не вернул Швеции все завоеванные Россией лифляндские земли. Но период с 1656 до 1661 г. был временем расцвета русско-шведской торговли медью; особое оживление наступило после 1658 г.

Я оперирую здесь исключительно данными нумизматики, которые дают основание видеть, что до рубежа 50-60 х гг. XVII в. русское денежное производство переживало подъем. Псковский денежный двор, который должен был снабжать монетной продукцией пограничные с Россией территории, выпускал монеты с многозначительной символикой. Вместо безликого ездца (всадника с копьём) на псковских копейках изображался государь во всем блеске его могущества (насколько позволяло крошечное поле монеты) — всадник в царском венце и одеянии, со скипетром в руках, а на оборотной стороне лаконичную надпись (« царь и великий князь А.М. всея Руси») заменила пространная легенда с перечислением вновь присоединенных территорий — «Государь царь и великий князь А.М. всея Великия и Малыя и Белья Руси самодержец». ⁸ Более того. В важной стратегической крепости на Западной Двине, городе Кокнесе (Кукнойс, Куконауз, переименованный русскими в Царевичев-Дмитров город), был открыт денежный двор. Двор этот тоже выпускал медные проволочные копейки с пространной легендой, сообщающей о Руси Великой, Малой и Белой. Монеты Куkenойского двора также были ориентированы на внешний рынок. ⁹

Учреждение в Куkenойсе в 1658 г. денежного двора, расширение территории Псковского денежного двора и заметное увеличение его штата в том же году, устройство в Москве еще одного денежного

⁸ Мельникова А.С. Псковский и Новгородский денежные дворы в середине XVII в. // Нумизматика и эпиграфика. VIII. М., 1970. С. 108—122; См. также статью «Клад медных монет XVII в. из Пскова» в настоящем сборнике.

⁹ Мельникова А.С. О чеканке монет в Куkenойсе в середине XVII в. // Советская археология. М., 1964, № 3. С. 141-148.

двора — Нового Дворцового, видимо, тоже в 1658 г.¹⁰ — все это факты, свидетельствующие о бурном расцвете денежного производства в России в эти годы. Они же служат показателем тесной зависимости русского денежного производства от состояния внешней торговли, от возможности ее снабжать сырьем денежное дело.

Казалось бы, стратегическая задача денежной реформы была решена: благодаря шведской меди, в изобилии и без особых препятствий поступающей на русский рынок, снималась острота проблемы с сырьем, которое к тому же было значительно дешевле серебра. Русское население на первых порах в целом спокойно приняло медные копейки с принудительным курсом. Но именно в этом изобилии сырья и заключался тот просчет инициаторов реформы, который свел на нет все видимые ее достижения. Перепроизводство медных копеек породило их инфляцию. Это обстоятельство заметил уже в 1661 г. проницательный немец Мейерберг¹¹; впрочем, в 1661 г. развитие событий не оставляло иллюзий в благополучном исходе реформы. К официальному перепроизводству копеек добавилась извечная российская беда — повальное воровство. Началось массовое производство фальшивых («воровских») копеек. Этим грешили городские и сельские жители, у себя на дворах устраивающие мини-денежные дворы — ведь при ручной примитивной технике чеканки это было несложно, к тому же широко продавались «глаткие» копейки — медные заготовки для чеканки. Денежные мастера на своих рабочих местах чеканили деньги «на себя», тайком пронося медь (известны находки кладов медных копеек, спрятанных в помещении денежного двора, обнаруженные при раскопках Дворцового денежного двора в Романовом переулке). Воровала администрация денежных дворов, возами доставляя свою медь и приказывая мастерам чеканить копейки тоже «на себя». Воровали высшие царские чиновники, получая «посулы» от администрации денежных дворов. Обо всем этом имеются множество показаний письменных источников.

Вторым просчетом реформаторов было использование медных копеек в качестве денежного жалованья служилым людям на театре военных действий на Украине и в Белоруссии (напомним, что с 1653 по 1667 г. шла русско-польская война). Русские ратные люди брали медные проволочные копейки, но местное население не желало ничего на них продавать. Казацкие войска просто отказы-

¹⁰ Кренке Н.А., Сельникова А.С., Зайцев В.В. Новый Дворцовый Денежный двор в Москве XVII в. / Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000, С.158-185.

¹¹ Путешествие в Россию барона Августина Мейерберга ... в 1661 г., описанное самим бароном Мейербергом. // История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII-XX. Утверждение династии. М., 1997. С. 160-161.

вались принимать эти деньги в качестве денежного жалованья.¹² Результатом были измены казачьих военачальников, голод и разброд в действующей армии.

Угрожающие симптомы начала кризиса денежного обращения проявились к концу 50-х гг., одним из наиболее заметных проявлений которого стал лаж на серебряные и медные копейки. Тогда же правительство стало собирать серебро в казну, чтобы создать базу для оздоровления денежного хозяйства (введение монополии на продажу наиболее ходовых экспортных товаров, сбор казенных платежей исключительно серебром).

Окончательный удар по реформе нанесло изменение внешнеполитической конъюнктуры. Закрепить успехи в Лифляндии не удалось и в 1661 г. все завоеванные земли пришлось вернуть Швеции. Шведское правительство ужесточило монополию на вывоз меди и русское денежное дело сразу стало испытывать дефицит сырья. В ход пошла бытовая медная утварь. Денежные дворы не получали сырья и мастера «без дела сидели». Медные копейки окончательно были скомпрометированы. Народные волнения в Пскове, «Медный бунт» 1662 г. поставили точку в неудачной попытке реорганизовать русское денежное дело и оно вернулось после 15 июня 1663 г. к традиционной серебряной копейке, которая с трудом доживала свой век, все более и более затрудняя экономическое и политическое развитие страны.

Денежная реформа была одной из самых первых в системе преобразований Петра I. Её содержание и конечная цель были, в сущности, идентичны реформе Алексея Михайловича — переводение русского денежного дела на общеевропейские стандарты, замена дорогостоящего серебра более дешевым сырьем, что достигалось снижением пробы серебряных монет и широким использованием меди. Правда, методы и темпы проведения реформы были уже совершенно иными. В результате страна получила вполне современную для начала XVIII в. денежную систему, сохранив все национальные традиции отечественного денежного дела. Успех реформы был обусловлен решением сырьевой проблемы. Победа в Северной войне обеспечила России выход на Балтику, основание Петербурга и возвращение бывших в шведском владении Ингермландии и Корельского уезда создали благоприятные условия для развития внешней торговли с западными странами. Развитие металлургической промышленности на Урале разрешило в первую очередь проблему сырья для чеканки меди.¹³

¹² *Рябцевич В.Н., Титок В.А.* Русская монетная медь в кладах Белоруссии и Украины. // Древности Белоруссии. Доклады к конференции по археологии Белоруссии (март 1969 г.) — Минск, 1969. С. 23, 24.

¹³ *Юхт А.И.* Русские монеты от Петра Великого до Александра Первого.

Список сокращений

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической комиссией.

АЕ — Археографический ежегодник.

АМГ- Акты Московского государства.

Архив ЛОИА — Архив Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) отделения Института истории РАН.

БОМ — Брянский областной музей *

ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины.

ВЛМ — Великолукский музей.

В.,М., 1999 — Векслер А. Мельникова А. Российская история в московскихкладах. М., 1999.

ВОКМ — Вологодский областной краеведческий музей.

ВУМ — Великоустюжский музей.

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.

ГИМ — Государственный Исторический музей.

Г.,К. — Гришин И.В., Клешинов В.Н. Каталог русских средневековых монет времени правления царя Михаила Федоровича (1613-1645). М.2001.

Г.,К.,2004 — Гришин И.В., Клешинов В.Н. Дополнение к Каталогу русских средневековых монет с 1533 по 1645 гг./ Нумизматика. Март 2004. С. 23-30.

ГМ — Галичский музей (Костромская обл.)

ГЭ — Государственный Эрмитаж.

ДАИ — Дополнение к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией.

ДАК — Дела Археологической комиссии.

*Здесь и далее сокращенные названия музеев произвольно образованы из начальных букв города и музея. Они ни в коем случае не совпадают с учетными шифрами музейных собраний. Исключение составляют только Государственный Исторический музей (ГИМ) и Государственный Эрмитаж (ГЭ)

Данилевич — Данилевич В.Е. Заметки по археологии и нумизматике. Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. XVI. Харьков. 1905.

ДМ — Дмитровский музей.

ЗМ — Звенигородский музей.

ИАК — Известия Археологической комиссии.

ИЗ — Исторические записки

Изв. АН СССР — Известия Академии Наук СССР.

Ильин — Ильин А.А. Топография кладов древних русских монет X-XI вв. и монет удельного периода / Труды Нумизматической комиссии Российской Академии истории материальной культуры. Л. 1924.

КОК — Костромской областной музей.

КОМ, он же **ТКМ** — Калининский (он же Тверской) краеведческий музей.

Клочков, 1998 — Клочков К.В. Неизданные русские монеты XVI-XVII вв./ Труды ГИМ. Вып. 98. Новейшие исследования в области нумизматики. Нумизматический сборник. Часть XIII. М. 1998. С. 84-94.

Клочков, 2001 — Клочков К.В. Редкие и неизданные типы русских монет XVI-XVII вв./ Труды ГИМ. Вып. 115. Нумизматика в Историческом музее. Нумизматический . сборник. Часть XIV. М.2001. С.203-229.

КМ — Клинский музей.

КРМ — Каталог Рязанского музея. Отдел нумизматический. Вып. 1. Составил А.И.Черепнин. Рязань. 1894.

Латв, ЛГМ — Государственный музей истории Латвии.

Л.о. — Ленинградская область.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

МИРМ — Музей истории и реконструкции Москвы (ныне — Музей истории Москвы).

М., архив — Мельникова А.С. Таблицы соотношения штемпелей медных копеек времени денежной реформы 1654-1663 г. (Псковский и Новгородский денежные дворы) хранящиеся в архиве Отдела нумизматики ГИМ.

М., 1964 — Мельникова А.С. О чеканке монет в Куkenойсе в середине XVII в./ Советская археология. 3. 1964.

М., 1965 — Мельникова А.С. Старый Московский денежный двор во время денежной реформы 1654- 1663 / Археграфический ежегодник за 1964 г. М. 1965.

М., 1980 — Мельникова А.С. Монетные клады времени Ивана Грозного / Труды ГИМ. Вып. 50. Монетные клады собрания Государственного Исторического музея. Нумизматический сборник. Часть шестая. М.1980.

М., 2003 — Мельникова А.С. Русские монетные клады рубежа XVI-XVII вв. Киев. 2003.

М.,т. — Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989. Таблицы.

М.,д.,1998 — Мельникова А.С., Дядченко О.С. Сводка кладов с русскими монетами, поступившими в ОН ГИМ в 1989-1993 гг./ Труды ГИМ. Вып. 98. Новейшие исследования в области нумизматики. Нумизматический сборник. Часть XIII. М., 1998.

МНО — Московское нумизматическое общество.

М.о. — Московская область.

МОИДР — Московское общество истории и древностей российских.

М.,м., 1955-1958 - Мец Н.Д., Мельникова А.С. Клады монет, зарегистрированные Государственным Историческим музеем в 1955-1958 гг./Ежегодник Государственного Исторического музея. М. 1960.

М.,м., 1959 — Мец Н.Д., Мельникова А.С. Клады монет, зарегистрированные Государственным Историческим музеем за 1959 г./Ежегодник Государственного Исторического музея за 1959 г. М. 1961.

МРМ — Музей истории Риги и мореходства.

М.,ф/т. — Мельникова А.С. Русские монеты Ивана Грозного и Петра Первого. М.1989. Фото-таблицы.

НМ — Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник.

НС — Нумизматический сборник.

НЭ — Нумизматика и эпиграфика.

НЭ XIII — Мельникова А.С. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича (1533-1584)/Нумизматика и эпиграфика. XIII. М., 1980.

ОАК — Отчеты Археологической комиссии.

ОН — Отдел нумизматики.

Ор.М — Орловский музей.

П.-ЗМ — Переславль-Залесский музей.

ПОКМ — Псковский областной краеведческий музей.

ПСКМ, ПСК — Псковский историко-архитектурный музей-заповедник.

ПСЗ — Полное собрание законов.

П.,1967 — Потин В.М. Пулковский клад талеров XVII в. / Сообщения Государственного Эрмитажа. Л. 1967.

П.,1974 — Потин В.М. Скандинавские монеты на территории Русского государства русские монеты в Скандинавии в XVI-XVII в. / Скандинавский сборник. Таллин. 1974. XIX.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

РШЭО — Русско-шведские экономические отношения. Сборник документов.

Рябцевич — Рябцевич В.Н. Денежное обращение и клады на территории Чернигово-Северской земли и Восточной Белоруссии в XVI в. / Нумизматика и сфрагистика. 3. Киев. 1968.

СГГид — Собрание государственных грамот и договоров.

СГМ — Солигаличский музей.

С-ВАО — Северо-Восточный округ, Москва.

СК — Советский коллекционер.

СОМ — Смоленский музей

С., 1979 или **Сотникова, 1979** — Сотникова М.П. Материалы к топографии находок русских монет, зарегистрированные в Эрмитаже в 1948-1974 годах./ Русская нумизматика XIV-XX веков. Материалы и исследования. Л. 1979.

С., С., 1079 — Сотникова М.П., Спасский И.Г. Русские клады слитков и монет в Эрмитаже./Русская нумизматика XI-X веков. Материалы и исследования. Л., 1979.

Спаский — Спасский И.Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 гг./ Материалы и исследования по археологии СССР. № 44. М. 1955.

ТМ или **ТВМ** (он же **КОМ**) — Тверской (в прошлом Калининский) музей.

ТКМ — Тарногский краеведческий музей.

ТОКМ — Тульский областной краеведческий музей.

ТРУАК — Труды Рязанской ученой комиссии.

Фасмер, список I — Фасмер Р.Р. Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики ГАИМК в 1920-1925 гг./ Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1926. № 1.

Федоров — Федоров А.Ф. Монетные клады Рязанской губернии. Спасск. 1928.

ЦАИ — Центр археологических исследований, Москва.

ЦАО — Центральный административный округ, Москва.

ЭСТ — Отдел нумизматики Института истории Эстонии.

ЯКМ, ЯРМЗ — Ярослав-Ростовский музей-заповедник.

Вр.хр. — временное хранение

д. — дело.

зол. — золотник

л. — лист.

М.н. — место находки.

М.хр. — место хранения.

н.с. — новая серия.

стб — столбец.

у. — уезд.

Ф. — фонд.

ф. — фунт

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
К вопросу о Псковском денежном дворе на рубеже XVI—XVII вв.	8
Спорный вопрос о месте чеканки «западных» копеек с именами Ивана IV и Федора	71
О чеканке «Нефедки в Свее» или денежное обращение в Ижорской земле и Корельском уезде при шведах после 1617 г.	100
Русское денежное обращение и деннинги	162
«Воровские» деньги в России в XVI— XVII вв.	198
Уложение 1649 г. и денежное дело при царе Алексее Михайловиче	233
Клад времени Алексея Михайловича с Большой Полянки (Опыт определения владельца клада)	250
Клад медных монет XVII века из Пскова	265
Некоторые аспекты изучения денежной реформы 1654 — 1663 гг. (реформы Алексея Михайловича)	307
Список сокращений	315
Оглавление	319

Государственный Исторический музей

Мельникова Алла Сергеевна

**Очерки по истории русского денежного обращения
XVI—XVII веков**

Главный редактор Д.К. Никитин
Художник В.И. Барышев
Оформление и вёрстка В.В. Мороз
Корректор С.В. Петров

На форзаце:

«Царь Иван Грозный показывает сокровища английскому послу Горсею».
А.Д. Литовченко. 1875 г. ГРМ.

Подписано в печать 27.02.2005. Формат 60 x 90/16 Бум офсетная. Печать офсетная. Заказ № 362

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука» 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ООО «Издательство Стрелец»

Тел. 8-903-221-31-09

E-mail: nikitink@dubki.ru

Продажа книг в Москве:
магазин «Нумизмат», Гончарный пр-д, 8/40
тел. (095) 915-65-42, 915-65-63

ISBN 5-89409-035-0

9 785894 090351 >

